

Министерство образования Российской Федерации
Волгоградский государственный педагогический
университет

О. А. ЛЕОНТОВИЧ

РОССИЯ *и* США

ВВЕДЕНИЕ В МЕЖКУЛЬТУРНУЮ КОММУНИКАЦИЮ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Волгоград
«Перемена»
2003

ББК 87.667
Л 477

Издание осуществлено при поддержке правительства США.

Рецензенты:

С. Г. Тер-Минасова, д-р филол. наук, засл. профессор МГУ, лауреат Ломоносовской и Фулбрайтовской премий, президент Национального Объединения Преподавателей английского языка (НОПАЯз), президент Национальной ассоциации прикладной лингвистики;

И. А. Стернин, д-р филол. наук, профессор, зав. каф. общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета.

Леонтович О. А.

Л 477   Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию: Учеб. пособие. — Волгоград: Перемена, 2003. — 399 с.

ISBN 5-88234-618-5

В учебном пособии анализируются теория и практика межкультурной коммуникации между русскими и американцами: принципы взаимодействия лингвокультур, компоненты межкультурного общения, модели и механизмы их функционирования, а также понятие межкультурной трансформации. Рассматриваются различные виды вербальных и невербальных помех и предлагаются пути их преодоления.

Для студентов и аспирантов, специализирующихся в области иностранных языков, взаимоотношений с общественностью, международных отношений и т. д.

ББК 87.667

ISBN 5-88234-618-5

© О. А. Леонтович, 2003

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня, когда общение с представителями разных культур стало реальностью нашей каждодневной жизни, все более остро ощущается необходимость изучения межкультурной коммуникации как самостоятельной дисциплины. Межкультурная компетентность предполагает терпимость, открытость к новому знанию, умение выбрать верную тональность и средства общения, коммуникативную стратегию и форму саморепрезентации.

В настоящем пособии межкультурная коммуникация в самом общем виде определяется как непосредственный или опосредованный обмен информацией между представителями разных лингвокультур. Таким образом, учитываются закономерности не только прямого межличностного и межгруппового общения, но и осуществление межкультурной коммуникации в виртуальной форме, через посредство «информационной магистрали» (включая электронную почту, Интернет и прочие современные технологии).

Межкультурные изыскания находятся на стыке коммуникативистики, антропологии, этно-, социо- и психолингвистики, семиотики, психологии культуры, лингвокультурологии. К теории межкультурной коммуникации тесно примыкают исследования в сфере лингводидактики, герменевтики, лингвистической персонологии, этнориторики, когнитивного моделирования и т. д. То, что межкультурная коммуникация заставляет прислушиваться друг к другу ученых, которые прежде были склонны ревниво охранять границы своих дисциплин от «вторжения извне», пожалуй, является, самым большим ее достижением.

Концепция, которая лежит в основе пособия, построена на необходимости анализа межкультурного общения в контексте глобализации культуры, поиска оптимального баланса между лингвистическим многообразием и языковой интеграцией и сохранения уникальности отдельных лингвокультур. Человеческая способность к рефлексии, которая составляет основу человеческого познания и самопо-

знания, активизируется при столкновении с межкультурными различиями, тем самым способствуя осознанию собственной культурно-языковой идентичности и создавая предпосылки для развития личности.

Отличительные свойства культур могут по-настоящему проявиться только в сравнении с другими культурами. Выбор России и США в качестве объектов анализа обусловлен их сопоставимостью по размеру и влиянию в мире, широким распространением американского варианта английского языка и американской культуры, интенсивностью взаимодействия между русскими и американцами и острой необходимостью разработки эффективной системы коммуникации между двумя странами.

Учебное пособие предназначено, в первую очередь, для студентов факультетов иностранных языков – тех, кому по роду своей профессиональной деятельности предстоит стать посредниками в межкультурном общении. Цель издания — помочь студентам разобраться в многообразии факторов, действующих в коммуникативной системе, предоставить в их распоряжение инструменты, необходимые для успешного взаимодействия с представителями иных культур, помочь им обрести уровень языковой, культурной и коммуникативной компетенции, необходимый для оптимизации процесса межкультурного общения.

Структура учебного пособия позволяет логично построить курс преподавания. Теоретические главы сопровождаются практически заданиями и иллюстративным материалом, который призван помочь преподавателю сделать процесс обучения более живым, интересным и практически направленным, показать его применимость к реалиям современной жизни. Книга также включает терминологический глоссарий и обширную библиографию, отражающую состояние теории межкультурной коммуникации в России и за рубежом.

Обращаюсь со словами благодарности к проф. С. Г. Тер-Минасовой и проф. И. А. Стернину за ценные замечания и содействие при подготовке пособия. Кроме того, хочу выразить признательность Отделу культуры Посольства США, благодаря финансовой поддержке которого стало возможно издание этой книги.

ЧАСТЬ I

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОСОБЫЙ ТИП ОБЩЕНИЯ

Whether clear or garbled, tumultuous or silent, deliberate or fatally inadvertent, communication is the ground of meeting... It is, in short, the essential human connection.

Ashley Montagu and Floyd Matson

Глава I. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

§1. Истоки

Теория межкультурной коммуникации (МК) считается относительно новой областью исследований, хотя сами межкультурные контакты восходят к незапамятным временам. Пионерами МК считаются Александр Македонский, Чингисхан, Юлий Цезарь, Марко Поло, Христофор Колумб и др., причем, как известно из истории, для преодоления межкультурных различий нередко использовались насильственные меры.

Проблемы взаимодействия и взаимовлияния культур, соотношения культуры и языка, а также поиск оптимальных форм межкультурного общения всегда привлекали внимание исследователей. Задолго до того, как МК сформировалась в отдельную область знаний, многие вопросы, впоследствии ставшие для нее основополагающими, были разработаны такими учеными, как Аристотель, Г. Лейбниц, Вольтер, И. Гердер, И. Кант, Г. Гегель, В. Гумбольдт, Ф. Боас и др. Ниже мы рассмотрим позиции авторов, которые, с нашей точки зрения, внесли наиболее существенный вклад в теорию МК и чьи изыскания представляют наибольший интерес для ее дальнейшего развития.

Неотъемлемую часть "культурной грамотности" каждого современного специалиста в области коммуникативистики составляют взгляды Вильгельма фон Гумбольдта, которые дали толчок развитию многих направлений в языкознании и лингвокультурологии. Гумбольдтовское понятие духа народа как манифестации культуры получило множество разнородных интерпретаций в отечественной и зарубежной науке. В работах Гумбольдта мы находим истоки тех

идей, которые впоследствии были подхвачены и развиты другими авторами:

- о взаимовлиянии языка и мышления: "Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия" (Гумбольдт 1985: 349);

- о различиях в картинах мира, свойственных представителям разных языковых сообществ: "Разные языки — это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а *различные видения ее* (курсив мой. — О. Л.); и если вещь эта не является предметом внешнего мира, каждый [говорящий] по-своему ее создает, находя в ней ровно столько своего, сколько нужно для того, чтобы охватить и принять в себя чужую мысль" (Там же);

- о фильтрации информации в процессе восприятия окружающей действительности носителями разных языков и истоках внутренней формы языковых единиц: "Из массы неопределенного и бесформенного мышления слово вырывает известное количество признаков, соединяет их, сообщает им с помощью выбора звуков связь с другими родственными словами, а благодаря привнесению случайных побочных обстоятельств — образ и окраску и тем самым индивидуализирует" (Там же: 364);

- о национально-культурной специфике языков: "Дух, которым мы постигаем, сравниваем, упорядочиваем, рассматриваем, вчуже пронизывает все внутреннее творчество языка как некую окружающую его *инаковость*" (Там же: 365; курсив мой. — О. Л.);

- о роли языка в формировании национального характера: "...именно они [языки] первостепенным образом <...> определяют национальный характер" (Там же: 363);

- о соотношении в языке коллективного и индивидуального: "В языке мы всегда находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации <...> Только тогда, когда научное рассмотрение объединит характер народа во всех его независимых от языка проявлениях, субъективный характер индивидуальности, не зависящей от различных путей мысли и дела, и характер, которым обладают или который могут принимать языки, только тогда мы приблизимся к проникновению в то многообразие и единство, в котором сходится бесконечное и неисчерпаемое целое духовных устремлений" (Там же: 373);

• о теснейшей взаимосвязи языка, социума и индивида: "Каждый возраст, каждое сословие, каждый известный литератор и, если обратиться к тончайшим нюансам, даже любой духовно развитый человек формируется в чреве своей нации и, пользуясь своим родным общепонятным языком, соединяет с его словами индивидуализируемые и преобразуемые понятия, и таким путем всеми употребляемый язык мало-помалу вмещается в сокровенный круг тончайших изгибов мышления и восприятия индивида" (Гумбольдт 1985: 363);

• о расхождении в культурно-языковых кодах: "Языки — это иероглифы (курсив мой. — О. Л.), в которые человек заключает мир и свое воображение" (Там же: 349) и т. д.

Идеи Гумбольдта получили дальнейшее развитие в трудах Р. Раска, Я. Гримма, Г. Штейнтала, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртене, В. Вундта, Ш. Балли, А. Марти, Л. Вейсгербера, Ж. Вандриеса, Р. О. Якобсона и др. Развитию идей, связанных с взаимодействием культур, способствовали работы З. Фрейда (теория психоанализа), Ч. Дарвина (невербальная коммуникация), Ф. Самнера (этноцентризм) и т. д.

Американский лингвист и антрополог Эдвард Сепир и его ученик Бенджамин Ли Уорф разработали гипотезу лингвистической относительности, которая стала мощным толчком для развития дальнейших теорий, посвященных взаимосвязи языка и культуры. Гипотеза Сепира — Уорфа зиждется на следующих основополагающих принципах: 1) лингвистический детерминизм — идея о том, что грамматические и семантические категории языка формируют идеи и определяют характер мышления; 2) лингвистический релятивизм (лингвистическая относительность): в каждом конкретном языке заложены специфические особенности, отличающие его от других языков. Теория Сепира—Уорфа в своей "сильной" форме, утверждающая господство языка над мышлением, действиями и мировосприятием людей, в настоящее время отвергается большинством отечественных и зарубежных лингвистов и антропологов. Однако ее "слабая" форма, постулирующая тесную двустороннюю взаимосвязь между языком и культурой и пользующаяся несколько видоизмененным понятийным аппаратом, основанным на антропологии и обогащенным изысканиями в области лингвистики и психологии, продолжает оказывать серьезное влияние на развитие теории МК и позволяет по-новому подойти к разгадке ее тайн.

С идеями Сепира — Уорфа перекликаются положения европейского направления неогумбольдтианства (Л. Вейсгербер, I. Голц,

Г. Ипсен, П. Гартман и др.), которые рассматривают язык не как средство мышления, а как промежуточный мир между объективной действительностью и мышлением и трактуют произвольность языкового знака как результат произвола духа. Они исходят из положения о том, что мышление каждого народа имеет специфические национальные черты, вследствие чего его развитие целиком определяется имманентным развитием национального языка (Панфилов 1977: 23—25). Л. Вейсгербер отводит языку роль средства, вмещающегося в "духовное присвоение мира". Само концептообразование, с точки зрения Вейсгербера, осуществляется за счет "внутренних форм" языка, которые и определяют "стиль" этого присвоения, различный для разных языков, и соответственно формируют характер миропонимания (Телия 1996: 229).

Существенный вклад в теорию МК также внесли теория когнитивного развития Ж. Пиаже, с точки зрения которого ведущим фактором интеллектуального развития являются процессы социализации, и теория когнитивного стиля Уиткина. Большой резонанс имели труды антрополога М. Мид. Ее первая книга *"Coming of Age in Samoa"* (1928) произвела революцию в антропологии — в ней подчеркивалась преобладающая роль социальной среды, а не биологических факторов в формировании человеческого поведения. В более поздних работах, например в книге *"Male and Female"* (1949), описываются различия в поведении мужчин и женщин в разных культурах и подвергается сомнению общепринятая точка зрения о врожденных различиях в моделях их поведения.

§2. Выделение межкультурной коммуникации в самостоятельную область исследований

Антропологи, политологи, социологи, лингвисты разрабатывали различные аспекты взаимоотношений языка и культуры, однако реальные очертания теория МК получила лишь после Второй мировой войны в коммуникативистике США. Проблема МК впервые со всей остротой встала во время войны, когда представителям различных стран пришлось вместе решать проблемы мирового значения. Американцы, которые до тех пор придерживались изоляционистской политики, оказались перед необходимостью вступать в межкультурное общение. Именно тогда в США на государственном уровне были впервые созданы лингвисты, антропологи, специалисты в области коммуникации — Маргарет Мид, Рут Бенедикт, Джеффри Горер, Уес-

тон Ла Барр и др. — для того, чтобы объяснить межкультурные различия и "странное" поведение своих союзников (России и Китая) и врагов (Германии и Японии) 7 января 1948 г. в США был подписан так называемый закон Смита-Мундта об обмене информацией и культурой, который предписывал американскому правительству принимать меры, призванные содействовать лучшему взаимопониманию между американцами и народами других стран. В Европу были направлены военнослужащие, бизнесмены, советники, представители пропагандистских и информационных служб. В 1953 г. учреждено Информационное агентство США (USIA) — федеральное ведомство, основной задачей которого стало распространение информации о США за рубежом.

Одна из причин выделения МК в отдельную область исследования — разграничение научных понятий "речь" и "коммуникация". Основателем теории МК считается антрополог Эдвард Т. Холл, который относит себя к последователям Э. Сепира. Важной вехой стала публикация в 1959 г. книги Холла "Silent Language", где впервые подробно анализировалось взаимоотношение коммуникации и культуры, а позднее — его второй книги "The Hidden Dimension" (Hall 1966), посвященной восприятию времени и пространства в разных культурах, а также обоснованию важности межкультурного анализа. Определенный интерес представляют работы Г. У. Олпорта, анализирующие проблемы предрассудков, а также Ф. Р. Клакхон и Ф. Л. Стробека о культурных ценностях.

Теоретики МК взяли на вооружение разработанную американским психологом А. Маслоу (1956) холистически-динамическую теорию мотивации, важнейшим компонентом которой является иерархия человеческих потребностей: низшие (базовые) среди них — потребности биологического характера (физиология и безопасность), на основе которых впоследствии развиваются социальные, творческие и эстетические потребности. Гуманистическая психология Маслоу построена на вере в неограниченные творческие возможности человека, его способность к культурному самоопределению и обретению психологической свободы в противовес географической.

На первых порах исследователи МК ставили перед собой чисто практические задачи: 1) подготовить американцев к более эффективной деятельности за рубежом (особенно после Второй мировой войны); 2) помочь иностранным студентам и стажерам более успешно адаптироваться в США; 3) способствовать разрешению межрасовых и межэтнических конфликтов по мере того, как в 60-х годах XX в.

набирало силу движение за гражданские права (Hoopes 1980: 10). Теоретические положения, разработанные в книге Д. Берло "*Process of Communication*" (1960), легли в основу ряда программ межкультурного образования в американских вузах. Лингвисты, которые занимались процессами усвоения языка, особенно иностранного, переформулировали идеи дескриптивной лингвистики и структурализма для целей МК.

В середине 60-х годов проблемы МК начали подробно изучаться в Питтсбургском университете США. Политолог М. Р. Сингер написал работу "*Culture: A Perceptual Approach*" (Singer 1980), основанную на гипотезе Сепира—Уорфа, однако заменил термины "лингвистика" и "лингвистические системы" терминами "перцепция" и "перцептуальные системы", рассматривая их в качестве посредников (*arbiters*) между культурой и мышлением. Язык, утверждал Сингер, есть лишь один из способов установления и поддержания сходного восприятия в членах определенной культурной группы. Работа Сингера вошла в первый из серии сборников "*Readings on Intercultural Communication*" под редакцией Д. Хупса, посвященных проблемам МК.

Э. Стюарт продолжил разработку ценностно-ориентированной модели Клакхон-Строббека. Его книга "*American Cultural Patterns: A Cross-Cultural Perspective*" вышла в свет в 1971 г. Теоретические положения Стюарта касались взаимодействия культур и вновь послужили чисто прагматическим целям — они стали основой сложной ролевой техники обучения военно-технического персонала США, отправляемого на работу за границу. В то же самое время группа психологов Иллинойского университета под руководством Г. Триандиса занималась разработкой техники самоподготовки под названием "*culture assimilator*". Впоследствии Триандис и его коллеги написали книгу "*The Analysis of Subjective Culture*", посвященную сопоставительному анализу природы культур.

Первое издание антологии Л. А. Самовара и Р. Е. Портера "*Intercultural Communication: A Reader*" вышло в свет в 1972 г. В 70-х годах в американских высших учебных заведениях начали преподаваться курсы межкультурного обучения. В армии и на флоте, в правительственных кругах и Информационном агентстве США стали признавать необходимость разработки теории МК для развития международных связей. Тогда же при активном участии госдепартамента США были организованы Общество международного образования, обучения и исследований (1975) и Агентство международной коммуникации (1979).

Постепенно идеи МК привлекали все большее внимание в сфере образования. По мере того как сильнее ощущалось влияние родного языка и культуры на процесс усвоения знаний, стало ясно, что для создания истинно плюралистского общества необходимо понимание культурных, когнитивных и конативных параметров коммуникации. Движение за гражданские права со всей остротой поставило вопросы этничности, межэтнических и межрасовых отношений. Глейзер и Мойнихан опубликовали книгу *"Beyond the Melting Pot"*, Кларк занимался исследованием психологии черного гетто, Рамирес и Кастенедра изучали проблемы культурной демократии и биокогнитивного развития. Антропоцентрическая направленность исследований стала несомненно положительной тенденцией. Как отмечает М. Л. Макаров, "развитие коммуникативного языкознания означало выход науки о языке из кризиса и возвращение в круг ее проблем самого человека <...> лингвист теперь имеет дело не с абстрактным овеществленным конструктом, не с инструментом, обслуживающим какую-либо постороннюю деятельность, а непосредственно с коммуникативной деятельностью человека, обладающего таким же, как и сам исследователь, сознанием" (Макаров 1998: 15).

Д. Хаймс, предложивший социолингвистический подход к изучению проблем коммуникации, обозначил его термином "этнография коммуникации" и призвал исследователей сосредоточиться на анализе моделей коммуникативного поведения в определенной культуре.

Два основных направления исследований в области МК, получившие развитие в США, — это *интернациональная межкультурная коммуникация* и *внутренняя межэтническая коммуникация*. Первое направление усиленно разрабатывалось в учебных заведениях, которые готовили кадры для работы за рубежом, второе — в школах, где обучались дети смешанного этнического состава, в сферах здравоохранения и социальной работы. Д. Хупс полагает, что разграничение и непересечение этих направлений было также обусловлено тем обстоятельством, что "интернационалисты" в основной своей массе являлись представителями доминантной социально-этнической группы американского общества (*mainstream American culture*), в то время как второе направление вырастало из проблем этнических меньшинств и идеи культурного плюрализма. В связи с этим в самой сфере МК возникло своего рода "межкультурное деление", чем в определенной степени объясняются конфликт и нестыковка между двумя направлениями (Hoopes 1980: 13). Представляется, что это деление, по сей день

проявляющееся в том, как структурируются исследования в американской теории МК, является достаточно искусственным и не вполне обоснованным. По всей вероятности, причина его кроется в традиционно прагматическом отношении американских исследователей к разрабатываемым проблемам. Если бы представители двух направлений объединили свои усилия, результатом могла бы стать единая теория МК, вобравшая в себя достижения обоих научных направлений.

§3. Современные подходы к исследованию межкультурной коммуникации за рубежом

Анализируя различные аспекты рассмотрения культуры в американской коммуникативистике, У. Б. Харт пишет о трех уровнях исследования: *монокультурном, кросскультурном и интеркультурном*. Изучение монокультуры характерно для изысканий в области антропологии и социологии. Кросскультурные исследования предполагают сопоставление двух и более культур, интеркультурные — анализ взаимодействия двух и более культур (характер и последствия). Межкультурное взаимодействие, с его точки зрения, может и должно изучаться с позиций различных дисциплин — ни одна из них не имеет монопольного права на эти исследования (Hart W. B. 1998).

Три основных подхода к МК, бытующие в американской теории коммуникации в настоящее время, включают:

- 1) обществоведческий, или функционалистский;
- 2) интерпретативный;
- 3) критический.

Эти подходы основаны на различных фундаментальных посылах, касающихся человеческой природы, поведения и когниции, и различаются с точки зрения концептуализации культуры и коммуникации, а также используемых методов исследования.

Целью *обществоведческого подхода*, основанного на психологических данных, является описание и прогнозирование поведения коммуникантов. Приверженцы этого подхода полагают, что человеческое поведение предсказуемо, а коммуникация осуществляется под влиянием культуры. Ведущим методом исследования считается наблюдение. Изыскания, проведенные с этих позиций, признают и выявляют культурные различия во многих аспектах коммуникации, но не учитывают влияния контекста.

Интерпретативный подход, базирующийся на исследованиях в области антропологии и социологии, также описателен, исхо-

дит из того, что культура создается и поддерживается благодаря человеческой деятельности, и подчеркивает необходимость изучения коммуникации с учетом контекста.

Критический подход, основанный на восприятии культуры как сферы борьбы за власть, учитывает экономические и политические силы, воздействующие на культуру и коммуникацию. Сторонники этого подхода, убежденные в том, что все формы взаимодействия определяются принадлежностью власти, используют для доказательства данные различных наук и считают ведущим методом исследования текстуальный анализ (Martin, Nakayama 1999: 31).

И. Ключанов (Klyukanov 1999) выделяет два подхода к "мультикультурализму" (*multiculturalism*), или многокультурию, в рамках МК. Первый основывается на традициях позитивизма. Главная цель позитивистского подхода, также называемого аналитическим, редукционистским, механистическим, линейным и т. д., — умение предсказывать и контролировать определенные культурные реакции, явления и виды культурного поведения. С точки зрения Ключанова, все работы на эту тему рассматривают культурные ценности, правила и нормы, вербальное и невербальное поведение, культурный шок, интеркультурные трансформации и т. д. Именно на этот подход сегодня ориентировано преподавание МК в США.

Второй подход, описываемый И. Ключановым, появился в 60-х годах в противовес позитивистскому. Это системный подход, основанный на холистических принципах рассмотрения природы человеческого поведения в теории общих систем (*General Systems Theory*) и идее постоянного обмена информацией между индивидуальной системой и ее окружением. При этом культура воспринимается не как набор элементов, а как интерактивный процесс коммуникации с другими культурами, представляющий собой единое целое. Ключевыми для системного подхода являются теория межкультурной трансформации, разработанная Кимом и Рубеном (1988), и теория конвергенции Кинкейда (1983). В настоящее время, считает И. Ключанов, системный подход приобретает популярность под рубрикой "глобального образования" (*global education*). Однако, с точки зрения автора, он чаще декларируется, нежели применяется на практике, и сводится к набору глобальных областей, таких как наука и технология, международные отношения или же общий обзор различных регионов и стран мира. Работы, в которых на деле осуществляется этот перспективный подход, являются скорее исключениями. В качестве положительных примеров И. Ключанов приводит книгу Е. Ласло *"The Choice:*

Evolution or Extinction? A Thinking Person's Guide to Global Issues", а также изданный под редакцией того же автора сборник *"The Relevance of General Systems Theory"*, где проблемы МК рассматриваются с действительно научных позиций.

Говоря об изысканиях в области МК, необходимо также упомянуть о работах Ф. Кэсмира, известного благодаря исследованию влияния средств массовой информации на общество и культуру, разработке моделей МК в определенном историческом и социокультурном контекстах, а также анализу проблем этики в МК.

В настоящее время в теории МК наметились новые области интересов: коммуникация в контексте глобализации культуры, культурный империализм; проблемы массовой межкультурной коммуникации, включая Интернет, а также непосредственного и опосредованного общения, в том числе с использованием электронных средств и т. д.

Медиа-экология, или экология средств коммуникации, изучает влияние символических систем и технологий на социальную организацию, познавательные процессы, политические и философские идеи человеческого общества. Основные положения медиа-экологии: 1) характер концептуализации действительности в человеческом сознании зависит от ряда биологических и технических факторов, а также от кодовых систем, используемых для представления информации; 2) средства кодирования и передачи информации не нейтральны, они определенным образом воздействуют на восприятие внешнего мира человеком; 3) поскольку человеческая культура непосредственно зависит от коммуникации, изменения в коммуникативной модели имеют серьезные идеологические и эпистемологические последствия для экологии культур; 4) несмотря на возникновение новых средств коммуникации, язык по-прежнему занимает ведущее место в человеческом общении, и именно ему должен отдаваться приоритет в медиа-экологии.

Отцом медиа-экологии считается канадский социолог и культуролог М. Маклуэн, который первым отметил всеобъемлющее влияние на человеческое общество новых средств коммуникации. Они, с его точки зрения, определяют смену исторических эпох, вытесняют прежние виды искусства и общения и обладают способностью переводить опыт прошлого в новые формы. Маклуэн анализирует коммуникативные функции разнородных предметов культуры: языка, денег, дорог, печати, науки, компьютеров, телевидения и т. д., которые становятся технологическим продолжением человеческих орга-

нов чувств и оказывают радикальное влияние на стиль жизни, ценностные ориентиры, восприятие мира ("сенсорный баланс") и социальную структуру общества. Опутанный электронными сетями мир превращается в "глобальную деревню", где упразднены пространство и время, а жизнь каждого индивидуума проносится "со скоростью света" (Филос. энцикл. словарь 1983: 334; Ерасов 1997: 221).

Развитие новых средств коммуникации приводит к глубоким переменам в характере дискурса. С точки зрения Маклуэна, изобретение письма в свое время стало поворотным пунктом в истории человечества. Изоляция зрения как ведущего органа чувств при чтении привела к дистанцированному, эмоционально удаленному характеру взаимоотношений между читателем и текстом, усилившему объективацию реальности и знания. Разная психодинамика зрения и слуха обуславливает кардинальное различие между устными и письменными культурами. Для устного общения характерны эффект присутствия собеседника, большая степень "общинности", чем для чтения, которое, как правило, осуществляется в одиночестве и потому способствует развитию индивидуализма. Положительные итоги изобретения письменности очевидны: она позволяет передавать информацию на расстоянии, хранить ее во времени, способствует развитию литературного языка и т. д. Но ученые усматривают и отрицательные последствия ее возникновения. Еще Сократ утверждал, что чтение ослабляет человеческую память, заставляет ученика следить за ходом дискуссии, а не участвовать в ней самому. По мнению М. Феттеса, печатный станок стал средством лингвистической стандартизации — способом воздействия централизованной власти на народ, что в конечном итоге приводит к исчезновению бесписьменных языков и разрушению лингвоэкологического равновесия.

По степени воздействия на человеческую цивилизацию развитие электронных средств коммуникации сопоставимо с возникновением письменности и изобретением печатного станка. Оно привело к развитию компьютерно-опосредованной формы общения, кардинально изменившей характер дискурса. Специалисты-компьютерщики и простые пользователи восторженно приветствуют развитие Интернета. Однако медиа-экологи проявляют более осторожный подход, призывают не впадать в эйфорию, а взвешенно анализировать как положительные результаты, так и непредвиденные последствия. Главная опасность заключается в том, что электронные средства становятся самостоятельной неуправляемой силой, с которой человек вынужден делить окружающий мир. Некоторые исследователи говорят о взаи-

мообмене информацией между человеком и компьютером. Закономерно возникают вопросы: человек — это центр информационного мира или продолжение информационных средств? Неужели люди должны признать свое равенство с созданными ими же самими средствами информации?

В этом контексте большое значение приобретает изучение коммуникационных средств в морально-этическом плане. Классик медиа-экологии Н. Постман задается вопросами: каковы нравственные последствия развития компьютерного общения? Делает оно человека лучше или хуже? Он утверждает, что с развитием электронной коммуникации "информация превратилась в мусор", изменился характер человеческих ценностей, что привело к моральному дефициту.

С медиа-экологией в определенной мере смыкается эколингвистика, или лингвоэкология, основанная на интеграции теорий М. М. Бахтина и Л. С. Выготского с натуралистической эпистемологией Р. Миликан и экологической психологией Э. Рида. Суть эколингвистики заключается в биокультурном подходе к сохранению многообразия на Земле, включая лингвистическое многообразие. Представители этой науки, в частности М. Феттес, обеспокоены тем, что геополитическая ситуация в мире привела к иерархическому распределению лингвистических умений между представителями разных социальных групп, формированию лингвистических элит, преимущественному использованию одних языков перед другими и к лингвистической дискриминации. Они выступают за уважение к языковым правам человека независимо от политического, демографического и экономического статуса. Сторонники эколингвистики призывают к поиску оптимального баланса между лингвистическим многообразием и языковой интеграцией и к созданию глоттосферы — глобальной лингвистической экосистемы.

Представляется необоснованным упорное нежелание ряда американских ученых увидеть тесную связь между языкознанием и теорией МК. Отмечая важность вербального и невербального общения для МК, они, тем не менее, продолжают твердить, что лингвокультурология и теория МК — это "совсем разные вещи", и таким образом, на наш взгляд, обедняют то и другое. Представляется также, что, несмотря на высокий уровень развития теории МК в США и других странах дальнего зарубежья, там отсутствуют серьезные изыскания, выполненные на стыке МК и лингвистики.

Одним из немногих исключений является концепция А. Вежбицкой, которая предлагает "выявлять свойства национального харак-

тера, вычитывая их из национально-специфического в соответствующих языках" (Вежбицкая 1996: 21). Однако, в отличие от Сепира и Уорфа, она считает, что, "наряду с огромной массой понятий, специфичных для данной культуры, существуют также некоторые фундаментальные понятия, подлежащие лексикализации во всех языках мира" (Там же: 321), и предлагает выражать их посредством семантических примитивов. "Нарождающаяся наука — психология культуры, — пишет она, — требует прочных концептуальных основ. Я считаю, что такие основы могут быть обеспечены в какой-то своей части общими для всех людей понятиями, которые лексикализировались во всех языках мира и в терминах которых все комплексные и специфические для данной культуры значения могут быть установлены, с тем чтобы затем использовать их в различных сопоставлениях" (Вежбицкая 1996: 399).

§4. Подходы отечественных ученых к проблемам межкультурной коммуникации

В России, в отличие от США, напротив, наблюдается серьезный крен в сторону лингвистики, в то время как коммуникативистика, в том числе теория МК, находится в процессе становления. В российской науке выделяются следующие области исследования, основанные на идее взаимосвязи языка и культуры и представляющие несомненный интерес с позиций межкультурной коммуникации (подробный анализ см. также: Телия 1996: 228—230; Маслова 1997: 39—40).

- Лингвострановедение (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Г. Д. Томахин и др.). Лингвострановедческие исследования в большинстве своем носят прикладной характер и являются ценным источником информации, отражающей взаимодействие языка и культуры.

- Этнолингвистика (А. С. Герд, М. М. Копыленко, Н. И. Толстой и др.) — раздел языкознания, изучающий язык в аспекте его соотношения с этносом и тесно связанный с социолингвистикой. Для этнолингвистики, по утверждению Н. И. Толстого, "существенно рассмотрение не только и не столько отражения народной культуры, психологии и мифологических представлений в языке <...>, сколько конструктивной роли языка и его воздействия на формирование и функционирование народной культуры, народной психологии и народного творчества". Он предлагает два определения этнолингвистики: 1) раздел лингвистики, объектом которого является язык в его отно-

шении к культуре народа; изучает отношения в языке культурных, народно-психологических и мифологических представлений и "переживаний"; 2) "комплексная дисциплина, предметом изучения которой является "план содержания" культуры, народной психологии и мифологии независимо от средств и способов их формального воплощения (слово, предмет, обряд, изображение и т. д.)". Н. И. Толстой полагает, что такое изучение "может вестись преимущественно или исключительно лингвистическими методами" (Толстой 1997: 315).

• Лингвокультурология (В. Н. Телия, В. И. Хайруллин, В. В. Воробьев, В. А. Маслова, М. А. Кулинич и др.). В. Н. Телия определяет лингвокультурологию как часть этнолингвистики, посвященную изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в их синхронном взаимодействии (Телия 1996: 217). "Объект лингвокультурологии изучается на "перекрестке" двух фундаментальных наук: языкознания и культурологии" (Там же: 222).

В. А. Маслова выделяет следующие предметы лингвокультурологии: 1) безэквивалентную лексику и лакуны; 2) мифологизированные языковые единицы: архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке; 3) паремнологический фонд языка; 4) фразеологический фонд языка; 5) эталоны, стереотипы, символы; 6) метафоры и образы языка; 7) стилистический уклад языков; 8) речевое поведение; 9) область речевого этикета (Маслова 2001: 36—37).

Все вышеобозначенные области лингвистики направлены на изучение национально-специфических особенностей одной отдельно взятой лингвокультуры. Эти данные неocenимы для межкультурных исследований, предназначенных для сопоставительного анализа двух и более лингвокультур. Не менее важным для МК является рассмотрение взаимоотношений языка и культуры через призму психолингвистики (А. А. Леонтьев, А. А. Залевская, И. Н. Горелов, К. Ф. Седов и др.) и социоллингвистики (А. Д. Швейцер, В. И. Карасик, Н. Б. Мечковская, В. П. Конецкая и др.), а также таких междисциплинарных областей, как этнопсихолингвистика и лингвосоциопсихология (Т. М. Дридзе). Исследование механизмов понимания (В. З. Демьянков, Г. И. Богин, А. А. Залевская, В. В. Знаков и др.) позволяет делать выводы о том, каким образом осуществляются "состыковка" контактирующих лингвокультур и обмен информацией в процессе межкультурного общения. Огромное значение имеет описание национально-специфических особенностей языковой картины мира (Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева, С. А. Арутюнов, Т. В. Булыгина,

А. Д. Шмелев, Н. Д. Арутюнова), а также соотношения языка и национального самосознания (Н. Д. Арутюнова, Н. В. Уфимцева, В. Г. Гак).

Кроме того, в российской лингвистической науке хорошо разработан ряд понятий, имеющих несомненное значение для теории МК, но практически не известных западным, в особенности американским, исследователям. К их разряду принадлежат такие понятия, как языковая личность (Ю. Н. Караулов, Г. И. Богин, Ю. Д. Апресян, В. Г. Гак, Г. И. Берестнев), концепт и концептосфера (Д. С. Лихачев, Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, В. П. Нерознак).

В рамках российской коммуникативной теории хочется особо выделить работы, посвященные проблемам речевого общения (А. Е. Войскунский, В. В. Богданов, О. Л. Каменская, Е. Ф. Тарасов, О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина, Г. Г. Почепцов), взаимоотношению сознания и коммуникации (И. А. Зимняя, Б. Гаспаров, В. В. Красных, В. Я. Шабес), а также языка и коммуникативного поведения человека (Т. Г. Винокур, И. П. Сусов). Заслуживают внимания исследования, связанные с моделированием коммуникативного процесса (С. А. Сухих, В. В. Зеленская), коммуникативными стратегиями (Е. В. Клюев), невербальной коммуникацией (И. Н. Горелов, В. Ф. Енгальчев), компьютерной коммуникацией (Б. Ю. Городецкий), фатическими речевыми жанрами (В. В. Дементьев), культурой общения (Н. И. Формановская). В последние годы появились интересные работы, в которых анализируются типы, категории и структура дискурса, а также культурно обусловленные различия в его характере (В. Б. Касевич, В. И. Карасик, М. Л. Макаров, К. Ф. Седов, Е. И. Шейгал).

Еще в конце 70-х годов XX в. А. А. Леонтьев ставил вопрос о национальных особенностях коммуникации и необходимости ее междисциплинарного анализа. Положительным явлением последнего времени стал огромный интерес к проблемам МК. Назовем лишь некоторые работы, в которых глубоко и разносторонне рассматриваются проблемы межкультурного общения: Иконникова Н. К. "Современные западные концепции межкультурной коммуникации (модели индивидуального поведения в ситуации контакта культур)" (1994); Фурманова В. П. "Межкультурная коммуникация и языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранного языка" (1994); Ключанов И. Э. "Динамика межкультурного общения: системно-семиотическое исследование" (1998); Астафурова Т. Н. "Страте-

гии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения" (1997); Шамне Н. Л. "Актуальные проблемы межкультурной коммуникации" (1999); Грейдина Н. Л. "Основы системной концепции коммуникативно-культурного взаимодействия (теоретико-экспериментальное исследование)" (1999); Тер-Минасова С. Г. "Язык и межкультурная коммуникация" (2000).

В то же время необходимо отметить и отрицательную тенденцию — размывание термина и науки о коммуникации в целом и межкультурной коммуникации в частности. Нередко подход с позиций МК декларируется без учета того, что это самостоятельная наука, обладающая собственным терминологическим аппаратом, подходами и исследовательскими методиками. Хочется надеяться, что эта тенденция будет ослабляться по мере того, как наука о межкультурной коммуникации в ее российском варианте будет приобретать более четкие очертания и вбирать в себя лучшие черты российской и западной научных традиций.

§5. Исследование российско-американской межкультурной коммуникации

Остановимся особо на работах, имеющих отношение к исследованию проблем российско-американской МК. К сожалению, издания, посвященные непосредственно этой проблеме и написанные с позиций коммуникативистики, немногочисленны. Отметим книги Э. Б. Берри и М. Эпштейна *"Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication"* (Berry, Epstein 1999), в которой в основном рассматриваются импровизационные формы общения, А. В. Павловской *"Россия и Америка. Проблемы общения культур"* (1998), а также коллективную монографию *"Очерк американского коммуникативного поведения"* под редакцией И. А. Стернина и М. А. Стерниной (2001). Представляют интерес работы "малого жанра", а именно статья известного американского ученого Д. Карбо *"Soul" and "Self": Soviet and American Cultures in Conversation* (Carbauh 1993) и глава американского учебника по межкультурной коммуникации под названием *"Russia and the West"* (Stephen, Abalakina-Паар 1996).

Кроме того, существует ряд исследований, относящихся к частным проблемам МК между русскими и американцами. Наиболее популярной является проблема профессионального общения. Этой теме посвящена упомянутая выше работа Т. Н. Астафуровой (1997), а так-

же диссертация О. Матьяш *"Analysis of Communication Competence of Russian Professionals in Organizational Interactions"* (Matyash 1999). Коммуникация в сфере бизнеса рассматривается в статьях С. Дурвасула и Р. Крейга *"A Cross-Cultural Comparison of Consumer Ethnocentrism in the United States and Russia"* (Durvasula, Craig 1997), С. Джонса *"Finding Success in Russia"* (Jones 1999) и Л. Миллхауса *"The Experience of Culture in Multicultural Groups. Case Studies of Russian-American Collaboration in Business"* (Millhous 1999). Работа К.М. Шилихиной "Вербальные способы модификации поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника в российской и американской коммуникативных культурах" (1999) является опытом сопоставительного исследования коммуникативных моделей, используемых внутри русской и американской культур, в то время как статья Р. Брехта и др. *"Russian in the United States: A Case Study of the America's Language Needs and Capacities"* (Brecht et al. 1995) связана с проблемами речевого общения в контексте чужой культуры.

Помимо работ, имеющих непосредственное отношение к различным аспектам коммуникации между русскими и американцами, обращают на себя внимание другие сопоставительные исследования, например: *"The Mirror Image in Soviet-American Relations"* (Bronfenbrenner 1975); *"Beyond the Cold War: Soviet and American Media Images"* (1991); *"Russians Discovering America"* (Shestakov 1995); "Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством" (Гачев 1997); "О сходстве и различии менталитета и поведения российских и американских студентов" (Балдвин 2000).-

Следующей категорией изданий, интересных для исследователя МК, являются книги о России, изданные в США, и книги о США, предназначенные для русского читателя. Безусловно, полезными для понимания американской лингвокультуры с российской стороны являются социолингвистические исследования американского варианта английского языка А. Д. Швейцера, а также лингвострановедческие пособия Г. Д. Томахина. Выход в свет серии лингвострановедческих словарей, посвященных США (*Americana* 1996; Леонтович О. А., Шейгал Е. И. Жизнь и культура США, 1998; 2-е изд., доп. 2000; Томахин Г. Д. США: Лингвострановедческий словарь 1999), свидетельствует о том, что назрела острая потребность в такого рода изданиях. Аналогом российских лингвострановедческих словарей является изданное в США пособие Дж. Герхарт *"The Russian's World. Life and Language"* (Gerhart 1974; 2-е изд., доп. 1995). Хотя книга Й. Ричмонда *"From Nyet to Da: Understanding the Russians"* (Richmond 1996) являет-

ся публицистической, а не научной работой, в ней содержится немало наблюдений, ценных с точки зрения российско-американских межкультурных контактов.

Известный интерес представляют русские и американские путеводители, которые содержат практические советы путешественникам, касающиеся поведения в ситуациях межкультурного общения, например: *"Put Your Best Foot Forward: Russia"* (Bosrock 1995); *"Passport Russia: Your Pocket Guide to Russian Business, Customs and Etiquette"* (Mitchel 1998); *"Добро пожаловать в США"* (1994). То обстоятельство, что подобные издания, как правило, не лишены ошибок, может быть использовано исследователем для прогнозирования вероятных коммуникативных сбоев между представителями двух культур.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ

ГИПОТЕЗА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

ИНТЕРКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

КРОССКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ

МЕДИА-ЭКОЛОГИЯ

ЭКОЛИНГВИСТИКА

ЭТНОЛИНГВИСТИКА

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

1. Почему Александр Македонский, Чингисхан, Юлий Цезарь, Марко Поло, Христофор Колумб считаются пионерами межкультурной коммуникации?

2. Обозначьте основные положения гумбольдтовской теории, которые легли в основу развития межкультурной коммуникации как науки.

3. Назовите авторов гипотезы лингвистической относительности. В чем заключается ее суть? Какие ее положения подвергаются критике?

4. Кто считается основателем межкультурной коммуникации как учебной и научной дисциплины?

5. Назовите ученых, которые внесли наиболее значительный вклад в развитие теории межкультурной коммуникации.

6. Какие направления российской лингвистики тесно связаны с разработкой проблем межкультурной коммуникации?

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Используя первоисточники, критическую литературу и ресурсы Интернета, подготовьте краткие сообщения о научных взглядах следующих ученых: В. Гумбольдт; Э. Сепир и Б. Уорф; Э. Т. Холл; М. Маклуэн.

2. Найдите в Интернете с помощью ключевых слов "intercultural communication", "crosscultural communication" интересные сайты, посвященные МК. Какую полезную информацию вам удалось там почерпнуть?

Глава 2. МЕХАНИЗМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ЕЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Communication is a continuous stream, in which everything is simultaneously a reaction and an instigation, an instigation and a reaction.

Deborah Tannen

§1. Механизмы межкультурной коммуникации

В наиболее общих чертах процесс коммуникации предполагает следующие виды преобразования энергий: ввод сенсорных стимулов, являющихся результатом взаимодействия рецепторов с окружающей средой; фильтрация полученной информации; кодификация информации с использованием словесных или иных знаков; посылка закодированной информации через посредство передатчика (в случае устного общения — голоса) по каналу (воздуху) адресату, который получает ее с помощью слуха и декодирует (переводит "на язык разума"). Эти механизмы, являющиеся универсальными, модифицируются и усложняются в каждой конкретной ситуации и могут приобретать специфические черты в условиях МК.

Характер когниции. Когнитивный процесс представляет собой сложную совокупность мыслительных операций, которые выстраиваются на основе предшествующего опыта познания. В собственной культуре освоение мира происходит автоматически, с применением привычных "осей координат", фреймов и скриптов. Поскольку использование такого подхода при контакте с чужой культурой без учета изменившегося контекста и других переменных МК чревато не-

ожиданностями и ошибками, процесс когниции в МК должен осуществляться в модифицированном виде, сознательно и осторожно, с заблаговременным настроем на необходимость преодоления межкультурных барьеров.

Дж. П. Гилфорд выделяет две ведущие когнитивные модели, основанные на конвергентном и дивергентном мышлении. Понятие конвергентного мышления относится к ситуациям, когда ряд фактов приводит двух и более коммуникантов к одному и тому же выводу. В противоположность ему, дивергентное мышление имеет место, когда, отталкиваясь от одного и того же факта, коммуниканты приходят к разным логическим выводам. При дивергентном мышлении нет единственно правильного ответа на вопрос, т. е. заведомо допускается возможность альтернативных решений.

Конвергентное мышление склонно к сохранению в сознании уже известного и predetermined, в то время как дивергентное мышление стремится пересмотреть известное, исследовать predetermined и сконструировать возможное. Э. Холл соотносит линейное, пошаговое, фрагментарное мышление с конвергентным, а широкое (comprehensive), нелинейное — с дивергентным.

Понятия конвергентного и дивергентного мышления представляют интерес для МК, так как они объясняют, почему расхождения в интерпретации культурно-специфической информации со стороны разных коммуникантов, плюрализм мнений и столкновение различных, подчас противоположных точек зрения являются типичными для МК явлениями. Конвергентное мышление предполагает, что, наблюдая факты иной культуры, сходные с аналогичными проявлениями в родной культуре, коммуникант неизбежно будет приводить их "к общему знаменателю", т. е. объяснять их через призму знакомого и привычного, часто приходя к неоправданным выводам. С другой стороны, дивергентное мышление позволяет коммуниканту развести явления родной и чужой культуры, делая допуски на возможные культурные различия и их адекватное объяснение. То же самое может наблюдаться в ситуациях, когда разные объекты в родной и чужой культуре имеют сходные или одинаковые наименования, но при этом различаются по своей сути (например, материальные объекты, такие как *cottage* и *коттедж*, или явления психической жизни, например, *individualism* и *индивидуализм*). Компетентный участник МК должен уметь "наводить мосты" между двумя когнитивными системами.

Е. Чайка полагает, что результатом знания двух языков становится когнитивная гибкость. Представляется, что опыт межкультурного

общения и функционирования в ином культурно-языковом пространстве также способствует развитию когнитивной гибкости, показателями которой являются следующие факторы:

- 1) готовность к восприятию явлений, не знакомых индивиду из предшествующего опыта;
- 2) отказ от попытки втиснуть новый опыт в жесткие рамки собственных представлений;
- 3) признание права представителей другой культуры на восприятие мира с иных позиций;
- 4) способность к преодолению стереотипов.

Пробираясь "на ощупь" через реальность познаваемого мира, личность берет на вооружение коммуникативные действия, достигающие нужной цели, и корректирует поступки, ошибочность которых доказывается самой практикой.

Рассмотрим далее, каким образом происходит обработка информации, полученной в процессе когниции.

Абстрагирование и фильтрация информации. Абстрагирование предполагает отбор информации, полученной в процессе познания, путем сокращения числа поступающих извне стимулов, прохождение их через внутренние фильтры, игнорирование большей части информации и отбор меньшей части. Фильтрация информации индивидом становится своего рода средством самосохранения, позволяющим избежать поступления непосильного для обработки объема информации, хотя бы частично ограничив бесконечную игру смыслов.

Абстрагирование осуществляется на двух уровнях: сенсорном (первичном) и на уровне фильтрующих систем, которые зависят от настроения, этнической и географической принадлежности, убеждений, ценностных ориентиров и т. д. Таким образом, фильтры различаются в зависимости от происхождения и образования индивида, его принадлежности к определенной культуре и социальной группе. Именно этим обстоятельством объясняются моменты непонимания, возникающие из-за того, что коммуниканты нередко вырывают из контекста отдельные слова, не задумываясь над их значением в тезаурусе собеседника.

А. Маслоу высказал идею о том, что на каждого из нас воздействуют две силы: стремление к безопасности и к росту. Согласно его точке зрения, именно желание быть в безопасности заставляет отдавать предпочтение знакомому перед незнакомым.

Понятие о достаточности осложняется возникновением дополнительных фильтров при отборе информации со стороны носителя языка, которому при попадании в чужую культуру иногда бывает трудно дифференцировать важную и неважную информацию. Часто низкий уровень культурно-языковой компетенции приводит к игнорированию существенной для понимания информации в пользу несущественной. Американцы, которые отличаются прямоотой в общении, могут позволить себе отфильтровывать лишние, с их точки зрения, невербальные знаки, в то время как в культурах, где превалирует невербальная коммуникация, каждое физическое проявление несет глубокий смысл. Осознание избирательности восприятия в МК — это первый важный шаг в подготовке к освоению чужой культуры, ибо без сознательного контроля над устоявшимися привычками восприятие ограничено тем, что давно и хорошо знакомо коммуникантам.

Кроме того, на отбор информации действует фактор эмоций, под влиянием которого приятной информации отдается предпочтение перед неприятной. Срабатывает функция самозащиты, блокируя неприятные или нежелательные сведения. Положительное отношение к партнеру по коммуникации заставляет индивида фиксировать свое внимание на хорошем и игнорировать плохое, в то время как при отрицательном отношении действует противоположная тенденция. Стереотипизация на основе сформировавшихся ранее предубеждений может стать дополнительным фильтром, препятствующим эффективному общению.

Таким образом, если суммировать факторы, обуславливающие фильтрацию информации, то можно утверждать, что предпочтение отдается:

- знакомому перед незнакомым;
- приятному перед неприятным;
- тому, что вызывает у коммуниканта эмоциональную реакцию;
- тому, что коммуникант считает важным и интересным.

Упрощение. При восприятии отфильтрованной информации коммуникант пытается упростить ее, чтобы она стала более обозримой, прозрачной и доступной для понимания. Как стремление к экономии усилий эта закономерность может считаться положительной, способствующей ориентировке личности в сложном коммуникативном пространстве.

Однако существует ряд причин, по которым упрощение информации может быть квалифицировано как отрицательное явление.

Неноситель лингвокультуры, упорядочивший "свой мир" на основе предшествующего опыта, неохотно отказывается от привычного устройства мира и избегает сложностей, вступающих в противоречие с его устоявшимися представлениями. Поэтому он интуитивно старается свести новую информацию к минимальному числу знакомых стимулов, с тем чтобы она подтверждала его видение мира, и избежать всего того, что нарушает это равновесие. В случае переработки информации с этих позиций возникает опасность схематичного восприятия и примитивизации чужой культуры, а также недооценки составляющей ее основу сложной совокупности причинно-следственных, вероятностных и корреляционных связей.

Ассоцирование. Экономичность сознания, стремление сократить число мыслительных действий приводят к тому, что идентификация каждого нового познаваемого объекта или явления осуществляется через поиск аналогов среди уже известных предметов или явлений. Объекты группируются и классифицируются на основе их сходства с некими прототипами, зафиксированными в памяти познающего субъекта.

Простейшим примером неверного использования прототипов являются многочисленные ошибочные номинации, возникшие как результат неправильных референций с позиции первых переселенцев — европейцев, прибывших в Америку и пытавшихся "мерить ее на свой аршин". Так, североамериканский дрозд — довольно крупная певчая птица с красноватой грудкой и брюшком — получила ошибочное название *robin* по аналогии с малиновкой, очень маленькой европейской певчей птичкой с красной грудкой. Слово *elk*, которое в Европе обозначает лося, было применено к крупному американскому оленю *wapiti* с разветвленными рогами и коротким хвостом, что сегодня вызывает замешательство и непонимание между американцами и британцами.

Кроме того, неправомерное использование предшествующего опыта может приводить к формированию стереотипов и неверным инференциям. Один-единственный знакомый русский может "вырасти" в сознании американца до размеров "типичного русского"; в таком случае индивидуальные черты будут приписываться всем русским, не знакомым американцу по личному опыту. Прототипы — герои далеко не лучших американских фильмов, наводящих программы российского телевидения, — могут быть возведены в ранг "типичных американцев" и обуславливать восприятие всех жителей США при последующем знакомстве.

Комбинирование и реорганизация информации. Расстановка акцентов. Получение отфильтрованной и упрощенной информации само по себе еще недостаточно — она должна быть системно организована для каждого субъекта — участника МК. Познающий субъект систематизирует информацию в соответствии с существующими в его сознании паттернами, позволяющими высвечивать одни стимулы и оставлять в тени другие, выстраивать их в иерархию и устанавливать между ними многообразные связи.

Из-за неодинаковой степени готовности к анализу и синтезу информации одни и те же стимулы в сознании разных коммуникантов могут быть организованы по-разному. Кроме того, в зависимости от ценностных установок, типичных для данной культуры, на первый план в процессе МК выходят определенные аспекты поведения, и из них выводятся соответствующие инференции. Различные подходы коммуникантов к упорядочению поступившей информации и видению того, каким образом должны согласовываться между собой дифференцированные и автономные части целого в системе мировосприятия, могут приводить участников МК к коммуникативному диссонансу.

Заполнение пробелов. Передавая сообщение, адресант, как правило, опускает ту часть информации, которую он воспринимает как саму собой разумеющуюся. Недостающие сведения восполняются адресатом на основе имеющихся у него пресуппозиций и фоновых знаний. Пресуппозиция (этимологически от лат. *prae-suppositio*, т. е. "предшествующее суждение или предположение") — это та информация, к которой происходит отсылка в процессе высказывания и которая, по выражению Е. В. Падучевой, становится "условием осмысленности и наличия истинностного значения" (Лингв. энцикл. словарь 1990: 396). Однако то, что автоматически считается истинным суждением в одной культуре, не обязательно воспринимается как бесспорное в другой, поэтому могут наблюдаться различия в пресуппозициях. Например, для фразы "*You are used to cold weather in Russia*" (А) пресуппозицией является суждение о том, что в России всегда и везде холодно (В), — мнение, бытующее среди многих американцев. Однако это не соответствует действительности, отсюда суждение А может быть воспринято русским коммуникантом как ложное.

Фоновые знания представляют собой информацию об определенном культурном пространстве, выступающем в качестве контекста

общения, или "разделенного знания", в терминологии Э. Д. Хирша (Hirsch 1988). Они подвержены динамике во времени и пространстве (см. доп. задание 3).

Поскольку в ходе МК осуществляется взаимодействие объемов культурной грамотности участников общения, различия между их фоновыми знаниями могут становиться причиной коммуникативных сбоев. Например, американские лекторы часто пытаются использовать правила игры в гольф как метафору для объяснения определенных закономерностей в русской аудитории без учета того, что эта игра не распространена в России. Не известно американцам и то, что русские при простуде пьют молоко с медом, поскольку в США в таких случаях принято предлагать больному куриный бульон. Горчичники и банки не знакомы американцам и вызывают у них страх. Садясь в автомобиль, американец ищет ключ зажигания справа, в то время как в русских автомобилях он расположен слева. Американцев удивляет то, что русские в гостях снимают обувь и надевают тапочки. Таких примеров можно привести множество. Поэтому овладение фоновыми знаниями о стране изучаемого языка несомненно способствует эффективному межкультурному общению.

Интерпретация. Каждый субъект пропускает отобранную информацию, прошедшую первичную обработку, через призму собственных восприятий, подвергая ее личностной интерпретации. Воспринимаемое становится неотъемлемой частью субъективного опыта, важной составляющей внутренней структуры индивида. На характер интерпретационной деятельности оказывают влияние национально-культурная принадлежность, политические убеждения, набор ценностей, "защикленность" на определенных идеях и т. д. В этом смысле характерна ситуация, описанная в книге М. Льюэллина *"Riders to the Midnight Sun"*, герой которой, путешествуя по России, смертельно боится радиации. В результате удар грома кажется ему ядерным взрывом, а дети-уродцы в кунст-камере воспринимаются как жертвы радиационного заражения.

Расхождения в интерпретациях не означают, однако, что между коммуникантами не может быть достигнуто взаимопонимание. Значения поддаются переговорному процессу. Умение устанавливать такой смысловой контакт является центральным звеном компетенции, необходимой для успешного межкультурного общения.

§2. Переменные межкультурной коммуникации как ее системные составляющие

Меняются и время, и мечты,
Меняются, как время, представления.
Изменчивы под солнцем все явления,
И мир всечасно видишь новым ты.

Л. Камознс

Безусловно отдавая себе отчет в том, что МК представляет собой сложную систему, все элементы которой функционируют в теснейшей взаимосвязи и взаимозависимости, все же попытаемся расчленить ее на элементы, с тем чтобы облегчить процесс дальнейшего анализа. При этом будем иметь в виду, что составляющие МК существуют в динамике и меняются под влиянием различных факторов, от которых зависят характер и исход коммуникации. МК включает следующие переменные, наделенные межкультурной спецификой:

- ♦ Участники коммуникации:
  - отправитель или получатель информации;
  - носитель или неноситель лингвокультуры;
  - индивидум, малая группа, большая аудитория, культура в целом;
  - социально-психологический тип каждого коммуниканта-индивидуума;
  - характер самоидентификации партнеров.
- ♦ Взаимоотношения между коммуникантами:
  - степень знакомства;
  - ролевые отношения;
  - соотношение комплексов ценностей;
  - степень асимметрии.
- ♦ Отношение к МК:
  - осознание / неосознание себя как участника МК;
  - опыт межкультурного общения;
  - мотив вступления в МК;
  - интенсивность культурного взаимодействия;
  - уровень коммуникативной, лингвистической и культурной компетенции.
- ♦ Форма МК:
  - опосредованное / неопосредованное общение;
  - прямое / косвенное общение.
- ♦ Каналы МК:

- голос;
- мимика;
- жесты;
- запахи;
- зрительные ощущения;
- вкусовые ощущения и т. д.
- ♦ Виды коммуникативной деятельности:
  - говорение;
  - слушание;
  - чтение;
  - письмо и т. д.
- ♦ Инструментарий МК:
  - культурно-языковой код;
  - каналы;
  - коммуникативные стратегии;
  - наличие / отсутствие обратной связи.
- ♦ Контекст:
  - место;
  - время;
  - сфера общения;
  - коммуникативные помехи.
- ♦ Параметры содержания информации:
  - тематика;
  - объемные характеристики;
  - речевой стиль, нормы и жанр;
  - исходные установки (пресуппозиции, фоновые знания).

Прокомментируем особо некоторые из этих переменных. Остальные составляющие будут более подробно рассмотрены в последующих разделах работы.

Участники коммуникации. Отправитель и получатель информации различаются по своей функции в процессе МК (источник/адресат), степени активности (отправитель более активен, чем получатель) и по характеру деятельности (кодировщик / декодировщик информации). В МК могут вступать отдельные личности (индивидуумы), малые или большие группы лиц и целые культуры, причем возможны их разные сочетания. Отталкиваясь от размышлений Ю. М. Лотмана о социально-коммуникативной функции текста, можно также выделить общение между аудиторией и культурной традицией, читателем и текстом, зрителем и фильмом или телевизионной программой, об-

щение со средствами массовой информации — т. е. коммуникацию между получателем и любым источником, передающим культурно-специфическую информацию. Более того, можно рассматривать МК на внутриличностном уровне, по мере ассимиляции иммигранта, когда на уровне самоидентификации в нем начинают бороться две культуры.

Отношение к межкультурной коммуникации. Осознание себя как участника МК и опыт межкультурного взаимодействия являются положительными предпосылками, настраивающими коммуникантов на эффективное общение. Собеседники, которым известно, что они вступают в контакт с представителями чужой культуры, учитывают это обстоятельство при выборе коммуникативных средств, и это отчасти облегчает их взаимодействие. Так, носители языка, обладающие опытом межкультурного общения, стараются говорить более четко и медленно, избегают использования идиом, культурно-специфических слов и выражений, сленга, окказионализмов и усеченных синтаксических конструкций. Однако в некоторых ситуациях высокий языковой уровень иностранца вводит в заблуждение носителя лингвокультуры, и он обращается к собеседнику как к соотечественнику. Такие коммуникативные акты нередко заканчиваются неудачей. Ситуация еще более осложняется, если оба собеседника не информированы о принадлежности друг друга к разным культурам.

Специфика интенции как социального мотива при вступлении в межкультурные контакты оказывает существенное влияние на характер МК. Речь может идти о выживании в чужой стране (отчаянной потребности в коммуникации, вызванной жизненными обстоятельствами); чисто деловом общении, основанном на холодном расчете; искреннем и доброжелательном отношении, связанном с желанием познать чужую культуру; враждебном настрое "идеологических противников" и т. д.

Исходные позиции коммуникантов, которые могут быть классифицированы как *идеализирующая*, *нейтральная* и *отрицающая*, обуславливают особый характер когниции в МК (направленность на познание или отторжение чужой культуры) и интерпретации полученной информации на основе собственного культурного опыта. Негативный настрой в МК способен вызывать дисбаланс в восприятии чужой культуры, следствием которого могут стать упрощение (примитивизация), недооценка или искажение информации об этой культуре.

Цель общения влияет на его результаты, т. к. фильтрация исходного материала зависит от первоначальной установки. Так, совершенно разную информацию извлекают из зарубежной поездки турист, исследователь-историк, филолог или журналист, который охотится за сенсацией.

Интенсивность культурных переживаний в МК находится в прямой зависимости от того, насколько действительны следующие факторы: этноцентризм, языковая компетентность, реалистичность/нереалистичность ожиданий, глубина погружения в чужую культуру и т. д. Степень интенсивности может варьироваться от просмотра иностранного фильма у себя дома по телевизору до непосредственного участия в жизни чужой страны во время длительного визита. Глубина переживания несомненно сильнее у человека, лично вступающего в межкультурное общение (в магазине, в банке, на улице и т. д., с параллельным осуществлением различных коммуникативных действий, включая речевые), нежели у туриста, который наблюдает чужую страну из окна автобуса, контактируя при этом с единственным гидом-переводчиком. Она также находится в непосредственной зависимости от индивидуальных психологических особенностей коммуникантов.

Форма межкультурной коммуникации. По форме коммуникация может быть *прямой/косвенной* и *опосредованной/неопосредованной*. При *прямой* коммуникации информация адресована непосредственно от отправителя к получателю. Она может осуществляться как в устной, так и письменной форме. Особой силой эмоционального воздействия обладает устная речь, сочетающая вербальные и невербальные средства.

В *косвенной* коммуникации, которая преимущественно носит односторонний характер, информационными источниками являются произведения литературы и искусства, телевидение, газеты, Интернет и т. п. "Если личные контакты являются средством сплочения и консолидации сравнительно малых, "контактных" групп, то косвенное общение способствует организации и консолидации больших социальных общностей, в которых непосредственные контакты всех практически невозможны" (Филос. энцикл. словарь 1983: 448). Косвенные формы МК включают чтение иностранных книг и прессы, просмотр иностранных фильмов и телепередач, получение информации через Интернет, дистанционное обучение, спутниковое телевидение, международную рекламу и т. д.

Непосредственная и опосредованная формы общения различаются с точки зрения наличия/отсутствия в коммуникативной цепочке промежуточного звена, выступающего в роли посредника. Функции посредника может выполнять человек (например, переводчик, интерпретатор и т. д.) или техническое средство (телефон, телеграф, компьютер и т. д.). Однако разграничение это в определенной степени условно, т. к. можно утверждать, что не существует непосредственной коммуникации в чистом виде — она всегда опосредована пространством и временем, искажающими суть сообщения. Именно на таких позициях стоят представители медиа-экологии. В последнее время в американской коммуникативистике стало достаточно часто использоваться сокращение *f2f* (face to face) по отношению к неопосредованному взаимодействию и *k2k* (keyboard to keyboard) для обозначения общения, опосредованного компьютером.

Коммуникация, опосредованная техническими средствами, может, тем не менее, оставаться прямой (межличностной), например, при разговоре по телефону или переписке по электронной почте. При этом, однако, сокращается возможность использования определенных видов коммуникативных сигналов: мимики, жестов, прикосновений и т. д.

Виды коммуникативной деятельности. Поскольку коммуникация осуществляется в различных формах и по различным каналам, она предусматривает различные виды коммуникативной деятельности: говорение, слушание, чтение, письмо и т. д. В связи с тем, что общение представляет собой двусторонний процесс, действия со стороны отправителя и получателя информации синхронизируются, являясь своего рода зеркальным отражением друг друга. Так, говорение всегда идет в паре со слушанием, а жестикуляция и мимика — в паре с их зрительным восприятием. Эти закономерности универсальны как для коммуникации внутри одной культуры, так и для МК. В то же время специфика МК может проявляться в различном распределении видов коммуникативной деятельности между носителем и неносителем языка как следствии различного уровня культурно-языковой компетенции. Можно предположить, что коммуникант, плохо владеющий языком, будет говорить меньше, чем его собеседник — носитель языка. Человеку с низким уровнем языковой компетенции чаще приходится прибегать к мимике и жестикуляции как к компенсаторным коммуникативным средствам. Эта закономерность является одним из проявлений асимметрии в МК.

Контекст межкультурной коммуникации. Информация, составляющая основу коммуникации, существует не изолированно, а в макро- и микроконтексте, на фоне культурно обусловленной картины мира, которая формируется в течение всей жизни индивидуума. Сам термин "контекст" используется в теории МК двояко. Эта двойственность, в частности, хорошо отражена в работах Э. Холла. С его точки зрения, понятие контекста связано с двумя совершенно различными, хотя и взаимосвязанными, процессами, один из которых осуществляется внутри организма человека, а другой — вне его. Внутренний контекст включает прошлый опыт коммуниканта, запрограммированный в его сознании и структуре нервной системы. Под внешним контекстом, в свою очередь, подразумевается физическое окружение, а также иная информация, имплицитно содержащаяся в коммуникативном взаимодействии, включая характер межличностных взаимоотношений между коммуникантами и социальные обстоятельства общения.

Если исходить из этой точки зрения, то в качестве внутреннего контекста выступает вся совокупность пресуппозиций и фоновых знаний, ценностные установки, культурная идентичность и индивидуальные особенности языковой личности. Сюда же может быть отнесен настрой (юмористический, серьезный, дружелюбный и т. д.), с которым коммуникант вступает в общение и который, в терминологии Р. Л. Уивера II, составляет "психологический контекст коммуникации" (Weaver II 1993: 22—23).

В понятие внешнего контекста входят место (локальный контекст), время (хронологический контекст), сфера и условия общения, определяющие его характер. Для МК важным обстоятельством является то, на чьей территории (своей, чужой или нейтральной) происходит общение. Географическое положение определяет разновидности культуры, составляющей фон коммуникативного процесса. При этом государство можно рассматривать как макроконтекст, а конкретное место, где осуществляется коммуникация — как микроконтекст. Между понятиями микро- и макроконтекста в таком случае будет просматриваться ряд ступеней: государство — регион — город/деревня — конкретное местонахождение коммуникантов (например, улица, школа или офис). Локальный контекст будет оказывать влияние на ряд параметров межкультурного общения и определять его специфику. Коммуникант, находящийся на своей территории, чувствует себя более комфортно, чем иностранец, и лучше ориентируется в про-

странстве собственной культуры. В столицах межкультурные различия нивелированы в большей степени, чем в глубинке, где сохраняются этнические традиции и имеются различные формы проявления провинциализма. Характер коммуникации на рабочем месте и дома будет различаться по степени углубления в бытовую культуру и влияния личностных факторов.

Временной контекст, т. е. хронологический период, к которому относится конкретная коммуникативная ситуация, также оказывает влияние на ее исход. В различные периоды времени по-разному складываются взаимоотношения между государствами и их международный авторитет, что, в свою очередь, определяет характер самоидентификации участников МК, их ощущение полноценности/ущербности, отношение к партнеру по коммуникации и другие проявления динамического характера МК.

С хронологической точки зрения коммуникация может быть одновременной и разновременной. Одновременность при этом выступает как понятие относительное, что обусловлено линейностью общения. Тем не менее одновременным можно считать общение лично и по телефону, а также по Интернету в режиме on-line. Небольшой разрыв имеется между отправлением и получением электронной почты, больший по времени — между отправкой и получением обычного письма. Существует также коммуникация через года и эпохи с помощью литературных произведений, скульптуры, живописи и т. д. В силу неодновременного развития разных культур наблюдается их нестыковка в синхронии (опережение/отставание по некоторым параметрам), которая может приводить к нарушению когерентности МК.

Еще один параметр внешнего контекста — это сфера общения. Представляется возможным выделить следующие сферы общения для МК:

- дипломатическая деятельность;
- профессиональные контакты;
- торговля, бизнес;
- международные обмены;
- учеба за границей;
- путешествия;
- миграция;
- военные действия.

А. Аппадурай рассматривает новые "неизоморфные" пути глобальных культурных информационных потоков, которые осуществляются при помощи:

1) этносов (ethnoscapes) — иммигрантов, беженцев, туристов и т. д.;

2) финансовых средств (finanscapes);

3) оборудования и технических средств (technoscapes);

4) средств массовой информации (mediascapes),

5) идеологий (ideoscapes) (Appadurai 1990).

Эти потоки также непосредственно связаны с различными сферами общения как видами коммуникативного контекста.

Моменты внешнего сходства между контекстами общения могут вводить участников МК в заблуждение. Например, сфера профессионального общения в разных культурах различается с точки зрения степени формальности/неформальности, используемых стратегий, коммуникативной дистанции между начальником и подчиненными и т. д.

Традиционным для коммуникативистики считается разграничение между высококонтекстными и низкоконтекстными культурами, разработанное Э. Холлом. Культуры считаются низкоконтекстными, если основная часть информации, которой обмениваются коммуниканты, закодирована в сообщениях на эксплицитном уровне. В высококонтекстных культурах, напротив, большая часть информации существует на уровне контекста (внутреннего или внешнего). Признаками высококонтекстных культур считается их традиционность, устойчивость, эмоциональность и несклонность к переменам, в то время как низкоконтекстные культуры ассоциируются с динамизмом и высоким уровнем технологического развития. Благодаря активному использованию контекста, характер передачи информации в высококонтекстных культурах отличается экономичностью и эффективностью.

Практически все исследователи без колебания относят американскую культуру к разряду низкоконтекстных. Поскольку существенная роль контекста в коммуникации, как правило, ассоциируется с коллективизмом, многие ученые склонны считать русскую культуру высококонтекстной. Представляется, однако, что Россия, которая на протяжении всей своей истории испытывает значительные влияния как с Запада, так и с Востока, занимает промежуточное место между низкоконтекстными (западными) и высококонтекстными (восточными) культурами. С одной стороны, русские гордятся своей прямоотой и выражают информацию достаточно эксплицитно (например, в ситуациях делового общения); с другой стороны, в эмоциональной сфере

они тяготеют к зашифровке части информации в имплицитной, косвенной, осложненной форме.

При контакте культур существует опасность как недооценки, так и переоценки роли контекста в коммуникации. Например, американцы не всегда в достаточной мере учитывают роль контекстуальной информации при общении с представителями высококонтекстных культур, в результате чего партнеры по коммуникации расценивают их поведение как невежливое и бестактное. Американцы, в свою очередь, обвиняют представителей высококонтекстных культур в нежелании четко и ясно выражать свои мысли и быть правдивыми. Приезжая в Россию с уверенностью, что это — высококонтекстная культура, американцы начинают выискивать в поведении русских скрытый смысл, кроющийся за эксплицитным общением, что также может приводить к коммуникативным провалам.

В целом для МК свойственно более низкоконтекстное общение, нежели для коммуникации внутри родной культуры, поскольку участники МК интуитивно отдают себе отчет в том, что их партнеры-иностранцы недостаточно хорошо знакомы с инокультурным контекстом. В таких ситуациях необходимо соблюдать чувство меры для того, чтобы разъяснение контекста действительно служило целям общения, а не превращалось в избыточное "разжевывание" информации, обидное для собеседника. В идеале предполагается установление разумного баланса между известной и новой информацией, которое зиждется на адекватном понимании как родной, так и чужой культуры.

Параметры содержания информации. Коммуникативная компетентность предполагает умение выбрать приемлемую для обеих сторон тему общения. "Безопасными" темами при общении малознакомых людей считаются погода, дети, род занятий, домашние животные. "Опасные" темы включают религиозные верования и политические убеждения, а также сексуальные, этнические и расовые проблемы.

В разных культурах различается степень чувствительности и терпимости к определенным темам. Как известно, абсолютно неприемлемым, с точки зрения американцев, считается вопрос о зарплате собеседника. В связи с той большой ролью, которую сегодня в США играет понятие политической корректности, круг нежелательных тем

резко возрос и включает проблемы феминизма, семейного положения, этнического происхождения и т. д.

По тематике беседы могут быть монотематическими и политематическими, с фиксированными и нефиксированными темами. Важным умением для МК является коммуникативная гибкость, которая, в частности, проявляется в умении переключать темы (особенно в неприятных ситуациях). Частота переключения тем также национально обусловлена и в случае расхождений между культурами может быть квалифицирована как нетерпение или, наоборот, назойливость. Иногда тематика беседы строится вокруг ключевого слова, неверное понимание которого может привести к отсутствию "тематического сцепления" между высказываниями партнеров и к коммуникативной неудаче. Например, когда американский гость спрашивает русского коллегу о "*faculty*", он обычно имеет в виду профессорско-преподавательский состав. Если русский собеседник поймет это слово в британском значении — как "*факультет*", то затем в течение некоторого времени коммуниканты будут вести беседу, не осознавая, что речь идет о разных понятиях.

Объемные характеристики высказываний коммуникантов также могут различаться в зависимости от культурной принадлежности. Например, всем известно, что грузинские тосты отличаются пространностью, в то время как русские достаточно лаконичны ("*За ваше здоровье!*"). Межкультурные расхождения могут привести к тому, что собеседник будет квалифицирован как слишком многословный или, напротив, неразговорчивый. Так, например, известна неприязнь Нэнси Рейган по отношению к Раисе Горбачевой. "С того момента, как мы познакомились, она все время говорила, говорила и говорила, — вспоминает Н. Рейган. — Я не могла и словечка вставить". Д. Таннен справедливо отмечает, что, возможно, Раиса Горбачева в этот момент недоумевала, почему Нэнси все время молчала, возложив на нее бремя поддержания беседы (Tannen 1990: 201).

Межкультурное общение также отличается по стилистической тональности и жанру. Для американцев, как известно, традиционен бодрый, оптимистичный настрой, в то время как русские в большей степени склонны к философствованию и пессимизму.

В целом МК отличается высокой степенью структурированности и ритуальности. В межкультурном общении борются две противоположные тенденции: с одной стороны, обязательность соблюде-

ния правил и норм, необходимых для успешного взаимодействия представителей разных культур, с другой — важность учета многочисленных переменных, обуславливающих динамический характер МК.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ

АБСТРАГИРОВАНИЕ
АССОЦИИРОВАНИЕ
ВЫСОКОКОНТЕКСТНАЯ КУЛЬТУРА
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ИНФЕРЕНЦИЯ
КОГНИЦИЯ
НИЗКОКОНТЕКСТНАЯ КУЛЬТУРА
ПРЕСУППОЗИЦИЯ
УПРОЩЕНИЕ
ФОНОВЫЕ ЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

1. Опишите особенности когниции в процессе знакомства с чужой культурой.
2. Какие факторы влияют на отбор информации коммуникантом?
3. К каким последствиям может привести неверная фильтрация информации в ходе межкультурного общения? Приведите примеры.
4. На основе каких механизмов происходит восполнение недостающих культурных знаний в процессе коммуникации? Какие трудности подстерегают при этом участника МК?
5. В какой степени интерпретация может мешать взаимопониманию представителей разных лингвокультур? Приведите примеры.
6. Каковы системные составляющие межкультурной коммуникации? Почему они называются переменными?
7. Проанализируйте следующие переменные МК и покажите, каким образом они могут варьироваться в зависимости от ситуации общения:
  - отправитель/получатель информации;
  - носитель/неноситель языка;
  - прямая/косвенная форма общения;
  - опосредованное/неопосредованное общение;

- время и место общения;
- тема беседы.

8. Назовите основные признаки высококонтекстных и низкоконтекстных культур. К какому разряду вы отнесете русскую культуру? американскую? японскую? немецкую? Обоснуйте свой ответ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Представьте себе следующую ситуацию:

Встреча студентов и преподавателей американского университета, на которой вы оказались волею судьбы. Комната наполнена людьми. Со всех сторон слышатся голоса. Обсуждается множество тем: личная жизнь старых друзей, бейсбол, компьютеры, события в России, цены на автомобили, ситуация в Чечне, модная обувь, новый фильм, задание по физике, ураган на Западном побережье...

Какую информацию вы скорее всего услышите? Ранжируйте информацию по значимости. Будет ли это совпадать с тем, что выделяют для себя американские студенты? Почему? Какие факторы будут влиять на фильтрацию информации?

2. Объясните, каким образом следующая подборка иллюстрирует процесс смены объема фоновых знаний от поколения к поколению внутри одной культуры. Как межпоколенные различия фоновых знаний могут влиять на процесс коммуникации?

Фоновые знания молодых американцев — 1999

"Each year the staff at Beloit College in Wisconsin puts together a list to try to give the faculty a sense of mindset of that year's incoming freshmen. Included here is part of the 1999 list:

- The people who are starting college this fall across the nation were born in 1981.
- They have no meaningful recollection of the Reagan era and did not know he had ever been shot.
- They were prepubescent when the Persian Gulf War was waged.
- Black Monday 1987 is as significant to them as the Great Depression.
- They can only really remember one president.
- They were 11 when the Soviet Union broke apart and do not remember the Cold War.
- Their lifetime has always included AIDS.

- They have never owned a record player.
- The Compact Disc was introduced when they were 1 year old.
- As far as they know, stamps have always cost about 32 cents.
- They have always had an answering machine.
- Popcorn has always been cooked in a microwave.
- They never heard the terms: "Where's the beef?", "I'd walk a mile for a Camel", or "de plane, de plane!"
- They do not care who shot J. R. and have no idea who J. R. is.
- Michael Jackson has always been white.
- They never took a swim and thought about "Jaws".
- The Vietnam War is an ancient history to them as WWI, WWII, or even the Civil War."

(Из электронной рассылки)

3. На основе следующего текста прогнозируйте сложности, которые могут возникнуть при общении представителей высококонтекстных и низкоконтекстных культур.

"Members of low-context cultures are usually direct in their reactions to others. This directness is generally appreciated by other low-context culture members. But it may prove insulting, insensitive, or unnecessary to the high-context cultural member. Conversely, to the low-context member, the high-context cultural member may appear vague, underhanded, or dishonest in his or her reluctance to be explicit or engage in communication that a low-context member would consider open or direct.

Speakers in Japan, to take one well-researched example, need to be careful lest they make their point too obvious or too direct and insult the audience. Speakers in Japan are expected to lead their listeners to the conclusion through example, illustration, and various other indirect means.

High-context cultures prefer indirectness. Effective speakers seem to lead the audience in the general direction of the thesis, but not explicitly and directly to it, at least, not as directly as would low-context culture members. In the United States, speakers are encouraged to be explicit and direct, to tell the audience, for example, exactly what the speaker wants them to do.

In the United States each major proposition of a speech or written composition should be developed by itself. Only when this is fully developed and finalized would the speaker or writer move on to the next point. Hindi culture, however, is less rigid and allows for many ideas being considered in the same paragraph of an essay or in the same part of a speech."

(DeVito. Human Communication)

Глава 3. СПОСОБЫ КОДИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

§ 1. Использование кодов в межкультурной коммуникации

Слово только оболочка,
Пленка, звук пустой, но в нем
Бьется розовая точка,
Станным светится огнем.

Арс. Тарковский

Понятие кода является одним из ключевых для теории коммуникации. По сути своей кодирование представляет собой конвертирование одной сигнальной системы в другую с помощью внутреннего кода ("языка мысли") или внешнего (существующего в вербальной и невербальной формах).

Механизмы внутренней речи соотносятся с универсально-предметным кодом (в терминологии Н. И. Жинкина), на котором в памяти человека записан его собственный опыт, языковые и практические знания, активизируемые по мере необходимости и выступающие как основа понимания новой информации. Существует распространенное мнение о том, что в глубинных структурах речепорождения "национально-языковая специфика информации нейтрализуется общечеловеческими схемами смыслообразования, однако эта специфика явственно (эксплицитно) проступает в *поверхностных структурах коммуникации*" (Лингв. энцикл. словарь 1990: 233).

В качестве внешних кодов могут выступать вербальные знаки, паралингвистические средства, жестикуляция, мимика, пантомимика (язык тела), проксемика (физическая дистанция), социальная дистанция, одежда, такесика (прикосновения). Б. С. Ерасов также относит к культурному коду архитектуру, дизайн интерьера, артефакты, графическую символику, художественные и другие формы воздействия (танцы, парады и т. п.), запахи, цвета, вкусовые предпочтения, различные формы удовольствия, так или иначе связанные со ртом (курение, жевание резинки), влияние температуры, косметики, сигналы, применяемые полицией, водителями, символику, связанную со временем и даже тишину (Ерасов 1997: 445).

Для того, чтобы коммуникация могла состояться, необходимо, чтобы отправитель и получатель информации пользовались одним и тем же кодом или, по крайней мере, сходными кодами. Чем больше общих элементов содержат коды адресанта и адресата, тем больше вероятность взаимопонимания между ними. Например, русские и

украинцы могут неплохо понимать друг друга благодаря сходству восточнославянских языков.

Иллюзия коммуникантов заключается в том, что, общаясь на родном языке, они являются хозяевами кода, присваивая его и используя по своему усмотрению. На самом деле, если детально проанализировать интенцию языковой личности и ее осуществление, то окажется, что лишь небольшая часть информации, закодированная в вербальных и невербальных знаках, соответствует коммуникативному намерению личности. К сожалению, мы не властны над значительной долей сведений, которые через код получает от нас (и о нас) собеседник.

При совпадении кодов открываются каналы коммуникации, при несовпадении они блокируются. Блокировка может быть полная и частичная. При полной блокировке участники коммуникации обычно осознают возникшие затруднения и включают обратную связь. При частичной блокировке возникает иллюзия коммуникации (псевдокоммуникация), когда, по крайней мере, одному из участников кажется, что общение осуществляется нормально. Элементы одного кода, вкрапляющиеся в другой код, становятся причинами частичной или полной блокировки каналов коммуникации.

Некоторые исследователи пишут о наличии двух кодов: собственно языкового и культурного, другие рассматривают их как составляющие единого кода. В любом случае необходимо признать, что между языковым и культурным аспектами коммуникации существуют тесная взаимосвязь и взаимозависимость, в результате чего часто бывает трудно (или даже невозможно) определить, где кончается одно и начинается другое. Поэтому при анализе МК целесообразно рассматривать культурно-языковой код как сложную, многокомпонентную структуру.

Для МК необходимо формирование особого механизма контроля, который параллельно с языковым компонентом кода курировал бы его культурный компонент. Нереально познать все богатство чужой культуры, но можно сформировать открытость к ее восприятию, поэтому речь идет о развитии умения воспринимать сигналы включения культурного кода и готовности его декодирования, что могло бы свести до минимума, если не ликвидировать совсем, моменты межкультурного непонимания.

Впрочем, надо иметь в виду, что использование одного и того же кода не гарантирует успеха коммуникации. Последний зависит от уровня культурно-языковой компетенции участников общения. Кроме того, многозначность вербальных и невербальных знаков также сни-

жает эффективность кода. Специфика английского языка, существующего в разных территориальных вариантах, приводит к тому, что одни и те же элементы языкового кода могут использоваться для передачи разных значений (например, в американском и британском вариантах английского языка).

Культурно-языковой код теснейшим образом связан с менталитетом и национальным характером своего носителя и оказывает влияние на отбор и способ представления информации. Что фактически кодируется в языковом знаке? Слово "Линкольн" — это лишь имя собственное, однако его произнесение активизирует информацию, закодированную в памяти коммуниканта. Эта информация разворачивается в цепочку ассоциаций: "Линкольн — президент США — первый президент — бревенчатая хижина — Гражданская война — убит в театре" и т. д., причем содержание этой цепочки различно для разных индивидуумов и зависит от объема их культурной грамотности, фоновых знаний, пресуппозиций и т. д. Именно внутренняя кодировка информации объясняет, почему слово или словосочетание может оставаться пустым звуком для одних людей и быть исполненным глубокого смысла для других. Поэтому информация на двух концах коммуникативной цепочки (т. е. закодированная отправителем, а затем раскодированная получателем) никогда полностью не совпадает.

Таким образом, нельзя не согласиться с мнением, согласно которому любое декодирование представляет собой новое кодирование. Однако, в отличие от коммуникации внутри одной культуры, где индивиды или группы используют "подкоды" единого национально-культурного кода, МК предполагает полное перекодирование информации с использованием бесчисленного множества вербальных и невербальных знаков. Сложность МК заключается в том, что адресант А кодирует в контексте сообщение, используя пресуппозиции и фоновые знания, присущие его культуре, в то время как адресат В декодирует сообщение, используя другой набор пресуппозиций и фоновых знаний. Декодирование информации фактически представляет собой новое кодирование, т. е. перевод информации на свой собственный код.

Успешное использование кодов в МК требует от коммуникантов умения "состыковать" коды, вычленить в них сходные элементы, на которые можно опереться в процессе общения. Так, способность найти в русском и английском языках слова со сходными корнями (например, латинского и греческого происхождения), а также использовать

в качестве опоры такие универсальные элементы, как цифры, даты, имена собственные, дает возможность даже людям, слабо владеющим иностранным языком, в общих чертах понять содержание газетного текста.

Язык, выступающий как средство межкультурного общения, как правило, является родным для одной стороны и иностранным для другой (за исключением тех случаев, когда контактируют представители разных стран, но носители одного и того же языка). В такой асимметричной ситуации использование одного и того же языка не гарантирует гладкого осуществления процесса кодирования/декодирования. Во-первых, из-за разного уровня языковой компетенции информация, закодированная носителем языка, не может быть адекватно извлечена иностранцем. Кроме того, привычка неносителя кодировать информацию в единицах родного языка может обусловить автоматический перенос способа кодирования на другой язык. В таком случае будет возникать культурно-языковая интерференция, которая может стать коммуникативным барьером.

Способы кодирования информации также различаются в зависимости от социальной принадлежности индивида. В качестве кодов, используемых для отграничения одной социальной группы от другой, используются диалекты, сленг, профессиональный жаргон и т. д. Это обстоятельство может затруднять декодирование сообщений в МК. Например, русские студенты, неплохо овладевшие литературным английским в российском университете, теряются, оказавшись в США в среде сверстников, изъясняющихся на молодежном жаргоне. С другой стороны, специалисты из одной области (например, математики или компьютерщики) могут понять друг друга даже при очень ограниченном уровне владения языком, поскольку в своей профессиональной деятельности пользуются сходными кодами.

Не будучи статичным, код видоизменяется под влиянием многочисленных исторических и социальных факторов. Например, сегодня кодировка информации в русской лингвокультуре существенно отличается от ситуации десятилетней давности с точки зрения использования в ней лексических, грамматических, синтаксических средств, роли заимствований, соотношения вербальных и невербальных средств, зрительных и слуховых образов, жанровой и ситуативной уместности и т. д.

Декодирование невербальных сообщений также зависит от того, насколько состыкуются соответствующие коды в контактирующих культурах. В качестве кода могут выступать музыка, зрительные об-

языки и т. д. Язык музыки традиционно считается универсальным, однако использование его как кода также требует определенного уровня компетенции со стороны пользователей. Если коммуникант не понимает народную музыку, то она не является для него значимой. Кроме того, даже если адресант может расшифровать эмоциональную сторону сообщения, важная часть передаваемой информации может оказаться "за кадром" (например, привязка музыкального произведения к определенному историческому периоду, авторство, культурные ассоциации). То же самое происходит со зрительными образами. Например, аналоги американских произведений монументально-прикладного искусства 30—40-х годов, созданных в период "Нового курса" президента Рузвельта, в России имеют ярко выраженную печать "социалистического реализма" и отличные от американских идеологические и исторические ассоциации.

Понятие ограниченного (*restricted*) и развернутого (*elaborated*) языкового кода было введено в лингвистику Б. Бернштейном в 1960 г. Согласно его теории, развернутый код отличается от ограниченного большой сложностью и вербальной дифференциацией. Он обычно используется в профессиональном общении, художественной литературе и иных ситуациях, требующих детализации смыслов и творческого подхода к выражению эмоциональных нюансов. В противовес ему ограниченный код приемлем для ситуаций неформального общения, где нет необходимости в использовании сложной лексики и построении развернутых высказываний, поскольку коммуниканты и без того понимают друг друга с полуслова. С языковой точки зрения, ограниченный код обладает достаточно высокой степенью предсказуемости и дополняется жестами и интонационными средствами. Различные социальные группы в разной степени владеют этими кодами. Классовые различия особенно ощутимы, когда речь идет о развернутом коде, поскольку владение им требует высокого уровня языковой компетенции.

Понятие развернутого и ограниченного культурно-языкового кода может быть применено к МК. Речь в данном случае идет как об уровне владения языком, так и о знании культуры и способов ее кодирования в языковых знаках. Очевидно, что при общении носителя культуры с иностранцем целесообразно пользоваться ограниченным культурно-языковым кодом, за исключением случаев, когда культурно-языковая компетенция иностранца приближается к уровню носителя языка. Следует помнить, однако, что использование ограниченного кода применимо к ситуациям МК лишь частично и до опреде-

ленных пределов. Бытовое общение, которое "протекает пунктирно <...>, характеризуется спонтанностью, сильной ситуативной зависимостью, ярко выраженной субъективностью, нарушениями логики и структурной оформленности высказываний", фонетической и семантической нечеткостью, заменой слов на приблизительные субституты (Карасик 2000а: 6), трудно для понимания с точки зрения носителя лингвокультуры. Поэтому оптимальным для МК является использование простых и доступных языковых средств с сохранением фонетической и семантической четкости, облегчающей процесс коммуникации.

Тип личности участника общения играет не последнюю роль в характере и способах использования кода, мешая или помогая осуществлению коммуникации. Значимыми факторами при этом являются уровень владения кодом, т. е. адекватность используемых знаков коммуникативной интенции, способность сочетать вербальный и невербальный коды, кодировать эмоциональное состояние и т. д.

Актуальными для МК также являются процессы смещения и переключения кодов. Термин "смещение кодов" (*code mixing*) относится к гибридизации, а "переключение кодов" (*code switching*) — к переходу от одного языка к другому. То и другое, очевидно, в определенной степени присутствует в речи всех билингвов. К гибридным языкам относятся Hinglish (Hindu + English) в Индии, Engalog или Taglish (Tagalog + English) на Филиппинах, Frenglish (French + English) в Квебеке и т. д.

Разновидностями гибридных языков являются пиджины и креольские языки. Пиджины представляют собой творческую переработку естественных языков, используемую как средство межэтнического общения в среде смешанного населения. Их характерные признаки — ограниченный словарный запас, упрощенная грамматическая структура, модификация фонологической системы и возможность применения лишь в определенных ситуациях общения. Пиджины носят вспомогательный характер и отмирают по мере того, как в них отпадает необходимость. Креольские языки формируются на основе пиджинов и становятся родными для определенных коллективов их носителей (Лингв. энцикл. словарь 1990: 245). Своего рода гибридизация кодов наблюдается при интенсивных языковых контактах в среде высокообразованных коммуникантов (см. гл. 13, §1).

Переход с одного языка на другой в процессе коммуникации получил название "переключение кодов". Это явление может наблюдаться при контактах представителей любых групп, пользующихся раз-

личными кодами. Само по себе переключение кодов обладает знакомостью. Например, в знаменитом фильме "*Grease*" герой Джона Траволты переключается с "нормального" языка на сленг и превращается в другого человека. В результате его девушка не узнает своего возлюбленного в "крутом" парне с характерной походкой и манерой изъясняться.

Билингвы переключаются с одного кода на другой в зависимости от контекста общения. Например, типичной является ситуация, когда члены русской семьи, проживающей в США, разговаривают между собой по-русски, а за пределами дома — по-английски. Нередко русская мама обращается к ребенку, выросшему в США, по-русски, а он отвечает ей по-английски. В таком случае переключение кодов идет по линии: говорение/слушание.

Интересно, как коммуниканты используют переключение кодов для общения с различными категориями собеседников. Например, негр-преподаватель американского колледжа на занятиях говорит на чистейшем английском литературном языке. Однако, общаясь по телефону с отцом, живущим на Юге США, он переключается на Black English. В противном случае отец обязательно спрашивает его: "What's wrong with you?"

Переключение кодов для человека, не привыкшего жить в условиях билингвизма, — достаточно сложная задача, требующая перестройки речевого аппарата, языкового мышления и психологического настроя. Этим объясняется, почему даже человеку с хорошим знанием иностранного языка требуется время для того, чтобы "включиться" в новое культурно-языковое пространство.

Компетентное участие в МК требует поэтапного овладения культурно-языковым кодом изучаемого языка. Представляется, что речь должна идти не просто о механическом накоплении культурно-языковых знаний, а о трансформации кодов, выражающейся в формировании "связки" между внутренним универсально-предметным кодом и новым внешним кодом, которым личность овладевает для участия в межкультурном общении. Пока не сформирована эта "связка", используемый личностью код остается дословным переводом с родного языка с соответствующим выбором лексических средств и грамматических конструкций. Он не в состоянии служить для адекватного выражения коммуникативной интенции личности (если речь не идет о простейших действиях, служащих чисто прагматическим целям). Трансформированный код дает личности ощущение коммуникативного контакта с собеседником на основе единства используемых кон-

цептов, фоновых знаний, пресуппозиций, аллюзий и других культурно-языковых средств, зашифрованных в вербальной и невербальной форме.

§ 2. Межкультурная компетенция

Чтобы определить, какими умениями и навыками должна обладать личность для успешного участия в МК, целесообразно рассмотреть понятие межкультурной компетенции, которая является конгломератом, по крайней мере, трех составляющих: языковой, коммуникативной и культурной компетенции. Соединяясь, они образуют качественно новое целое, которое обладает собственными признаками, отличными от каждого из компонентов, взятых в отдельности. Компетентность в терминологическом значении этого слова обозначает не просто сумму усвоенных знаний и приемов, которые личность может по мере необходимости использовать в МК, — она предполагает наличие комплекса умений, позволяющих адекватно оценить коммуникативную ситуацию, соотнести интенции с предполагаемым выбором вербальных и невербальных средств, воплотить в жизнь коммуникативное намерение и верифицировать результаты коммуникативного акта с помощью обратной связи.

Разграничение различных типов компетенции достаточно условно, однако необходимо для исследования, "препарирующего" понятие компетенции с целью его подробного анализа.

Языковая компетенция. Понятие компетенции применительно к языку было впервые введено Н. Хомским, который разработал его на основе внутренне усвоенной генеративной грамматики и рассматривал его как "лингвистическую интуицию", "языковое знание", "языковое поведение" и способность идеально говорящего владеть абстрактной системой языковых правил.

Согласно концепции Н. Хомского, языковая компетенция включает фонологический, синтаксический и семантический компоненты лингвистического знания. Ю. Манфред предлагает рассматривать грамматическую компетенцию, которая, с его точки зрения, представляет собой "способность говорящего/слушающего сделать правильный выбор из имеющегося инвентаря языковых знаков и правил их сочетания для создания языковых структур" (Манфред 1987: 198). Наряду с указанными выше составляющими языковой компетенции, Г. И. Богин называет владение нормами орфографии, функциями язы-

ка, стилями и способность свободно оперировать целым текстом (Богин 1980: 7—11). Таким образом, языковая компетенция представляет собой многоаспектное явление, требующее разносторонних лингвистических умений и навыков.

Дж. Шуманн выделяет следующие факторы, влияющие на усвоение языка:

- социальные (длительность проживания в чужой культуре, характер взаимоотношений между группой неносителей и носителей языка и т. д.);

- аффективные (инструментальная и интегративная мотивации, культурный шок, отношение к культуре и т. д.);

- личностные (терпимость по отношению к неопределенности, уровень самооценки, эгоориентация);

- когнитивные (когнитивный стиль, зависимость/независимость от окружения);

- биологические и т. д. (Schumann 1974).

Несмотря на важность знания произносительных норм, лексики и грамматики иностранного языка, этого недостаточно для его правильного использования в конкретных коммуникативных ситуациях. Язык представляет собой один из аспектов общей психологической способности человека, которая определяет судьбу коммуникации. Эта идея согласуется с позицией Хомского, который разграничил *языковую компетенцию* (*linguistic competence*), т. е. внутреннюю грамматику некоего абстрактного носителя языка, и *лингвистическое исполнение* (*linguistic performance*) — понимание и продуцирование речи в реальных ситуациях общения.

Языковая компетенция выходит далеко за рамки овладения правилами пользования языком — она предполагает расширение собственной концептоферы и модификацию картины мира на основе межкультурного опыта. Согласно концепции, разработанной Ю. Н. Карауловым, личность функционирует на трех уровнях языковой компетенции: 1) вербально-семантическом (лексикон личности); 2) лингвокогнитивном (тезаурус личности, в котором запечатлена система знаний о мире, или "образ мира"); 3) мотивационном (деятельностно-коммуникативные потребности личности, отражающие ее прагматикон: систему целей, мотивов, установок) (Караулов 1987: 238).

В. И. Карасик также приходит к выводу о том, что "языковая компетенция допускает несколько измерений":

- 1) по признаку актуального/виртуального владения языком — действительное знание языка и социально-престижное приближение к языку;

2) по признаку нормативной правильности — языковая компетенция образованных и необразованных носителей языка;

3) по признаку системной правильности — языковая компетенция носителей языка и тех, кто говорит на неродном языке;

4) по признаку языкового богатства — языковая компетенция пользователей языка и экспертов, владеющих разнообразными литературными либо протолитературными стилями (Карасик 1992: 63—64).

В условиях МК языковая компетенция отвечает за правильный выбор языковых средств, адекватных для ситуации общения; верную референцию; соотнесение ментальных моделей с формами действительности; соположение ментальных схем и построений с когнитивным опытом; способность повторить однажды полученный языковой опыт в аналогичных коммуникативных ситуациях. Проблема овладения иностранным языком заключается в том, что учебные ситуации могут быть далеки от реального опыта, поэтому повторение их в условиях реального общения может представлять существенные трудности.

По сути языковая компетенция является понятием относительным, в особенности применительно к МК. Во-первых, относительность проявляется в том, что для оценки языковой компетенции представителей разных социальных групп используются неодинаковые критерии. Во-вторых, в разных культурах могут не совпадать представления о том, что такое правильное и неправильное языковое употребление. Например, некоторые формы, которые считаются нормативными для американского варианта английского языка, могут восприниматься британцами как неправильные. В-третьих, требования к владению родным языком выше, чем к владению иностранным. В-четвертых, оценка уровня компетенции различается в зависимости от целей коммуникации: человек может отлично справляться с бытовым общением, но не иметь достаточного уровня компетенции для того, чтобы выполнять более квалифицированные действия, например, объясняться с коллегами на профессиональные темы или обсуждать философские проблемы.

Поскольку язык теснейшим образом связан с мышлением, процесс межкультурного общения может порождать внутренний конфликт между уровнями языковой компетенции на родном и иностранном языках. Для человека, привыкшего точно выражать свои мысли на родном языке с высокой степенью детализации и семантической нюансировки, недостаток лингвистических средств на иностранном языке бывает мучителен. В ситуациях, когда регулярное участие в МК

неизбежно, это противоречие становится стимулом к совершенствованию языковых умений и переходу на более высокий уровень компетенции. В теории и практике преподавания иностранных языков существует множество методик определения уровня языковой компетенции учащихся для деления их на группы, дифференциации процесса обучения, оценки знаний и т. д.

Учитывая динамичность языкового значения, надо также иметь в виду, что оно подвержено изменениям в зависимости от характера языковой личности, его "присваивающей", контекста общения, времени употребления и т. д. Значение в тезаурусе каждой ЯЛ имеет определенный "шлейф" благодаря тому опыту языкового восприятия и употребления, который личность получила за время своего пользования языком. Этот "шлейф" включает коннотации, закрепленные в определенные хронологические периоды развития языковой единицы, изменения, которые претерпевает значение в ходе языкового развития, степень ассимиляции слова и т. д. Личность, только что вошедшая в языковой коллектив, даже предварительно пройдя хорошую подготовку у себя на родине и блестяще овладев фонетикой и грамматикой, часто пользуется "голым" языком, лишенным этого разделенного лингвистического знания.

Коммуникативная компетенция. Поскольку языковая компетенция охватывает лишь часть умений, необходимых для адекватного общения, большое значение приобретает понятие коммуникативной компетенции, впервые предложенное Д. Хаймсом.

Коммуникативная компетенция включает механизмы, приемы и стратегии, необходимые для обеспечения эффективного процесса общения. Требования к коммуникативной компетенции в МК еще более строгие, чем внутри одной культуры, т. к. предполагается понимание не только закономерностей человеческого общения как такового, а также учет многочисленных культурных различий, чуткость к малейшим изменениям коммуникативной ситуации и поведения собеседника. Коммуникант всегда должен исходить из собственного незнания чего-то, допущения возможности собственных ошибок и готовности их исправить. Здесь многократно возрастает роль интуиции и эмпатии.

Составляющими коммуникативной компетенции применительно к МК являются:

➤ активность:

- умение интерпретировать специфические для данной культуры сигналы готовности собеседника вступить в МК или, напротив, нежелания общаться (*unmessages*);

- степень вовлеченности в общение, умение определить долю говорения и слушания в зависимости от ситуации и культурных норм;
- эффективность, т. е. умение адекватно выразить свою мысль и понять мысль собеседника;
- умение направить беседу в нужную колею;
- умение подавать и интерпретировать сигналы мены коммуникативных ролей и сигналы завершения общения, приемлемые для данной культуры;
- уместность, т. е. адекватный выбор:
  - коммуникативной дистанции;
  - темы беседы;
  - дискурсивного жанра, регистра и тональности общения;
  - вербальных и невербальных средств;
  - речевых стратегий;
- динамичность:
  - эмпатия — чуткое отношение к настрою собеседника, "прочитывание" вербальных и невербальных сигналов обратной связи, способность к сопереживанию;
  - приспособляемость с учетом социального статуса коммуникантов и межкультурных различий;
  - гибкость в выборе и переключении тем;
  - высокая степень готовности к корректировке собственного коммуникативного поведения.

Особо важным для успешности МК является "прочтение" сигналов нарушения понимания и своевременное "включение" обратной связи.

Культурная компетенция. Еще одним важнейшим фактором, необходимым для эффективной МК, является культурная компетенция, которая предусматривает понимание пресуппозиций, фоновых знаний, ценностных установок, психологической и социальной идентичности, характерных для данной культуры.

Понятие культурной компетенции в определенной мере совпадает с понятием культурной грамотности. Выделение показателей культурной грамотности — это сложная, противоречивая и много обсуждаемая в научном мире проблема, которая носит не только теоретический, но и прикладной характер. Каким объемом информации должен обладать человек, чтобы считаться культурно грамотным? Должна ли это быть местная или мировая культура, и если мировая, то должна ли она практически полностью сводиться к западной культу-

ре, как это принято в современном мире? И, наконец, можно ли выразить ее в количественном и материальном виде?

Самой известной и (возможно поэтому) самой критикуемой попыткой в этом направлении является монография *"Cultural Literacy"* (Hirsch 1988) и одноименный словарь Э. Д. Хирша (Hirsch et al. 1993) — ярого приверженца американской аккультурации, который приравнивает национальный тезаурус к американской валюте — доллару. Суть концепции Хирша — это попытка представить культурный тезаурус образованного американца как основу эффективной коммуникации внутри американской культуры — того, что он называет "национальной коммуникацией". Хирш пишет о культурной грамотности как явлении, призванном создать "дух коммунальной кооперации". Он включает в нее фоновые знания, которые позволяют носителю культуры взять газету и читать ее с адекватным уровнем понимания как эксплицитной, так и имплицитной информации, соотнося читаемое с тем подразумеваемым контекстом, который придает смысл написанному. Культурная грамотность, с точки зрения Хирша, "делает нас хозяевами стандартного инструмента познания и коммуникации, таким образом позволяя нам передавать и получать сложную информацию устно и письменно, во времени и пространстве" (1988: 2—3). Представляется, что усилия Хирша заслуживают высокой оценки, потому что, несмотря на определенную степень субъективности при составлении тезауруса, 90% консультантов согласились с его отбором языковых единиц, включенных в словарь. Хирш пишет: "История решила, каковы эти элементы. Это среда публичного дискурса, инструменты, с помощью которых мы можем передать свои взгляды другому человеку и принимать решения демократичным путем" (Там же: 107).

Оппоненты Хирша считают, что попытка жесткого отбора тезауруса культурно грамотного человека может стать инструментом классовой структуры, имеющей своей целью стандартизацию американского общества. Существует мнение, что словарь Хирша полезен лишь для того сектора населения, который получает наиболее институциональное образование и, к сожалению, лишь в незначительной степени представляет страну в целом.

Очевидно, что культурная компетенция, необходимая для эффективного межкультурного общения, предполагает совпадение объемов культурной грамотности собеседников в той части, которая касается предмета и контекста коммуникации. Поскольку МК по сути своей асимметрична (см. гл. 4, §2), более тяжкое бремя падает на неносителя культуры, в которой находятся коммуниканты.

Культурная компетенция участника МК предполагает умение извлекать информацию из таких единиц языка, как топонимы, антропонимы, названия политических реалий, известных книг, фильмов и т. д., и дифференцировать ее с точки зрения значимости для межкультурного общения. Например, для адекватного общения с носителем американской культуры необходимо знать, что Т. Джефферсон был автором Декларации независимости, известным ученым и человеком энциклопедического мышления. Однако средний американец вряд ли сможет с точностью назвать обстоятельства его смерти. С другой стороны, всем известны время и трагические обстоятельства гибели А. Линкольна или Дж. Кеннеди. Очевидно, ориентиром должен служить объем культурной грамотности потенциального собеседника (условно "среднего русского" и "среднего американца").

Необходимо иметь в виду, что объем культурной грамотности состоит не только из культурно-специфической информации, но и информации о мире в целом (за пределами стран, представляемых коммуникантами). Э. Д. Хирш жалуется, что в последние десятилетия американские выпускники школ лишены культурного словаря, которым владели предшествующие поколения, и называет это явление "новой безграмотностью" (*new illiteracy* — Hirsch 1988: 108). Опыт общения с молодыми американцами и преподавания в американских вузах позволяет нам согласиться с этой точкой зрения и утверждать, что "новая безграмотность" становится серьезным барьером на пути к межкультурному пониманию.

Культурная грамотность — это наиболее динамичный компонент компетенции. Наряду с достаточно стабильными историческими и географическими данными, существуют элементы, связанные с текущей политической ситуацией, скандалами, модой и т. д., которые быстро возникают и сглаживаются в памяти носителей культуры. Этот динамизм требует постоянного пополнения объема культурной грамотности.

Компетенция не существует в отрыве от коммуникации. Именно в конкретных коммуникативных ситуациях выявляется уровень языковой и иных видов компетенции. Коммуникант не осознает своей некомпетентности в тех сферах общения, которые, в силу обстоятельств, остаются для него закрытыми.

МК представляет собой ту редкую область, где различные виды компетенции (языковая, культурная, коммуникативная) могут существовать в отрыве друг от друга. Человек, великолепно владеющий языком, может при этом обладать недостаточным уровнем коммуни-

кативной и культурной компетенции (как нередко случалось в Советском Союзе, когда тексты для изучения английского языка были построены на рассказах о телемастере Иванове, члене Коммунистической партии, живущем на улице Горького в Москве). С другой стороны, коммуникант может быть хорошо знаком с историей и культурой другой страны, но не владеть иностранным языком. Человек, не знающий ни того ни другого, но имеющий от природы талант общения, умеющий прислушиваться к тончайшим нюансам настроения собеседника, может находить с ним "общий язык", пользуясь невербальными средствами общения или услугами переводчика. Типична также ситуация, когда иммигрант, плохо владеющий иностранным языком, но достаточно долго проживший в данной культуре, умеет эффективно общаться, пользуясь минимальным набором усвоенных вербальных и невербальных средств. Но так или иначе все эти варианты ущербны. Вот почему в высшей степени недальновидно то, что американские журналисты долгие годы живут в России, так и не выучив языка, и в своих оценках ситуации опираются на мнение узкого круга знакомых, говорящих по-английски.

Разную степень полноценности функционирования в чужой культуре обеспечивают разные уровни межкультурной компетенции: 1) уровень, необходимый для выживания; 2) уровень, достаточный для "вхождения" в чужую культуру; 3) уровень, обеспечивающий полноценное существование в новой культуре — ее "присвоение"; 4) уровень, позволяющий в полной мере реализовать идентичность языковой личности.

Для адекватного межкультурного понимания и эффективной деятельности в контексте МК нужна прямо пропорциональная зависимость между уровнями языковой, коммуникативной и культурной компетенции. В случае асимметрии велика вероятность непонимания, т. к. от человека, великолепно владеющего языком, ждут соответствующего уровня культурной грамотности и обращаются к нему, как к носителю, ожидая, что он обладает достаточным объемом культурологической информации.

В условиях МК индивид может быть склонен занижать или завышать уровень своей культурно-языковой компетенции. Это в значительной степени связано с психологическими характеристиками личности. Некоторые коммуниканты испытывают неуверенность при употреблении иностранного языка, другие готовы обойтись минимальными языковыми средствами. Как недооценка, так и переоценка собственной межкультурной компетенции и компетенции адреса-

та становятся помехами в коммуникации. Переоценив уровень компетенции своего иностранного партнера, носитель языка перестает делать поправку на недостаток его языковых и культурных знаний, в результате чего существенная часть информации может быть утрачена. При недооценке собеседника коммуникант начинает использовать упрощенную речь, которая, как отмечает В. И. Карасик, обычно бывает обращена к маргинальным личностям — детям, иностранцам, больным, в результате чего у получателя речи возникает вопрос: "За кого вы меня принимаете?" (Карасик 1992: 60).

За достаточный уровень межкультурной компетенции мы принимаем совокупный уровень языковой, коммуникативной и культурной компетенции, обеспечивающий возможность адекватного общения в конкретной социальной группе (включая профессиональный, возрастной и статусный параметры).

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ

КОДИРОВАНИЕ

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

КУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

ОГРАНИЧЕННЫЙ ЯЗЫКОВОЙ КОД

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ

РАЗВЕРНУТЫЙ ЯЗЫКОВОЙ КОД

СМЕШЕНИЕ КОДОВ

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

1. Какие знаки могут выступать в качестве культурного кода?
2. Какие факторы влияют на способы кодирования и декодирования информации?
3. Как вы полагаете, может ли декодированная информация полностью совпасть с информацией, которая была закодирована отправителем? Почему?
4. Что такое "состыковка кодов" и каким образом она влияет на успех межкультурной коммуникации?
5. В каких условиях коммуниканты пользуются переключением кодов?

6. Приведите примеры смещения кодов. Наблюдается ли это явление в вашей собственной речи? Если да, то что необходимо для взаимопонимания с вашим собеседником?

7. Объясните разницу между языковой компетенцией и языковым (лингвистическим) исполнением (по Н. Хомскому). Суммируйте все, что говорится в разделе о формах проявления языковой компетенции.

8. В чем проявляется искусство общения (коммуникативная компетенция)? Может ли человек, не слишком хорошо владеющий нормами языка, быть великолепным коммуникантом? Обоснуйте свою точку зрения.

9. Что такое культурная грамотность? В какой мере это понятие совпадает с культурной компетенцией?

10. Что включает понятие межкультурной компетенции?

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Какие виды компетенции необходимы русскому иммигранту для жизни в русской общине США (например, Брайтон Бич)? для работы в американской корпорации? американскому преподавателю для работы в московском вузе? в сельской школе?

2. Каких известных людей вы назвали бы обладающими наивысшей коммуникативной компетенцией? Обоснуйте свой выбор. Коллективно составьте "Зал славы коммуникантов".

Глава 4. МОДЕЛИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОЦЕССА. МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОПОНИМАНИЕ

Misunderstandings do not exist, only
the failure to communicate.

South-East Asian proverb

§1. Модели межкультурной коммуникации

Членение коммуникативного акта и построение моделей коммуникации не являются для исследователей самоцелью. Они используются как средства постижения сущности и механизмов человеческого общения. Большое количество и разнообразие моделей определяются динамическим характером коммуникации и принципом множественности описания системы, причем каждая модель создается с

конкретной целью, которую в том или ином случае ставит перед собой ученый. Представляется, что наиболее интересные для целей нашего исследования модели могут быть сгруппированы в соответствии с тем, какие аспекты коммуникации являются для них ключевыми.

Для начала рассмотрим модели, которые характеризуют процесс общения с точки зрения его участников, их коммуникативного поведения и характера взаимодействия между ними. Так или иначе, все предлагаемые схемы включают *отправителя* и *получателя* информации, *сообщение*, выраженное в вербальной или невербальной форме, и *обратную связь*.

Согласно модели на рис. 1, некий отправитель (источник) сознательно или бессознательно посылает получателю (адресату) информацию о референте в закодированной форме, причем сообщение включает по меньшей мере три элемента: вербальные стимулы (слова), физические стимулы (жесты, мимику, телодвижения) и голосовые, или вокальные, стимулы (громкость, темп речи, тембр голоса, интонация). Реакцией получателя, декодирующего информацию, является положительная или отрицательная обратная связь. Поведение участников, т. е. отправление сообщения и ответная реакция, зависит от контекста, коммуникативной компетенции собеседников, отношения к тому, о чем идет речь, и прошлого опыта. Отправляемая и получаемая информация не идентичны в связи с влиянием помех, хотя последние не отражены на схеме.

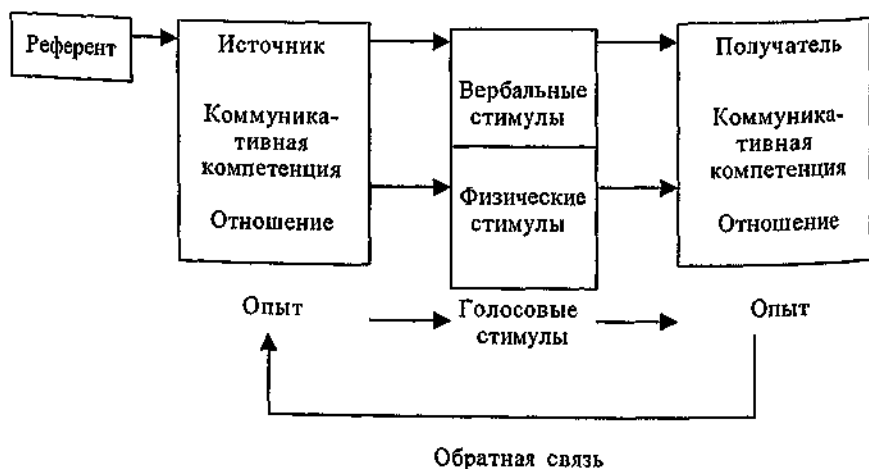

Рис. 1. Бихевиористская модель Дж. Р. Миллера

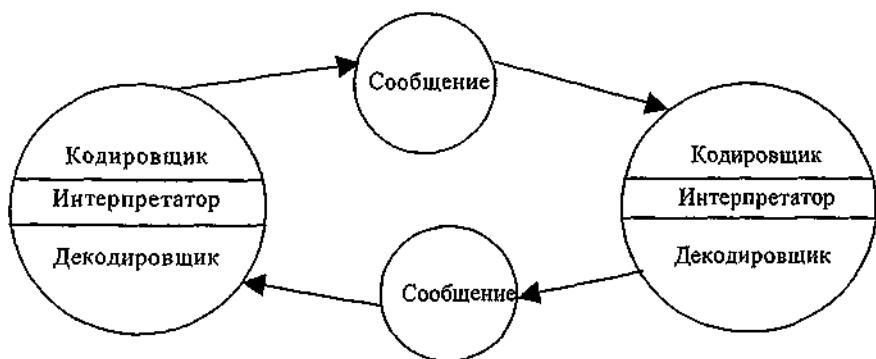

Рис. 2. Круговая модель У. Шрамма

В модели на рис. 2 коммуникация воспринимается не как линейный, а как циклический круговой процесс. Оба собеседника одновременно рассматриваются как кодировщики и декодировщики информации, по-разному интерпретирующие одно и то же сообщение, в зависимости от "психологического фрейма референции", представляющего собой своего рода коммуникативную помеху. В видоизмененном ракурсе рассматриваются роли и функции участников: с точки зрения автора, ни одна из сторон не является в чистом виде отправителем или получателем информации — скорее, обе они одновременно и отправляют, и получают сообщения, используя различные коммуникативные каналы.

Модель на рис. 3 соединяет в себе сильные стороны двух предыдущих: коммуникация осуществляется по кругу, ответственность за отправку и получение информации распределена между обеими сторонами, сообщения могут передаваться по одному или нескольким каналам, характер взаимодействия зависит от контекста коммуникации. Помехи могут возникать на всех этапах взаимодействия и влиять как на отправляемую, так и на получаемую информацию; они могут создаваться контекстом, присутствовать в каналах коммуникации или возникать в самом сообщении.

Модель на рис. 4 показывает, каким образом возникает и развивается коммуникация индивидуума с момента его рождения, подчеркивая также то обстоятельство, что поведение индивидуума в каждый конкретный момент времени зависит от предшествующего опыта и воздействует на будущие действия. Она указывает на то, что ком-

муникация носит аддитивный и кумулятивный характер, не имеет четкого момента начала и конца. Взаимодействие коммуникативных спиралей показано на рис. 5.

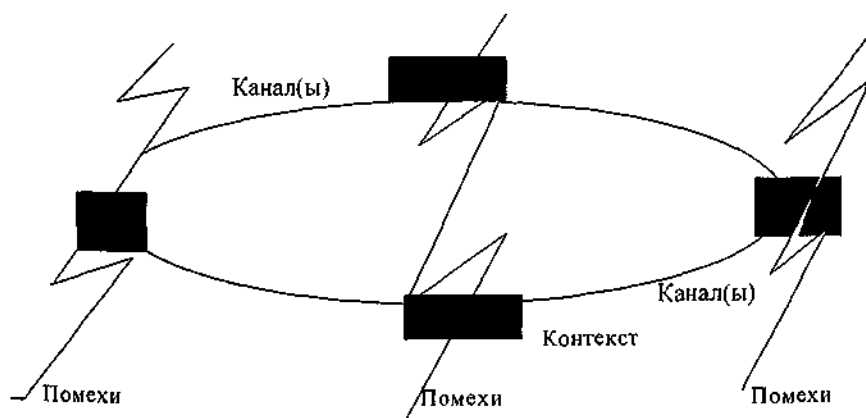

Рис. 3. Модель Гэмбла и Гэмбла (Gamble and Gamble 1990)

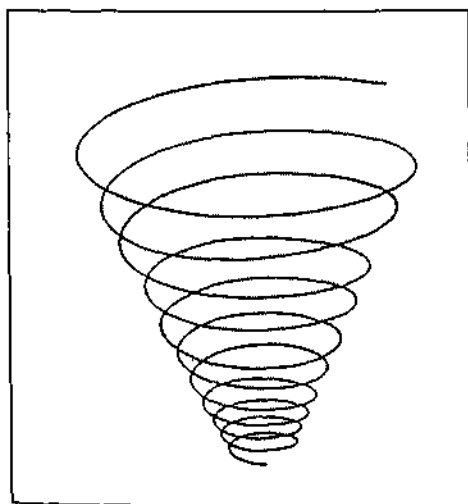

Рис. 4. Спиралевидная модель Ф. Дэнса

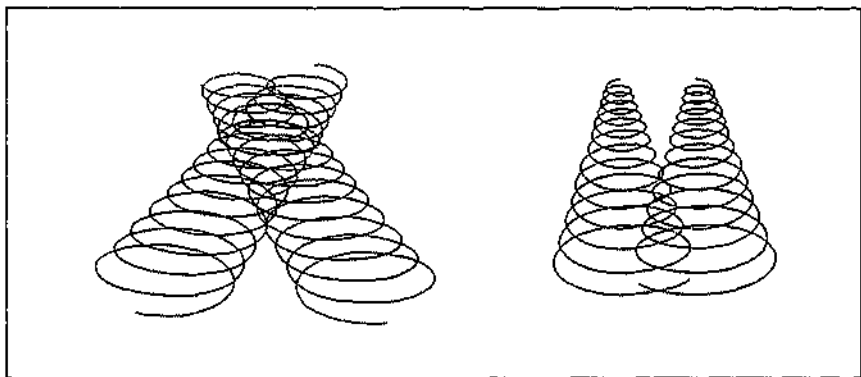

Рис. 5. Варианты взаимодействия коммуникативных спиралей

Места соприкосновения спиралей указывают на наличие контакта между коммуникантами, т. е. на отправление и получение сообщений. Некоторые спирали соприкасаются только один раз в жизни, другие могут пересекаться неоднократно или находиться в состоянии продолжительного контакта. Сильная сторона этой модели — более высокий уровень рассмотрения динамического характера коммуникации, учет динамики не только в процессе конкретного речевого акта, но и в течение всей жизни коммуникантов. При этом принимается во внимание прежний опыт коммуникантов, накопление опыта, изменения, происходящие по мере развития личности, длительность контакта, процесс и направление развития и передачи информации и т. д.

Учет причин, по которым стороны вступают в общение, побуждают исследователей ввести в состав моделей понятия мотива и цели, которые оказывают решающее влияние на весь ход коммуникации.

Важное место в моделях коммуникации занимают обстоятельства общения, основной составляющей которых является контекст. Социальные обстоятельства и требования коммуникативной ситуации становятся объектом пристального внимания в социолингвистических моделях коммуникации (детальный анализ см. в кн.: Карасик 1992: 21—23, 133—139).

Важным параметром моделирования коммуникации является способ представления процессов вербализации и понимания. Изучая способы передачи информации в коммуникативном процессе, М. Л. Макаров сводит различные модели к трем основным группам:

1. Информационно-кодовые модели, основанные на кибернетической схеме Шеннона и Уивера и адаптированные для представления человеческой речевой коммуникации (Кибрик, Почепцов, Жинкин и др). Код используется для того, чтобы сделать содержание сообщения общим для отправителя и получателя, однако, как справедливо утверждает М. Л. Макаров, такая модель не в состоянии адекватно описать проблемы коммуникации, т. к. процессы кодирования и декодирования не исчерпывают процесса интерпретации.

2. Инференционные модели (Грайс), основанные на принципе выводимости знания и иницирующие не желание передать информацию, а стремление сделать свои интенции понятными другим. М. Л. Макаров полагает, что и этот подход недостаточен для передачи всей сложности процесса коммуникации.

3. Интеракционные модели, согласно которым целью коммуникации является не трансляция информации и манифестация намерения, а демонстрация смыслов, не обязательно предназначенных для распознавания и интерпретации реципиентом. С точки зрения Макарова, из трех приведенных выше моделей интеракционная наиболее полно соответствует дискурсивной онтологии (Макаров 1998: 22—27).

Сложность процесса коммуникации побуждает исследователей совершенствовать модели, включая в них все большее количество компонентов и параметров и учитывая влияние многочисленных факторов.

Определенный интерес представляет синтоническая модель общения, активно используемая в НЛП (нейролингвистическом программировании). Последнее представляет собой результат слияния психологии, лингвистики и математики; его приемы используются в педагогике, менеджменте, психотерапии и бизнесе (Столяренко 1997: 649). Слово "синтония", или "синтоника", означает "гармония с собой и другими". В терминологическом значении по отношению к процессу общения оно используется для обозначения настроя коммуникантов "на одну волну", выбора лингвистических и экстралингвистических средств, наиболее благоприятных для адекватной коммуникации. В синтонической модели коммуникация представлена как результат сложного взаимодействия процессов восприятия и мышления. Она построена на основных умениях, необходимых для эффективного общения (определение желаемых целей, сенсорная острота, гибкость, конгруэнтность, раппорт, ресурсное состояние), и делит процесс овладения ими на части или шаги (Столяренко 1997: 649—659).

Существует также ряд моделей, предназначенных специально для отображения закономерностей межкультурной коммуникации. Ниже анализируются некоторые модели, приведенные в книге Л. Деймен *"Culture Learning: The Fifth Dimension in the Language Classroom"* (Damen 1987).

В модели на рис. 6 отражена дисфункция символической коммуникации. На схеме изображены три культуры. Различная форма фигур указывает на степень сходства и различия между ними: культуры А и В имеют больше сходных черт между собой, нежели с культурой С. Расстояние между ними указывает на дистанцию между культурами. Индивидуумы представлены в виде внутренних фигур, которые своей формой не полностью повторяют форму культур, что указывает на отступления от общей модели вследствие того, что, во-первых, культура является не единственным фактором, формирующим личность, а, во-вторых, индивидуумы внутри одной культуры в определенной степени отличаются друг от друга.

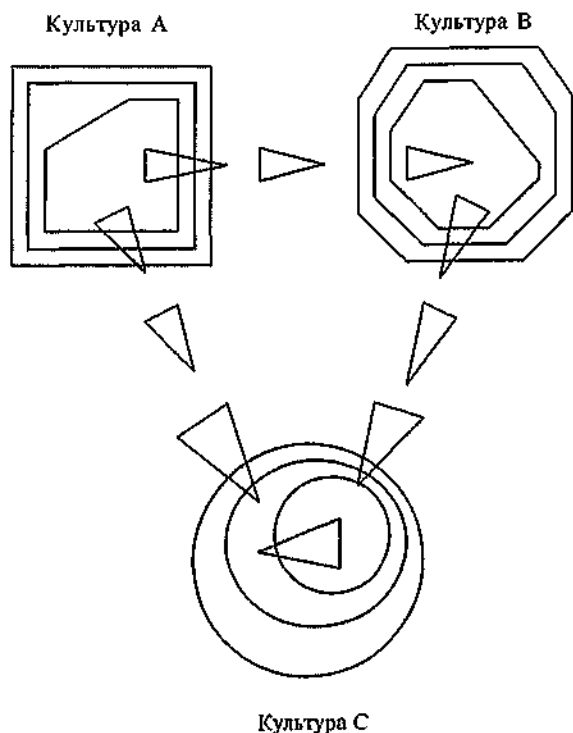

Рис. 6. Модель Портера и Самовара

Модель Гудикунста и Кима выводит акт коммуникации на индивидуальный уровень и показывает, каким образом культурные, социокультурные и психокультурные факторы влияют на процесс общения. На схеме круги обозначают индивидуумов. Окружение, в котором осуществляется коммуникация, показано пунктирной линией, поскольку оно не является изолированным пространством или закрытой системой; при этом могут присутствовать другие люди и осуществляться другие формы воздействия. Культурные, социокультурные, психокультурные и личностные влияния служат концептуальными фильтрами, ограничивающими объем информации, который попадает в поле зрения коммуникантов. Психокультурные влияния выступают в роли так называемых когнитивных и аффективных переменных, а социокультурные факторы относятся к области социальной организации коммуникативного процесса. В обеих моделях (рис. 6, 7) внимание сосредоточено на компонентах межкультурного взаимодействия и условиях, влияющих на коммуникативный процесс.

П. Рорлих предложил унифицированную концепцию МК, включающую три уровня анализа: внутриличностный, межличностный и синтетический (Rohrlich 1983; воспроизводится по: Damen 1987: 40—42):

Таблица 1

Уровень	Признаки/характеристики	Процессы
Внутриличностный	Когнитивные/перцептуальные	Психологические
Межличностный	Интерпретационные	Коммуникативные
Синтетический	Системные	Адаптационные

На первом уровне основное внимание уделяется индивидуальным чертам личности, уникальности и неповторимости восприятий в результате личного опыта коммуниканта. На этом уровне развивается индивидуальная картина мира, возникает и преодолевается культурный шок, процветает этноцентризм, вступают в противоречие системы внутренних и групповых восприятий и ценностей. Второй — межличностный уровень — является интерпретационным. Здесь происходит столкновение индивидуальных миров и картин мира. Именно для этого уровня исследователи заняты поиском межкультурных вариаций коммуникативного стиля, интерпретации и перевода. На третьем — синтетическом — уровне срабатывает положительный или отрицательный результат обратной связи, осуществляется развитие межкультурного сознания, понимания, эмпатии, межкультурных коммуникативных умений и навыков, т. е. всего того, что в теории МК называют "третьей культурой".

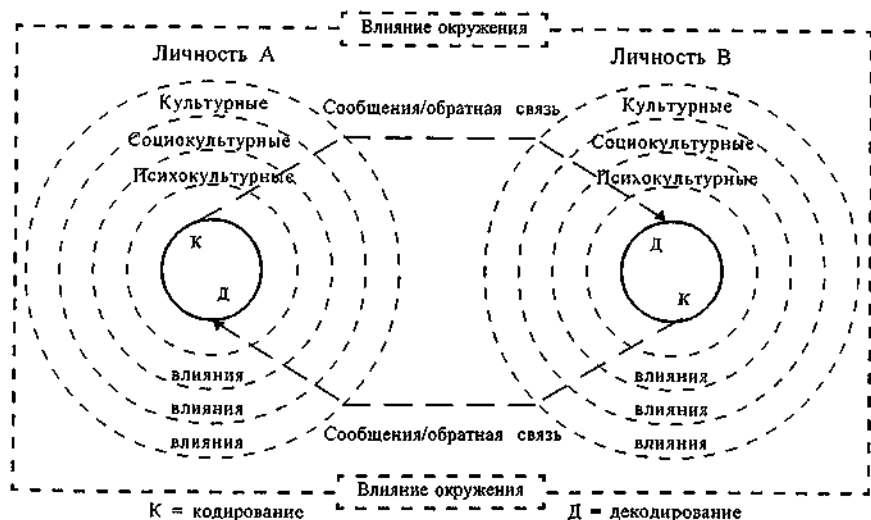

Рис. 7. Модель Гудикунста и Кима

Л. Деймен выводит суммарную модель МК (Damen 1987: 44) под названием "Зеркало культуры" (см. рис. 8).

Предлагаемая нами системно-динамическая модель МК опирается на принцип анализа культуры как целостной многоуровневой открытой сверхсистемы в масштабах человеческой цивилизации и индивидуальных культур как составляющих ее систем (Клюканов 1999). Такой подход позволяет рассматривать МК как передачу информации от одной системы другой. С этой точки зрения при анализе МК важно определить место России и США в иерархии культур, их соотношение, характер взаимодействия между ними и влияние этого взаимодействия на статус английского и русского языков. При этом МК рассматривается как динамическая сущность, которая отражает изменения во времени и пространстве. Большое значение в процессе системного анализа приобретают возможность рассмотрения МК в аспекте синхронии и диахронии, а также исследование стратификационного деления общества и его влияния на МК. Анализируемое в таком ракурсе межкультурное общение предстает не как одномерный, линейный процесс, а как сеть связей и отношений, пронизывающих человеческое общество по горизонтали и вертикали и обусловленных свойствами его структуры.

МК представляет собой как постоянный обмен информацией между индивидуальной культурой и ее окружением. Это позволяет пре-

Рис. 8. Зеркало культуры

одолеть подход к отдельным культурам как непроницаемым системам, восприятие мира как совокупности дихотомий (Мы — Они), дает понимание культуры мира как континуума, внутри которого изменения в одной системе влияют на состояние других систем (Klyukanov 1999). С этой точки зрения становится понятным характер взаимодействия языков в мире, сложность, многомерность и парадоксальность этого взаимодействия. Так, экспансия английского языка, с одной стороны, способствует межкультурному пониманию, с другой — угрожает идентичности других языков и народов; с одной стороны, усиливается влияние английского языка в мире, с другой — наблюдается выхолащивание его национально-культурного содержания.

Иерархичность культуры как системы также отражается в многоступенчатом подходе к рассмотрению языковой личности, которая представляет собой единство коллективного и индивидуального, что проявляется в характере соответствующей языковой картины мира, также составляющей совокупность общего и частного. При этом языковая личность находится в постоянном взаимодействии с культурой. Набор вербальных и невербальных средств, используемых в качестве культурно-языкового кода и составляющих "инвентарь" МК, тоже может быть рассмотрен в новом ракурсе — с позиций взаимосвязи и взаимовлияния единиц различных уровней друг на друга и создания многомерного эффекта в передаче информации социокультурного характера.

Схема на рис. 9 отражает системный характер российско-американской межкультурной коммуникации.

Модель отражает следующие макрофакторы, влияющие на эффективность МК:

- место России и США в иерархии культур и характер взаимодействия между ними;
- соотношение социальной стратификации российского и американского общества;
- сходства и различия типологических характеристик русской и американской языковых личностей;
- соотношение используемых в общении культурно-языковых кодов.

Согласно развиваемой нами концепции, основными причинами, определяющими динамику МК, являются:

- постоянное развитие общества и культур; при этом важно отдавать себе отчет, что развитие разных культур происходит с разной степенью интенсивности, и поэтому возможны хронологические нестыковки между ними;

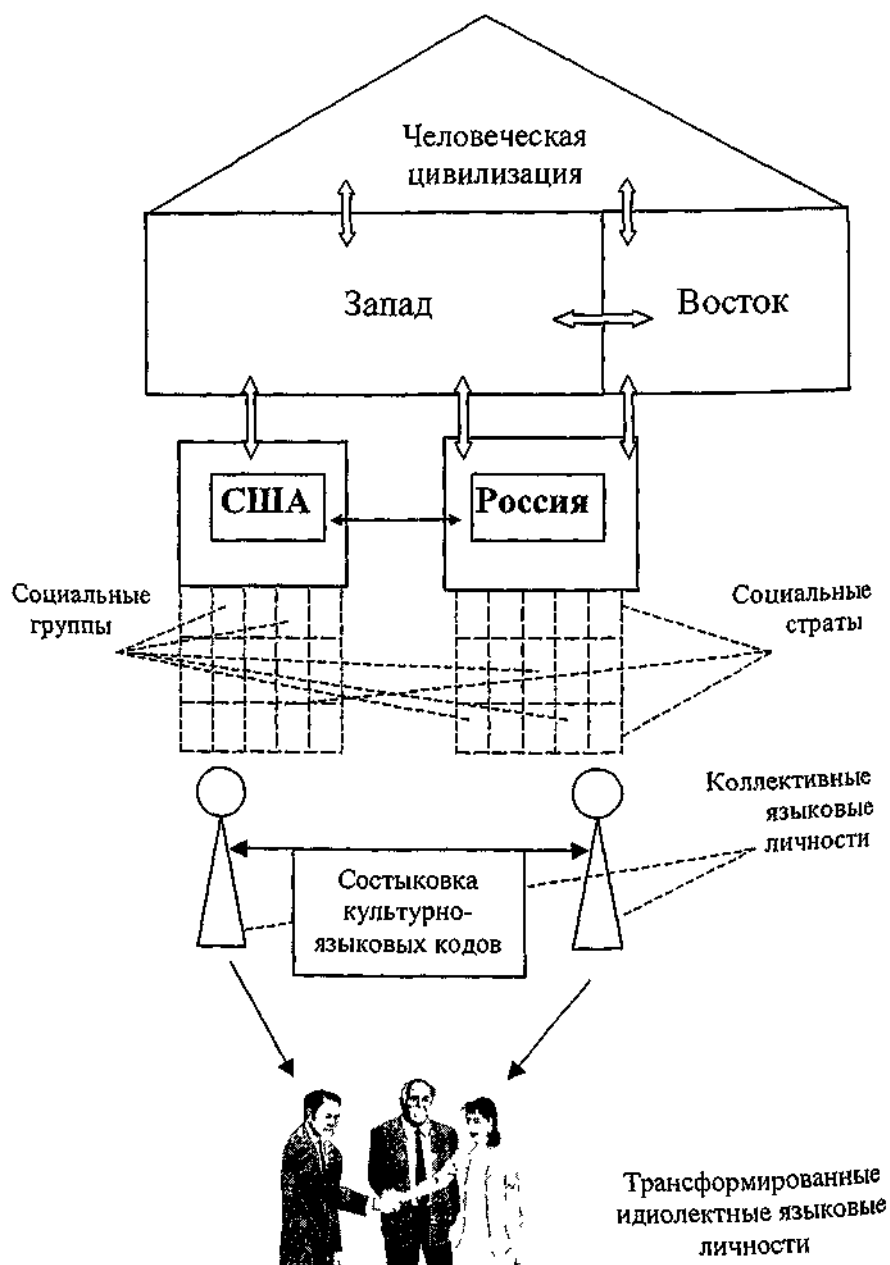

Рис. 9. Модель российско-американской межкультурной коммуникации

- соответствующее развитие языковых личностей;
- развитие языков; говоря о динамике языка во времени, надо учитывать, что в определенные исторические периоды язык может представлять собой сгусток "объединенной духовной энергии народа" (в терминологии В. Гумбольдта), а в другие — может "разжижаться" и ослабляться;
- постоянное взаимодействие культур и обмен информации между ними; разная степень интенсивности взаимодействия; изменение систем связи, возникновение новых средств коммуникации.

Результатом МК становится *межкультурная трансформация* — согласно теории, разработанной Кимом и Рубеном (Kim and Ruben, 1988; см. также: Dahl 1998). Идея трансформации является центральной для разрабатываемой нами концепции. Она может осуществляться на следующих уровнях:

- трансформация культур (глобализация vs. культурный империализм, симметрия vs. асимметрия, равенство vs. неравенство); положительное развитие предусматривает усвоение богатства и многообразия других культур без утраты собственной культурной самобытности, отрицательное — бездумное усвоение инокультурных влияний;
- трансформация языковой личности (см. гл. 13);
- трансформация уровня языковой, культурной и коммуникативной компетенции; на высоком уровне достигается способность осуществлять "стыковку" между двумя культурно-языковыми кодами.

§2. Понимание как цель межкультурной коммуникации

Выразить словом то, что понимаешь, так, чтобы другой понял тебя, как ты сам, — дело самое трудное; и всегда чувствуешь, что далеко, далеко не достиг того, что должно и можно.

Л. Н. Толстой

Одно из важнейших желаний человека — быть понятым окружающими. Причины, ради которых человек ищет понимания, могут быть различными: любовь, честолюбие, чувство долга, научные, культурные или экономические интересы, однако во всех случаях остается задача наиболее полно донести свою информацию до собеседни-

ка. Это стремление приводит к тому, что мысли и эмоции индивида воплощаются в актах речевой коммуникации.

Проблемы понимания разрабатываются психологами, философами, лингвистами, специалистами в области коммуникации, компьютерной лингвистики и т. д. (см. работы Ф. де Соссюра, Л. С. Выготского, А. А. Леонтьева, П. Торндайка, Ч. Осгуда, А. Р. Лурии, И. А. Зимней, Л. В. Сахарного, В. З. Демьянкова, Т. М. Дридзе, А. А. Залевской, Р. Водак, Н. И. Жинкина, Т. А. ван Дейка, В. Кинча, Г. И. Богина, В. И. Карасика, М. Л. Макарова и др.).

Б. Рассел, Л. Витгенштейн и другие исследователи лингвофилософских проблем отмечают ряд слабостей естественного языка, которые не всегда позволяют ему быть адекватным носителем смысла: многозначность слов и выражений, нечеткую логическую структуру фраз, молчаливые соглашения и психологические ассоциации. "Язык переодевает мысли", — пишет Л. Витгенштейн. Как за внешними формами одежды лишь угадываются формы тела, так и за языковой оболочкой скрывается подлинная логическая суть мысли. Поскольку язык направлен не только на точное выражения мысли (а порой используется и в прямо противоположных целях), он содержит множество помех для реализации этой задачи (Козлова 1972: 57—58).

Эффективность общения прямо пропорциональна уровню взаимопонимания между коммуникантами. Под взаимопониманием в данном случае мы имеем в виду совпадение объемов информации, зашифрованной в сообщении адресантом и верно расшифрованной адресатом. Однако С. А. Сухих и В. В. Зеленская приводят данные, говорящие о том, что лишь 30% сообщаемой информации понимается, остальная ее часть теряется в процессе коммуникации (Сухих, Зеленская 1998: 52). Если эти поразительные цифры верны, то можно предположить, что в процессе МК, в силу культурно-языковых различий, потеря информации будет еще более значительной.

Для достижения взаимопонимания необходима некая совокупность инвариантных знаний, общих для всех коммуникантов, которая в работах ученых получила разные наименования: "единый тотальный горизонт", "жизненный мир" (Э. Гуссерль), "предпонимание" (Х. Д. Гадамер), "разделенное знание" (Д. Хирш; Е. Рош и др.).

Понимание обязательно предполагает возможность непонимания как своей противоположности. "Там, где не может быть непонимания, не может быть и понимания", — пишет Г. И. Богин (Богин 1986: 8). Похожую мысль высказывает М. Бирвиш: "Различные типы непонимания представляют дополнительную иллюстрацию уровней пони-

мания". Он рассматривает непонимание как конкретный тип понимания, при котором слушатель приписывает знаку внутреннюю репрезентацию, отличающуюся на одном или нескольких уровнях от того, что имеет в виду говорящий (Бирвиш 1988: 97).

Таким образом, понимание носит относительный характер. Оно основывается на знании, а последнее отражает диалектику относительной и абсолютной истины. Понимание можно схематически представить как шкалу, на полюсах которой будут находиться полное непонимание и полное понимание как внутренние противоречия, которые, с одной стороны, исключают друг друга, а с другой — не могут существовать одно без другого. Отрицая друг друга, они в то же время взаимопроницаемы и являются внутренним источником саморазвития информационного процесса.

Дж. Стайнер высказывает парадоксальное мнение о том, что истинное понимание возможно только при полном молчании (Steiner 1975: 286). В таком случае молчание надо понимать как отсутствие использования всякой семиотической системы. На деле молчание в дискурсе бывает очень красноречиво и может быть по-разному интерпретировано коммуникантами.

Как полное непонимание, так и полное понимание будет представлять собой идеальный конструкт, поскольку при общении индивидов ни то, ни другое не может существовать в чистом виде. Даже во взаимодействии людей, принадлежащих к разным цивилизационным типам и не знающих языка друг друга, все равно хотя бы малая часть коммуникативных сигналов будет расшифрована верно, благодаря наличию универсальных человеческих свойств и реакций на окружающий мир. С другой стороны, полное понимание достигалось бы, если бы процесс декодирования зеркально отражал процесс кодирования. Но это даже теоретически невозможно по целому ряду причин, включая индивидуальные различия коммуникантов, их принадлежность к разным социокультурным группам, а также динамический характер коммуникативного процесса.

Оригинальный подход к репрезентации динамического характера понимания нашел свое выражение в спиралевидной модели понимания текста А. А. Залевской. Согласно этой модели, слово как ключевая единица "запускает в действие сложную совокупность процессов функционирования индивидуального знания", осуществляемых "при постоянном взаимодействии "восходящих" и "нисходящих" процессов отождествления с продуктами предшествующего опыта, синтезирования и прогнозирования". Залевская уподобляет процесс иден-

тификации слова "двунаправленному раскручиванию гипотетической спирали", нижняя часть которой символизирует предшествующий опыт человека, а верхняя — перспективу развертывания данного сообщества (Залевская 1992: 90—91).

Н. И. Жинкин трактует понимание как перевод с общенационального языка на язык интеллекта (Жинкин 1982). Одним из парадоксов языка как средства выражения мысли является разложение беспорядочного мышления на единицы, соответствующие языковым, о которых пишет Ф. де Соссюр: "Мышление, хаотичное по природе, принуждено уточняться, разлагаясь". Далее он делает вывод о том, что таинственная взаимосвязь мысли и знака "требуется наличия делений, и что язык вырабатывает свои единицы, оформляясь между двумя бесформенными массами" (Соссюр 1933: 116). Признавая справедливость этой точки зрения, мы возвращаемся к традиционному "заколдованному кругу": что первично — язык ли членит хаотичное мышление в соответствии с тем, как в нем категоризируется мышление, или, наоборот, национально-специфическое мышление диктует языку способ членения на единицы?

Можно предположить, что первоначально разложение языка на элементы происходило под воздействием окружающего мира. По мере усложнения человеческого мышления и языка как способа его выражения, эти два процесса стали осуществляться как взаимонаправленные и взаимодополняющие. Сегодня можно найти немало примеров того, как язык устанавливает границы, в которые должна уложиться наша мысль. Например, многочисленные объекты, обозначаемые в русском языке словами *платок*, *косынка*, *шарф*, *пионерский галстук*, *кашине*, в английском языке входят в объем понятия *scarf*. Никто не станет отрицать, что русские видят сходство между платком и косынкой, однако сходство это для русских недостаточно для того, чтобы назвать их одним и тем же словом, как это происходит в английском языке. Носители английского языка воспринимают действие *kneel* как монолитное, в русском же языке оно осмысливается как раздельнооформленное: *становиться на колени*.

Но даже в тех случаях, когда при межъязыковом сопоставлении языковые единицы считаются эквивалентными, они, согласно классическому мнению В. Гумбольдта, выступают как "пограничные знаки одного и того же пространства в области мышления, которые, однако, никогда не покрывают друг друга целиком", в результате чего, "как бы ни был богат и плодотворен вечно юный и вечно подвижный язык, никогда невозможно представить подлинный смысл, совокуп-

ность всех объединенных признаков подобного слова как определенную и завершенную величину" (Гумбольдт 1985: 364).

Очевидно, разложение мысли на составляющие происходит на стадии формирования внутренней речи. Если порождение речи осуществляется на неродном языке, то конфликт между родным и иностранным языком может начаться уже на этом этапе. В зависимости от уровня культурно-языковой компетенции и "включенности" в чужое культурно-языковое пространство, хаотичное мышление будет распадаться на единицы в соответствии с тем, как это будет предписано родным или чужим языком. Высказывание может порождаться сразу на этом языке или может опосредоваться внутренней речью на родном языке. Если даже говорящий умеет думать на чужом (например, английском) языке, это не означает, что он в состоянии членить мир так же, как носитель этого языка — использование иностранных слов не гарантирует соответствующего склада мышления. В результате рождаются так называемые "русский английский", "китайский английский", "японский английский" и т. д. Таким образом, "код внутреннего программирования" носителя языка и иностранца может быть различным. Далее межъязыковые различия действуют на этапе "переозначивания" (термин О. Д. Кузьменко-Наумовой), т. е. перекодирования сообщения с одного языка на другой, опосредованного внутренней социоментальной картиной мира.

Ученые рассматривают смыслы, которые рождаются в процессе общения не как конструкты, являющиеся точной копией представлений адресанта, а скорее, как совместное творение смыслов коммуникантами. Так, например, "герменевтика игры" немецкого культуролога В. Изера, творчески развиваемая американским ученым П. Армстронгом, предполагает "попеременно-встречное движение смыслов, открытых друг другу для вопрошания" (Венедиктова 1997: 202).

Имеет ли ментальный конструкт, складывающийся в сознании индивидов в процессе общения, национально-культурную специфику? Мы склонны ответить на этот вопрос положительно, поскольку коммуниканты — представители разных культур — формулируют свои представления на основе разных физических миров и разных языков, по-своему преломляющих мир. Не последнюю роль в формировании этого различия имеет связь, устанавливаемая между прошлым опытом коммуниканта и новым гносеологическим образом, осваиваемым языковой личностью в процессе общения, которую Г. И. Богин называет рефлексией.

Всякое понимание интерпретативно. Несовпадения в трактовке одних и тех же фактов действительности со стороны разных индивидов объективно обусловлены тем, что отношение между реальными объектами и их образами, запечатленными в человеческом сознании, всегда приблизительное и неполное и может претендовать лишь на гомоморфизм (Филос. энцикл. словарь 1983: 215).

Расхождения в интерпретациях также обусловлены тем, что коммуниканты по-разному трактуют соотношение между поверхностными и глубинными смысловыми структурами. Материальная сторона языкового знака сама по себе еще не несет содержания, а лишь служит стимулом, активизирующим мышление коммуниканта. Часто значение целого не выводится из совокупности значений отдельных языковых единиц, как, например, при использовании идиом, тропов, не прямых речевых актов: *тех же щей, да поужище влей; тянуть kota за хвост; cold turkey; you make a better door than you do a window* (ср. рус. ты не стеклянный) и т. д. Помимо переосмысления компонентов, такие формы языкового выражения сопровождаются приращением смысла, который может иметь свою культурно-языковую специфику. Понимание подобных смысловых структур представляет наибольшую сложность для участников межкультурного общения.

Кроме того, любой дискурс имеет идиолектный характер. Примером того, как индивидуальное значение может приписываться практически любой форме языкового выражения, является следующий пример из рассказа американской девочки, которая живет в Китае и посещает британскую школу, где по утрам ее заставляют петь *God Save the King*:

I was American every minute of the day, especially during school hours <...> I asked my mother to write an excuse so I wouldn't have to sing, but she wouldn't do it. "When in Rome", she said, "do as the Romans do." What she meant was, "Don't make trouble. Just sing." (Fritz 1993: 557).

Механизмы, действующие на уровне порождения и интерпретации устной речи, включают следующие действия коммуникантов:

- 1) фонетико-фонологический анализ речевой цепи;
- 2) узнавание паттернов на фонетико-фонологическом уровне и расчленение речевого потока на слова;
- 3) узнавание паттернов на морфологическом и лексическом уровне;
- 4) выбор значений многозначных слов в соответствии с контекстом;
- 5) извлечение пропозициональной структуры;

б) интеграцию пропозиций с пресуппозициями, фреймами, скриптами, схемами и фоновыми знаниями и создание соответствующей ментальной модели.

При восприятии письменной речи фонетико-фонологический анализ заменяется визуальным, что требует знания соответствующего алфавита.

Еще одним вопросом, привлекающим пристальное внимание ученых, является различная герменевтическая глубина понимания, которая может отражать следующие соотношения между информацией, зашифрованной в сообщении адресантом и расшифрованной адресатом: 1) понимание; 2) недопонимание; 3) квазипонимание, т. е. видимость понимания; 4) псевдопонимание (ложное понимание); 5) непонимание.

Кроме того, можно рассматривать более тонкую градацию уровней понимания, как, например, в приводимом ниже анализе:

Every answer puzzled him too, by treating of such enormous lapses of time, and of matters which he could not understand: war — congress — Stony Point.

Первый уровень понимания данного текстового отрывка — это понимание поверхностной языковой структуры. В целом здесь нет ничего мудреного — все слова и синтаксическая структура предложения понятны читателю. Тем не менее, за скобками остается большая часть информации: кто "он"? почему он озадачен? почему он не понимает, о чем идет речь?

Второй уровень. Замена личного местоимения на имя "*Rip Van Winkle*" обозначает личность говорящего и в какой-то мере проясняет ситуацию для людей, знакомых с американской литературой и историей. Однако существенная часть информации по-прежнему остается "за кадром".

Третий уровень. Следующий уровень понимания достигается при помещении предложения в контекст рассказа Вашингтона Ирвинга "*Rip Van Winkle*":

"Рип-ван-Винкль", самая популярная новелла В. Ирвинга (Irving, Washington), герой которой — добродушный, но ленивый и слабохарактерный Рип — после очередной попойки под действием волшебных чар засыпает на 20 лет и просыпает много важных событий, в том числе и Войну за независимость (Леонтович, Шейгал 2000).

Четвертый уровень понимания предполагает наличие у читателя фоновых знаний о том, что такое *Война за независимость*, *конгресс*, *Стоуни Пойнт* (место, где состоялась одна из крупнейших битв

Войны за независимость), и соответствующих культурологических ассоциаций. Самому герою новеллы, не обладающему этими знаниями, непонятно, почему так изменилась за 20 лет жизнь, что стало с его знакомыми и друзьями и т. д.

Пятый уровень понимания требует знакомства с прецедентными текстами и более обширных фоновых знаний, в частности, о том, что идея рассказа восходит к немецкой легенде о спящем императоре, а также о характерных чертах голландцев (предков Рипаван-Винкля), прибывших в Америку в качестве поселенцев.

Кстати, сама новелла прекрасно иллюстрирует коммуникативный сбой, который возникает между Рипом ван Винклем и другими жителями деревни в результате того, что после его сна, длившегося 20 лет, объем его фоновых знаний уже не совпадает со знаниями его земляков (за это время Америка обрела независимость, перестала подчиняться британскому королю и т. д.):

The orator bustled up to him, and, drawing him partly aside, inquired "on which side he voted?" Rip stared in vacant stupidity. Another short but busy little fellow pulled him by the arm, and, rising on tiptoe, inquired in his ear, "Whether he was Federal or Democrat?" Rip was equally at a loss to comprehend the question; when a knowing, self-important gentleman... demanded in an austere tone, "what brought him to the election with a gun on his shoulder, and a mob at his heels, and whether he meant to breed a riot in the village?" — "Alas! gentleman," cried Rip, somewhat dismayed, "I am a poor quiet man, a native of the place, and a loyal subject of the king, God bless him!"

Here a general shout burst from the by-standers — "A tory! a tory! a spy! a refugee! hustle him! away with him!"

Высший уровень развития языковой личности обуславливает ее способность рефлексировать над всем человеческим опытом и тем самым делает понимание не только индивидуально-личностным, но и общественным явлением (Богин 1986: 11—12, 56—59).

Понимание в межкультурной коммуникации зависит от следующих факторов:

- 1) соотношения контактирующих культур;
- 2) сходства или различия модальных языковых личностей;
- 3) стратификации общества по горизонтали и по вертикали;
- 4) местоположения культур на шкале времени;
- 5) сходства или различия языковых картин мира;
- 6) соотношения культурно-языковых кодов;
- 7) умения эффективно использовать обратную связь.

Последний вопрос, который нам хотелось бы рассмотреть в данном разделе: каковы критерии адекватного понимания в человеческой коммуникации? Мы считаем возможным ответить на него следующим образом: адекватным мы считаем понимание, достаточное для координации действий индивидов внутри данного социума в конкретной коммуникативной ситуации. Поскольку понятие достаточности так же относительно, как и понятие полноты понимания, можно утверждать, что эффективность совместной деятельности может возрастать пропорционально глубине взаимопонимания.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИРОВАНИЕ

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

1. Проанализируйте модели коммуникации на рис. 1—5. Покажите, какие в них представлены компоненты и аспекты коммуникации, в чем заключаются моменты сходства и различия между ними.
2. Каким образом модели на рис. 6—9 отражают специфику межкультурной коммуникации?
3. В чем заключаются слабости естественного языка? Почему иногда язык может выступать как средство дезинформации? Приведите примеры, когда с помощью языка коммуникант скорее затемняет, нежели проясняет, содержание сообщения.
4. Какие факторы влияют на понимание в процессе общения?
5. В чем заключается относительность понимания? Нарисуйте шкалу, иллюстрирующую разную глубину понимания.
6. Объясните точку зрения, согласно которой коммуникацию можно трактовать как совместное творение смыслов.
7. Как вы понимаете соотношение между поверхностной и глубинной структурой? Приведите примеры. Объясните, как это может влиять на процесс понимания.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Проанализируйте следующие определения с точки зрения того, как, по выражению Л. Витгенштейна, "язык может переодевать мысли":

GOBBLEDYGOOK, also *gobbledeegook* [1944: promoted by Maury Maverick, but probably an older slang term that echoes the sound of a turkeycock and combines *gob* mouth, *gobble* eat greedily, and *gook* a (foreign) speaker of gibberish: compare Scots *bubblyjock* turkeycock]. A pejorative and facetious term for pretentious and opaque jargon; inflated language. Maverick put it as follows: "Just before Pearl Harbor, I got my baptism under "gobbledygook" ... its definition: talk or writing which is long, pompous, vague, involved, usually with Latinized words."

BAFFLEGAB [1950s: AmE, from *baffle* and *gab* mouth]. An informal pejorative term for fluent language that sounds impressive but confuses and confounds, and is often associated with politicians.

BUREAUCRATESE A pejorative non-technical term for the language of bureaucrats.

DOUBLESPEAK [1971: coined in the US, blending *doublethink* and *newspeak*]. Language that diverts attention from, or conceals, a speaker's true meaning, making the bad seem good, and the unpleasant attractive or at least tolerable, e. g. the use of the euphemism *unlawful or arbitrary deprivation of life* instead of *killing*, *servicing the target* instead of *killing the enemy*, *members of the vertical transportation corps* instead of *elevator operators*.

OBSCURANTISM A deliberate use of language that is obscure, vague, or lacking in clear meaning. Politicians and others who seek to avoid specific statements often use this style of language. For example, at the height of US involvement in Vietnam, Governor Nelson Rockefeller of New York was asked his position on the war, and replied: "My position on Vietnam is very simple. I haven't spoken on it because I haven't felt there was any major contribution that I had to make at the time. I think that our concepts as a nation and that our actions have not kept pace with the changing conditions. And therefore our actions are not completely relevant today to the realities of the magnitude and the complexity of the problems that we face in this conflict."

(По материалам словаря "The Oxford Companion to the English Language", 1992)

2. Приведите высказывания политиков, выдержки из официальных документов, цитаты из научных работ, демонстрирующие, как язык может затемнять, а не прояснять мысль говорящего.

Глава 5. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУР КАК ОСНОВА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Язык есть достояние, наиболее существенным образом принадлежащее народу, самое живое выражение его характера, самая энергичная связь его с общей культурой.

И. Блунчли

§1. Коммуникация, культура и язык

Направляя и координируя деятельность индивидуумов, культура представляет собой своего рода "коллективное программирование сознания" (Geert Hofstede; цит. по: Dahl 1998), обуславливающее слаженные действия людей и превращающее хаос в упорядоченную систему. Классик теории межкультурной коммуникации Э. Холл утверждает, что культура сама по себе является коммуникацией, а коммуникация — культурой (Hall 1959: 169).

Посредством коммуникации культура обеспечивает: 1) самоидентификацию индивидуума; 2) взаимодействие индивидуума с обществом; 3) согласование деятельности отдельных личностей между собой; 4) интеграцию социальных групп и единство общества в целом; 5) внутреннюю дифференциацию общества и отдельных групп; 6) обмен достижениями между индивидами, группами индивидов и нациями.

Передача информации на уровне взаимодействия культур осуществляется во времени и пространстве. Коммуникативное пространство динамично и переменчиво. Характер его зависит от энергии языка, сгустки которой в определенные периоды истории стимулируют развитие культуры и общества. Гумбольдтовская трактовка языка позволяет говорить о его специфической энергетике, которая в некоторые моменты времени достигает наивысшей концентрации, степени духовного влияния, в другие же времена, напротив, переживает периоды застоя. Этим можно было бы в известной степени объяснить периоды взлета человеческого духа, воплощающегося в расцвете поэзии, прозы, философии и, с другой стороны, моменты застоя или упадка. "В определенных цивилизациях наступают эпохи, когда синтаксис застывает и иссякают возможности живого восприятия, — пишет Дж. Стайнер. — Слова чахнут под тяжестью санкционированного употребления; возрастает частотность и склеротическая сила клише, сравнений и избитых тропов. Вместо того, чтобы быть жи-

вотрепешущей мембраной, лексика и грамматика превращаются в преграду для новых чувств. Цивилизация оказывается зажатой в лингвистические тиски <...>" (Steiner 1975: 21). Теми же причинами можно объяснить степень влияния языков в мире, в частности, роли американского варианта английского языка в наше время.

Язык в таком случае может рассматриваться как инструмент для организации смыслов, продуцируемых в результате мыслительной, эмоциональной и мирозерцательной деятельности человека, и как средство передачи этих смыслов от одного коммуниканта к другому. Связь естественного языка и культуры заключается в следующем: 1) язык способствует идентификации объектов окружающего мира (природных и рукотворных), их классификации и упорядочению сведений о нем; 2) помогает правильно оценить объекты, явления и их соотношение; 3) облегчает адаптацию человека в условиях окружающей среды; 4) способствует организации и координации человеческой деятельности; 5) позволяет получить психологическую поддержку правильности своих действий от других членов языкового коллектива.

Таким образом, язык является неотъемлемой частью духовной культуры человечества наряду с другими знаковыми системами, которые включают язык архитектуры, драмы, музыки, танца, национальную символику, обряды, ритуалы и т. д. Коммуникация представляет собой творческий интуитивный акт, в основе которого лежит врожденная и неотъемлемая человеческая потребность в общении.

Одной из ключевых идей Гумбольдта, имеющих определяющее значение для теории МК, является мысль о том, что язык — это "третья вселенная", находящаяся между "эмпирическим миром" и сознанием. Коммуникация посредством языка представляет собой динамическое посредничество между полюсами познания (Steiner 1975: 83).

При столкновении культурных проявлений, как вербальных, так и невербальных, национально-специфические особенности, не осознаваемые при внутрикультурном общении, становятся очевидными. Э. Холл использует термины "внешняя" и "внутренняя" культуры. Первая включает то, что находится "на поверхности" и достаточно явно, однако основные культурные различия (в сфере ценностей и менталитетов), с его точки зрения, не столь очевидны, но именно они играют ведущую роль в определении "лица" культуры и создании ее неповторимости. Он полагает, что лишь познание этих внутренних особенностей может обеспечить истинное понимание в межкультурном взаимодействии (Hall 1976).

Исходя из этих идей Холла, Г. Р. Уивер уподобляет контакт двух культур встрече айсбергов: именно "под водой", на уровне "неочевидного", происходит основное столкновение ценностей и менталитетов. Эти рассуждения представляют собой аналогию идей З. Фрейда, концепция личности которого также описывается метафорой, связанной с айсбергами, где сознательное уподобляется вершине айсберга, а подсознательное — его подводной части. Уивер утверждает, что при столкновении та часть культурного восприятия, которая прежде была бессознательной, выходит на уровень сознательного, и человек начинает с большим пониманием относиться как к своей, так и к чужой культуре (Weaver 1993: 159—160).

Рассуждая о взаимоотношении индивидуума и культуры, к которой он принадлежит, Ф. Клакхон отмечает, что ни один представитель культуры не знает всех ее деталей. Есть определенная часть культуры, которая должна быть известна всем ее носителям, часть, отбираемая на альтернативной основе в зависимости от потребностей коммуниканта, и, наконец, часть, которая используется ограниченно и очерчивается социальной ролью индивидуума в данном обществе (Kluckhohn 1944: 30—31). Вот почему при МК важно уметь отличить то, что действительно заслуживает внимания как необходимое для адекватной коммуникации, и то, без чего можно обойтись при общении. Как справедливо утверждает К. Фрейк, культура является не столько "когнитивной картой", сколько набором принципов для создания такой карты, задача которой — обеспечить безопасное плавание в море чужой культуры (Frake 1981: 375—376).

Одним из излюбленных в теории МК подходов к анализу культуры является рассмотрение ее как "трехслойной" сущности, подобной луковице, где, сняв один слой, мы получаем возможность рассмотреть следующий: 1) верхний слой, наиболее явный и доступный чувственному восприятию, включает артефакты, другие материальные явления культуры, а также язык; 2) средний слой — нормы и ценности; 3) внутренний слой — базовые установки, послышки, убеждения, менталитет и т. д. (Dahl 1998). Такой ракурс позволяет анализировать взаимовлияние различных сторон культуры, их неразрывное единство и связь с человеком как их носителем.

Еще одна метафора, используемая для описания соотношения языка и культуры — "многоэтажность". Излагая теорию речевых актов Дж. Серля, А. Л. Блинов пишет, что языки по природе своей конвенциональны, однако конвенциональность их как бы двухэтажна. "Первый, фундаментальный, этаж языковой конвенции общ для всех язы-

ков мира. Он содержит общие (конститутивные) правила совершения речевых актов. Второй, надстроечный, этаж у каждого национального языка свой. Он содержит — также конвенциональные — конкретизации-“реализации” конститутивных правил нижнего этажа. Эти конвенции-“реализации” разнятся от языка к языку” (Блинов 1996: 29).

В настоящее время общепринятым является мнение о том, что как в культуре, так и в языке каждого народа присутствует универсальное (общечеловеческое) и национально-специфическое. Универсальные значения, одинаково осмысляемые всеми людьми в мире или представителями определенных цивилизационных типов, создают почву для МК, без них межкультурное взаимопонимание было бы в принципе невозможно. В то же время в любой культуре имеются присущие только ей культурные значения, закрепленные в языке, моральных нормах, убеждениях, особенностях поведения и т. п.

А. А. Леонтьев выделяет систему факторов, определяющих национально-культурную языковую специфику:

“1. Факторы, связанные с культурной традицией: разрешения и запрещения, стереотипные, воспроизводимые акты общения; этикетные характеристики универсальных актов общения, ролевые и социально-символические особенности общения, связанные с системой специфичных для данного общества ролевых и статусных отношений, номенклатура и функция языковых и текстовых стереотипов, организация текстов.

2. Факторы, связанные с социальной ситуацией и социальными функциями общения: функциональные подязыки и этикетные формы.

3. Факторы, связанные с социальной ситуацией в узком смысле, т. е. с особенностями протекания и опосредования психических процессов и различных видов деятельности: психолингвистическая организация речевой деятельности, проксемические, паралингвистические, кинесические явления.

4. Факторы, определяемые спецификой языка данной общности” (Леонтьев 1997: 191—192).

Именно культура определяет участников коммуникации, выбор тем и коммуникативных стратегий, контекст, способ передачи сообщений, условия их передачи, способ кодирования и декодирования информации, набор коммуникативных шагов и т. д. В процессе контакта культур национально-специфические особенности, не осознаваемые при внутрикультурном общении, становятся очевидными.

С точки зрения МК, представляет интерес разработанная в Принстоне схема анализа ориентации различных культур, которая строится на основе следующих факторов:

- отношение к природе: человек — хозяин природы, живет в гармонии с ней или же подчинен природе;
- отношение ко времени: время воспринимается как неподвижное (*rigid*) или "текущее" (*fluid*); ориентация на прошлое, настоящее или будущее;
- отношение к действию: ориентация на действие или состояние (*doing/being*);
- характер контекста коммуникации: высококонтекстные и низкоконтэкстные культуры;
- отношение к пространству: частное или общественное пространство;
- отношение к власти: равенство или иерархия;
- степень индивидуализма: индивидуалистские или коллективистские культуры;
- соревновательность: соревновательные или кооперативные культуры;
- структурность: низкоструктурные культуры (терпимое отношение к непредсказуемым ситуациям и неопределенности, незнакомым людям и идеям; несогласие с общепринятым мнением приемлемо) или высокоструктурные культуры (потребность в предсказуемости, писаных и неписаных правилах; конфликт воспринимается как угроза; альтернативные точки зрения неприемлемы);
- формальность: формальные или неформальные культуры (*Doing Business Internationally* 1992).

Кроме того, культура влияет на коммуникацию посредством социальной стратификации общества и созданием сложной системы групповых и межличностных взаимоотношений. Индивидуальные коммуниканты одновременно выполняют множество социальных ролей, и их коммуникативное поведение зависит от иерархии этих ролей, выстраиваемой в системе их ценностей и приоритетов. Бинарная оппозиция "свой — чужие" приводит к фрагментации реальности, которая в действительности представляет собой континуум. Социальная стратификация общества по горизонтали осуществляется в зависимости от географической (территориальной), этнической, культурной принадлежности, и по вертикали — на основе социальной иерархии. На коммуникативном уровне стратификационное членение общества проявляется в наличии разных языков, их региональ-

ных вариантов, диалектов и прочих лектов, что может приводить к функциональному и культурному непониманию.

Языковой барьер, несомненно, является самым очевидным препятствием на пути к межкультурному взаимопониманию. Однако анализ показывает, что даже внутри одного этноса и одной культуры глубокая пропасть может отделять друг от друга представителей разных социальных групп. В то же время иногда представителям одной и той же социальной группы из разных культур, имеющим общие профессиональные интересы, ценностные ориентиры, уровень интеллектуального и культурного развития (в частности, в плане универсальной культурной грамотности), бывает легко понять друг друга. Таким образом, социально-психологический тип коммуникантов влияет на характер МК. Языковое и межкультурное непонимание (недопонимание) между представителями России и США может отчасти компенсироваться принадлежностью к аналогичным социальным группам. Например, нередко молодые россияне и американцы лучше понимают друг друга, чем "отцы" и "дети" внутри страны; межкультурные различия практически нивелируются при общении коллег из России и США в процессе профессиональных контактов и т. д.

Способы культурно-языкового взаимодействия между представителями разных языковых сообществ, предлагаемые сегодня учеными, многообразны. Вот лишь некоторые из известных науке моделей:

- 1) "языковые брокеры" — общение с помощью специалистов, занимающихся письменным и устным переводом;
- 2) "технологизм" — использование машинного перевода;
- 3) "эсперантизм" — коммуникация при посредстве искусственных языков;
- 4) "многоязычие" — знание нескольких языков, которые коммуниканты могут использовать для общения;
- 5) "глобальный язык" — использование единого для всех стран языка международного общения.

Непосредственная коммуникация между представителями двух лингвокультур требует выбора языка общения. Это может быть язык одного из коммуникантов, и в таком случае коммуникативный "центр тяжести", как правило, смещается в сторону носителя лингвокультуры, т. е. используемый язык является для него родным. При выборе третьего (нейтрального) языка, который является иностранным для всех участников конкретной межкультурной ситуации, общение более симметрично, но теряет способность выражать национально-специфичную информацию.

При опосредованном общении переводчик выступает в роли "ре-транслятора" языка и культуры. От его языковой и культурной компетенции зависят точность и эффективность коммуникации. Несмотря на бурное развитие компьютерной индустрии, машинный перевод до сих пор еще не может выступать как адекватное средство передачи нюансов культурно-языковой информации.

Системно-динамический подход к коммуникации, который является основой настоящего исследования, согласуется с определением коммуникативно-функционального уклада языка как "рентгеновского снимка культуры, т. е. отображения ее глубинных, структурных особенностей, обуславливающих функциональное распределение языковых средств в текстах в соответствии со сложившейся в культуре иерархией типов общения" (Мечковская 2001: 17). Концептуальная основа системно-динамического подхода заключается в его многоаспектности и признании необходимости учета различных параметров взаимодействия и взаимовлияния языка, культуры и коммуникации.

§2. Сопоставительный анализ русской и американской лингвокультуры

Совокупность смысловых значений (то, что некоторые лингвисты называют *meaning resevoirs*) развивается в течение жизни как результат культурного и личного опыта. Принадлежность к определенной культуре определяет менталитет народа и создает те исходные установки, на которых основывается коммуникация с представителями иных культур. Для того чтобы понять характер взаимовосприятия и взаимодействия русских и американцев на культурно-языковом уровне и весь спектр факторов, влияющих на понимание в процессе МК, необходимо проанализировать то место, которое две великие нации занимают в иерархии культурных ценностей в масштабах человеческой цивилизации. В связи с этим целесообразно рассмотреть моменты сходства и различия между российской и американской культурами и попытаться сделать выводы о том, в какой мере характер МК определяется их соотношением.

Благодаря уникальности своего географического положения, сопоставимости по размерам и влиянию в мире, Россия и США в течение десятилетий противостояли друг другу на международной арене и в то же время уравнивали друг друга. На уровне МК это обстоятельство обусловило определенную степень соревновательности,

привычку "оглядываться" друг на друга и сравнивать свое положение с положением соперника, т. е. известную степень зависимости самоидентификации друг от друга.

Большие просторы и многообразие природных условий заставляют представителей обеих наций мыслить масштабно — *think big*, по выражению Й. Ричмонда (Richmond 1996: xxi). Исторические параллели, такие как освоение Запада американцами и Сибири русскими, равно как и привычка ощущать себя частью великой нации, также обуславливают самоидентификацию россиян и американцев и их отношение к представителям других народов, что имеет непосредственное влияние на характер МК.

При анализе мировых цивилизаций традиционно рассматривается деление мира на Запад и Восток, которое, однако, условно и не имеет четко очерченных территориальных границ. Подход к содержанию этих понятий также зачастую является условным и противоречивым. При рассуждении о цивилизационных типах мы ведем речь о Западе и Востоке как социокультурных, а не географических понятиях, но именно возможность двоякого подхода вызывает моменты непонимания и противоречий. "Колумб отправился на Запад, чтобы достичь Востока" (Ерасов 1997: 93), и приплыл в Америку. Если бы Колумб достиг Америки с Востока, означало бы это, что она была бы причислена к восточному цивилизационному типу? Очевидно, нет — ведь Америку осваивали представители Западной Европы, и именно поэтому она оказалась включенной в состав западной (европейской) цивилизации, которая с течением времени приобрела новые очертания и превратилась в евро-американскую цивилизацию.

Интересно, что если для россиян понятия Востока и Запада в масштабе собственной страны и в масштабе цивилизации в основном совпадают с географическими, то в восприятии американцев они существенно различаются, в зависимости от того, находятся ли коммуниканты на территории своей страны или за ее пределами. В США Восток (*East*) — это северо-восточная часть США от штата Мэн до штата Мэриленд. Восточное побережье для жителей США ассоциируется с городами Нью-Йорк, Бостон, Филадельфия, Вашингтон, с теми местами, откуда началось освоение Америки европейцами, и соответственно с традиционным образом жизни, старомодными идеями и т. д. Если продолжить двигаться в этом направлении, то получается, что Европа находится на Востоке. Соответственно, Запад (*West*) для американцев — это штаты юго-запада, Скалистых гор и тихоокеанского побережья, ассоциирующиеся с первопроходцами

(frontiersman), ковбоями, индейцами, либерализмом, свободомыслием, пренебрежением условностями, неформальным стилем в одежде и т. д. Однако, по нашим наблюдениям, находясь в России, американцы говорят о Востоке и Западе, как европейцы. Это свидетельствует о том, что, мысля в масштабах цивилизации, они осознанно причисляют себя к западному цивилизационному типу.

Было бы несправедливо рассматривать американскую культуру как европейскую, механически перенесенную на новую почву. Территориальная оторванность Соединенных Штатов обусловила особый характер их развития. Несмотря на существенное влияние культур-источников, американской культуре присущи специфические черты, сформировавшиеся на протяжении всей ее истории.

Что касается России, то в силу географических и исторических причин она занимает промежуточное положение между Западом и Востоком. Спор о том, куда же все-таки отнести Россию, нашедший свое воплощение в противоборствующих взглядах западников и славянофилов, продолжает подспудно воздействовать как на восприятие России представителями иных культур, так и на самоидентификацию россиян. В свое время Н. А. Бердяев писал, что Россия есть "христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада и в своем верхнем культурном слое ассимилировал все западные идеи. <...> Противоречивость русской души определялась сложностью русской исторической судьбы, столкновением и противоборством в ней восточного и западного элемента" (Бердяев 1990а: 8).

Справедливости ради надо сказать, что россияне никогда не отождествляли себя с Востоком и всегда тяготели к Западу. Еще П. Я. Чаадаев писал: "Мы живем на востоке Европы — это верно, и тем не менее мы никогда не принадлежали к Востоку" (Чаадаев 1997: 56). Даже в работах славянофилов речь шла не о принадлежности к Востоку, а об особой судьбе России и ее миссионерском предназначении, ее способности показать миру путь к возрождению.

Однако, как пишет Б. С. Ерасов, "часто встречающиеся в научных работах формулировки о парадоксальности русской культуры свидетельствуют, что ее понимание требует преодоления однозначных, линейных схем и обращения к многомерной концепции" (Ерасов 1997: 487). Американский журналист Д. Шиплер отмечает, что Россия постоянно разрывается между внутренним и внешним мирами (Shippler 1989: 336).

Тенденции к универсализму и к индивидуализации, которые прослеживаются в процессе исторического развития мировых культур, четко видны на примере России и США. Важным моментом сходства между двумя государствами является плюрализм и полиморфизм культурной жизни российского и американского обществ.

При попытке сопоставительного анализа российской и американской моделей многокультурия ученые приходят к различным, часто взаимоисключающим выводам. С одной стороны, высказывается мнение, что Соединенные Штаты возникли как молодая нация, принявшая в качестве иммигрантов самых обездоленных представителей других наций, которые нашли в Новом Свете пристанище и свободу, в то время как в России осуществлялись насильственная ассимиляция и аккультурация национальных меньшинств (Pipes 1969: 312). Согласно другой точке зрения, проблема этнических меньшинств и дискриминации по национальному признаку в США намного острее, нежели в России, в связи с тем, что крепостное право в России никогда не было основано на этническом и тем более расовом признаке, в отличие от рабства в США (Hollander 1969: 284). Между этими крайними точками зрения существует ряд промежуточных, приверженцы которых не столь категоричны в своих суждениях.

Сами американцы ранее описывали культуру США как "плави́льный котел" (*melting pot*), в котором слились воедино культуры различных этнических групп, составляющих население страны. В основу этого определения легла метафора писателя начала XX в. Израйла Зангвилла, которая стала названием его пьесы о судьбе еврея, иммигрировавшего в США из России. Эта знаменитая метафора стала обозначать способность американского общества принимать непрерывные потоки иммигрантов, идею слияния американцев разного этнического происхождения в единую нацию с общим языком и общими культурными ценностями.

Несмотря на идиллические картинки, которые часто рисовали и продолжают рисовать американские историки и этнографы в связи с иммиграцией, с самых первых дней своего пребывания в США вновь прибывшие должны были беспрекословно принимать англосаксонские обычаи. В начале XIX в. Джон Квинси Адамс писал об иммигрантах: "Они должны сбросить свою европейскую кожу и никогда больше не возвращаться к ней. Они должны смотреть вперед в будущее, а не оглядываться назад на своих предков; какими бы ни были их собственные чувства, их дети должны стать приверженцами этой страны" (цит. по: Light et al. 1989: 360), т. е. фактически имела место

насильственная ассимиляция и аккультурация, сформировавшая этнократию — нацию, в которой доминирует определенная этническая группа (Persons 1983).

Главенствующие позиции в США несомненно занимают белые мужчины англосаксонского происхождения — представители среднего класса. Будучи численным меньшинством, они, тем не менее, доминируют в американском обществе. Среди социологов существует мнение, что концепция "плавильного котла", которая с первого взгляда кажется воплощением демократической идеи, на деле является идеологией доминантной группы, а не описанием реальных взаимоотношений между представителями различных культур (Light et al., 1989: 350). Эта идеология привела к парадоксальной ситуации, когда понятие "чужак" (*the alien*) стало применяться по отношению к индейцам и мексиканцам, чьи сообщества существовали на американском континенте уже не менее 300 лет. Введение термина "предпочтительный иммигрант" (*preferred immigrant*) обусловило несопоставимые квоты для иммиграции вплоть до 60-х годов XX в., когда наибольшее предпочтение отдавалось Англии — явление, получившее название "англо-конформизма" (*Anglo-Conformity*). По меткому выражению одного американского писателя, превалирующим вкусом в американском "плавильном котле" всегда был вкус "англо". В результате наивысший статус приобрели те группы иммигрантов, которые смогли ближе всего приблизиться к "англо-модели". Эта закономерность интересна еще и потому, что позволяет понять роль английского языка во всем последующем развитии американского общества.

Что касается России, то исторические условия также обусловили высокую степень многообразия российской культурной жизни. Необходимо иметь в виду, что в США представители разных культур — это иммигранты, а в России — ее коренные жители. Как отмечает Б. С. Ерасов, "русской культуре присуща, с одной стороны, значительная степень сходства в языковом и этническом планах, а с другой — заметная степень внутренней разделенности на субэтноты (население Поморья, русского севера, Поволжья, Сибири, Приморья, казаки и т. д.) <...> Это и определило одну из важнейших характеристик этнокультурного облика России — значительный диапазон вариативности диалектов, фольклора, обрядов, форм бытовой культуры и верований" (Ерасов 1997: 483).

Многим еще памятна идея пролетарского интернационализма, утверждавшие классовое единение в противовес этническому. В Рос-

сии, как и в Америке, бытовали свои метафоры и лозунги: русский народ рассматривался как "старший брат" в "единой семье народов", а понятие интернационализма предполагало "борьбу как против абсолютизации национальных особенностей, так и против их игнорирования; использование вклада каждой нации в общественный прогресс, решение национальных и интернациональных задач в их единстве" (Филос. энцикл. словарь 1983: 215). Цель национальной политики СССР заключалась в унификации всех больших и малых народностей в "единый советский народ". Культурные различия допускались лишь во второстепенных сферах: народном искусстве, фольклоре и т. д. (Ерасов 1997: 483).

Некоторые исследователи усматривают аналогии советской модели с американской теорией "плавильного котла", которая по существу предусматривала англосаксонскую ассимиляцию. Например, Л. Попкова утверждает, что "советское единообразие" означало русификацию при сохранении национального "декора" в виде художественной культуры федеративных и автономных республик (Попкова 1998: 93).

Существует и иная точка зрения. "Советский Союз отнюдь не плавильный котел, — писал в 80-х годах американский журналист Д. Шиплер. — Он включает более 100 национальных, этнических и расовых групп, которые в той или иной степени сохраняют свои языки, алфавиты, некоторые элементы религиозных традиций, самобытные культуры, историческую гордость и ряд других формальных проявлений национальной идентичности" (Shipler 1989: 337). Его описание сильно напоминает нынешний подход к культурному плюрализму в Америке, по отношению к которому употребляются новые метафоры: "миска с салатом" (*salad bowl* или *tossed salad*), "пицца" (*pizza*) и т. д. — единое культурное пространство с сохранением ярко выраженных этнических особенностей.

Определенная степень противоречивости американского общества заключается в двойственном отношении к многонациональному составу населения: с одной стороны, расовые и этнические предрассудки, с другой — постоянно внушаемая американцам идея многокультурия как "меняющегося лица нации" — источника национальной гордости и "разделенных ценностей", возникновения того, что в журнале "Ньюзвик" обозначается выражением *a hyphen-happy generation* (In Living Colors 1997: 41).

Хочется полностью привести емкую цитату, в которой Т. Д. Венедиктова суммирует те внутренние противоречивые тенденции, ко-

торые во многом определяют подходы американских исследователей к анализу культуры США: "По свидетельству многих наблюдателей, — пишет Т. Д. Венедиктова, — два главные антагониста, вот уже больше десяти лет потрясающие копытами на американской культурологической арене, — "монокультурализм" с его опорой на традиционные либеральные ценности и "мультикультурализм" с его радикально антиуниверсалистским пафосом — в сущности, глубоко взаимозависимы. В их длящемся споре осуществляется поиск гибкого равновесия между нормативной основой американской цивилизации и демократическим эгалитаризмом, сообщаемым ей энергию и открытость, — между (в терминологии Ю. Хабермаса) "системой" и "жизненным миром", точнее, множественностью жизненных миров, перемешавшихся, но так и не расплавившихся в американском "салатнике". <...> Опыт саморефлексии американской культуры — в ее кричащей разногласии и относительно стабильном балансе сил — поучителен для всех" (Венедиктова 1997: 199).

Многонациональный состав России и США обуславливает высокую степень готовности жителей обеих стран к внутрисоветскому межкультурному общению. Именно на контакты такого рода направлены административные, образовательные и научные усилия американского общества. В результате того, что Россия географически находится на перекрестке культур, русские столь же охотно участвуют в МК с представителями других стран, в отличие от американцев с их изоляционизмом, самодостаточностью и отношением к другим нациям, которое некоторые исследователи называют эвфемизмом "интернациональная наивность".

Еще одним существенным обстоятельством, позволяющим проводить параллели между российской и американской культурами, является использование ведущего языка как системообразующего фактора наций. "<...> хотя языки в значительнейшей степени и представляют создание наций, — писал в свое время В. Гумбольдт, — но они ими руководят, удерживая их в известных пределах, и именно они первостепенным образом формируют или определяют национальный характер" (Гумбольдт 1985: 363). Именно такую функцию выполняет русский язык в России, а английский — в Америке. При этом надо отметить, что в Российской Федерации в значительно большей степени сохранилось языковое многообразие, представленное более чем 130 языками разных семей. В США в свою очередь наблюдается поглощение других языков английским, который в настоящее время стремительно распространяется по всему миру.

Таким образом, не претендуя на далеко идущие умозаключения в области социологии и других наук, позволим себе выделить факторы, которые, с нашей точки зрения, имеют определяющее влияние на характер МК между русскими и американцами:

- уникальность географического положения;
- сопоставимость по размерам;
- мировое влияние;
- многонациональный состав и многокультурие;
- наличие доминирующей культуры и языка;
- роль ведущего языка как консолидирующего и системообразующего фактора нации.

Сам собой напрашивается вывод о том, что сходства между культурами создают предпосылки для взаимопонимания, в то время как различия становятся причинами межкультурных противоречий. Действительно, размеры стран, многокультурие и некоторые другие факторы обуславливают сходство мировосприятия и самоидентификации в масштабах мира. Однако все не так однозначно. Некоторые сходные факторы, как, например, сознание уникальности своей страны и ее особой миссии в мире, напротив, стали разобщающими факторами, которые легли в основу борьбы за мировое господство и породили коммуникативные барьеры, которые дают о себе знать по сей день.

Один из подходов к соотношению взаимодействующих культур — это рассмотрение их как "культур-доноров" и "культур-акцепторов" (Бергельсон 1998: 288). В этом соотношении российская культура в большей степени подвержена влиянию американской культуры, нежели наоборот. В периоды политической и экономической нестабильности, как сейчас в России, национальная культура находится в ослабленном состоянии, что создает предпосылки для вторжения культур более успешных стран, которые ассоциируются с благополучием и процветанием. Как утверждает А. Ю. Большакова, в сознании россиян Запад присутствует как некий психологический фактор, ментальный феномен, предстающий в трех аспектах: Запад как мода, Запад как престиж и Запад как пропаганда (Большакова 1998: 4).

В последние десятилетия Соединенные Штаты стали для русских, как и для жителей многих других государств, символом богатства и успеха. При этом часто происходит идеализация Америки и американского образа жизни. К сожалению, сегодня российская культура впитывает самые примитивно-доступные образцы американской культуры. Мы наблюдаем явление, которое Е. Ю. Сидоров называет "макдольдинизацией" русской культуры (Сидоров 1998: 106).

Признаками экспансии западной и, в частности, американской культуры является восприятие другими культурами западного образа жизни и потребительских ориентаций; насаждение западной культуры как универсальной, исключающей вклад других культур; стремление достичь путем культурных связей политических целей; односторонний поток информации — от "центра" к "периферии"; формирование социально-культурной элиты, которая должна способствовать утверждению прозападных идей и т. д. (Ерасов 1997: 433).

Важной формой культурной экспансии, имеющей непосредственное отношение к проблеме МК, является пропаганда, которую американские исследователи Т. А. Колумбус и Дж. Х. Вульф подразделяют на три основные категории: "белую", "серую" и "черную" (Coulombis, Wolfe 1990: 171—172).

"Белая" пропаганда направлена на открытое и честное распространение информации о стране-источнике в форме международных обменов, распространения книг, журналов, фильмов и прочих легальных материалов, проведения совместных программ, мероприятий и т. д. Эта информационная деятельность характерна для периода нормальных, здоровых взаимоотношений между государствами.

"Серая" пропаганда начинает использоваться в периоды, когда отношения между странами ухудшаются. Основой ее являются реальные факты, однако они сообщаются выборочно, с четким разграничением между "хорошим народом" и "плохим правительством" той страны, которая является объектом пропаганды. В информацию проникают заведомо ложные или искаженные сведения, причем прослеживается явная тенденция к соревновательности между государствами. Использование "серой" пропаганды было характерно для периода холодной войны (как с американской, так и с российской стороны).

"Черная пропаганда" — психологическая война в полном смысле этого слова — становится мощным оружием в периоды военных действий между государствами. Источники информации тщательно скрываются, используются сфабрикованные документы, задача которых — посеять хаос и панику в рядах врага. Характерные формы — предсказание экономического краха, массовой безработицы, голода, этнических бунтов и т. д. В военное время цензура и другие формы "серой" и "черной" пропаганды становятся средствами манипуляции общественным мнением.

Характер пропагандистской риторики отражается на коммуникации и способах представления информации об иных культурах.

Пропаганда эпохи холодной войны очень показательна в плане предвзятости подходов к государству-сопернику: "*they are bent on world conquest; they arm for war, whereas we arm for peace; they intervene in others' territory to expand influence, whereas we do so to preserve the prospects for an acceptable way of life; their only reliable allies are governments that depend on their troops to stay in power, whereas our friends support us out of conviction; their people are good and peace loving, but their government exploits its people; the mass of their people are really not sympathetic to the regime; it cannot be trusted; its policy verges on madness*" (Bronfenbrenner 1975: 164). Естественно, что риторика такого рода создает предпосылки для недоверия между группами и индивидами из разных стран.

Для русских и американцев основные источники информации друг о друге — это:

- официальные политические источники;
- средства массовой информации;
- личные контакты.

Информация, поступающая из официальных источников, зависит от политической ситуации и предубеждений, непосредственно связанных с геополитическими интересами, а следовательно, ни в коей мере не является объективной и заслуживающей доверия.

Средства массовой информации также не могут считаться надежным источником, т. к. они отличаются высокой степенью предвзятости. В. Познер, например, отмечает, что американские журналисты, которые работали в Москве в период "холодной войны", очень негативно относились к Советскому Союзу, что неизбежно сказывалось на отборе фактов и оценке происходящих событий. Не последнюю роль здесь также играет любовь американской публики к сенсациям. Один американский журналист признался Познеру во время личной беседы, что преимущество на американском телевидении или на первых страницах американских газет отдается материалам из России, в которых рассказывается о коррупции, наркотиках, алкоголизме и диссидентах. Таким образом, предвзятость американской прессы играет ведущую роль в формировании образа России, преобладающего на Западе (Stephen, Abalakina-Паар 1996: 376). Можно утверждать, что средства массовой информации в значительной мере несут ответственность за порождение своего рода "цепной реакции", обуславливающей негативное отношение русских и американцев друг к другу.

Личные контакты между русскими и американцами недостаточны для того, чтобы оказать существенное влияние на характер рос-

сийско-американской МК. Кроме того, эти контакты требуют знания языка, литературы, быта и культуры друг друга, которые в совокупности представляют собой лингвокультурный код, играющий важнейшую роль в формировании картины мира, менталитета и ценностных ориентаций. К сожалению, российско-американская коммуникация в существенной мере остается асимметричной (см. гл. 14, §2).

Важным фактором, определяющим успех/неуспех МК, является интенсивность межкультурных контактов. Само собой разумеется, что "железный занавес" не мог способствовать развитию межкультурного взаимодействия, поскольку взаимодействие такого рода попросту отсутствовало. В настоящее время общение интенсифицировалось как в результате улучшения взаимоотношений между Россией и США, так и благодаря открытию новых каналов коммуникации в виде спутникового телевидения, Интернета, электронной почты и т. д.

§3. Использование американского варианта английского языка как средства межкультурного общения

Несмотря на многочисленные публикации и дискуссии, место американской культуры и американского варианта английского языка в системе культурных ценностей по сей день однозначно не определено. По сложившейся в России лингвистической традиции, при теоретическом анализе различных аспектов английского языка исследователи в подавляющем большинстве случаев не разделяют его на варианты. Рассматривая лингвокультурологические особенности, они также не придают большого значения различиям между англичанами и американцами или, в лучшем случае, пишут о "подкультурах" внутри единой культуры англоговорящих стран. Остальные региональные варианты вообще не принимаются во внимание в связи с тем, что контакты россиян с жителями Австралии, Новой Зеландии или Южной Африки — большая редкость.

Не проводится четкой дифференциации между британской и американской культурами, британским и американским вариантами английского языка и в процессе преподавания в вузах и школах. В известной степени такой подход допустим, если рассматривать все англоговорящие страны как принадлежащие к западному цивилизационному типу (в который, очевидно, придется включить современную Австралию, Новую Зеландию, Канаду, Южную Африку, независимо

от их географического положения). Этот обобщенный подход оправдан для изучения "базового английского языка" (*basic English*) как средства международного общения в определенных сферах профессиональной и бытовой коммуникации. В таком случае необходимо признать, что при этом подходе сознательно игнорируются культурно-специфические особенности англоговорящих стран. Однако, если речь идет о социокультурном взаимодействии, предполагающем глубинное взаимопонимание, игнорировать культурно-языковые особенности недопустимо.

Проанализированные нами теоретические источники, большое количество появившихся в последнее время британо-американских и американо-британских словарей и энциклопедий культуры (для англичан — о США и наоборот), а также проведенный нами опрос среди британцев и американцев свидетельствуют о том, что носители английского языка четко разграничивают британскую и американскую культуры. Здесь уместно привести мнение известного лингвиста Д. Кристала о том, что способность понимать язык друг друга (*mutual intelligibility*) отнюдь не снимает вопроса о национальной идентичности (Crystal 1987: 284). Естественно, что общность корней и единство языка обуславливают близость британцев и американцев, однако различия между ними, ставшие результатом разных исторических судеб, весьма существенны и должны учитываться при анализе МК, поэтому целесообразно рассматривать следующую иерархию: британская и американская культуры являются составляющими более крупной единицы — культуры англоговорящих стран, которая, в свою очередь, входит в состав евроамериканской цивилизации, т. е. принадлежит к западному цивилизационному типу.

Существенно ли это деление? Часто как от русских, так и от иностранцев приходится слышать мнение о том, что для них не принципиально, какой вариант языка используется в коммуникации — лишь бы достигалось понимание. Вот об этом-то понимании и идет речь. Нередко люди, объявляющие себя "гражданами мира" и утверждающие, что культурные различия для них не имеют значения, оказываются не готовыми к МК и беспомощными в ситуациях, чреватых коммуникативными сбоями. Например, при контактах с американцами британский вариант, которому традиционно отдается предпочтение в российской педагогике, может становиться дополнительным коммуникативным барьером и вызывать помехи и интерференцию. Очевидно, следует ставить вопрос об уровне межкультурного общения и о глубине понимания.

Культурная грамотность носителя английского языка складывается из универсальных общечеловеческих знаний, "транснациональной культурной грамотности" (Hirsch 1988: 75), распространяющейся на все территориальные варианты, и, наконец, специфически национальных знаний, составляющих культурный багаж жителя конкретной страны. С точки зрения А. Д. Швейцера, британский и американский варианты соотносятся друг с другом как перекрещивающиеся микросистемы (Швейцер 1971: 22). Таким же образом может рассматриваться соотношение объемов культурной грамотности британцев и американцев.

Работа в международных организациях или профессиональное общение физиков, математиков, биологов, вероятно, позволяют использовать *basic English*. Однако области, связанные с глубоким проникновением в национальную культуру, равно как и межличностное общение, требуют выхода на иной уровень межкультурного понимания. Думается, что английский язык является тем неопределимым материалом, на котором можно и нужно изучать закономерности МК.

Роль английского языка как средства международного общения неоспорима. По разным оценкам, сегодня от 330 до 450 млн человек используют его как родной язык, от 235 до 350 млн — как второй (государственный) язык и от 100 до 1000 млн изучают его как иностранный. Существует также мнение, что в общей сложности на английском языке могут изъясняться от 1,2 до 1,5 млрд человек во всем мире, т. е. почти четверть человечества. Английский язык используется как рабочий в 85% международных организаций, на нем издается до 88% научной литературы; писатели всего мира мечтают увидеть свои произведения в английском переводе. Английский язык является приоритетным в пространстве Интернет (по выражению польского комментатора Павла Радковского — *lingua franca* Интернета), занимает сильные позиции в рекламе, средствах массовой информации, международном туризме и образовании.

Рассуждая о распространении английского языка в мире, нельзя игнорировать тот факт, что, в силу ряда экономических и политических причин, речь главным образом идет об американском варианте английского языка. В периоды повышенной энергетической активности культуры (как в настоящее время в США) она производит языковую массу, которая, распространяясь по всему миру, становится проводником новых идей и служит для обозначения новых реалий, рожденных этой культурой.

В связи с тем, что в различных областях знаний сегодня дискутируется вопрос о глобализации культуры, или формировании культуры мира, часто высказывается мнение о том, что английский язык претендует на роль глобального языка. Самая заметная работа на эту тему — книга Д. Кристала *"English as a Global Language"* (Crystal 1997). Автор полагает, что язык может получить статус глобального, когда все страны мира признают его особую роль как средства международного общения. С точки зрения Кристала, английский язык — наиболее вероятный кандидат на положение глобального в силу того, что он:

- является родным языком для подавляющего большинства жителей США, Канады, Великобритании, Ирландии, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки и ряда государств Карибского бассейна;
- используется как официальный язык более чем в 70 государствах мира;
- имеет приоритет как иностранный язык, преподаваемый в школах более 100 стран мира, включая Россию (Там же: 5).

Когда жители Вавилона задумали построить башню до небес, Бог наказал их за гордыню, смешав языки и рассеяв их по всей земле. Возможно, английский язык претендует на то, чтобы люди вновь обрели средство взаимопонимания (*the undoing of the Babel*).

Нельзя не согласиться с Д. Кристалом в отношении того, что использование глобального языка открывает перед человечеством новые перспективы практически неограниченного обмена информацией. Однако, наряду с несомненными достоинствами глобального языка, сам Кристал усматривает следующие опасности, связанные с его появлением:

- 1) возможность возникновения лингвистической элиты — тех, для кого этот язык является родным, — которая сможет использовать его в корыстных целях и манипулировать другими людьми;
- 2) нежелание изучать иные иностранные языки;
- 3) исчезновение малых языков, а, возможно, и всех остальных языков мира (Crystal 1997: 12, 17).

Представляется, что последняя перспектива включает в себе главную опасность, а именно эрозию культур, важнейшим компонентом которых является язык. Такая вероятность вступает в противоречие с самой социальной природой человека, не способного существовать без сознания собственной идентичности.

Влияние США ощутимо даже в западных странах и проявляется в интенсификации движения женщин и других меньшинств за свои пра-

ва, возрастании роли средств массовой информации, кино, телевидения, рок-музыки. Европейцам тесен собственный континент, а из Америки, как им кажется, веет духом новизны, открытости, направленности в будущее. Однако, если в Европе, например в Германии, в 80—90-е годы XX в. наблюдалось некоторое отрезвление в отношении американского воздействия, то в России и в ряде других стран этот скепсис по большому счету пока отсутствует, хотя и в российском обществе термин "американизация" в определенных случаях также употребляется в критическом, негативном контексте.

Естественно, что описанные выше процессы находят свое отражение в языке. Для представителей многих культур английский язык несет на себе отпечаток прогрессивности, престижности, элитарности и эксклюзивности, ассоциируется с сытой жизнью, материальным благополучием, техническим прогрессом и успехом. Однако чрезмерное увлечение иноязычными элементами выступает как одно из проявлений культурной экспансии и создает угрозу национально-культурной идентичности народа. Как отмечает Дж. Стайнер, умышленно или неумышленно английский язык становится средством разрушения естественного лингвистического разнообразия, что, возможно, "представляет собой самый невосполнимый экологический урон нашего времени" (Steiner 1975: 470). Эти явления вызывают отторжение и чувство протеста у тех, кто дорожит своим языком и культурой. Известны случаи, когда государства (Танзания, Кения, Малайзия) отказались от использования английского языка как официального.

Сегодня в России экспансия английского языка приобретает следующие формы:

- 1) многочисленные неоправданные заимствования, например: *сабурбия*, *блэк-аут*, *суперстар*, *секьюрити*, *риэлтер*;
- 2) неблагозвучные транскрипции и транслитерации рекламных наименований: *Хербал Эссенсиз*, *Риал Трансхайер*;
- 3) адаптация русских лексических и синтаксических конструкций к американским рекламным образцам, часто противоречащим правилам русского языка: *Ленор-полоскание*, *Сити-Экспресс*, *Презент-салон*;
- 4) употребление заглавных букв в соответствии с английскими канонами, вступающими в противоречие с правилами русского языка: *Центр Гуманитарной Помощи*;
- 5) использование английского языка в граффити;
- 6) употребление американских междометий (особенно после показа диснеевских мультфильмов): *uh-ou*, *wow*;

5) использование американских жестов в русском дискурсе (что вызывает противоречие между вербальной и невербальной системами коммуникации);

6) в связи с постоянным показом низкопробных фильмов, а также неквалифицированным переводом — более терпимое отношение к ненормативной лексике и т. д.

В. С. Непомнящий высказывает тревогу за судьбу русского языка: "Русская речь всегда была плавна, — пишет он, — сейчас она рубится, ритмически и интонационно англоизируется, лихорадочно куда-то бежит, из ее строя уходят и мысль, и переживание. Самой грозной опасностью мне представляется изменение внутреннего ритма, переход на ускоренные обороты: как можно короче мыслить, как можно меньше чувствовать, главное — информация". Он полагает, что происходящие изменения имеют еще более далеко идущие последствия, оказывая влияние на нравственность и смысл национальной жизни: "Когда выражение "наемный убийца" заменяется толерантным "киллер" — тут уж дело не просто в языке, это изменение системы ценностных и нравственных координат, и это смертельно опасно. <...> Деградирует язык — деградирует нация" ("Наша речь сейчас куда-то лихорадочно бежит..." 2001: 4).

Культурная и языковая экспансия способствует созданию в странах, на которые направлено воздействие, не только так называемой "вестернизированной элиты" (Ерасов 1997: 428), но и посредством Интернета — "информационной элиты". Речь идет о новых формах языковой экспансии. Так, А. Воронов, директор российской сети "Гласнет", отмечал, что конечной целью подобного воздействия становится "интеллектуальный колониализм". Поскольку компьютерные программы поступают из США, то пользователи вынуждены либо приспособиться к использованию английского языка, либо отказаться от них вообще. Парадокс заключается в том, что технология, цель которой — открыть мир сотням миллионов людей, создает новые классы имущих и неимущих. Комментируя эти замечания Воронова, Кристал задается вопросом: означает ли это, что в результате может сформироваться "интеллектуальное гетто"? — и приходит к верному, с нашей точки зрения, выводу: важную роль в этих процессах будут играть не только лингвистические, но и экономические, технические и образовательные причины (Crystal 1997: 108).

Таким образом, последствия экспансии английского языка многообразны. Выигрывает ли сам английский язык от столь широкой популярности? Очевидно, ответ на этот вопрос тоже неоднозначен.

Как утверждает И. Ключанов, мир следует рассматривать как сверхсистему, состоящую из взаимодействующих и взаимозависимых культур. Таким образом, любая культура, разрушающая другие культуры, занимается саморазрушением, поскольку лишает себя притока новой информации извне (Klyukanov 1999). То же самое верно и для языка. Даже сейчас, выступая как средство международного общения, английский язык в этом качестве оказывается "базовым английским", почти полностью лишенным культурного и национального своеобразия. Работая в международных организациях, занимаясь бизнесом, разговаривая с коллегами из других стран, в том числе через Интернет, носители английского языка, имеющие опыт международного общения, нередко ловят себя на том, что используют упрощенный английский, избегая идиом, игры слов, культурологических аллюзий — словом, всего того, что составляет национально-культурную самобытность языка.

Распространяясь по всему миру, английский язык претерпевает различные изменения. Это не только известная степень упрощения языка, изменение его фонетического облика и лексического состава под влиянием тех языков, с которыми он вступает в контакт, но и выхолащивание его национально-культурного содержания, утрата культурно-языковой памяти, духа языка. Многим из тех людей, которые начинают пользоваться английским языком, чужды историческая и культурная память, неразрывно связанные с ним, его дух и воплощенные в нем ценностные ориентиры. Незнание идиоматических и символических ассоциаций, прецедентных текстов и прочих нюансов обедняет и искажает язык, лишая его неповторимого национального колорита. В процессе мировой экспансии язык утрачивает свою силу и прелесть. Достаточно послушать японцев, говорящих по-английски, пишет Дж. Стайнер, чтобы убедиться: несмотря на безукоризненную грамматику, в их речи все правильно и все не так (*so much <...> is correct, so little is right*). Язык утрачивает равновесие между формой и содержанием. "Только время и родная почва могут обеспечить языку ту взаимозависимость формальных и семантических компонентов, которые "переводят" культуру в реальную жизнь". В противном случае английский язык — это своего рода "эсперанто", *lingua franca* в мире коммерции, технологии и туризма. Но если широкое распространение ослабляет дух языка, нарушает его историческую непрерывность, то это трагическое последствие, утверждает Стайнер. Именно отсутствие естественной семантической памяти делает негодными искусственные языки (Steiner 1975: 469—470). Речь здесь фак-

тически идет о несовпадении внутреннего духа говорящего и языка как такового, а вследствие этого об эрозии культурного компонента английского языка.

Д. Кристал настроен более оптимистично, когда пишет о распространении по миру новых разновидностей английского языка — *New Englishes* (Crystal 1997: 133) — того, что И. А. Ричардс называет, *English of some sort* (Steiner 1975: 469). Кристал полагает, что именно территориальные различия этих разновидностей позволят говорящим сохранять свою идентичность. Правда, он не исключает возможности того, что из-за этих различий говорящие в конечном итоге будут не в состоянии понять друг друга (Crystal 1997: 133). Означает ли это, что человечество окажется перед лицом нового Вавилона?

Безусловно, речь здесь идет о проблемах далекого будущего, и трудно делать прогнозы на столь отдаленную перспективу. На сегодняшний день нас больше волнует проблема понимания в коммуникации, в том числе МК, и возможность использования английского языка как средства достижения взаимопонимания между представителями разных культур.

Оптимальными мы считаем межъязыковые контакты, при которых языки взаимодействуют, как "сообщающиеся сосуды", уравнивая друг друга, заполняя языковые лакуны и обогащая концептосферы своих носителей. Цель такого взаимодействия — интерактивность, развивающаяся наряду с сохранением языкового многообразия.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЯЗЫК
КУЛЬТУРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ
ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПАНСИЯ

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

1. Назовите функции, которые коммуникация выполняет в контексте культуры.
2. В чем заключается связь естественного языка и культуры?
3. Как вы понимаете гумбольдтовское определение языка как "третьей вселенной"?
4. Объясните суть "теории айсберга".
5. Каковы проявления национально-культурной специфики языка?

6. Каким образом культура может влиять на характер коммуникации?

7. Назовите и прокомментируйте различные способы культурно-языкового взаимодействия между представителями разных языковых сообществ.

8. Проанализируйте основные факторы, влияющие на характер межкультурной коммуникации между русскими и американцами.

9. В чем, на ваш взгляд, проявляется взаимовлияние русской и американской культур?

10. Как вы оцениваете влияние американской культуры на русскую? В какой мере это влияние является положительным и в какой — отрицательным?

11. В чем заключаются негативные последствия экспансии английского языка в мире?

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Прочитайте и обсудите следующее описание понятия "культурный империализм":

Cultural imperialism refers to a process of expanding the dominion of one culture over that of another. The theory of cultural imperialism argues that the media from developed countries such as the United States and Western Europe dominate the cultures of countries importing such media. This cultural dominance is also seen in computer communication where the U. S. and the English language dominate. "And some countries," notes one journalist, "already unhappy with the encroachment of American culture—from jeans and Mickey Mouse to movies and TV programs—are worried that their cultures will be further eroded by an American dominance of cyberspace."

Media products from the United States are likely to emphasize its dominant attitudes and values, for example, the preference for competition, the importance of individuality, the advantages of capitalism and democracy, safe sex and health consciousness, and the importance of money. In an extreme form of this theory, it would be argued that the attitudes and values of the dominant media culture will become the attitudes and values of the rest of the world.

Television programs, films, and music from the United States are so popular and so in demand in developing countries that they may actually inhibit the growth of the native culture's own talent or lead artist to imitate. From another perspective, however, some people might argue that the

media products from the United States are generally superior to those produced elsewhere and hence serve as a kind of benchmark and standard for quality work throughout the world.

(По материалам учебника DeVito 2000)

2. Прочитайте следующие мнения и выскажите свое согласие/несогласие.

- Foreigners who go to live in another country should give up their foreign habits and adapt to the new country as soon as possible.
- Many of the world's population do not take enough initiatives to develop, so they stay underdeveloped.
- English should be accepted as the universal language of the world.
- Some of the world's population have not yet reached the higher stages of civilization.
- Minority members of any population should conform to the customs and values of the majority.

(Tomalin, Stempleski 1993)

3. Проанализируйте рекламу западных товаров на российском телевидении с точки зрения отражаемых в ней ценностных ориентиров.

4. Приведите примеры влияния английского языка на русский. В какой степени эти процессы воздействуют на менталитет и ценностные ориентиры россиян?

5. Пользуясь американскими словарями, найдите русские слова, которые вошли в английский словарный фонд (см. также ч. 3, гл. 15). Чем объясняется выбор именно этих слов?

6. В какой мере, на ваш взгляд, могут оградить язык и культуру разного рода административные барьеры (например, законы о языках)?

РУССКАЯ И АМЕРИКАНСКАЯ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ ЛИЧНОСТИ

Глава 6. ЛИЧНОСТЬ КАК ПРОДУКТ И НОСИТЕЛЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Именно язык позволяет нам наиболее отчетливо проследить развитие человеческого разума.

Лорд Монбоддо

§1. Понятие языковой личности

Центральным системообразующим звеном коммуникативного процесса является языковая личность. Язык есть организм человеческого духа и средство проникновения в его тайны (Гумбольдт 1985: 364—365), окно во внутренний мир человека (Mead 1988). Таким образом, изучение языка позволяет заглянуть в сущность языковой личности, приблизиться к пониманию духа народов, нащупать пути преодоления различий в процессе МК и найти то общее, что позволит достичь взаимопонимания.

Языковая личность в МК представляет собой национально-специфический тип коммуниканта, обладающий культурно обусловленной ментальностью, картиной мира и системой ценностей, придерживающийся определенных когнитивных подходов, языковых, поведенческих и коммуникативных норм и потенциально способный к межкультурной трансформации.

Исходные тезисы, суммирующие характер участия языковой личности в межкультурном общении, можно сформулировать следующим образом:

1. Личность привносит в коммуникацию багаж своего менталитета, выраженного в виде мыслительных паттернов, концептов и ценностных доминант.

2. Характер коммуникативной деятельности языковой личности в значительной мере определяется типичными национально-культурными чертами, в различной степени выраженными в том или ином индивидууме.

3. Личность воспринимает окружающий мир через призму языковой картины мира, которая отчасти была "впитана с молоком матери", а отчасти выработана под влиянием сформировавшего личность окружения.

4. Все вышеуказанные факторы, равно как и индивидуальные черты конкретной языковой личности, оказывают влияние на набор используемых в коммуникации средств (тезаурус, невербальные формы общения, коммуникативные стратегии и т. д.).

5. Языковая личность — это своего рода фрейм. Проецируя его на контекст общения и фоновые знания о мире, коммуниканты "дорисовывают" в своем сознании портрет партнера по общению со всеми составляющими его идентичности.

6. При вступлении в контакт с иной культурой возникает диссонанс менталитетов, картин мира, ценностных ориентиров и тезаурусов, вызывающий кризис идентичности языковой личности и культурный шок.

7. Личность узнает о коммуникативных сбоях посредством обратной связи. Соображения целесообразности, безопасности и комфортности заставляют личность корректировать различные аспекты своего коммуникативного поведения.

8. Движение коммуникантов навстречу друг другу, выражающееся в трансформации различных аспектов общения, приводит к формированию межкультурной языковой личности. Такая трансформация требует активности, осознания культурных различий и модификации коммуникативных подходов. В случае, если этого не происходит, личность остается на стадии маргинальности.

Языковая личность многогранна. В рамках МК ее можно анализировать с точки зрения:

- 1) коллективности/индивидуальности;
- 2) универсальности/национальной специфичности;
- 3) психофизиологических характеристик;
- 4) социальной принадлежности;
- 5) менталитета;
- 6) лингвокогнитивных подходов;
- 7) уровня владения языком (родным и иностранным);
- 8) тезауруса;
- 9) концептосферы;
- 10) картины мира;
- 11) иерархии ценностей.

Каждому из аспектов соответствует определенная грань языковой личности, обуславливающая ее культурно-языковые особенности. Кроме того, рассмотрение структуры языковой личности может осуществляться по другим признакам, отражающим характер познавательной и коммуникативной деятельности.

Практически все исследователи подчеркивают сложность структуры языковой личности. Ю. Н. Караулов анализирует ее на трех уровнях: вербально-семантическом, который соотносится с нормальным владением естественным языком; лингвокогнитивном ("понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную картину мира, отражающую иерархию ценностей") и прагматическом (цели, мотивы, интересы и интенциональности) (Караулов 1989: 5).

Как уже было сказано выше, личность участника МК — это своего рода фрейм. В зависимости от характера коммуникации высвечиваются различные ее параметры. Информация, получаемая о личности партнером по общению, фрагментарна и схематична. Портрет собеседника, существующий в сознании коммуниканта, имеет как действительно присущие личности черты, так и те, которые ей приписаны воображением партнера. Правдивость портрета зависит от объема "разделенного знания" между коммуникантами. Если коммуниканты принадлежат к одной и той же культуре, это знание достаточно объемно. При межкультурной коммуникации количество его существенно уменьшается. Передаваемая информация редуцируется из-за неверной фильтрации или декодировки, в результате чего портрет личности может искажаться.

Культурно-языковая личность, анализируемая с позиций МК, представляет собой единство *коллективного* и *индивидуального*, которые существуют в неразрывной связи друг с другом. С одной стороны, коллективная память и коллективные аспекты языка складываются из многократно повторенного индивидуального опыта — сложной мозаики индивидуальных впечатлений, словоупотреблений, коммуникативных стратегий и т. д. С другой стороны, индивидуальная личность формируется на основе коллективного опыта и коллективной памяти. Идентичность языковой личности не может сложиться вне человеческого сообщества, ибо она предполагает отождествление себя с другими и анализ себя на фоне других. Таким образом, языковая личность представляет собой сложное переплетение коллективного, преломленного через призму индивидуальности, и индивидуального, вкрапленного в коллективное. Члены языкового сообщества усваивают то, что кажется им целесообразным и действенным для выживания в среде других людей.

Согласно определению Ю. Н. Караулова, собственно языковая, или словарная, личность есть "закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носи-

теля определенного естественного языка, составляющий вневременную и инвариантную часть структуры речевой личности" (Караулов 1987: 39). Соответственно языковой, т. е. коллективной, личности противопоставляется личность говорящая, или индивидуальная. Деление это достаточно условно — одно не может существовать без другого. Типизация происходит на основе индивидуальных черт конкретных носителей языка; с другой стороны, индивидуальные личности усваивают типичные черты своей культуры как обобщенного явления.

Как коллективная, так и индивидуальная языковые личности важны на всех уровнях нашей системно-динамической модели МК. На уровне культур фигурирует обобщенная личность, вобравшая в себя всю духовную энергию народа, и личность идиолектная, оказывающая воздействие на жизнь нации (например, главы государств, известные писатели, дипломаты, выступающие как интерпретаторы политики обеих стран и т. д.).

Степень "коллективности" языковой личности может быть различной. Личность заключает в себе признаки больших и малых групп, в состав которых она входит. В первую очередь, это принадлежность к человечеству как единому целому. Универсальные черты, присущие пользователю языка как средства коммуникации, обуславливают единство человечества на основе этого признака как одного из определяющих. А. Вежбицкая пишет об общей понятийной базе, объединяющей различные культуры и общества. "Если бы такая общая база не существовала, — утверждает она, — различные понятийные миры, связанные с различными языками, были бы взаимонепроницаемы" (Вежбицкая 1996: 320). Таким образом, можно утверждать, что наличие "фундаментальных понятий, подлежащих лексикализации во всех языках мира" (Там же: 321), является основой проницаемости понятийных миров, т. е., иными словами, возможности взаимопонимания в МК.

Второй уровень "коллективности" — это принадлежность к определенному языковому сообществу. Во времена существования Советского Союза для русской языковой личности это сообщество совпадало с нацией, внутри которой русский язык использовался как средство межнационального общения. В настоящее время границы этого сообщества сузились, но по-прежнему включают как носителей русского языка, так и тех, для кого он является не родным, но государственным.

Для носителей английского языка ситуация в этом плане еще более уникальна. Языковая личность не только принадлежит к сообще-

ству более-менее компактно проживающих людей, но и включает далеко расположенные государства, где люди говорят по-английски. Таким образом, носители английского языка разделяют черты, общие для всех жителей англоговорящих стран. Это расширенное языковое сообщество делится далее по принципу принадлежности к определенному государству, жители каждого из которых имеют собственные национально-специфические черты.

Здесь закономерно возникает вопрос, касающийся специфики англоговорящей коллективной языковой личности: принадлежат ли англичане, американцы, австралийцы и т. д. к одному и тому же национально-культурному типу или же это разные языковые личности? Очевидно, можно говорить о различных размерах и соответственно параметрах языкового сообщества: 1) едином культурно-языковом пространстве жителей англоговорящих стран; 2) их последующем делении на разные национально-культурные сообщества — страны, где функционирует конкретный вариант английского языка; 3) делении на диалекты, также являющиеся средством объединения личностей в более мелкие сообщества. Принадлежность такого рода оказывает несомненное влияние на идентичность и обуславливает уникальный характер многослойности англоговорящей личности.

Помимо национально-географической принадлежности, языковая личность разделяет коллективные черты, присущие определенным социальным группам, которые накладываются друг на друга (возраст, пол, профессия, место проживания и т. д.). Таким образом, каждая конкретная языковая личность является многослойной структурой, объединяющей в себе черты больших и малых языковых сообществ, плюс свои собственные черты, накладывающие отпечаток на характер коммуникации.

Многослойность языковой личности возрастает по мере включения ее в более крупные культурно-языковые сообщества. Сложное сочетание психофизиологических, социальных, национально-культурных и языковых различий приводит к тому, что на уровне МК объем расхождений достигает критической массы. Поэтому межличностное взаимопонимание на этом уровне требует качественных изменений, которые воплощаются в форме трансформации личности как обязательного условия успешного межкультурного общения.

Важнейшими понятиями в связи с анализом *коллективной* языковой личности на уровне нации являются менталитет, национальный дух, национальный характер, концептосфера, языковая картина мира, тип (архетип) и стереотип.

Понятие духа языка является трудноуловимым и сложным для анализа. Парадокс заключается в том, что, с одной стороны, все носители языка интуитивно ощущают наличие этого духа, а с другой, оно с трудом поддается определению, поскольку нелегко соотнести само понятие духа с материальными средствами его выражения. В. Гумбольдт рассматривает дух человечества как содержание, вмещенное в человеческую форму (Гумбольдт 1985: 343) и полагает, что "по-разному сформированные языки обладают разной степенью пригодности к той или иной духовной деятельности" (Там же: 380). Поэтому изучение языка только в чисто структурном плане, без учета культурных факторов и внутреннего мира человека, является тупиковым: "Только тогда, когда научное рассмотрение объединит характер народа во всех его независимых от языка проявлениях, субъективный характер индивидуальности, не зависящей от различных путей мысли и дела, и характер, которым обладают или который могут принимать языки, только тогда мы приблизимся к проникновению в то многообразие и единство, в котором сходится бесконечное и неисчерпаемое целое духовных устремлений" (Там же: 373).

Современные исследователи пытаются определить гумбольдтовское понятие неуловимого народного духа через термины "коллективная память", "менталитет", "картина мира", "лингвокультура" и т. д. Представители европейского направления неогумбольдтианства (Л. Вайсгербер, Г. Гольц, Г. Ипсен, П. Гартман и др.) рассматривают язык не как средство мышления, а как промежуточный мир между объективной действительностью и мышлением, и приходят к выводу о том, что мышление каждого народа имеет чисто национальные черты и его развитие целиком определяется имманентным развитием национального языка (Панфилов 1977: 23—25). Таким образом, в МК происходит столкновение двух промежуточных миров, в результате чего путь от сознания к сознанию осложняется межязыковыми и межкультурными барьерами.

Коллективная память, запечатленная в языке и духовной культуре, выступает как средство хранения и накопления информации, требующее поддержания знаковых систем, определенного метода упорядочения, организации информации по ее ценности и содержанию (Брасов 1997: 203—204). Коллективная память соотносится с понятием "разделенного знания", на базе которого в процессе общения строится новое содержание — продукт совместного творчества коммуникантов. Однако часть информации, запечатленной в коллективной

памяти, является национально-специфичной и не вызывает реакции узнавания у коммуникантов из другой культуры.

Идея коллективной ментальности восходит к книге А. Токвиля "Демократия в Америке", в которой он блестяще проанализировал менталитет американцев своего времени. Многие из его наблюдений остаются актуальными до сих пор.

П. С. Гуревич определяет ментальность как "продукт коллективного творчества, присваиваемый индивидом и становящийся неотъемлемой частью его мировосприятия". Он подчеркивает "более устойчивый характер ментальности, восходящей к бессознательным глубинам психики, по сравнению с переменчивыми общественными настроениями, ценностными ориентациями и идеологией. <...> внутри ментальности, — пишет он, — находят себя различные оппозиции — природное и культурное, эмоциональное и рассудочное, иррациональное и рациональное, индивидуальное и общественное" (Гуревич 1994: 242—245).

Конститутивным признаком понятия "менталитет" является его принадлежность определенной социальной или культурной группе. Таким образом, в нем изначально заложена потенциальная возможность быть противопоставленным менталитету другой группы. Параметрами противопоставления могут быть когнитивные и мыслительные схемы и модели, образы и ценностные ориентиры.

Вслед за Г. Малецке С. Даль выделяет следующие факторы, влияющие на парадигму мышления: логика мышления; развитость индуктивного и дедуктивного, абстрактного и конкретного мышления. Существует мнение, что западное мышление, построенное на аристотелевской логике, является аналитическим, линейным, рациональным, в то время как для восточных культур характерна логика холистическая, ассоциативная, аффективная. В западном мышлении преобладает индуктивное, а в восточном — дедуктивное начало (Dahl 1998). Хотя Даль отмечает одинаковую способность русских и американцев мыслить абстрактно, мы впоследствии попытаемся показать, что американцы имеют склонность к более конкретным формам мышления, нежели русские.

Целый ряд исследований подтверждает, что между менталитетом и языком существует тесная связь. По С. Е. Никитиной, "языковое самосознание является частью культурного самосознания. Между осознанием элементов языка и других элементов культуры нет четко выраженной границы. Достаточно вспомнить, что в переломные исторические эпохи родной язык становится символом национального

самосознания" (Никитина 1989: 35). Ю. Н. Караулов высказывает предположение о существовании так называемой психоглоссы, под которой понимает единицу языкового сознания, отражающую определенную характерную черту языкового строя, системы родного языка, обладающую высокой устойчивостью к вариациям и стабильностью во времени (Караулов 1989: 7). В. И. Карасик усматривает возможность реконструкции "коллективного бессознательного" через некоторые материализованные показатели, в качестве которых могут выступать зафиксированные в языковых значениях концепты, ценностные и культурные доминанты, "приоритетные для данного языка грамматические способы, их комбинаторика, их взаимодействие со всеми остальными способами выражения содержания в языке" (Карасик 1992: 170).

В свою очередь, *индивидуальная* языковая личность реализуется на уровне идиолекта, который представляет собой "персональную" лингвистическую систему конкретного коммуниканта, с вариациями на фонологическом, грамматическом и лексическом уровне. Каждый идиолект неповторим, как отпечатки пальцев индивида. На его характер влияет множество факторов: пол, возраст, социальное положение, место жительства, психотип, физиологические особенности и т. д., которые в совокупности образуют то, что называется индивидуальностью.

Идиолектные различия проявляются в тончайших нюансах произношения и интонации, специфическом для данного индивида отборе лексических средств, особенностях синтаксиса и т. д. Именно это обстоятельство позволяет русским критикам рассуждать о "сжатой крепости и энергии" стиха В. А. Жуковского, "живописном, ярком и рельефном" языке Н. В. Гоголя (В. Г. Белинский), "собственной, оригинальной и в то же время очень разнообразной физиономии" произведений А. К. Толстого (А. И. Герцен). Даже минимальные единицы (звуки, буквы и цифры) могут обретать индивидуальные символические значения и ассоциации. Так, например, Кафка признавался, что находит букву *К* "оскорбительной, даже тошнотворной", несмотря на то, что это "его" буква. Один из литературных критиков пишет о том, что тире у Цветаевой — "пауза, заполненная глубоким вздохом", — считается неотъемлемой частью ее текстов, индивидуальным способом ее осмысления мира.

Отношение к идиолекту как к простой сумме слагаемых приводит к вульгарной, механистической трактовке этого понятия (см. доп. задание 1). Сочетаясь друг с другом, даже сходные компоненты фор-

мируют "конечный продукт", который может существенно отличаться от исходных составляющих. Один компонент, подобно химическому элементу, может вызывать "реакцию", в результате которой целое может обрести неожиданные свойства.

Как утверждает Дж. Стайнер, не может существовать двух личностей с идентичными ассоциативными контекстами. Все языковые формы имеют в своем составе латентные или реализованные элементы, отражающие различные аспекты индивидуального смысла. По мере того, как концентрические круги ассоциаций расширяются, они включают в себя все больше индивидуумов. Существуют бесчисленные около-идентичности (*near-identities*), обуславливающие пересечение ассоциативных смыслов (Steiner 1975: 170, 182).

Совокупность личностных смыслов и ассоциативных контекстов языковой личности образует ее идеосферу. Область пересечения идеосфер всех членов языкового коллектива представляет собой концептосферу данной культуры (термины Д. С. Лихачева).

Именно идиолект является "окном" во внутренний мир личности. Как утверждает Л. Витгенштейн, идиолект должен не только использоваться одним человеком, но и быть понятен только ему, поскольку соотносится с "внутренними ментальными событиями" (цит. по: Steiner 1975: 163). Если исходить из этой точки зрения, то можно говорить о *внутреннем* идиолекте, т. е. индивидуальных способах кодирования смыслов на уровне внутренней речи, и *внешнем* идиолекте, который проявляется на уровне поверхностных языковых структур. Внутренний и внешний идиолекты являются основными средствами реализации человеческого самосознания.

Но даже в устах одного индивида язык непостоянен и подвержен свободным вариациям. Будучи отклонениями от некоей абстрактной нормы, вариации эти, тем не менее, носят системный характер. Выражаясь словами В. Гумбольдта, "индивидуальность есть единство различий" (Гумбольдт 1985: 370).

Между коллективным и индивидуальным не существует непроходимой границы. С одной стороны, коллективное существует как множество индивидуальных реализаций. С другой стороны, все коммуникативные системы, включая язык, являются результатом "коллективного творчества" человеческих сообществ. Можно согласиться с Дж. Стайнером, который пишет, что "не существует частных речевых актов. <...> Все новые языки, какими бы секретными или эксцентричными они ни были, паразитируют на ранее созданных общественных моделях" (Steiner 1975: 169).

В силу культурных различий идиолектная "мозаика" отличается от одной культуры к другой. Сложное переплетение коллективного и индивидуального в языке и речи обуславливает дополнительные сложности в МК. Дело в том, что часто бывает трудно определить, что в коммуникативном поведении индивидуума принадлежит лично ему, а что является отражением национально-специфических особенностей всего языкового коллектива. В результате при общении представителей разных культур индивидуальные черты идиолектной личности могут обобщаться и ошибочно возводиться в ранг национально-специфических. Именно в этом заключается механизм формирования стереотипов. С другой стороны, национально-культурные черты поведения могут игнорироваться на основании того, что представитель другой культуры не идентифицирует их как обобщенные, а считает присущими лишь конкретной личности. Поэтому важное значение в МК приобретает умение разграничивать коллективное и индивидуальное в коммуникативном поведении представителей других культур.

§2. Русская и американская концептосферы

Из иностранного языка мы невидимо возьмем ... несколько чуждых нашему языку форм и согласим их, тоже невидимо и невольно, с формами нашей мысли — и тем расширим ее.

Ф. М. Достоевский

Концепты как опорные элементы лингвокультуры. Понятие "концепт", введенное в лингвистику Д. С. Лихачевым, обозначает "сгусток культуры в сознании человека", "пучок" представлений, знаний, ассоциаций, переживаний, сопровождающих слово (Степанов 1997: 40). Это понятие является одним из ключевых при анализе проблем МК. Концепты, понимаемые как основные ячейки культуры в ментальном мире человека (Там же: 41), могут быть использованы как опорные элементы для сопоставления менталитетов, а также культурных и ценностных доминант, которые в силу своей неуволности, подвижности и расплывчатости с трудом поддаются анализу.

Выступая в качестве базовых, опорных элементов языка, концепты объединяют представителей определенной лингвокультуры, обеспечивая основу взаимопонимания между ними через "сгустки смыс-

ла", в которых воплощается дух народа. Концептуальное пространство отдельной языковой личности и лингвокультуры в целом организуется в концептосферу, основной характеристикой которой являются те возможности совместного "творения смыслов", которые она открывает перед носителями языка.

С позиций МК концептосферу можно рассматривать в двух направлениях: как взгляд "извне", т. е. анализ концептосферы в целом как выражения национально-культурной специфики определенного народа, и как взгляд "изнутри", попытку проникнуть во внутренний мир представителей разных социальных групп посредством концептов как многомерных образований. Перекрещение идеосфер, основанное на "разделенном знании" представителей конкретной культуры, а также особенностях национального характера и специфике коллективной языковой личности, своеобразно преломляющей жизненный опыт, создает то смысловое ядро, которое становится базовым для достижения взаимопонимания внутри данной лингвокультуры.

Зависимость концептов от национального, сословного, классового, профессионального, семейного и личного опыта человека, пользующегося концептом (Лихачев 1997: 282), приводит к тому, что уровень взаимопонимания будет лучше у людей с аналогичным опытом. В МК аналогичный опыт можно рассматривать двояко. На бытовом и эмоциональном уровне люди из одной культуры с большей степенью вероятности поймут друг друга благодаря наличию "разделенного" национально-культурного опыта. С другой стороны, даже относясь к разным культурам, люди с одинаковым уровнем образования и сходными интересами могут иметь много общего с точки зрения выбора ключевых концептов.

Кроме того, в разных лингвокультурах фокусировка и членение концептуального пространства осуществляются по-разному. При совпадении этого членения у людей из разных культур будет больше предпосылок для адекватной коммуникации, нежели при несовпадении.

Способность концептов разрастаться и обогащаться за счет индивидуального эмоционального и культурного опыта носителей языка обуславливает их эластичность, неустойчивость и подвижность. С одной стороны, динамический характер концептов затрудняет их "состыковку" между разными культурами. С другой стороны, то обстоятельство, что они "перетекают" друг в друга, образуя единое пространство культуры, создает возможность для творческого полета и поиска "компромисса" между несовпадающими концептами разных лингвокультур.

Ключевые русские и американские концепты. При сопоставлении американской и русской концептосфер обращает на себя внимание то, что русские концепты, относящиеся к духовной и эмоциональной стороне жизни, часто не имеют американских аналогов. В то же время американские концепты, не переводимые на русский язык, в большинстве своем отражают прагматический и активистский характер американской культуры.

Хорошо известна точка зрения А. Вежицкой, которая считает концепты "душа", "судьба", "тоска" ключевыми для русской лингвокультуры (Вежицкая 1996). Хотя подходы А. Вежицкой нередко подвергают критике за субъективность и бездоказательность, мы склонны в данном случае согласиться с ее выбором. Кроме того, настойчивость, с которой как российские, так и зарубежные авторы обращаются к концепту "душа" при анализе русской культуры и языкового сознания, несомненно заслуживает внимания.

Ю. С. Степанов считает, что лучшее определение слова "душа" принадлежит Вл. Далю: "Бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею; в общем значении: человек с духом и телом; в более тесном: человек без плоти, бестелесный, по смерти своей; в смысле же теснейшем: жизненное существо человека, воображаемое отдельно от тела и от духа, и в этом смысле говорится, что и у животных есть душа" (Степанов 1997: 569). Немало написано и о загадочности русской души, которую Н. А. Бердяев объясняет ее иррациональностью и близостью к природе (Бердяев 1990а: 235—236). Подробный анализ концепта "душа" также содержится в книге С. Г. Тер-Минасовой "Язык и межкультурная коммуникация" (2000: 161—169). А Вежицкая характеризует русскую душу как духовную сердцевину, внутренний театр, на сцене которого проходит моральная и эмоциональная жизнь личности (Wierzbicka 1997: 10).

Многие американцы, которые пишут о русской "душе", употребляют в тексте английскую транскрипцию русского слова — их явно не устраивает английский эквивалент *soul*:

"Dusha <...> is the essence of Russian behavior. The romantic ethos, dusha, appeals to feeling rather than fact, sentiment over certainty, suffering instead of satisfaction, and nostalgia for the past as opposed to the reality of the present. In a broader sense, dusha is also a reaffirmation of the purity of traditional Russian values against the encroachment of Western enlightenment, rationalism, and secularism, especially in things cultural" (Richmond 1996: 46).

"They make considerable reference to *dusha*, the soul, where we appeal to the heart or, more likely, the unconscious" (Lourie, Mikhalev 1989: 38).

"*"Dusa"* symbolizes a model person <...>, not just as a distinct physical body with a rational and mindful self within, but further contrasts this organismic entity with a kind of cosmological connectedness, with a transcendent moral (good or bad), deeply feeling, and distinctly inter-human realm" (Carbaugh 1993: 194).

Д. Карбо, автор последней цитаты, не пользуясь самим термином "концепт", фактически противопоставляет концепты "soul" и "self" как ключевые понятия, характеризующие русскую и американскую личность. Он утверждает, что в США презентация "себя" (*self*) есть предпочтительная форма коммуникативной деятельности, с указанием на личный опыт, мысли и чувства, что считается адекватным способом самовыражения. *Self* — это нечто внутреннее и уникальное, ценимое в обществе и имплицитно предполагающее достоинство как говорящего, так и его собеседника. В российском же дискурсе, по его мнению, одним из основополагающих измерений межличностной коммуникации становится задушевность (*soul-to-soul*) беседы. Таким образом, с одной стороны имеется "душевный" коллектив, общение которого основано на понятиях морали и нравственности общественной жизни, с другой — группа индивидуумов, в основе коммуникации которых лежит фактическая информация, раскрывающая их личный опыт взаимоотношений с обществом. В результате русские нередко воспринимают американцев как "безддушных", а американцы считают русских недостаточно владеющими навыками аналитического мышления и способными использовать фактическую информацию (Carbaugh 1993: 196).

В качестве параллели русскому концепту "душа" можно выделить афро-американский концепт "soul", существенно отличающийся от англосаксонского и обозначающий глубокую искренность, задушевность и эмоциональность, присущие негритянской культуре. Этот концепт, который не совпадает с русским, может, однако, быть сопоставлен с ним по эмоциональной насыщенности и глубине. В его "сферу влияния" попадают такие понятия, как *soul brother* {букв. "брат по духу"} — черный, чернокожий (также *soul sister* — о девушке или женщине) — и *soul music* — музыка "соул", разновидность направления "ритм и блюз", включающая элементы негритянских религиозных песнопений, которая характеризуется четким ритмом и эмоцио-

---

* Ошибочная транскрипция слова "душа".

нально насыщенным вокалом (Леонтович, Шейгал 2000). Однако "аура" русского и афро-американского концептов и вызываемые ими культурные ассоциации глубоко различны и могут быть сопоставлены лишь для объяснения связанной с ними "задушевности".

Русский концепт "тоска" не имеет аналогов в американской концептосфере, о чем достаточно убедительно пишет американский переводчик Р. Лури:

*"In the zone of feelings that exists apart from the state and history, the Russians have developed a cult of spontaneity and sincerity. <...> Their emotional palette is broader than ours and favors the moodier hues. They experience considerable *toska*, an undefined longing, a sense that what you most need and want is elsewhere, if anywhere at all"* (Lourie, Mikhalev 1989: 38).

Для передачи концепта "тоска" на английском языке можно попытаться заполнить лакуну с помощью пограничных концептов (*melancholy, depression, yearning, anguish, ennui, longing, grief* и т. д.) — с тем только, чтобы доказать его непередаваемость. "Нужно делать различие между тоской и страхом и скукой, — писал Н. А. Бердяев. — Тоска направлена к высшему миру и сопровождается чувством ничтожества, пустоты, тленности этого мира <...> Страх и скука направлены не на высший, а на низший мир. Страх говорит об опасности, грозящей мне от низшего мира. Скука говорит о пустоте и пошлости этого низшего мира. <...> В тоске есть надежда, в скуке — безнадежность" (цит. по: Степанов 1997: 677—678)*.

Если бы, в противовес трем ключевым русским концептам, выделенным А. Вежбицкой ("душа", "судьба", "тоска"), надо было выделить три американских, то можно было бы предложить концепты "challenge", "privacy" и "efficiency", непередаваемость которых на русский язык отметил и попытался объяснить А. Михалев (Lourie, Mikhalev 1989: 1, 38).

В словаре "Жизнь и культура США" концепт "challenge", практически не имеющий аналога в русской концептосфере, объясняется следующим образом:

"1. задача 2. проблема, трудность 3. испытание 4. вызов. Это слово — одно из ключевых для понимания американского национального характера; оно выражает отвагу, готовность рисковать, чтобы испытать себя, дух авантюризма, стремление к соперничеству и т. д." (Леонтович, Шейгал 2000).

Недаром именем *Challenger* в свое время был назван американский космический корабль. Как отмечает Михалев, даже простейшее

* См. также анализ концепта "тоска" (Димитрова 2001).

предложение *"The creation of a new company is extremely challenging"* сложно для перевода на русский язык. Он высказывает предположение, что авантюризм и способность к риску в большей степени свойственны американцам, нежели русским (Lourie, Mikhalev 1989: 38). И уж вовсе не укладывается в русскую концептосферу эвфемистическое употребление слова *challenged* (нетрудоспособный, искалеченный), тесно связанное с понятием политической корректности, например: *physically challenged (person)* — инвалид; *visually challenged* — слепой. Характерно, что это слово, используемое для эвфемизации, фактически означает готовность бороться с трудностями, бросить вызов судьбе и победить.

Концепт *"privacy"*, обозначающий личное пространство, а также право на невмешательство в частную жизнь, занимает важное место в системе американских ценностей и проявляется во всех областях жизни: взаимоотношениях детей и родителей, преподавателей и студентов, коллег и малознакомых людей. Хочется привести еще один абзац из уже цитированной статьи Р. Лури и А. Михалева:

"Privacy", a concept with far reaching implications, is absolutely untranslatable into Russian. It would be unfair to ascribe the lack of this concept solely to living conditions in the Soviet era, though, needless to say, communal apartments where 10 families share a bathroom, dormitories and the thin-walled barracks where a few generations lived their lives, as well as the overcrowding in today's urban dwellings, did and do little to foster the introduction of that concept into our daily experience. Tolstoi and Turgenev lived at a time when privacy must have existed in Russia, but their works contain no word or expression that adequately conveys the range of attitudes bound up with this notion" (Lourie, Mikhalev 1989: 38).

Концепт *"efficiency"* также не имеет соответствия в русском языке и только отчасти может быть передан совокупностью слов: *умение, деловитость, расторопность, эффективность, производительность*.

Разумеется, это лишь немногие из ключевых русских и американских лингвокультурных концептов, и список этот может быть продолжен. Тем не менее приведенный выше анализ дает представление о существенных различиях между русской и американской концептосферами.

Частичное пересечение концептов-аналогов. Типичными примерами языкового воплощения сопоставимых, но не совпадающих концептов двух лингвокультур являются слова, которые традиционно используются как эквиваленты, но при этом лишь частично пересе-

каются с точки зрения заключенного в них содержания. Так, например, американский концепт "nation" и русский концепт "государство", которые формально являются эквивалентными, расходятся вследствие разного понимания русскими и американцами государственности, а также участия граждан в государственном управлении.

Почему журналист Д. Шиплер в своей книге о России (Shippler 1989) употребляет без перевода слово *narod*, несмотря на существование его английского эквивалента *people*? Если вдуматься, то мы действительно имеем дело с пересекающимися, но не идентичными концептами, в силу таких насаждающихся на универсальное понятие культурно-исторических ассоциаций, как, с одной стороны, *народность*, *народодовольцы*, *народничество*, *советский народ как новая историческая общность* и т. д., а с другой, — "*We, the people...*" — начальной фразы Конституции США, в которой воплотилось национальное самосознание американцев.

В научной и публицистической литературе многократно отмечалось расхождение между русским и американским концептами "друг" и "friend" (см., напр.: Richmond 1996; Wierzbicka 1997). Для американца слово *friend* применимо к любому человеку, который не является врагом. Это отражает нежелание американцев завязывать слишком глубокие и длительные отношения, что часто объясняют их индивидуализмом и географической мобильностью. Русские, со своей стороны, значительно "разборчивее" в отношении того, кого можно назвать *другом*.

Английское слово *fun*, которое с известной натяжкой может быть переведено как *веселье*, тем не менее, обладает более широкой семантикой, может обозначать любые позитивные эмоции и относиться практически к любому типу деятельности. "*Are you having fun yet?*" — это емкая фраза, исполненная иронии, а порою даже сарказма и практически не переводимая на русский язык ("Ну как, вам уже весело?" — жалкая тень того, что вмещает оригинал).

Нюансировка концептов. Значимость концептов для лингвокультуры определяется тем, насколько тонко в языке отражаются оттенки соотносящихся с ними значений и в каком направлении идет их нюансировка. В работах разных исследователей уже не раз затрагивались расхождения между словами, соположенными с русскими и английскими/американскими концептами "правда" и "ложь". А. Вежбицкая и Ю. С. Степанов отмечают расхождения между концептами "правда" и "истина". "Истина выражает порядок вещей в мире, зако-

номерность, закон, а правда — конкретный случай; истина поэтому выражает общие суждения, правила, а правда — частные суждения, главным образом о событиях и фактах", — пишет Ю. С. Степанов (1997: 325). Заметим, что в английском языке такая дифференциация концептов отсутствует. Русское слово *справедливость* восходит к концепту "правда" (от общеслав. *правыи* — истинный), что отличается от истоков английского *justice* (от лат. *iustus* — законный, заслуженный). "Для англо-американской ментальности, отраженной в слове *justice*, малопонятным кажется различие, если не противопоставление, правосудия и справедливости, особенно на фоне неприемлемого для США российского нетождества между законом, судом и истиной, правдой, моральной справедливостью", — замечает В. А. Костомаров (1995: 53).

С другой стороны, не раз описано *вранье* как специфически русское явление. Вот как оно выглядит через призму американского восприятия:

"Russians can fudge the facts, a national characteristic called *vranyo* <...>. Dictionaries translate *vranyo* as "lies, fibs, nonsense, idle talk, twaddle," but like many Russian terms, it is really untranslatable. Americans might call it "tall talk" or "white lies," but "fib" perhaps comes closest because *vranyo*, as Russian writer Leonid Andreyev noted, is somewhere between the truth and a lie" (Richmond 1996: 123).

Й. Ричмонд квалифицирует вранье при общении с иностранцами как неспособность русских посмотреть правде в глаза, если эта правда нелестна для России (Там же).

Американский журналист Д. Шиплер не находит английского эквивалента для русского слова *показуха* и дает ему следующее определение: "*a phony show or a snow job usually put on for people of high standing*" (Shipler 1989: 21).

В. А. Костомаров следующим образом объясняет неспособность американцев найти адекватный перевод русских слов, относящихся к обману: "<...> они не могут среди параллельных и соотносительных слов найти понятие *врать, враль, вранье* адекватного перевода, ибо это и не *swank* — хвастовство, бахвальство, и не *nonsense, prate, idle talk* — безответственная болтовня, *twaddle* — пустословие, но все это вместе" (Костомаров 1995: 53). Эта особенность русского концепта "обман" позволяет Н. Н. Панченко писать о "большей нюансировке эмоционального кодирования ситуации обманного действия" в русской лингвокультуре по сравнению с английской (Панченко 1999: 86). Ее исследование показало, что "для передачи значения клеветы и рас-

пространения порочащих слухов русское языковое сознание закрепило более чем в три раза больше единиц в сопоставлении с английским". В то же время в английском языке вдвое больше единиц со значением "лечь" и "пассивная ложь" (Там же: 74—75).

Лакунарные концепты. Большой интерес для исследователя представляют концепты, не имеющие эквивалентов в другой лингвокультуре. Будучи национально-специфичными, они в наибольшей степени отражают особенности менталитета, когнитивный и ценностный подходы к материальному миру, способы освоения действительности и ее моральной оценки. Через их посредство реализуются категории, которыми мыслят носители лингвокультуры, и те рамки, в которые они поставлены для осознания и интерпретации окружающего мира.

То обстоятельство, что слово, существующее в одном языке, не имеет прямого соответствия в другом языке, свидетельствует об отсутствии в лингвокультуре соответствующего нерасчлененного понятия. Русскими концептами, не знакомыми американцам, являются "цельность", "умиление", "лукавство", "разгул", "склока" и т. д. Хотя В. Набоков не пользовался термином "концепт" в недавно закреплённом за ним лингвистической терминологией значении, он подробно описал русский концепт "пошлость" в биографии Н. В. Гоголя, предназначенной для американских читателей. Набоков отмечает, что соответствующие английские слова *cheap, sham, common, smutty, pink-and-blue, in bad taste; inferior, trashy, scurvy, tawdry, gimcrack* отражают классификацию ценностей определенного периода времени, в то время как русское понятие "пошлость" неподвластно времени (*is beautifully timeless*. — Nabokov 1998: 9).

Приведем некоторые другие концепты, для которых американские авторы, пишущие о России, не смогли найти достойных эквивалентов в английском языке и поэтому сочли необходимым воспользоваться русскими словами, вкрапленными в английский текст — *blat, besporyadok, nomenklatura, bespartiiny, obshchestvennaya rabota, samizdat, shefstvo* (Sipler 1989), *vozhd, vlasti, dostat* (Lourie, Mikhalev 1989), *nyekulturno* (Richmond 1996).

К разряду лакунарных можно отнести описанные выше американские концепты *challenge, privacy, efficiency*. К этой же категории относятся концепты, отражающие некоторые типичные характеристики, которые, как правило, приписываются американцам: *materialistic, self-righteous, self-made, competitive, cooperative* и т. д.

Расхождение концептов в межкультурной коммуникации. В условиях МК расхождение концептов, которое отражает дух народа, специфику мышления и характер восприятия действительности представителями разных лингвокультур, может приводить к попытке осмыслить чужую культуру через собственную концептосферу и тем самым провоцировать ситуации непонимания. Конфликт концептов, сформировавшихся в разных "гипертекстах", на пересечении разных смыслов и ассоциаций, приводит к заблуждениям в отношении друг друга в результате эффекта обманутого ожидания.

Почему американские описания России так часто кажутся чужими, как бы и не о нас написанными? Очевидно, это отражение иного способа мышления, когда русская культура пропускается через систему американских концептов. Приезжая в Россию, американцы нередко пытаются использовать свою "сетку координат" для анализа явлений русской жизни. Например, при проведении конкурсов на гранты американские организации раздают русским участникам анкеты и оценивают уровень их профессиональной компетенции через призму концептов, широко распространенных в американском обществе, но плохо знакомых россиянам. Поэтому ключевые американские понятия, такие как *pluralism* и *diversity*, зачастую становятся камнем преткновения для русских участников, которые не могут соотнести собственный опыт с инокультурными концептами.

Описывая деловые переговоры между русскими и американцами, Й. Ричмонд отмечает: "Понятие или слово, произнесенное на одном конце стола, может быть не понято на другом конце просто-напросто потому, что оно не существует в политике, юриспруденции, культуре и даже языке этой стороны. Добавьте к этому недостаток знаний русских и американцев друг о друге — и задача переговоров с русскими станет еще более трудной" (Richmond 1996: 151).

Более того, существуют расхождения в том, как язык членит, а затем синтезирует информацию об окружающем мире. Как пишет Ю. С. Степанов, "у каждого из культурных концептов свой синтаксис: каждый из них как бы окружает себя своими особыми синтаксическими правилами" (Степанов 1997: 325). При общении смыслы, существующие в редуцированном виде в сознании говорящего/слушающего, разворачиваются, причем степень развернутости зависит от контекста, требований коммуникативной ситуации и уровня культурно-языковой компетенции коммуникантов. Для неносителя лингвокультуры требуется большая степень смысловой развернутости и эксплицированности при использовании концептов, нежели для носителя.

В результате специфического для английского языка членения и синтеза смыслового содержания высказывания следующие краткие, но емкие английские фразы с трудом поддаются переводу на русский язык без существенной деформации синтаксиса: *to project into the future; to center on life experiences; to encourage smb. to do smth.; to make love; to date back to; mainstream culture; a helpful person.*

Из-за разной концептуализации действительности и степени активности в освоении мира различается и форма вербализации народного опыта, которая выражается в агентивности/неагентивности, развернутости/свернутости высказывания, расчлененности/нерасчлененности на компоненты и в разных субъектно-объектных отношениях. При переводе происходит перераспределение смыслов между словами (концентрация, трансформация, синтез и т. д.), например:

I am thirsty — я хочу пить;

I am sorry — мне жаль;

I am hungry — я проголодался;

to witness — быть свидетелем;

to gamble — играть в азартные игры;

to kneel — становиться на колени.

Английскому языку свойственны точность и краткость выражения мысли: *What's the message? What message do you want to get through?* Русский язык, в свою очередь, отличается богатой эмоциональной нюансировкой смыслов. Например, невозможно передать по-английски фразу: "А солдатика замучила тоска".

Расхождения в концептуализации действительности приводят к высказываниям с обеих сторон типа: "Не хочу работать с американцами/русскими — я их не понимаю!"

"Состыковка" концептов/концептосфер. Человек, не знакомый с концептами иной культуры, не испытывает от этого неудобства. Изучение иноязычной лексики и грамматики необязательно сопровождается освоением новых концептов.

Овладение концептосферой иностранного языка знаменует собой качественно новый уровень культурно-языковой компетенции личности, начало существования в "параллельных мирах" двух лингвокультур. Требуется большой опыт для того, чтобы индивид, попавший в новое культурное окружение, мог "синхронизировать" свои концепты как ментальные образования с ментальными образованиями собеседника — носителя этой лингвокультуры.

Сстыковка концептов между культурами предусматривает заполнение межконцептуального семантического пространства, которое может осуществляется по-разному и зависит от индивидуального опыта носителя языка. В качестве промежуточных звеньев могут использоваться наиболее близкие межкультурные эквиваленты. Так, например, английское слово *freedom* по своему концептуальному содержанию соотносимо с русским *свобода*. Однако синонимичные им *liberty* и *воля*, в большей степени маркированные с точки зрения своей национально-культурной принадлежности, уже обозначают различные по своей сути концепты, выросшие в разных гипертекстах, на пересечении разных смыслов и ассоциаций: *liberty* в американской культуре имеет отношение к демократическим свободам, в то время как русское *воля* по сути своей обозначает состояние души. В процессе межкультурного взаимодействия слова *freedom* и *свобода* могут служить связующими звеньями для толкования концептов *liberty* и *воля*.

Представляется, что в процессе МК практически любой концепт, имеющийся в одной лингвокультуре и отсутствующий в другой, может с определенной степенью приближенности быть передан языковыми средствами. Для этой цели используются слова двух языков, передающие сходные концепты, а недостающие семантические признаки восполняются с помощью контекста. Например, вот что пишет Д. Шиплер, пытаясь истолковать русский концепт "родина":

"<...> *rodina* has as its core the original building block for the verb "to be born," the nouns "parents" and "relatives," the adjective "native," and the concept of one's own, something integral to oneself. *Rodina-Mat* ("Motherland-Mother") <...> touches a point of fondest emotion in both children and adults. We call our country *rodina* ["motherland"] because we were *rodilis* ["born"] in her, because in her our *rodnoi* ["native"] language is spoken, and everything in her is, for us, *rodnoye* ["our own"]" (Shippler 1989: 108).

Набор признаков зависит от сложности концепта и от степени его детализации со стороны интерпретатора. Так, например, при написании биографии Н. В. Гоголя В. Набоков посвятил описанию концепта "пошлость" 12 страниц из 155.

Концептосфера бикультурной/межкультурной личности существенно расширяется благодаря овладению двумя или более системами концептуализации действительности. Результатом является то, что рамки одного языка становятся тесными для такой личности. При

отсутствии номинации концепта в одном языке индивид стремится заполнить эту лакуну средствами другого языка. Например, некоторые русские, владеющие английским языком, высказывают мнение о том, что слово *challenge* "очень удобное" и его не хватает в русском языке.

Каждый новый язык — это знакомство с новой концептосферой, а отсюда — "когнитивная гибкость" и повышенная способность личности к аналитическому мышлению. Личность, владеющая двумя и более языками, обогащается духовно — ее "смешанная" концептосфера, которая является результатом симбиоза концептосфер разных языков, наполняется нюансами значений и множественными ассоциациями.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ

ИДЕОСФЕРА
ИДИОЛЕКТ
КОНЦЕПТ
КОНЦЕПТОСФЕРА
ЛАКУНАРНОСТЬ
МЕНТАЛИТЕТ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДУХ ЯЗЫКА
ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

1. Охарактеризуйте основные формы реализации языковой личности в межкультурной коммуникации.
2. Почему языковую личность следует рассматривать как сложную структуру?
3. Каким образом в языковой личности сочетаются коллективное и индивидуальное?
4. Что представляет собой дух языка по Гумбольдту? Каким образом другие ученые развивают это понятие?
5. Как соотносятся понятия "идеосферы" и "концептосферы"?
6. Что позволяет рассматривать концептосферу как основу взаимопонимания представителей определенной лингвокультуры?
7. Приведите собственные примеры частичного или полного несовпадения концептов в русской и американской лингвокультурах. В чем заключается сложность их состыковки?

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Проанализируйте следующий отрывок из книги Д. Лоджа *"Small World"*. Покажите, что отношение к идиолекту как к простой сумме слагаемых приводит к вульгарной, механистической трактовке этого понятия.

"How did you come to lose faith in your style?" Persse enquired.

"I'll tell you. <...> Well, as you probably know, this Dempsey character is gaga about computers. I gathered this over lunch, because he was sitting opposite me. "I'd like to take you over to our Computer Center this afternoon," he said. "We've got something set up for you that I think you'll find interesting." He was sort of twitching in his seat with excitement as he said it, like a kid who can't wait to unwrap his Christmas presents. So when the degree business was finished, I went with him to the Computer Center. Rather grand name, actually, it was just a prefabricated hut, with a couple of sheep cropping the grass outside. There was another chap there, sort of running the place, called Josh. But Dempsey did all the talking. "You've probably heard," he said, "of our Center for Computational stylistics. <...> when we heard that the University was going to give you an honorary degree, we decided to make yours the first complete corpus in our tape archive." "What does that mean?" I said. <...> "It means that every word you've ever published is in here." His eyes gleamed with a kind of maniac glee, like he was Frankenstein, or some kind of wizard, as if he had me locked up in that metal box. Which, in a way, he had. "What's the use of that?" I asked. "What's the use of it?" he said laughing hysterically. "What's the use? Let's show him, Josh. <...> With that tape," he said, "we can request the computer to supply us with any information we like about your ideolect." "Come again?" I said. "Your own special, distinctive, unique way of using the English language. What's your favourite word?" "My favourite word? I don't have one." "Oh yes you do!" he said. "The word you use most frequently." "That's probably *the* or *a* or *and*," I said. He shook his head impatiently. "We instruct the computer to ignore what we call grammatical words – articles, prepositions, pronouns, modal verbs, which have a high frequency rating in all discourse. Then we get to the real nitty-gritty, what we call the lexical words, the words that carry a distinctive semantic content. Words like *love* or *dark* or *heart* or *God*. Let's see." So he taps away on the keyboard and instantly my favourite word appears on the screen. What do you think it was?"

"Beer?" Persse ventured.

Frobisher looked at him a shade suspiciously through his owlish spectacles, and shook his head. "Try again."

"I don't know, I'm sure," said Persse.

Frobisher paused to drink and swallow, then looked solemnly at Persse. "Grease," he said at length.

"Grease?" Persse repeated blankly.

"*Grease. Greasy. Greased.* Various forms and applications of the root, literal and metaphorical. I didn't believe him at first, I laughed in his face. Then he pressed a button and the machine began listing all the phrases in my works in which the word *grease* appears in one form or another. There they were, streaming across the screen in front of me, faster than I could read them, with page references and line numbers. *The greasy floor, the roads greasy with rain, the grease-stained cuff, the greasy jam butt, his greasy smile, the grease-smeared table, the greasy small change of their conversation* <...> I was flabbergasted, I can tell you. My entire *oeuvre* seemed to be saturated in grease. I'd never realised I was so obsessed with the stuff. Dempsey was chortling with glee, pressing buttons to show what my other favourite words were. *Grey* and *grime* were high on the list, I seem to remember. I seemed to have a penchant for depressing words beginning with a hard "g". Also *sink, smoke, feel, struggle, run* and *sensual*. Then he started to refine the categories. The parts of the body I mentioned most often were *hand* and *breast*, usually one in the other. The direct speech of male characters was invariably introduced by the simple tag *he said*, but the speech of women by a variety of expressive verbal groups, *she gasped, she sighed, she whispered urgently, she cried passionately*. All my heroes have brown eyes, like me. Their favourite expletive is *bugger*. The women they fall in love with tend to have Biblical names, especially ones beginning with "R" — *Ruth, Rachel, Rebecca*, and so on. I like to end chapters with a short moodless sentence."

"You remember all this from six years ago?" Persse marvelled.

"Just in case I might forget, Robin Dempsey gave me a printout of the whole thing, popped it into a folder and gave it to me to take home. "A little souvenir of the day," he was pleased to call it. Well, I took it home, read it on a train, and the next morning, when I sat down at my desk and tried to get on with my novel, I found I couldn't. Every time I wanted an adjective, *greasy* would spring into my mind. Every time I wrote *he said*, I would scratch it out and write *he groaned* or *he laughed*, but it didn't seem right — but when I went back to *he said*, that didn't seem right either, it seemed predictable and mechanical. <...> I've never been able to write fiction since."

(Lodge: 182—185)

2. Попробуйте как можно точнее выразить средствами русского языка содержание следующих концептов: *mainstream culture, self-righteous, fundraising, self-reliance, nuclear family, outspoken, achiever.*

Глава 7. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ

Each of us has learned to see the world not as it is, but through the distorting glass of our words. It is through words that we are made human, and it is through words that we are dehumanized.

Ashley Montagu

§1. Мировосприятие через призму культуры

О роли, которую играет в межкультурных контактах языковая картина мира, написано немало. В этом параграфе мы рассмотрим механизмы трансформации картины мира в процессе МК на примере двух контактирующих лингвокультур.

Существуя объективно, окружающий мир преломляется в человеческом сознании через призму культуры, модифицированную на основе индивидуальных восприятий личности. Таким образом, языковая картина мира включает универсальные черты, общие для всего человечества, черты культурно-специфические — "некоторую культурную "сердцевину", единую для всех членов социальной группы или общности" (Леонтьев 1997: 273), а также индивидуальные черты, присущие определенной личности.

Мир воспринимается не пассивно и определяется системой философских воззрений, религиозных верований, культурных традиций, нравственных ценностей, убеждений, предрассудков и стереотипов. На формирование картины мира также влияет множество субъективных факторов, начиная от остроты зрения индивида, его роста (т. е. точки, с которой он обозревает мир), жизненного настроения (пессимист видит весь мир в мрачном свете), отношения к воспринимаемому объекту (любовь преображает: *не по хорошему мил, а по милоту хорош; beauty lies in loving eyes*) и кончая глубиной знания о мире.

В процессе познания человек создает так называемые "ментальные карты" мира — концептуальные модели, в упрощенном виде представляющие перцептивные образы окружающей действительности.

сти. Упрощение помогает личности ориентироваться в сложном мире: наши поступки в известной мере определяются тем, каким мир кажется нам, а не тем, каков он на самом деле. В этом смысле человек является пленником собственных восприятий. Как утверждают представители символического интеракционизма, "люди сами создают миры действия, в которых они существуют" (Макаров 1998: 37).

Характер картины мира коммуниканта зависит от того, каким образом в ней уравниваются универсальный, культурно-специфический и личностный компоненты. С точки зрения МК, картина мира человека, родившегося и прожившего всю свою жизнь в небольшом городке или деревне, будет существенно отличаться от картины мира индивида, привыкшего путешествовать по свету и регулярно совершать трансконтинентальные перелеты. При этом нельзя утверждать, что последний будет иметь преимущества с точки зрения глубины знаний о мире: ученый, всю жизнь проживший на одном месте, может иметь глубочайшие знания о конкретном фрагменте действительности и энциклопедические знания о мире в целом. Речь скорее будет идти о разном соотношении ситуативного (фрагментарного) и внеситуативного (глобального) образов мира (в терминологии А. А. Леонтьева). Самое важное условие успешной МК — перцептивная готовность к восприятию различий и расширению картины мира при столкновении коммуниканта с явлениями, ему не знакомыми или отличными от его предшествующего опыта.

Картина мира многофункциональна. А. Уоллес выделяет следующие ее функции:

- 1) объяснительная (explanatory);
- 2) оценивающая (evaluating);
- 3) подтверждающая (validating), т. е. оправдывающая определенные общественные порядки, уклады и воззрения;
- 4) усиливающая (reinforcing), т. е. психологически подкрепляющая социально-групповые устои;
- 5) интегративная (integrating), т. е. систематизирующая восприятие окружающей действительности;
- 6) адаптивная (adaptational), т. е. служащая для разрешения конфликтов и ослабления культурного диссонанса (Wallace 1966: 29).

В качестве параметров, описывающих и характеризующих картину мира, могут выступать:

- 1) зрительные образы; 2) звуки; 3) запахи; 4) положение на шкале сопоставлений с другими объектами (большой/маленький, близкий/

далекий, дорогой/дешевый и т. д.); 5) фреймовые структуры; 6) скрипты, или сценарии действий в определенном контексте и т. д.

Ниже приводится пример, демонстрирующий некоторые из этих параметров — российское метро, увиденное американцем:

I walked into the metro station and was pushed toward a steep escalator, seventy-five yards long. Riding down the creaking, vertiginous contraption, I watched the parade of people coming up the opposite escalator, their worn, gray faces reflecting the toll that life in the Soviet Union had taken on its citizens. The subway station was handsome and clean. I will never forget the smell of the car as I crammed into it with dozens of Russians. It was a pungent, sour mélange of garlic, unwashed bodies, vodka, musty woolen overcoats, and Bulgarian tobacco. For me, that fragrance would forever be linked with Russia (Montaigne 1998: 9).

Таким образом, картина мира складывается из совокупных восприятий, полученных посредством разных органов чувств.

§2. Роль языка в освоении действительности

Язык служит той линзой, через которую преломляется реальность. На стадии, предшествующей языковому воплощению, образ мира характеризуется расплывчатостью и неопределенностью. Лишь будучи вербализованными, предметные ряды и взаимоотношения между объектами приобретают явные очертания и занимают свое место в системе человеческого мировидения.

Следующий забавный пример хорошо иллюстрирует способность языка диктовать человеку восприятие окружающего мира:

A storekeeper who wanted to know if people are blinded by labels conducted a test. He had just received an order of identical handkerchiefs. He divided the order in half and placed one half on a table and labeled it "Genuine Irish Linen Handkerchiefs — 2 for \$3." He placed the other half on another counter and labeled it "Noserags — 2 for 25c". The customers reacted negatively to the "noserag" label and bought "Genuine Irish Linen Handkerchiefs" instead (Gamble and Gamble 1990: 90—91).

Единство видения мира предопределяет существование универсального семантического компонента языка, в то время как своеобразие культуры конкретного народа привносит в него этнонациональную специфику (Мечковская 1996: 51), тем самым обуславливая этнопсихолингвистическую детерминацию языкового сознания (Лихачев 1980).

Как правило, при исследовании языковой картины мира лингвисты прежде всего обращают внимание на лексический фонд языка, выступающий как "верхний слой" лингвокультуры.

Действительно, лексические единицы — это тот поверхностный пласт языка, культурная специфика которого наиболее очевидна. Однако они не исчерпывают всего набора средств, по которым проводится национально-культурная дифференциация языковых картин мира. Это объясняет, почему усвоение лексического фонда иностранного языка в отрыве от культуры обычно не приводит к кардинальной трансформации картины мира: коммуникант лишь применяет иностранные слова к собственному, уже существующему видению действительности. "Выучив иностранное слово, человек как бы извлекает кусочек мозаики из чужой, неизвестной еще ему до конца картины и пытается совместить его с имеющейся в его сознании картиной мира, заданной ему родным языком" (Тер-Минасова 2000: 48). Неспособность совместить "кусочки мозаики" при межъязыковых контактах, визуализировать объект, обозначаемый словом, приводит к неверным референциям и ошибочным переводам культурных реалий.

Выбор ключевого признака для именования, обуславливающий межъязыковые различия во внутренней форме, также знаменует собой различия в картинах мира и диктует восприятие объекта: *oil* (от *olive*) vs. *масло* (от *мазать*); *лестница* (от *лезть*) vs. *staircase, fire escape; sitting-room* vs. *гостиная*; *bedroom* vs. *спальня*; *bedspread* vs. *покрывало* и т. д.

При межкультурных контактах возникает столкновение разных картин мира. Человек, попадающий в чужое культурно-языковое пространство, приносит с собой индивидуальный образ мира, который не вполне совпадает с языковой картиной мира, бытующей в данной лингвокультуре. Первое, что бросается ему в глаза, — это природные и созданные человеком объекты, не имеющие аналогов в родной культуре коммуниканта. *Изда, самовар, квас, тройка* не найдут своего места в картине мира американца, никогда не бывавшего в России. *Skunk* (скунс), *coyote* (койот) или *opossum* (опоссум) будут инородны на фоне российского пейзажа. Слово, обозначающее инокультурную реалию, не вызовет никаких ассоциаций в сознании человека, никогда не видевшего соответствующего объекта. С другой стороны, увиденный, но не поименованный объект также не займет своего места в языковой картине мира личности.

Одним из самых интересных исторических проявлений попытки втиснуть новую картину мира в рамки старого языка был опыт первых поселенцев, прибывших в Америку из Европы. Нечеткая картина нового мира, недостаточная образованность, но при этом потребность в наименованиях обусловили ошибочное применение уже существующих в английском языке названий к невиданным прежде растениям и животным. Вот почему неядовитое вечнозеленое растение, родственное сосне, получило название *hemlock* (ср. брит. *болиголов*); слово *rabbit* (брит. *кролик*) стало обозначать дикого зайца, а *hedgehog* (брит. *еж*) — американского дикобраза. Отсюда несоответствие между языковыми картинами мира современных британцев и американцев и возникающие в связи с этим коммуникативные неудачи.

Еще сложнее обстоит дело в ситуациях, связанных с восприятием новых реалий, когда речь идет о двух разных лингвокультурах. Американский студент, приехавший в Россию, впервые в жизни увидел *пододеяльник*. Он долго вертел его в руках, не зная, что с ним делать, в конце концов, залез в него и так проспал всю ночь. Другая американка не могла понять, каково назначение отверстия в середине пододеяльника, и решила, что это результат изобретательности русской хозяйки, умело починившей дырку в постельном белье.

Неумение определить назначение объекта, подмена одного понятия другим — аналогичным — приводит к серьезным коммуникативным просчетам. Американская учительница, прожившая несколько лет в России, рассказывает:

"I bought a venick (birch branches with leaves for the banya) at the market. I thought they were bay leaves and put them in my soup for a year. At least they aren't toxic!" (Red Tape. Peace Corps, Western Russia, 2001: 4).

Но даже если объект правильно идентифицирован и поименован с помощью языка, этого недостаточно для того, чтобы он органично вписался в картину мира индивида. Одни и те же объекты в разных культурах могут принимать разный вид и выполнять разные функции. Так, например, Дж. Герхарт указывает на то, что большинство американцев привыкли к серым белкам (*squirrels*), в то время как в России белки летом бывают рыжие и с кисточками на ушах (Gerhart 1974: 165). Бурундуки (*chipmunks*) водятся в русских лесах, но не бегают возле учебных заведений, как в США. Стаи голубей на улицах Москвы и Нью-Йорка — поразительная картина для китайцев, поскольку у них на родине голубей употребляют в пищу.

Вышесказанное справедливо как для живой природы, так и неживых объектов. Например, многочисленные мосты (*George Washington*

Bridge, Tappan Zee Bridge, Brooklyn Bridge и т. д.) — неотъемлемая часть картины мира жителя Нью-Йорка. Каждый из них имеет свое лицо и множество культурных связей со своим окружением, поэтому их наименования культурологически нагружены. В коммуникации культурные смыслы активируются. В сознании носителя лингвокультуры каждый из мостов занимает свое место в нью-йоркском пейзаже. Если человек никогда не бывал в Нью-Йорке, они остаются для него абстракцией.

Одни и те же слова в разных языках могут вызывать разные зрительные образы. Когда Б. Пастернак пишет: *"смотришь вниз с твоего небоскреба"* (о русском высотном доме), этот троп воспринимается как образная гипербола. Но когда *небоскреб* переводится на английский язык с помощью своего эквивалента *skyscraper*, возникающая в результате картина (*Manhattan skyline*) получается совершенно иная, чем та, что задумана поэтом. Строка *"далекий хутор на Урале"* пробуждает иной образ, нежели *"a homestead deep in the Urals"*, а метафора *"назой поплыла"*, переведенная как *"peacock step"*, приобретает комическую окраску. Эмоционально и ассоциативно нагруженная картина русского *"бабьего лета"* кардинально отличается от американского *"Indian summer"*.

Даже идентичные объекты могут использоваться по-разному в контексте разных культур, что Дж. Герхарт иллюстрирует следующими примерами: "Те, кто имеет представление о русской печке, не будут потрясены, когда узнают, что бабушка спит на ней" (Gerhart 1974: 5). "Если вы сунете русскому <...> термометр в рот, то он выплюнет его и потребует объяснений" (Там же: 323). Вспомним в связи с вышесказанным известный американский фильм "Доктор Живаго". Американцы считали этот фильм "очень русским", в точности воспроизводящим быт и атмосферу жизни в России. Однако в нем обнаруживается целый ряд лингвистических и культурологических ошибок. Один из казусов, содержащихся в фильме, — как раз то, что мать Лары во время болезни держит термометр во рту.

§3. Систематизация объектов

Картина мира во многом зависит от того, каким образом лингвокультура систематизирует объекты и какое место они занимают в сложившейся системе предметных значений. Культурно-языковое пространство пронизано сложнейшей сетью взаимосвязей, отража-

ющих человеческое знание о мире, соотношение и соположение объектов, а также их влияние друг на друга на разных уровнях восприятия. "Как известно, языки стремятся воссоздать структуру чувственного мира, — пишет Б. Дадье. — Как все социальные явления, они представляют собой попытку человека упорядочить хаос, внести порядок в беспорядок восприятия, придать форму бесформенному. Но каждый язык делает это по-своему, разными путями приходя к одинаковым результатам" (Дадье 1968: 245—246).

Пользуясь языком как "системой ориентиров, необходимой для деятельности в предметном мире" (Леонтьев 1997: 272), коммуникант определяет собственное место в этом мире. Таким образом, языковая картина мира может выступать как проводник и контекст коммуникации личности с окружающей действительностью, основа личностной самоидентификации.

Простейшие взаимоотношения между объектами в небольшом фрагменте действительности усложняются по мере рассмотрения их в более широком контексте. Объекты не статичны, они перемещаются, изменяются, и вместе с этим изменяются и взаимоотношения между ними. Наблюдение картины мира в ее динамике — чрезвычайно сложная задача, которая многократно усложняется, когда речь идет о взаимодействии культур.

§4. Когнитивные модели и структуры

Одним из главных условий успешного акта общения является когнитивный образ предметно-референтной ситуации, который представляет собой общее знание и может быть представлен в виде схемы или модели. Помимо "фотографического снимка" видимого мира, он содержит знания о конвенциях, нормах, ритуалах, ролях коммуникативной деятельности, играющих в акте общения роль intersубъективных, социокультурных факторов (Макаров 1998: 122—123).

Системно-динамический подход предполагает, что картина мира находится в постоянном развитии и движении. Это двусторонний процесс, включающий как динамику окружающей действительности, так и развитие самой языковой личности, ощущающей себя частью картины мира, в которой ей отведено собственное место. Это место не является пожизненным, и смена его влечет за собой иное отношение личности к своему окружению. Динамическим фактором также является уровень языковой, культурной и коммуникативной компетенции личности, который обуславливает разную степень детализа-

ции и точности отражения картины мира через призму индивидуального восприятия и языка.

Общепризнанными когнитивными структурами, организующими и систематизирующими знание, являются фреймы, скрипты (сценарии) и схемы (сцены).

Фреймы представляют собой "когнитивную структуру в феноменологическом поле человека, которая основана на вероятностном знании о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных и гипотетических объектов" (Макаров 1998: 119). Метафора, которая лежит в основе термина, позволяет уподобить "фрейм" (букв. "рамка") фотографическому снимку, при создании которого человеческое око видит как то, что попало в объектив, так и то, что осталось за кадром. Один и тот же фрагмент действительности может быть рассмотрен под разными углами зрения, в результате чего определенные объекты могут приобрести большую значимость, в то время как другие окажутся в тени или станут вовсе невидимыми.

Человеческий мозг устроен таким образом, что он автоматически достраивает те объекты, которые представлены во фрейме только частично или намечены пунктирно. В связи с тем, что достраивание это происходит на основе нашего предшествующего культурного опыта, привносимая информация не всегда достоверна и нередко подвержена воздействию субъективных восприятий, в результате чего целое в сознании разных культурно-языковых личностей может различаться.

Рассмотрим расхождение между русским и американским восприятием фрейма "apartment house". Увидев неблагоустроенные дворы и подъезды русских многоэтажных домов, американцы воспринимают их как гетто в США и мысленно дорисовывают картину на основе своего американского опыта, представляя себе, что должно находиться внутри этих домов. Поэтому они бывают немало удивлены, обнаружив в домах чистые и уютные квартиры. Возникает нестыковка фреймов, противоречащая системе знаний носителя американской лингвокультуры.

На языковом уровне фреймы становятся условием способности коммуниканта к пониманию связанных между собой слов, а также сети многочисленных ассоциаций, в которых воплощается его культурно-языковой опыт. Приведем еще один пример, который живописно иллюстрирует разницу аналогичных фреймовых структур в русской и американской культурах: "Сердце переводчика падает при

виде таких слов, как “коммуналка”, которые он вынужден передавать как “communal apartment”. При этом он жертвует всей окраской оригинала — корнем *kommin* со слегка иностранным оттенком звучания, <...> “обрусевшим” благодаря поцелую уменьшительного суффикса -ка, который здесь выражает горестную привязанность. Английский эквивалент пробуждает в сознании образ Беркли в Калифорнии, где хиппи с повязками на головах жарят на кухне темный рис. Русское слово, в свою очередь, ассоциируется с чередой мрачных комнат, в каждой из которых живет по семье; все они пользуются общей кухонькой, атмосфера которой сгущена из-за всего, что нельзя сказать вслух, и того, что было сказано, вопреки здравому смыслу” (Lourie and Mikhalev 1989: 38).

При попадании в определенный контекст фрейм может активировать как эксплицитно выраженную информацию, так и пресуппозиции, импликации и фоновые знания. Ч. Филлмор приводит в качестве иллюстрации фразу: “Мы ни в коем случае не откроем наши подарки до утра”, с которой у интерпретатора, обладающего определенным знанием культуры, должен ассоциироваться контекст Рождества (Филлмор 1988: 65). Однако следует обратить внимание на то, что этот контекст всплывет в сознании американского или другого западного, но не русского коммуниканта, поскольку данный фрейм не связан с современными русскими традициями и не входит в систему знания носителя русского языка.

Следующая когнитивная структура — скрипт — используется для представления информации о стереотипных эпизодах и представляет собой заранее заготовленную причинную цепочку, отражающую привычную для носителей данной культуры последовательность событий (Шенк и др. 1989: 40). Скрипт — это по сути своей сценарий небольшой драмы с сюжетом и ролями, распределенными между разными актерами (Bootzin et al. 1991: 219).

Фрейм статичен, скрипт динамичен. Сценарии диктуют поведение людей или интерпретацию поведения других лиц в определенной коммуникативной ситуации. С одной стороны, наличие сценариев упрощает людям жизнь, предписывая им поведение в конкретных условиях общения и сводя к минимуму необходимость делать собственный выбор. С другой стороны, в межкультурных ситуациях существование культурно обусловленных скриптов ставит иностранца в сложное положение по сравнению с носителями культуры. Для человека, хорошо владеющего языком и знакомого с его культурным компонентом, инкорпорированным в язык, — это самая трудная часть

адаптации к культуре. Например, прохождение всей цепочки, предписываемой культурой при необходимости делать покупки в магазине или во время проезда в общественном транспорте, становится кошмаром для неносителя культуры. Простейшие действия воспринимаются как проблема. Вот как, например, Дж. Герхарт описывает процесс мытья посуды в России:

"<...> the preferred method of washing dishes requires scrubbing with a brush under a stream of hot water. Standing water is thought of as unsanitary (to the chagrin of American travelers who can find no sink stoppers)" (Gerhart 1974: 56).

Сцена, в свою очередь, является конгломератом фреймов и скриптов и группирует "действия и состояния, относящиеся к единой цели и единой обстановке" (Шенк и др. 1989: 42). Сформированные схемы (сцены) помогают коммуниканту воспринимать и запечатлевать в памяти новый опыт на основе его связи с уже осмысленной ранее информацией. Однако в межкультурной коммуникации этот процесс не всегда срабатывает: нередко между старым опытом из одной культуры и новым опытом из другой образуются воображаемые связи, которые оказываются ложными и ведут к квазикоммуникации, оканчивающейся коммуникативным сбоем.

Параметры сцены как когнитивной структуры задаются категориями времени и пространства, которые необходимо рассмотреть подробнее в связи с анализом национально-специфической картины мира.

§5. Время глазами русских и американцев

Пространственно-временная парадигма просматривается в каждом элементе лексической и грамматической систем языков. Авторы теории лингвистической относительности Э. Сепир и Б. Уорф первыми обратили серьезное внимание на способы выражения категории времени в разных лингвокультурах.

А. Эйнштейн утверждал, что именно язык был главным оппонентом его теории относительности, ибо диктовал расчленение категорий времени и пространства, в то время как на самом деле они являются нерасторжимым целым и существуют в тесной взаимосвязи и взаимозависимости (Nystrom 2000: 11).

Линейное восприятие времени, свойственное западным культурам и рассматриваемое их представителями как единственно возможное и само собой разумеющееся, не является бесспорным. В искусстве средневековья время метафорично описывали через образ вращающегося

ся колеса. На Востоке его по сей день уподобляют тихому водоему с расходящимися по воде кругами или безбрежному океану — от "сейчас" до вечности. При этом будущее подобно настоящему, поэтому цель человека — не ускользнуть от кругового движения времени в линейное, а стать частью вечности посредством эстетического опыта "сейчас" и "здесь" и сознательной эволюции духовности через всеобъемлющее, недифференцированное целое. В арабской культуре используется парадигма "отсутствие времени — сейчас — всегда". Для североамериканских индейцев свойственны восприятие времени как циклического процесса и синхронизация человеческого поведения с ритмами природы. Западное же время изображается как стрела или текущая река, берущая начало далеко в прошлом. Время воспринимается как ориентированное в пространстве и движущееся по направлению к определенной цели. Человеческое поведение синхронизируется не с биоритмами, а с ходом часов (Cleveland 2000: 434). В русском языке также ощущается связь времени и пространства: *время бежит, длится, бегущих дней не удержат, быстротечность моды*.

Среди разных временных систем, рассматриваемых учеными, выделяются: 1) техническая (научное исчисление времени); 2) формальная (лунные фазы, смена времен года, приливы и отливы и т. д.); 3) неформальная (существующие в различных культурах понятия, связанные со временем: продолжительность определенных событий, приемлемое время ожидания, допустимое время опоздания).

Широко распространенными являются понятия полихронного (*polychronic*) и монокронного (*monochronic*) времени, восходящие к работам Э. Холла. Это две системы, существенно различающиеся логически и эмпирически. Монокронное время делимо, действия последовательны, каждому действию отводится определенный отрезок времени. В западных обществах подобное отношение к организации жизненного опыта является настолько прочно устоявшимся, что кажется единственно возможным. С точки зрения Холла, однако, монокронное время является усвоенным, оно не присуще человеку от природы, не обусловлено биологическими ритмами человека, не экзистенциально по своей природе. С другой стороны, полихронное время воспринимается как более абстрактная категория, допускается выполнение нескольких действий одновременно, основное внимание уделяется выполнению самих действий, а не составленному заранее расписанию, ритм жизни более медленный. Соответственно, как пишет Н. Л. Грейдина, "западная матрица культуры определяется как техногенная, с ускоренным темпом развития автоматизации и техноло-

гии, преобладанием научно-рационалистического осмысления картины мира. Восточная модель <...> выступает как традиционная культура с замедленным темпом развития, доминирующим канонизированно-мифологизированным типом ментальности" (Грейдина 1999: 15).

Американской культуре, прагматической по своей природе, присуща абсолютизация организации времени ради самой организации, а не осуществляемых ею функций. В профессиональном мире постоянная занятость (или иллюзия занятости) становится синонимом эффективности. Человеческие отношения приносят в жертву линейной организации времени, пытаюсь следовать искусственно составленному расписанию как отражению ценности американского общества — экономному расходованию времени. В результате сегментизация времени на отрезки, полезная для осуществления некоторых текущих задач, может оказаться губительной для выполнения определенных видов креативной деятельности, равно как и эмоциональных взаимоотношений.

В российской культуре, занимающей промежуточное положение между Западом и Востоком и преимущественно монохронной, элементы полихронного поведения присутствуют в большей степени, чем в американской, что, с одной стороны, проявляется в известном хаосе, неупорядоченности времени, попытке одновременно выполнять несколько задач, а с другой — в большей склонности отдавать время креативным видам деятельности и личному общению:

"For Russians, time is not measured in minutes or hours but more likely in days, weeks, and months. The venerated virtue is not punctuality, but patience. <...> Once prodded, however, Russians can show prodigious bursts of energy and will work round the clock to complete the job" (Richmond 1996: 129—130).

Важно помнить, что в разных культурах присутствуют элементы как монохронного, так и полихронного времени, различаясь по удельному весу того и другого типа. Это положение часто игнорируется, культуре бездумно присваивается ярлык полихронной или монохронной без учета сложного характера взаимоотношений различных аспектов. Например, во время поверхностной ориентации перед отъездом в Россию американцев инструктируют о ее полихронной культуре. Такой подход, как правило, порождает определенные ожидания и стереотипы. Поведение людей, склонных к опозданиям и неорганизованному поведению (которые встречаются в любой культуре), интерпретируется как типичное и закономерное. Результатом становится

неадекватное коммуникативное поведение американцев, заведомый настрой на непунктуальность русских, что в процессе совместной деятельности часто вызывает межкультурные помехи, дезорганизацию и потерю времени. Более того, при близком рассмотрении выясняется, что сверхчувствительное отношение ко времени у американцев не отвечает русским представлениям о его эффективном использовании (к примеру, высиживание на заседаниях ровно столько времени, сколько отведено по плану, вне зависимости от поставленных целей, представляется нерациональным). С точки зрения американцев, время, вложенное в переговоры, — это своего рода инвестиция, которая должна принести доход, в то время как в русской культуре большее внимание уделяется установлению личного контакта. В результате при общении русских и американцев возникают определенные коммуникативные осложнения.

Овеществление времени в индоевропейских языках, рассмотрение его в виде набора единиц, отрезков, поддающихся счету, накоплению и прочим действиям, восходит к его отражению в языке как доступного чувственному восприятию — того, что можно тратить, терять, разбазаривать, экономить и т. д. (Для сравнения: в индейских языках отсутствуют слова для обозначения секунд, минут, часов.) Кодифицированные в языке образы мира подтверждаются, поддерживаются и усиливаются посредством других символических систем, практической и социальной деятельности. Объективация и овеществление времени через европейские языки, включая русский и английский, породили такие понятия и предметы, как механические и электронные часы, календари, ежедневники, систему перехода на летнее время, наказания за опоздания и т. д., основанные на восприятии времени в виде дискретных визуальных единиц, поддающихся счету. Безусловно, ответственность за это несет не только язык, но и, как отмечает М. Маклуэн, а вслед за ним и ряд других ученых, развитие письма, позволившее визуально и пространственно представить субъективный опыт, подвергнуть время анализу и подсчету (в отличие от бесписьменных языков).

Время как линейная последовательность, векторный характер движения организованы индоевропейской глагольной системой. "Ось "настоящее — прошедшее — будущее" — это черта грамматики, проходящая через опыт нашего самосознания, от которой мы строим свое личное и культурное прошлое. Наше спряжение глаголов имеет буквальную и физическую силу", указывая направление действия вперед или назад на плоскости, на которой находится говоря-

щий (Steiner 1975: 132). Дж. Стайнер считает, что будущее время выступает как средство самоидентификации субъекта с продолжением рода (Там же: 160). Возникают закономерные вопросы: будущее время — это действительность или категория нашего индоевропейского сознания? Является ли способность к планированию критерием реальности или лишь приближенности к желаемому? Может ли грамматика вместить и передать все особенности времени, его пульсацию, характер протекания, начальность и конечность? "Трудно сказать, — пишет Дж. Стайнер, — создает ли язык различную архетонику или грамматика определенного языка просто отражает и кодирует временную схему, сложившуюся за пределами языка <...>" (Там же: 132).

Различия в восприятии времени в английском и русском языках проявляются в видовременных системах (перфектные и продолженные времена в английском, совершенный и несовершенный вид в русском и т. д.). Так, например, анализируя предложения "I have been waiting for you since 2 o'clock" и "Я жду вас уже с двух часов!", Ю. С. Степанов делает вывод, что "время ситуации в этих двух способах выражения членился по-разному: прошедшее время, употребляемое по-английски, показывает, что с приходом адресата временные планы сменились — то, что было до прихода, само ожидание, относится уже к прошедшему, а приход адресата кладет начало новому времени — настоящему", а в русском языке настоящее время "свидетельствует, что время ситуации — до прихода адресата и в момент его прихода — одно и то же <...>" (Степанов 1997: 178).

Знакомство с видовременными системами разных языков дает понимание того, сколь многообразными могут быть способы представления категории времени в лингвокультурах. Например, русские, хорошо знающие английский язык, начинают испытывать потребность во времени *Present Perfect* и пытаются выразить соответствующее грамматическое значение доступными средствами русского языка: он участвовал (и участвует) в конференциях.

Культуры рассматриваются как ориентированные на: 1) прошлое (ценность прошлого опыта, упор на традиции, передача мудрости от поколения к поколению, цикличное повторение событий — прошлое повторяется в настоящем); 2) настоящее (простые радости сегодняшнего дня без заботы о завтрашнем); 3) будущее (текущие события важны не сами по себе, а как потенциал, вклад в достижение будущих целей). Как для американской, так и для русской культур свойственны линейное восприятие времени и устремленность в будущее, одна-

ко наблюдаются определенные различия, которые из-за большого сходства игнорируются. В русской культуре настоящее в большей степени рассматривается в связи с прошлым, в то время как в американской превалирует восприятие настоящего как начала будущего и слабая связь с прошлым (отсюда время *Present Perfect*, не имеющее аналога в русском языке).

Ориентация американцев на будущее выражается в вере в то, что оно непременно означает прогресс (слова *progress* и *change* имеют ярко выраженную положительную коннотацию), долгосрочном планировании действий (иногда на несколько лет вперед), отсутствии сомнения в том, что все запланированное осуществится, и в соответствующих видах коммуникативного поведения (например, раннем объявлении о помолвке, беременности и т. д., искреннем выражении или имитации оптимизма и уверенности в завтрашнем дне). Старшинство не считается ценностью. Текущая деятельность важна не сама по себе, а как средство достижения будущих целей. Русские в большей степени живут настоящим, являющимся продолжением прошлого, рассматривают мудрость прошлых поколений и явлений культуры как опору коммуникативного поведения. Для них более свойственно философское, скептическое и даже суеверное отношение к будущему ("Что день грядущий нам готовит?").

Для американцев чрезвычайно важным является понятие новизны. Компонент *new* содержится во множестве географических названий (*New World, New York, New Jersey, New Hampshire, New Mexico, New Orleans, New England, New Haven*), наименованиях политических явлений (*New Frontire, New Left, New Right*) и т. д. Популярное в США понятие *youth obsession* ("помешательство на молодости") во многом определяет коммуникативные действия.

Американская устремленность в будущее в известной степени может быть объяснена отношением к прошлому. У США короткая история. Европейская Спящая красавица спала 200 лет и проснулась, чтобы вновь встретиться со своим возлюбленным (что такое 200 лет в масштабах европейской истории?). Известный герой произведения В. Ирвинга Рип-ван-Винкль проспал 20 лет, за это время кончилась одна эпоха американской истории и началась другая. Европейцы ведут счет новой истории с XV в., в то время как для американцев это время считается "старым", что наглядно демонстрируют примеры из словаря "Жизнь и культура США" (Леонтович, Шейгал 2000):

- *old country* {букв. "старая страна"} страна, из которой прибыл иммигрант (особ. по отношению к европейским странам);

• *Old Glory* "Старая слава", прозвище государственного флага США;

• *Old South* Старый Юг: Юг США до Гражданской войны. Обычно употребляется с оттенком романтизированной тоски по старой аристократии и патриархальному очарованию Юга;

• *Old West* Старый Запад, территория США к западу от р. Миссисипи периода с конца Гражданской войны до конца 19-го столетия. Выражение обычно ассоциируется с ковбоями и индейцами Дикого Запада, перегонами скота и перестрелками, многократно изображенными в популярных романах и вестернах.

Выражение *old money* традиционно обозначает потомственное богатство и/или потомственную аристократию:

Old Jones Witherly, eighty years old, old settler, old money, old mansion, good old lands and stocks, and the old land (Caldwell 1977: 92).

Американцы употребляют слово *antique* по отношению к автомобилям 60-х годов.

Период времени, в течение которого предмет или явление переходят из категории *new* в категорию *old*, также относителен: восемь лет для президентства, год для моды, несколько месяцев для фильма, демонстрируемого в кинотеатре (Berry, Epstein 1999: 153). Отношение к возрасту (*young — old*) — еще одно подтверждение относительности категории времени: возраст, считающийся "старым" в России, воспринимается как молодой в США, поскольку люди поздно вступают в брак и заводят детей. Различается восприятие понятий *рано/поздно*, приличествующей ситуации продолжительности монолога и диалога, частотности смены ролей в процессе беседы и т. д.

Неодинаково и языковое членение времени. В английском языке отсутствует единица, соответствующая русским "суткам", для ее перевода используются словосочетания *twenty four hours, day and night*. В целом исчисление времени отрезком в 24 часа нетипично для американской культуры и лишь иногда встречается в расписаниях самолетов и поездов. Предпочтение отдается 12-часовому циклу с добавлением АМ (до полудня) или РМ (после полудня). В русской и американской культурах по-разному воспринимаются понятия *утро, вечер, ночь*. Русскому *три часа ночи* соответствует американское *three o'clock in the morning*; слово *tonight* не имеет русского соответствия и передается словосочетанием *сегодня вечером*. Вообще понятие *night* в английском языке охватывает иной период времени, нежели в русском языке, и часто становится причиной коммуникативных сбоев. Возраст тоже членится по-разному (ср.: *ребенок — baby, child; девочка,*

девушка — *girl*; мальчик, юноша — *boy*). В США возраст ребенка до двух лет исчисляется месяцами (*eighteen months*), а в России — годами (*полтора года*).

Разница во времени (8 часов между Москвой и Нью-Йорком) — это существенный для МК фактор, учет которого может приводить к неловким ситуациям (таким, как звонок деловому партнеру посреди ночи). При трансконтинентальных перелетах через несколько часовых поясов у путешественников возникает нарушение суточного ритма организма, которое может в течение нескольких дней создавать помехи нормальной деятельности индивида, включая его коммуникативное поведение.

Быстрый темп американской жизни также находит языковое выражение. Б. Брайсон утверждает, что уже в процессе становления американского варианта английского языка речь отражала нетерпение поселенцев, которые нечетко проговаривали слова, оставляли предложения незаконченными, использовали сленг для обозначения незнакомых понятий (Byrson 1994: 18). С темпом жизни ассоциируются наименования реалий, ставших неотъемлемой частью американской действительности: *fast food*, *rush hour*, *expressway*, *superhighway* и т. д. В этой связи интересно замечание американского журналиста, который пишет:

"Perhaps it's because of the fast-moving American life-style and the slower English way of life that a candidate in Britain 'stands' for office, and in the US he 'runs'" (English. 1998. 36: 14).

Важно отметить, что из-за относительности категории времени синхрония может не срабатывать на стыке двух языков. В одно и то же историческое время языки могут находиться на разных стадиях развития (речь идет не столько о богатстве и бедности языков, сколько об определенных тенденциях и отражении социальных процессов). Так, для России лексика, имеющая отношение к рыночной экономике, сохраняет некоторую степень новизны, в то время как для США это давно устоявшиеся понятия. Таким образом, языки могут находиться в разных положениях на оси времени, чем также может быть обусловлено межкультурное непонимание.

Опасные игры с относительностью времени в процессе коммуникации как на вербальном, так и невербальном уровне могут становиться причиной дезинформации (сознательной или бессознательной). Так, например, происходит, когда для представления современной российской действительности используются устаревшие фотографии. Еще один пример — ситуация, когда рассказанный американке анек-

дот о периоде, когда в России существовала талонная система (*Вы руки мыли с мылом? Значит, чай будете пить без сахара*), становится откровенным враньем, когда она ставит его в заголовок статьи о сегодняшней России.

§6. Различия в восприятии пространства

Пространство также является категорией относительной и культурно обусловленной.

Э. Холл пришел к выводу о том, что западные культуры уделяют основное внимание объектам, игнорируя разделяющее их пространство, в то время как в восточных культурах считается, что и промежуточное пространство между предметами заслуживает уважения. Он также обнаружил, что в языке индейцев хопи нет слов, обозначающих фиксированное положение вещей, — объекты описываются в зависимости от положения относительно друг друга, но понятия трехмерного пространства не существует (Dahl 1998).

Теория коммуникации оперирует такими терминами, как "личное пространство", "ориентация в пространстве", "межличностное пространство", "строение пространства". Как на научном, так и на эмпирическом уровнях доказано, что личное пространство американца больше, нежели личное пространство русского, что, как правило, связывают с американским индивидуализмом. Одно из ключевых понятий американской культуры — *privacy* — считается территориальным. Нарушение личного пространства — одно из самых больших культурных потрясений для американцев, приезжающих в Россию, когда им приходится ездить в общественном транспорте, стоять в очереди в магазине или просто общаться. Американцы очень неохотно садятся втроем на заднее сиденье автомобиля. Если в учебной аудитории достаточно места, американские студенты обязательно садятся через одно место друг от друга, в то время как русские сели бы рядом, чтобы не обидеть соседа.

Территориальность распространяется и на такие понятия, как социальное положение и статусность. Например, маркером, используемым для очерчивания статусной территории в больших американских корпорациях, становится размер офиса: президенту обычно отводится огромный офис на верхнем этаже здания, а простому клерку — стол в комнате вместе с другими служащими на нижнем этаже (Gamble and Gamble 1990: 127). Жилье также ограничивает простран-

ство, принадлежащее семье, а размер его позволяет судить о статусе его обитателей. В США закон охраняет территориальность как важный признак американской культуры. Нарушение границ частных владений, особенно когда речь идет об огромных домах, принадлежащих богатым американцам, считается преступлением (*Do Not Trespass*). Появление незнакомого пешехода в районе, где расположены большие дома, воспринимается с подозрительностью.

Дружба также является территориальным понятием, которое манифестируется по-разному в разных культурах. Одно из самых сильных положительных впечатлений американцев, достаточно долго проживших в России, — это *близость* между друзьями (само лингвистическое обозначение указывает на территориальность).

Для ориентации в пространстве очень важно, где находится коммуникант и как его местоположение соотносится с объектами, о которых идет речь. Так, анализируя выражения *out west* "дальний запад" и *back east* "тыловой восток", Ч. Филлмор поясняет, что "они мотивированы историческими событиями: переселенцы прибывали на восточную часть американского континента и мигрировали с течением времени на запад". Таким образом, коммуникант обнаруживает, что "мир текста пространственно привязан к Северной Америке и темпорально ориентирован на события после колонизации европейцами Американского континента. <...> Даже если географическая/историческая категоризация, лежащая в основе использования обсуждаемых выражений, никак не существенна для изложения, интерпретатор тем не менее в какой-то степени осознает исходные условия, мотивирующие рассматриваемые выражения, и это осознание обуславливает общую интерпретацию" (Филлмор 1988: 71). В этой цитате обращают на себя внимание два момента. Во-первых, автор указывает на взаимосвязь категорий времени и пространства, которые представляют собой важнейшие параметры осмысления языковой картины мира. Во-вторых, он пишет об осознании принципов географической и исторической категоризации значений со стороны интерпретатора. Отметим, что такого рода осознание типично для носителя лингвокультуры. Когда же речь идет о межкультурном общении, коммуникант-иностранец, вероятно, будет пользоваться иными критериями для осмысления пространственно-временных параметров ситуации. Наложение различных сеток координат на одну и ту же ситуацию со стороны коммуникантов — представителей разных культур — будет приводить к их разной категоризации.

Русскими аналогами рассмотренных выше выражений будут такие языковые единицы, как, например, *Дальний Восток* и *Ближний Восток*, в семантике которых изначально заложено пространственное местонахождение говорящего. Кстати, английским эквивалентом *Ближнего Востока* является *Middle East*.

Нельзя не согласиться с Дж. Стайнером, который утверждает, что пространственно-временные отношения, сложившиеся в культуре, оказывают влияние на все элементы грамматики, технику нумерации, восприятие существительных, обозначающих физические качества, членение цветового и звукового спектров и т. д. (Steiner 1975: 89).

§7. Концептуализация и категоризация действительности

Согласно известному и часто цитируемому высказыванию Э. Сепира и Б. Уорфа, категоризация действительности осуществляется "в направлении, подсказанном нашим родным языком. <...> Мы расчлением мир, организуем его понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного языкового коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка" (Уорф 1960: 174—175).

Проявлением описанных выше процессов может служить расхождение межъязыковых эквивалентов по объему понятия: *палец, мизинец vs. thumb, finger, toe; рука vs. hand, arm; нога vs. leg, foot; колени vs. knees, lap; платок, косынка, шарф, пионерский галстук, кашне vs. scarf; индеец, индеец vs. Indian; синий, голубой vs. blue; рыжий, красный vs. red; седой vs. gray, white* и т. д.

Интересным аспектом сопоставления русской и американской картин мира является их рассмотрение с точки зрения категории рода. Как известно, в парадигме английских существительных род не выражен грамматически, поэтому неодушевленные существительные, а также зоонимы соотносятся с местоимением *it*. Если же им придается род, возможны несовпадения с русским языком:

"*There she lies, the great melting pot...*" (Israel Zangwill) — ср. рус. *пламенный котел*.

"*Man acts as if he were the shaper and master of language, while it is language which remains mistress of man*" (Martin Heidegger) — ср. рус. *язык*.

"On the Volga there is a beautiful flower, and *her* name is Volgograd" (из письма американского преподавателя) — ср. рус. *Волгоград*.

"Search for your authentic self until you find *her*" (из научной дискуссии — ср. рус. *свое "я"*).

А вот как Й. Ричмонд объясняет русское видение понятия "Родина":

"Rodina, the word for homeland, is feminine, and Mother Russia is the symbol of the nation. In this motherland, women are strong, hard-working, nurturing, long-suffering, and the true heroes of Russia" (Richmond 1996: 52).

В связи с несовпадением категории рода часто возникают сложности с переводом. Так, например, цапля Шух-шух-га (Shuh-shuh-gah) у Лонгфелло мужского рода. И. А. Бунину приходится изменить этот образ на женский: "цапля сизая, Шух-шух-га".

На вопрос: "Какого рода следующие животные в американских сказках (ваша первая ассоциация)?" — большинство американских информантов дали следующие ответы, расходящиеся с русской картиной мира:

fox — мужского рода (ср. *лисичка-сестричка*);

squirrel — мужского рода (ср. *белка*);

snake — мужского рода (ср. *змея*).

Различия в языковой картине мира также проявляются в способах выражения собирательности, совокупности и множественности. В этом смысле в английском языке по сравнению с русским проявляется значительно большая степень разнообразия и детализации. Так, одному русскому слову *стая* соответствует великое множество английских лексем: *a raft of turkeys* (стая индюков), *a gaggle of geese* (стая гусей), *a chatter of choughs* (стая клушиц), *a bevy of quails* (стая куропаток), *a fall of woodcocks* (стая вальдшнепов), *a covey of grouse* (стая тетеревов), *a watch of nightingales* (стая соловьев), *a pack/a route of wolves* (стая волков), *a pride of lions* (стая львов) и т. д. Слово *стадо* также имеет много вариантов перевода в зависимости от сочетаемости: *a trip of goats* (стадо коз), *a herd of elephants* (стадо слонов), *a flock of sheep* (стадо овец), *a gang of buffalo* (стадо бизонов), *a gam of whales* (стадо китов) и т. д. Кроме того, существуют образы множеств, не имеющие аналогов в русском языке: *a paddle of ducks* — стая уток на воде; *a batch of bread* — партия выпеченного за один прием хлеба; *a field of runners* — группа бегунов на соревновании; *a drove of cattle* — стадо рогатого скота, которое гонят; *a skein of geese* — стая диких гусей в полете; *a bevy of beauties* — группа собравшихся вместе красавиц и т. д.

Существование разных мер длины, веса, объема и т. д. ярко отражает возможность членения окружающего мира на разные фрагменты, используемые для количественной репрезентации объектов. В процессе межкультурной коммуникации единицы длины, веса, температуры и т. д. требуют перевода так же, как и слова иностранного языка. Такие фразы, как "six feet tall", "she weight 130 pounds", "the temperature outside is 76 degrees", остаются для русского коммуниканта пустым звуком до тех пор, пока не будут произведены соответствующие вычисления, которые позволят привести их в соответствие с десятичной системой мер. Привычка использовать определенную систему мер вовсе не обязательно свидетельствует о ее преимуществах перед другими системами. Однако она занимает прочное место в сознании коммуникантов, и им трудно смириться с мыслью о том, что мир можно измерять и оценивать с позиций других количественных подходов. Замечено, что при пересказе американских текстов русские студенты либо подменяют американские единицы измерения русскими: *he searched every centimeter of the ground* (вместо *inch*), либо пересказывают автоматически, плохо представляя себе, о чем идет речь: *they saw a circle of dead grass about fifteen feet in diameter*. В таких случаях они затрудняются ответить на вопросы типа: "Fifteen feet — это много или мало? Чему это соответствует в русской системе мер?".

Количественные представления также проявляются в системе глагола, которая имеет свои особенности в каждом языке. Речь можно вести о значениях однократности/многократности, мгновенности/длительности и т. д. С концептуальной точки зрения, русская категория вида и английская категория аспекта глагола (Indefinite, Continuous, Perfect) — это свидетельство глубокого различия в восприятии количественных и качественных характеристик действия.

Возможность разного членения и категоризации действительности проявляется при сопоставлении объектов и их характеристик. Объекты существуют не сами по себе, а в соотношении друг с другом, поэтому такие понятия, как *большой* — *маленький*; *близко* — *далеко*; *новый* — *старый* и т. д., относительны. Кроме того, необходимо помнить, что антонимы *хороший* — *плохой*, *короткий* — *длинный*, *бедный* — *богатый* и т. д. в своей семантике уже содержат национально обусловленные критерии, которые могут не совпадать от культуры к культуре. Так, понятия *близко* — *далеко* различаются для жителей разных стран. То, что считается расположенным далеко в маленьких странах, воспринимается как близкое в больших государствах. Но и внутри одной культуры могут наблюдаться расхождения. Рассмотрим следующий пример:

"Wyoming's towns are few and far apart. People who live there tend to minimize the distances between them and the time it takes to travel to them. What is considered "down the road a piece", a short distance to a Westerner, may be a great distance to anyone else" (Murphy 1992: 77).

Вот почему американцев предупреждают о необходимости соотносить понятия "далеко — близко" с тем, в какой части страны они находятся, иначе им может не хватить бензина, чтобы доехать до "ближайшей" бензозаправки.

Дом, считающийся большим по российским масштабам, может не быть таковым по американским. Но и внутри США восприятие "большого" и "маленького" неоднозначно. После посещения больших домов в пригороде русским туристам кажутся маленькими квартиры в Нью-Йорке. На основании этого они имеют тенденцию недооценивать материальное благосостояние их обладателей, не учитывая того, что жилье в Нью-Йорке, особенно в Манхэттене, стоит очень дорого.

Относительность понятий *большой* — *маленький* также иллюстрируется примером Ч. Филлмора: "Покупатели магазинов самообслуживания в Соединенных Штатах иногда становятся в тупик, обнаружив, что размер упаковки мыльной стружки, помеченный ярлыком *large* 'большой', оказывается самым *маленьким* из имеющихся; большие же размеры маркируются такими надписями, как *jumbo* 'большой, громоздкий', *economy* 'экономичный', *giant* 'гигантский' и *family size* 'семейный' <...> выбравшие неправильную интерпретацию не просто потерпели неудачу в "понимании" слов; они не смогли определить, какая "фреймовая" структура имела в виду в данном контексте" (Филлмор 1988: 58).

Когда речь идет об одежде, размер *small* в США, с точки зрения европейцев (включая русских), на поверку оказывается не таким уж маленьким. Американскому размеру *medium* обычно соответствует европейский *large*. Американские журналы уговаривают женщин время от времени мерить одежду "*petite*" (фр. *маленький*): "Может быть, вы не чувствуете себя миниатюрной женщиной, но на самом деле являетесь ею?".

Русским, приезжающим в США, трудно определить, что значит "*casual*" по отношению к манере одеваться, равно как и американцам нелегко вписаться в "деловой" русский стиль, так как в разных культурах различается степень формальности/неформальности в одежде.

Подобно тому, как предмет или явление обретает свои истинные очертания лишь в общем контексте картины мира, значения языковых единиц ясно проступают только тогда, когда они занимают свое место системе языка. В ряду терминов или иных наименований "оцен-

ка или интерпретация отдельного термина зависит от полного списка используемых терминов и от фиксированного положения данного термина в ряду других терминов" (Филлмор 1989: 57). Например, для русских высшая оценка в системе образования — пятерка; для американцев, использующих цифровую систему (наряду с буквенной), — четверка. Кроме того, американцы используют десятые и сотые доли балла. Поэтому, когда русский ребенок, возвратившийся домой после года обучения в США, показывает русским учителям среднюю оценку 3,89 — им трудно понять, что речь идет об очень высоком балле.

Неоднократно описанным различием между лингвокультурами также является языковое членение цветового спектра. Многочисленные эксперименты, проведенные учеными, доказывают, что дифференциация цветов определяется универсальными свойствами человеческого восприятия, а не их языковыми наименованиями, хотя последние облегчают распознавание и запоминание цветов, важных для данной социально-культурной группы.

Хорошо известно, что русским словам *синий* и *голубой* в английском языке соответствует слово *blue*. В настоящее время трудно объяснить причины этого различия между языками. Как бы то ни было, это обстоятельство приводит к коммуникативным трудностям. Например, при работе над словарем "Жизнь и культура США" (Леонтович, Шейгал 1998; 2000) нам было достаточно трудно определить, как правильно перевести слово *blue* в таких случаях, как: *Blue Birds*, *blue book*, *bluecoat*, *blue-collar*, *Blue Cross*, *bluegrass* и т. д. Интересное наблюдение: наши информанты-американцы очень часто затруднялись ответить на вопрос: "Light blue or dark blue?" Заметим, что в России любой ребенок без колебания делает различие между синим и голубым цветами.

Приведем еще несколько примеров, иллюстрирующих различия в восприятии цветов в русской и американской культурах. В русском языке различаются цвета в словосочетаниях *карие глаза* и *коричневый портфель*, в то время как на английский язык оба будут переводиться с помощью слова *brown* (*brown eyes*, *brown bag*). *Очи черные* — излюбленное выражение русских, однако словосочетание *black eyes* нетипично для английского языка. С другой стороны, английское выражение *hazel eyes* не имеет русского эквивалента. Оттенки волос — *светлые*, *светло-русые*, *льняные*, *белокурые* — будут, как правило, переводиться на английский язык как *blond*. Значение словосочетания *седые волосы* в английском языке уточняется: *gray vs. white hair*.

Символическое значение цветов также различается. Указанный выше цвет *blue* в США связывается с печалью и меланхолией, например, *to feel blue*. Кроме того, в американском варианте английского языка существует множество устойчивых сочетаний с компонентом *blue*, не имеющих аналогов в русском языке. Вот лишь некоторые из них:

"bluescoat" "синий мундир", человек в синем мундире или униформе, особ.: 1) американский солдат XIX в.; 2) полицейский > *blue flu* {букв. "синий грипп", в соответствии с традиционным цветом полицейской формы} забастовка полицейских, симулирующих болезнь;

blue-collar {в соответствии с традиционным цветом спецовок} относящийся к "синим воротничкам": производственным рабочим, обычно средней или низкой квалификации;

bluegrass 1. "голубая трава", мятлик, широко распространенный в некоторых частях США; 2. "блуграсс": народная музыка Юга США;

blue laws {в связи с тем, что первонач. печатались на голубой бумаге} пуританские законы, запрещающие танцы, шоу, спорт, продажу алкогольных напитков и т. д. по воскресеньям > *bluenose* пуританин, старающийся навязать окружающим свои строгие моральные принципы;

blue-plate special комплексный обед (ленч), подаваемый в ресторане на большой тарелке с несколькими отделениями (первонач. синего цвета) и т. д."

В русском языке выражение *синяя птица* символизирует погоню за счастьем. Слово *голубой* с недавних пор приобрело стойкие ассоциации с гомосексуалистами, не представленные в американской лингвокультуре.

Слово *красный* семантически связано со словом *красивый*: *красная девица*, *красное словцо*, *красный угол*. В английском языке такая связь отсутствует. Как в русской, так и в американской культурах красный цвет ассоциируется с Советским Союзом и коммунизмом, однако в США со времен холодной войны существует значение "сочувствующий коммунистам", выражаемое словом *pink* и не имеющее соответствия в русском языке.

Русские говорят: *тоска/скука зеленая*; американцы же связывают этот цвет с завистью или ревностью (*green-eyed monster*), а также с властью денег (*green power*). Кроме того, зеленый цвет ассоциируется с Ирландией и Днем Св. Патрика, широко отмечаемым в США.

Переносные значения слова *черный* в русском языке, как правило, имеют отрицательную оценочность: *черная неблагодарность*, *черная*

кошка пробежала, держать в черном теле, откладывать на черный день. Одно из значений этого слова иногда применяется по отношению к лицам кавказской национальности. В США, с другой стороны, слово *black* считается политически корректным термином для обозначения принадлежности к афро-американцам. Более того, в 60-х годах XX в. сторонники борьбы за гражданские права развернули кампанию за придание слову *black* положительной окраски под лозунгом: "*Black is beautiful*".

§8. Соответствие картин мира коммуникантов как условие успешности межкультурного общения

Для адекватной межкультурной коммуникации необходимо соответствие картин мира коммуникантов. Перемещение в новое культурно-языковое пространство требует от иноязычного коммуниканта корректировки собственной картины мира и приведения ее в соответствие с изменившимися условиями.

В начале знакомства с новой лингвокультурой картина мира неопределенна, расплывчата и размыта. Ее можно образно сравнить с видением близорукого человека, когда существует приблизительная связь между предметом и его наименованием. Например, русский, недавно приехавший в США, плохо себе представляет, что такое *broccoli*, в каких видах существует *cereal* и как выглядит *groundhog*. Соответственно и действует человек "на ощупь", неуверенно, методом проб и ошибок.

Период привыкания к чужой лингвокультуре, когда коммуникант обнаруживает, что старый языковой опыт не вполне применим к новым условиям, а новая языковая картина мира еще не вполне сложилась, психологически труден для индивида и вызывает состояние стресса. "Когда два языка вступают в контакт и как бы соперничают в одном индивиде, то это означает, в сущности, что в контакт и конфликт приходят два видения мира' <...> Здесь есть все основания полагать, что переход от одного языка к другому может вызвать в мышлении глубокие потрясения" (Дадье 1968: 246).

В качестве ориентиров, позволяющих индивиду "не заблудиться" в новом культурно-языковом пространстве, выступают универсальные явления — то общее, что объединяет взаимодействующие культуры. "Мы можем воспринимать как целое предметный мир только при условии, что в нем есть что-то постоянное, опорные элементы,

отображенные в нашем сознании в виде образов "низшего порядка" — образов предметов и ситуаций, константных по сравнению с образом мира. Чтобы образ мира изменялся <...>, в нем должно быть что-то относительно неизменное" (Леонтьев 1997: 144). Когда речь идет о переходе с одного языка на другой в процессе МК, роль инвариантных элементов языковой картины мира выполняют межъязыковые эквиваленты, которые обозначают предметы и явления, общие для взаимодействующих культур.

В различных жизненных ситуациях коммуниканты выявляют несоответствие друг другу не целостных картин мира, а их фрагментов. Если различие в картинах мира осложняет коммуникацию и приводит к коммуникативным неудачам, то возникает необходимость привести их в соответствие друг с другом: у обоих коммуникантов "формируются собственные прагматические установки: у первого — на адекватную передачу информации, у второго — на адекватное ее понимание. "Столкновение" этих установок определяет содержательную структуру текста и иерархию тех компонентов, которые составляют эту структуру, делая текст инструментом коммуникации" (Шахнарович 1998: 64). В межкультурном общении основное бремя адаптации падает на носителя лингвокультуры, который учится думать, говорить и действовать как носитель.

Для верного восприятия действительности инокультурному коммуниканту необходима коррекция языковой картины мира, верно отражающая определенную культуру. По мере освоения культурно-языкового пространства элементы картины мира приобретают более четкие очертания. При этом происходит не подмена одной картины мира другой, а совмещение родной и вновь осваиваемой картин мира и расширение горизонтов сознания. Возникновение качественно нового образа окружающей действительности знаменует собой трансформацию языковой картины мира коммуниканта — участника межкультурного общения.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ

МОНОХРОННОЕ ВРЕМЯ

ПОЛИХРОННОЕ ВРЕМЯ

СКРИПТ

ФРЕЙМ

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

1. Какие факторы влияют на формирование картины мира коммуниканта?
2. Каковы функции, выполняемые картиной мира?
3. К каким последствиям приводит столкновение разных картин мира в МК? Приведите примеры.
4. Какова роль языка в систематизации и категоризации действительности?
5. Какие когнитивные структуры вам известны? Покажите особенности каждой структуры на примерах.
6. Как вы относитесь к утверждению, что линейное восприятие времени не является единственно возможным? Мотивируйте свой ответ.
7. Каковы признаки монохронного и полихронного времени? Покажите на примерах, каким образом они сочетаются в разных культурах.
8. Согласны ли вы с точкой зрения, что культуры могут быть охарактеризованы как монохронные и полихронные? Мотивируйте свой ответ.
9. Каким образом относительность восприятия времени и пространства отражается в языке?
10. В чем проявляются различия в концептуализации и категоризации действительности в русской и американской лингвокультурах?
11. Что подразумевается под коррекцией языковой картины мира в МК? Является ли такая коррекция необходимым условием успешного межкультурного общения?

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Прочитайте следующий отрывок из очерка Г. П. Федотова "Лицо России":

"<...> Как же мы ответим на вопрос, где лицо России?

Оно в золотых колосьях ее нив, в печальной глубине ее лесов.

Оно в кроткой мудрости души народной.

Оно в звуках Глинки и Римского-Корсакова, в поэмах Пушкина, в эпопеях Толстого.

В сияющей новгородской иконе, в синих глазах угличских церквей.

В "Слове о Полку Игореве" и в "Житии протопопа Аввакума".

Оно в природной языческой мудрости славянской песни, сказки и обряда.

В пышном блеске Киева, в буйных подвигах дружинных витязей, "боронивших Русь от поганных".

В труде и поте великоросса, поднимавшего лесную целину и вынесшего на своих плечах "тягло государево".

В воле Великого Новгорода и художественном подвиге его.

В одиноком, трудовом послушании и "умной" молитве отшельника-пахаря, пролагавшего в глухой чаще пути для христианской цивилизации.

В дикой воле казачества, раздвинувшего межи для крестьянской сохи до Тихого океана.

В гении Петра и нечеловеческом труде его, со всей семьей орлов восемнадцатого века, создавших из царства Московского державу Российскую.

В молчаливом и смиренном героизме русского солдата-мученика, убелившего своими костями Европу и Азию ради прихоти своих владык, но и ради целостности родной земли.

Оно в бесчисленных мучениках, павших за свободу, от Радищева и декабристов до безымянных святых могил 23 марта 1917 года.

Оно везде вокруг нас, в настоящем и прошлом — скажем твердо: и в будущем.

В годину всенародных унижений мы созерцаем образ нетленной красоты и древней славы: лицо России".

Как вы охарактеризовали бы свое видение лица России? Какие самые яркие образы ассоциируются для вас с Россией?

2. По аналогии с предыдущим заданием составьте небольшое описание "лица Америки", каким оно предстает в вашем воображении.

3. Прочитайте следующую выдержку из газетной статьи. Объясните, какое отношение имеет описанное в ней событие к категоризации мира с помощью языка. Каким образом использование языка могло бы помочь предотвратить аварию?

"A muddle over metric units caused the loss of the Mars Climate Orbiter, embarrassed officials of the US space agency Nasa have admitted. One team in California used metric units; another in Colorado used imperial, and nobody noticed. As a result, the wrong instructions were given to the spacecraft as it approached Mars, and it was lost. <...>

Mars Climate Orbiter, which cost \$125 million, disappeared on September 23 as rockets were fired to bring it into orbit around Mars. It had flown 416 miles in nine months.

The error occurred in calculating the force of the thruster firings needed to get the spacecraft into the right orbit. Lockheed Martin Astronautics in Colorado submitted data calculated in imperial pounds of force, instead if the metric unit, newtons. One newton is less than a quarter of one pound force."

(The Times, Oct. 2, 1999)

Глава 8. ПОНЯТИЕ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

What you are speaks so loudly that I
cannot hear what you say.

Ralph Waldo Emerson

§1. Понятие идентичности

Идентичность языковой личности во всех ее проявлениях оказывает непосредственное влияние на характер дискурса. Культурная идентичность, приобретающая особое значение в условиях МК, представляет собой символ самосознания, который включает образ мира, систему ценностей и менталитет той группы, к которой принадлежит индивид.

В научной литературе прослеживается по меньшей мере три основных подхода к определению идентичности (Martin, Nakayama 1999: 111—116):

1) социопсихологический — идентичность создается отчасти как собственное "Я" (self) и отчасти — в зависимости от групповой принадлежности, с этой точки зрения, "Я"-идентичность многолика, состоит из множественных идентичностей и находится в тесной связи с культурой;

2) коммуникативный — более динамичный подход, согласно которому идентичность возникает не только на основе собственного "Я", но и в процессе обмена сообщениями с другими индивидами;

3) критический — попытка понять закономерности формирования идентичности на основе исторического, политического, экономического и дискурсного контекстов; сторонники этого подхода полагают, что идентичность приписывается индивидууму еще до его рождения, и также настаивают на динамической сущности идентичности.

Представители всех подходов так или иначе считают, что ядром культурной идентичности является "образ самого себя, слитый с культурой, в целостном восприятии действительности индивидом" (Adler 1974: 27). Исходя из вышесказанного, проблему идентичности языковой личности можно было бы свести к двум простейшим вопросам: кто я? как я впишусь в этот мир? Эти вопросы взаимосвязаны и взаимозависимы.

По теории З. Фрейда, составляющими личности являются:

- 1) ид (id) — инстинктивные и врожденные аспекты личности;
- 2) эго (ego) — рациональная часть личности, осуществляющая посреднические функции между ид и окружающей действительностью и ответственная за принятие решений;
- 3) суперэго (superego) — система ценностей и этических норм, соотносимая с совестью, т. е. индивидуализированное отражение "коллективной совести" социума (Bootzin et al. 1991: 502—505; Хьелл, Зиглер 1997: 112—115).

Если согласиться с этой классификацией, то можно предположить, что культурные различия могут наблюдаться на уровне всех ее составляющих: существуют врожденные национально-специфические черты, присущие языковой личности; существуют различия в том, как люди, принадлежащие к разным культурам, осуществляют взаимодействие с окружающим миром (живой и неживой природой и другими людьми); система ценностей и этических норм также различается от культуры к культуре.

Личность существует не сама по себе, а как часть окружающего мира, взаимодействующая с живыми и неживыми объектами. Потребность в связях обуславливает приспособляемость человека к внешнему миру. Исходя из распространенного мнения о том, что ведущим мотивом человеческой деятельности является удовлетворение базовых нужд, Э. Фромм выделил пять основных экзистенциальных потребностей человека:

- 1) потребность в установлении связей;
- 2) потребность в преодолении себя;
- 3) потребность в корнях;
- 4) потребность в идентичности;
- 5) потребность в системе взглядов и преданности (Хьелл, Зиглер 1997: 250—251).

Все они так или иначе замыкаются на идентичности и воздействуют на ход межкультурного взаимодействия.

При анализе системно-динамической модели межкультурного общения мы считаем необходимым учитывать следующие факторы, составляющие идентичность языковой личности:

- самооценność собственного "Я"; самовосприятие и самооценка;
- самоотождествление с определенными группами других личностей;
- использование себя как стандарта, модели для сравнения при оценке окружающих;
- идентификация личности со стороны окружающих;
- соотношение между самоидентификацией и идентификацией со стороны окружающих.

Задача определения понятия "личность" в психологии, лингвистике, философии и других науках осложнена тем обстоятельством, что индивидуальные черты человека недоступны непосредственному наблюдению. Поэтому основными критериями при оценке личности считаются последовательность и устойчивость человеческого поведения, а также поведенческие различия между людьми как реакция на аналогичные жизненные ситуации. Соответственно при анализе МК основной акцент должен быть сделан на культурно-специфических чертах личности, проявляющихся в ее коммуникативном поведении. Преимущество сопоставительных межкультурных исследований заключается в возможности выявить те поведенческие особенности, которые, последовательно проявляясь в одной из сопоставляемых культур, не типичны для другой культуры.

Личность вырастает на почве родной культуры, бессознательно или сознательно впитывая все то, что обозначается терминами "коллективная ментальность", "историческая память" и "дух народа". На протяжении человеческой жизни индивидуальная идентичность причудливо переплетается с коллективной. Можно утверждать, что понятие коллективной идентичности включает географический, исторический, культурный элементы, каждый из которых накладывает отпечаток на языковую личность.

Социализация предполагает усвоение индивидом культурно-исторического опыта, системы правил и норм того общества, к которому он принадлежит, определение собственного места в социуме с точки зрения экономической, религиозной, этнической и статусной принадлежности. Проблема интериоризации, перетекания внешнего во внутреннее, социального в индивидуальное рассматривалась такими учеными, как Ж. Пиаже, П. Жан, М. М. Бахтин, Л. С. Выготский, М. Бубер и др.

По утверждению Б. С. Ерасова, собственно личностное начало формируется через механизмы выбора того или иного типа поведения, ценностей и смыслов в этой общепринятой системе. За этот выбор личность несет ответственность, принимая на себя издержки риска и успех в достижениях (Ерасов 1997: 238). Следует помнить, однако, что личность не выбирает общество, в котором ей суждено родиться, и свобода ее выбора ограничена системой правил и норм, бытующих в обществе, к которому она принадлежит в силу сложившихся обстоятельств.

Личностная идентичность также строится на отношении человека к самому себе. "<...> лишь выбрав, каким быть ему как человеку, только найдя свое место в социальной иерархии человеческого сообщества, партикулярное "Я" достигает столь жизненно необходимой и стабильной идентичности" (Шестаков 1998).

Для каждого индивидуума существует иерархия различных аспектов групповой идентичности, распределяющихся в зависимости от индивидуальных приоритетов личности. Кроме того, в индивидуалистских культурах личностная идентичность ценится в большей степени, нежели в коллективистских культурах, где предпочтение отдается коллективной идентичности.

Средствами выражения идентичности могут служить так называемые "ключевые символы": эмблемы, флаги, одежда, прическа, жесты, артефакты и т. д. Ведущее место среди прочих средств, несомненно, занимает язык, который отражает этническую, национальную, географическую и прочую принадлежность личности.

Согласно учению Гегеля, самосознание человека начинается с пробуждения духа в виде слова, речи, языка. Отправной точкой развития становится способность человека (как "конечного духа") познать "самого себя" через освоение "богатства образов", которые до этого были заключены внутри духа как неосознанные и произвольные возникающие в нем состояния (Филос. энцикл. словарь 1983: 103). Усвоенный человеком язык становится средством выражения индивидуальной и групповой идентичности. Выбор языка в период политических кризисов, войн и этнических конфликтов сразу указывает, с какой стороной отождествляет себя определенная личность или группа. Д. Кристал также отмечает, что язык может выступать в качестве естественного барьера между определенными культурными группами, тем самым подталкивая их к конфликту, а не к сотрудничеству. "Нет более ужасающего подтверждения власти языка, — пишет он, — чем тот факт, что многие люди готовы умереть, если не будут удов-

летворены их требования по признанию права на использование определенного языка" (Crystal 1987: 34).

Оптимальное соотношение между личностным началом и чертами, усвоенными как требование групповой принадлежности, дает личности то сознание собственной идентичности, которое, не будучи следствием слепого конформизма, в то же время создает ощущение своего "я", гармонично сосуществующего с окружающей социальной средой. С точки зрения теории коммуникации, готовность личности к социализации и адекватному общению определяется рядом факторов: наличием определенных нравственных установок, уровнем коммуникативно-познавательных умений, готовности к адекватному преобразованию смысловой информации и т. д.

Личность использует себя и свое культурное окружение как стандарт для сравнения. Отношение к себе становится критерием личностной идентификации — того, что Л. Р. Колс называет "древним этноцентрическим импульсом человечества", выполняющим базовую функцию выживания (Kohls 1984: 11). Анализируя субъективный компонент языковой семантики, П. С. Гуревич подчеркивает, что в процессе познания окружающего мира человек никогда не может "отвлечься" от самого себя: он всегда ставит себя в центр этого процесса, непроизвольно делая себя "мерой всех вещей". При этом "указание на говорящего" представляет собой свернутое пресуппозитивное утверждение о *существовании говорящего*, включающее понятия об универсальных свойствах мира, бытующих вне познающего субъекта (Гуревич 1996: 33).

Будучи двусторонним процессом, коммуникация предусматривает взаимодействие между адресатом и адресантом, и в таком взаимодействии идентичность складывается из самовосприятия языковой личности и ее восприятия со стороны окружающих (в английском языке этим понятиям соответствуют термины *avowel* и *ascription* — см., напр.: Martin, Nakayama 1999: 113—114). Для личности очень важно очертить собственное коммуникативное пространство и самоопределиваться в среде других коммуникантов. Даже теоретически невозможно полное совпадение самоидентификации и внешней идентификации, ибо то, как мы видим себя, всегда отличается от "взгляда со стороны". Во-первых, личности практически никогда не удается адекватно "самовыразиться": существует дисгармония между внутренней сущностью личности и подаваемыми ею коммуникативными сигналами. Способность к самовыражению — это талант или уме-

ние, которое подвластно далеко не многим. Во-вторых, умение окружающих "прочитывать" эти сигналы также несовершенно. В результате в течение всей жизни продолжается борьба между самовосприятием и восприятием со стороны других, отсюда — крик души: "Меня не понимают!". Чем в большей степени совпадают самоидентификация и идентификация, тем более благоприятно складываются исходные условия для адекватной коммуникации. Расхождение между этими категориями заведомо создает конфликтные установки, чреватые коммуникативными сбоями. Нельзя не согласиться с А. А. Шестаковым, который отмечает, что "дисгармония между "Я-концепцией" и "социальным Я" выступает одной из самых распространенных причин кризиса идентичности" (Шестаков 1998). В межкультурной коммуникации на этот процесс наслаивается еще одна сложность — культурно-специфические особенности передачи и прочтения сигналов идентичности.

Несовпадение самоидентификации и внешней идентификации также становится питательной средой для формирования социальных, психологических, этнических предрассудков и национально-культурных стереотипов — барьеров на пути к межкультурному взаимопониманию. "В высказываниях о других всегда выявляется, что же представляем собой мы сами, поэтому дискурсы о "чужих" или "враждебных" группах являются зеркалом нашего самосознания. Дискурс о других, следовательно, касается собственной идентичности, т. е. вопроса: как мы воспринимаем самих себя, как мы описываем самих себя? Формирование национальной идентичности есть процесс дифференциации, описания собственной группы и отделения ее от "других"" (Водак 1997: 95—96).

Следовательно, когда человек попадает в иное лингвокультурное пространство, он должен быть готов к тому, что его идентичность будет восприниматься иначе, чем в родной культуре, что обусловлено как языковыми, так и поведенческими факторами. Вот лишь некоторые из причин кризиса идентичности, возникающего в процессе МК:

- неспособность адекватно выразить свое "Я" на иностранном языке;
- неспособность собеседников, общающихся с коммуникантом на его родном языке, адекватно оценить его "Я";
- неумение извлечь культурно-специфическую информацию из речевых сообщений друг друга;
- неготовность правильно определить свое место в инокультурном социуме.

§2. Российская и американская идентичность

Следующий вопрос, который важно рассмотреть в связи с проблемами МК, — это содержание понятий российская и американская идентичность. Размышлять о корнях идентичности — значит исследовать почву, на которой произросла та или иная языковая личность. Для русских и американцев отношение к корням неодинаково. У русских древняя история. Русская коллективная идентичность основана на территориальности, культурном наследии и языке, которые в совокупности воплощают понятие Родины. Н. А. Бердяев определяет нацию как единство исторической судьбы (Бердяев 1994). Однако в Советской России понятие об истоках усиленно искоренялось (особенно когда речь шла о непростом происхождении), в результате чего многие аспекты российской идентичности были утрачены — хочется надеяться, что не безвозвратно.

В отличие от России, у американцев короткая история. Существует расхожее мнение, что американцы как нация не имели детства. Известная исследовательница американского юмора К. Рурк, напротив, утверждает, что у американцев было затянувшееся детство благодаря тому, что в движении на Запад они одну за другой открывали новые земли. Национальное самосознание рано возникло в американцах благодаря пристальному вниманию и критическому отношению к ним со стороны европейцев. Как блестяще комментирует К. Рурк: "У молодых отсутствует память. Память есть принадлежность возраста <...> Коллективная память создается многими людьми многих поколений <...> По этим меркам американское сознание должно считаться молодым. Коллективная память вряд ли могла существовать там, где связи с прошлым постоянно прерывались, а следы воспоминаний, привезенных из старых стран, быстро стирались <...> Одного переходного поколения хватило для того, чтобы начисто стереть могучее наследие" (Rourke 1986: 230—232). В отказе от своих исторических корней просматривается сходство между Россией советского периода и Америкой, где иммигранты пытались "слиться в едином порыве" и растворить свою этническую идентичность в "плавильном котле" американской нации.

В настоящее время в России наблюдается некоторое оживление интереса к своим корням, однако оно носит эпизодический характер и присуще лишь определенным социальным группам. Возрождение российской идентичности пока не приобрело характера широкомасштабной государственной политики. Многие жители мультикультур-

ной Америки также делают попытки восстановить собственную идентичность, "найти себя" в контексте пестрой и многоголосой американской нации.

Проявления российской и американской идентичности отличаются друг от друга. Представляется, что идентичность жителей России прежде всего выражается в их государственной принадлежности (россияне) и в *национальности* (мы идентифицируем себя как русские, евреи, татары, грузины и т. д.). Жители США, с другой стороны (особенно находясь за рубежом), идентифицируют себя прежде всего как американцы, затем — с точки зрения *расовой принадлежности*: Caucasian(White), Black, Asian, Hispanic, Native American, и только когда речь заходит об исторических корнях — с точки зрения *этнической принадлежности*. Американцам чуждо понятие "национальность", и вопрос о ней вызывает у них чувство растерянности и недоумения. Прибывая в Россию и оказавшись перед необходимостью заполнить анкету, американские студенты теряются, дойдя до пункта "национальность". Американец, напечатавший статью о России в газете "English", многократно употребляет слово "nationality" по отношению к русским, но повсюду берет его в кавычки, ощущая его инородность в английском тексте.

Важным для теории МК является то обстоятельство, что национально-культурная идентичность личности многократно усиливается при попадании в иную культуру. Пребывание за рубежом помогает русским лучше понять себя как представителей русской культуры, а американцам — осознать свою принадлежность американской культуре.

Для дальнейшего анализа представляется возможным сгруппировать различные показатели идентичности в три основные категории — физиологическую, социальную и психологическую. При этом важно иметь в виду, что деление это в высшей степени условно — одни и те же показатели могут попадать более чем в одну категорию (к примеру, *раса, гендер, возраст* являются одновременно физиологическими и социальными факторами, они же оказывают непосредственное влияние на психологические характеристики личности).

С другой стороны, существует достаточно распространенное (особенно среди американцев) мнение: а зачем мне вообще знать об этнической или, например, социальной идентичности собеседника? Все люди для меня равны. Мы считаем такой подход в высшей степени недалеким и мешающим адекватному общению. Игнорирование культурных различий — достаточно опасная для МК позиция.

Почему следует уметь читать сигналы идентичности? Во-первых, попытка "спрятать голову в песок" и притвориться, что все люди одинаковы, не устранит существующих различий. Во-вторых, способность декодировать информацию об идентичности собеседника ставит коммуниканта в условия, равные (или почти равные) с носителями лингвокультуры (почему ему должно быть недоступно и непонятно то, что доступно носителям?). И, наконец, это знание позволяет усовершенствовать сам ход коммуникации: правильно выбрать тональность и жанр дискурса, сознательно подойти к выбору тем, избежать обсуждения болезненных вопросов и лучше понять психологию партнера. Кроме того, при компетентном подходе этническое и культурное разнообразие способно обогатить процесс общения.

§3. Физиологическая идентичность

Физиологическая идентичность включает врожденные черты (внешность, голос, физическое состояние и т. д.), на которые накладываются признаки, приобретенные в процессе социализации. Некоторые анатомические особенности, как, например, строение речевого аппарата, имеют непосредственное отношение к речепроизводству. Д. Кристал приводит данные, полученные в результате научных исследований, согласно которым у представителей черной расы длина языка варьируется от 73 до 123 мм (в среднем 97 мм), в то время как у японцев этот диапазон составляет 55—90 мм (в среднем 73 мм). Ученые предполагают, что эта черта может быть одной из причин специфического японского акцента. Однако Кристал задается вопросом: почему, в таком случае, у представителей второго поколения японцев, выросших в США, акцент отсутствует? (Crystal 1987: 18—19).

Обращает на себя внимание и то, что фонетический уклад, привычка произносить специфические для данного языка звуки оказывают влияние на внешность коммуникантов и работу их речевого аппарата. Вот почему российский зритель, даже выключив звук телевизора, может определить, на русском или иностранном языке разговаривают участники телепередачи.

Биологическая внешность складывается из генетических, этнических, гендерных, возрастных и прочих черт индивидуума: цвета и состояния кожи, формы и черт лица, цвета глаз, структуры и цвета волос, особенностей фигуры и т. д. Казалось бы, что может быть очевиднее внешности? Это то, что люди воспринимают глазами и что доступно всем, независимо от культурно-языковой принадлежности.

Однако в действительности ситуация намного сложнее. Внешность посылает определенные коммуникативные сигналы, которые могут быть проигнорированы или неверно дешифрованы. Так, некоторые европейцы считают, что все китайцы выглядят "на одно лицо". Американцы с достаточной легкостью распознают людей ирландского или шотландского происхождения, если у них типичная для этих этнических групп внешность, в то время как для русских это не столь очевидно. С другой стороны, русские без труда определяют по внешнему виду "лиц кавказской национальности", а для американцев эта информация часто остается "за кадром". В одной из американских газет была помещена фотография молодой женщины с ребенком, которая просит на улице милостыню. Фото сопровождалось душераздирающим комментарием: "Year of crime, poverty won't be missed by Russia". Не менее драматичная подпись под фотографией гласила: "A woman holding her child begs for money outside a casino in downtown Moscow... The woman was begging yesterday." Газета проигнорировала лишь маленькую деталь — на фотографии была изображена ... цыганка. В результате американская газета (вольно или невольно) дезинформировала своих читателей. Легко прочитываемые русскими сигналы этнической идентичности с соответствующими культурными ассоциациями в данном случае не были явными для американцев.

Носитель лингвокультуры сразу определит несоответствие, если, например, человек с "цивильной" внешностью будет использовать диалектизмы или говорить на грамматически неправильном языке. С другой стороны, если коммуникант, внешность которого указывает на принадлежность к низшему классу, оказывается интеллектuaлом и использует язык образованных людей, — это тоже неожиданность для партнеров по общению. Неносители лингвокультуры могут не заметить это противоречие в силу того, что они не знакомы с диалектами, им труднее распознавать акценты и другие языковые особенности, отличные от среднелитературной нормы.

Внешняя привлекательность считается одним из важных факторов, обуславливающих положительный настрой в межличностной коммуникации (Gamble and Gamble 1990: 196). Но при этом надо иметь в виду, что представления о привлекательности могут существенно и даже диаметрально расходиться в разных культурах. Человек, внешне отличающийся от других, чувствует себя неуютно. Если же он вписывается в окружающую социально-культурную среду, то ему психологически намного легче участвовать в коммуникации.

Внешние различия между американцами англосаксонского происхождения и русскими несущественны, и это является одной из предпосылок успешной коммуникации. Например, американский журналист, путешествующий по России, так описывает свои ощущения при встрече с турком в российском поезде: "<...> я не удивился, что его и мои впечатления о России были столь различны. Я был высокий, белокожий, усатый представитель страны, на которую многие русские все еще смотрели не без трепета. Если бы не моя одежда и акцент, я вполне мог бы сойти за русского. Турок был смуглый чужестранец-мусульманин, <...> в стране, где многие относились со стойким предубеждением к "черным" — кавказцам и азиатам" (Montaigne 1998: 123).

С другой стороны, в теории МК существует мнение, что чем больше иллюзия близости культур, тем больше вероятность коммуникативных сбоев. По-своему парадоксальное мнение высказывает А. Кончаловский: "Один англичанин запомнился мне афоризмом: "Проблема русских в том, что они белые". Я сначала почувствовал в этом некоторое оскорбление, но потом изменил свое отношение к этому тезису. Ведь и правда: русские относятся к белой расе по своему генофонду и по происхождению. Этот факт и вызывает мисинтерпретацию русских Западом. <...> А все дело в том, что к туркам и индусам не прилагаются те мерки, которые Запад обычно применяет к русским. Как будто с белым цветом кожи русские должны обязательно заимствовать весь тот свод ценностей, который движет западной культурой. И вот тут возникает то самое, необъяснимое для многих поведение — для многих, и американцев, в частности, неадекватное поведение русского человека" (Чередниченко 1999: 43).

Расовая принадлежность — навязчивая идея для американцев. Многие испытывают расизм — иногда даже внутри одной семьи. Одной капли негритянской крови достаточно, чтобы называться "черным". Эта категория людей образует пограничную "касту". "Идентифицировать свою "многорасовую" принадлежность означает бросать вызов здравому смыслу, не попадая ни в один из лагерей" (*In Living Colors* 1997: 40—42).

Различные, часто взаимоисключающие, проявления отношения к расовой принадлежности, бытующие в американском обществе, ярко отражаются в языке: 1) откровенно негативное отношение на эксплицитном уровне: *colored*; *nigger*; фразеологизм *salt and pepper* (о смешанном браке); 2) скрыто-негативное, о котором будет сказано ниже; 3) нейтральное: *Afro-American*, *black*; 4) положительное: *Black is beautiful* (отметим, что *Black* в таком случае пишется с большой буквы).

Психологи С. Гэртнер и Дж. Довидио отмечают развитие новой формы расизма — так называемого аверсивного (от *aversive* — питающий отвращение). В отличие от обычных расистов, носители этой идеи сочувствуют неграм как жертвам былой несправедливости и считают себя людьми непредубежденными. Однако, в связи с тем, что в американской культуре преобладают антинегритянские настроения, "аверсивные расисты" испытывают дискомфорт при общении с неграми, а иногда относятся к ним со страхом или отвращением, но упорно отрицают это (Bootzin et al. 1991: 648). В частности, скрытая форма расизма проявляется в "маркированности" представителей негритянской расы, когда в разговоре о них обязательно упоминается цвет их кожи: *Linda, the black secretary; Jerry, the black student*.

Понятие идентичности в среде американцев часто приобретает причудливые формы. Многонациональный состав американского общества обуславливает увеличение числа смешанных браков и соответственно — очень странные смеси, для которых изобретаются всякого рода окказионализмы: *Cablinasian* (Caucasian, Black, Indian and Asian), *Korgeninian* (Korean and Argentinean), *China-Latina*, *Blackanese* и т. д. Для обозначения людей, родители которых принадлежат к двум разным расам, иногда используется словечко гавайского происхождения, которое до недавних пор считалось оскорбительным и политически некорректным, а в настоящее время приобрело особый шик: *Hapa* (от гавайского "половина"). В связи с вышесказанным в настоящее время конгресс США обсуждает вопрос о том, не ввести ли понятие "*mixed race*" ("смешанная раса"), ибо население США уже не вписывается в четко обозначенные категории (*In Living Colors* 1997: 41—42).

Вступая в коммуникацию, необходимо помнить, что цвет кожи и другие сигналы расовой и этнической принадлежности в определенных условиях могут сигнализировать о чувствительности к некоторым словам, словосочетаниям и темам. Так, например, в телесериале "ER" ("Скорая помощь") героиня-негритянка с горечью говорит: "*For whites it's never about race. For blacks it's always about race*".

В процессе социализации человеческая внешность подвергается культурной обработке, например, стрижке или укладыванию волос, бороды и т. д., "чтобы соответствовать знаковым требованиям, оформляющим гендерные отношения в обществе". Естественные признаки могут подвергаться вторичному переозначиванию, приобретая связь с сословной или конфессиональной принадлежностью (Ерасов 1997: 155). Терпимость американцев к разнообразию, не столь сильно раз-

витая в России, а также разные представления о нормах приличия и моде приводят к тому, что эта "культурная обработка" в разных странах может иметь разные проявления.

Физическое состояние личности также накладывает отпечаток на ее речь. Заболевания, такие как частичный паралич и рассеянный склероз, могут вызывать нарушения речи, вплоть до полной неспособности к речепорождению. Кроме того, инвалидность и нарушения физического состояния могут приводить к серьезным психологическим последствиям, также сказывающимся на характере коммуникации. В результате того, что в американской культуре значительно больше внимания уделяется людям с нарушениями физического состояния, например в виде доступа инвалидов к высшему образованию, они чувствуют себя более уверенно, что положительно влияет на их речь. Благоприятные психологические последствия имеет также широко распространенная в американском варианте английского языка эвфемизация, которая сказывается на самоидентификации, например, замена слова *invalid* на *disabled* или еще более осторожное выражение *physically challenged*. Последнее особенно показательно, ибо само наименование содержит в себе призыв бороться с недугом.

Кроме того, важную роль в МК играют мимика, жестика, кинесика, манера себя держать и т. д., которые также имеют отношение к человеческой внешности и выполняют знаковую функцию (см. гл. 17, §1).

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

1. Почему осознание национально-культурной идентичности собеседника способствует успеху межкультурного общения?
2. Отличается ли самоидентификация личности от ее внешней идентификации со стороны окружающих? Ощущаете ли вы это различие на собственном опыте?
3. Назовите причины кризиса идентичности, возникающего в процессе межкультурной коммуникации.
4. В чем, на ваш взгляд, заключаются основные различия в проявлениях российской и американской идентичности? Обоснуйте свою точку зрения. Приведите примеры из книг, фильмов, средств массовой информации.

5. Опишите "типичного русского" и "типичного американца" с точки зрения физиологической идентичности. На чем основан ваш "портрет"? Запрогнозируйте, по каким параметрам наиболее вероятны ошибки, которые могут оказать влияние на успех межкультурного общения.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Напишите на листке бумаги три слова, которые, с вашей точки зрения, наиболее точно отражают вашу самоидентификацию. Будет ли отличаться ваша самоидентификация в России и за рубежом?

2. Прочитайте следующие размышления о менталитете русских, англичан и американцев. Согласны ли вы с автором? Обоснуйте свою позицию.

"С русским менталитетом традиционно связывается легковерие, точнее, вера в авторитет, подчинение власти, обстоятельствам, судьбе, низкий уровень рационального самоконтроля, отсутствие самоуверенности в поведении. Русские непрактичны, доверчивы, миролюбивы. Им присущи: сочувствие, коллективизм, повышенная чувствительность, проявляющаяся в форме повышенной способности к сопереживанию, эмоциональному отклику. В то же время отмечается отсутствие прочных навыков свободного этикетного поведения, излишняя скованность и заторможенность в ситуациях, и наоборот, присутствует некоторая расторможенность в ситуациях неофициального общения. Исследователи также отмечают, что преобладание запретительных инструкций и отрицательных санкций привело к подавлению инициативы и оптимистической уверенности в успехе. Отечественные лингвисты, анализируя зарубежную литературу, охватывающую период приблизительно в сто лет, отмечают, что стереотип русского менталитета в глазах иностранцев сохранился до настоящего времени. Зарубежные аналитики подчеркивают, что русские гостеприимны, искренни, открыты. В них ярко выражено чувство солидарности, братства, им чужд индивидуализм.

<...> Англичане практичны, деловиты, предприимчивы, умны, рассудительны, предусмотрительны, дальновидны, изобретательны. Им свойственна серьезность, степенность, важность, чинность, почтенность. В то же время их отличает невнимательность к другим людям, они неприветливы, суховаты, негостеприимны, трудно идут на сближение.

Характеризуя американцев, исследователи отмечают некоторую схожесть ментальных характеристик между американцами и русскими.

ми. Так, А. И. Герцен подчеркивал, что обеим нациям присущи гибкость, наличие внутренней силы, духа команды, упорства в преодолении трудностей. Однако американцы практичны, дружелюбны, самоуверенны в поведении, поступках, предприимчивы. Им свойственны индивидуализм, безжалостный эгоизм и наивное детское тщеславие".

(Фомиченко 1998: 218 — 219)

3. Прочитайте следующие описания. Скажите, каким образом внешность персонажей может воздействовать на характер их общения с окружающими. Что происходит, когда физиологическая идентичность преломляется через призму межкультурного восприятия?

"Возле него стояла высокая, тонкая англичанка с выпуклыми рачьиими глазами и большим птичьим носом, похожим скорее на крючок, чем на нос. Одета она была в белое кисейное платье, сквозь которое просвечивали тощие, желтые плечи".

(А. П. Чехов. *Дочь Альбиона*)

"Autumn is the saddest season in Moscow. <...> peasant men and women <...> have come on crowded trains and buses in the aching hours before dawn. In coarse, padded jackets, they stoop over their wares, their faces the color of burlap. Occasionally a gold tooth flashes in a clucking, coaxing smile of salesmanship, like the glint on a church's onion dome against the sunless city."

(D. Shipler. *Russia*)

"—Что же? Елецкий? Львов? нет? неужто Рагузинский? Воля твоя: ума не приложу. Да за кого ж царь сватает Наташу?

—За арапа Ибрагима.

Старушка ахнула и сплеснула руками. <...>

—Батюшка-братец, — сказала старушка слезливым голосом, — не погуби ты своего родимого дитяти, не дай ты Наташеньки в когти черному диаволу".

(А. С. Пушкин. *Арап Петра Великого*)

"It was summer, 1969, two years after my diving accident. <...> It was evident now I'd never walk again; I'd never get the use of my hands again; I'd forever be paralyzed from the neck down, unable to care for my own personal needs. It was certain now that I'd be forever dependent on others for every physical comfort or function."

(J. Eareckson. *Jony*)

"Dr Coutras was an old Frenchman of great stature and exceeding bulk. His body was shaped like a duck's egg; and his eyes, sharp, blue, and good-natured, rested now and then with self-satisfaction on his enormous paunch. His complexion was florid and his hair white. He was a man to attract immediate sympathy. <...> He took my hand in both of his—they were huge—and he gave me a hearty look, in which, however, was great shrewdness."

(S. Maugham. *The Moon and Sixpence*)

Глава 9. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

§1. Национальный характер — миф или реальность?

Рассматривая психологическую идентичность как один из важнейших аспектов языковой личности, которые играют ведущую роль в межкультурном общении, мы ведем речь о коллективной идентичности, в основе которой лежит понятие национального характера. Отношение ученых к понятию "национальный характер", основанному на мнении о том, что представители одной нации имеют общие личностные черты, типы мышления и модели поведения, неоднозначно. Наряду с достаточно широким признанием бытует точка зрения, которая оспаривает его существование из-за опасения перед стереотипизацией и политической некорректностью. Поэтому на смену термину "национальный характер" в современных работах, в особенности на Западе, приходят термины "базовая личность" или "социальный характер", суть которых заключается в попытке найти основополагающие черты сходства между представителями определенной культуры (см., напр.: Dahl 1998). Н. А. Ерофеев пользуется термином "этническое представление", обозначающим "словесный портрет или образ чужого народа"; С. М. Арутюнян пишет о "психологическом складе нации" как "своеобразной совокупности разнопорядковых явлений духовной жизни народа" (цит. по: Тер-Минасова 2000: 136).

Несмотря на всю эту разногласию, многие ученые не отказываются от исследования национального характера. С. Г. Тер-Минасова подробно анализирует различные точки зрения на это явление и приводит определение Н. Джандильдина, который рассматривает национальный характер как "совокупность специфических психологических черт, ставших в большей или меньшей степени свойственными

той или иной социально-этнической общности в конкретных экономических, культурных и природных условиях ее развития" (Там же).

Однако даже если согласиться с мнением о том, что понятие национального характера ненаучно, а существует лишь на бытовом уровне, как считают некоторые ученые, то следует вспомнить, что межкультурная коммуникация во многих случаях как раз и осуществляется на бытовом уровне, и потому понятие национального характера должно учитываться в теории МК.

Язык объединяет собственно языковое (структурное) своеобразие с особенностями характера нации. Языки различаются по степени динамичности, рациональности и эмоциональности, нюансировке значений, степени охвата определенных областей материальной и духовной жизни, энергетике и фокусировке на определенных концептах. В настоящем исследовании мы считаем отправной точкой анализа следующее ключевое положение гумбольдтовской теории: "Следует сначала изучить народы в их своеобразии, изучить их деятельность и составные части их языков, затем, доверившись чувству, создать себе образ и уже потом, насколько это возможно, облечь его в слова", ибо изучение языка "служит высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа, цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя" (Гумбольдт 1985: 380, 383).

Следует также учитывать, что "национальный характер <...> определяется не только и не в первую очередь языком, поскольку наряду с языком одним из важнейших признаков этноса является общность культурных ценностей и традиций" (Караулов 1987: 47). Таким образом, для успешного анализа менталитета и психологического своеобразия нации необходимо объединить усилия разных наук — теории коммуникации, этнопсихологии, социологии, психолингвистики и т. д.

Типизированная лингвокультурная личность выступает как "носителем принятых норм и ценностей, доминирующих в определенном обществе" (Ерасов 1997: 237). Как отмечается в *Encyclopaedia Britannica* (ст. *Culture and Personality*), фактор культуры не является величиной постоянной; нет возможности проверить, какая часть личности зависит от внутренней склонности, а какая — от культурного опыта. В связи с этим, говорится в энциклопедии, исследователь вынужден работать с так называемыми "модальными" (modal), или типичными личностями. Их анализ позволяет выяснить, каким обра-

зом различные стороны коллективной личности манифестируются через язык.

При анализе языковой личности в МК необходимо правильно выстраивать коммуникативную цепочку. Никогда нельзя позволять стереотипизации предшествовать восприятию индивидуума. Компетентное поведение в МК прежде всего предполагает способность увидеть индивидуальную личность, а уже затем в процессе анализа попытаться "примерить" на нее определенные парадигмы, основанные на понятии типа.

§2. Русская ментальность и самоощущение в межкультурной коммуникации

Russia is predictable in the sense that
it will continue to be unpredictable.

Marshall Goldman

Русская языковая личность — это чрезвычайно сложный объект исследования, особенно для русского человека, который в этом случае вынужден заниматься самонаблюдением и самоанализом. Русская личность парадоксальна, поскольку в ее характере совмещаются многочисленные противоречия, неоднократно описанные разными авторами: деспотизм и анархизм, жестокость и доброта, обрядоверие и искажение правды, индивидуализм и коллективизм, смирение и наглость, искание Бога и воинствующее безбожие, рабство и бунт, культурная отсталость и огромная одаренность (И. А. Бердяев), стремление к абсолютному, абсолютизация идеалов, резкие колебания от невероятной законопослушности до самого необузданного, безграничного бунта (Л. П. Карсавин), сочетание свободной созерцательности, идущей от сердца, и предметности (И. А. Ильин), готовность к самоунижению, самобичеванию и покаянию (А. И. Солженицын), конфликтность, уживающаяся со "склонностью к всемирной отзывчивости и всепримирению" (Ф. М. Достоевский) и т. д. И. А. Ильин пишет о доброте, ласковости и гостеприимстве российских людей, о присутствии им духе братского сочувствия и индивидуализирующей справедливости (Социология в России 1995: 164). А. С. Пушкин, со своей стороны, отмечает: "Недоброжелательство — основная черта русских нравов: в народе оно выражается насмешливостью, в высшем кругу — невниманием и холодностью" (Мнения русских о самих себе 2001: 31).

Указанные противоречия не могли не оказать своего влияния на сложившийся в российской среде характер коммуникации, которая реализуется в многообразных, подчас причудливых формах, часто недоступных для представителей иных лингвокультур.

Многие авторы указывают на общительность как одну из ведущих характеристик русского коммуникативного поведения (см., напр.: Тер-Минасова 2000: 150; Стернин 2001: 205). Общительность включает целый комплекс признаков, создающих предпосылки для успешной коммуникации: открытость, коммуникативную активность, способность устанавливать смысловой и эмоциональный контакт с партнером, готовность продуцировать высказывания и воспринимать информацию, поступающую от собеседника. Тем не менее, одностороннее наличие этих качеств не является гарантией того, что коммуникация состоится — настрой адресанта на общение может натолкнуться на нежелание адресата поддержать беседу, блокирующее инициацию коммуникативного акта. Это означает, что настрой на общение должен быть обоюдным, хотя и не обязательно симметричным с точки зрения коммуникативной активности.

Следует также обратить внимание на то, что само слово "общение" в лексиконе русской языковой личности существенно отличается по семантике от своих эквивалентов в английском языке (*communication, socialization*). Этим, в частности, объясняются трудности при попытке перевести на английский язык фразы типа: "Люблю общаться" и "Приходи вечером, пообщаемся". По всей вероятности, причиной указанного межъязыкового расхождения является то, что само общение в российской и американской среде может различаться по ряду параметров (частоте контактов, тональности, глубине, продолжительности и т. д.).

Общительность русских, по наблюдениям И. А. Стернина, проявляется в лёгкости установления контакта с незнакомыми людьми, нетерпимости к молчанию, приоритетности общения в межличностных отношениях по сравнению с другими видами деятельности и т. д. Он приводит данные М. В. Шамановой, согласно которым лексическое поле "общения" в русском языке насчитывает 1479 слов, что свидетельствует о его высокой релевантности (Стернин 2001: 205).

Обращает на себя внимание не только способность русского человека к установлению смысловой и тематической связи с собеседником в процессе коммуникации, но и сила возникающего при этом коммуникативного сцепления, ядром которого становится эмоциональный контакт. Для того чтобы обозначить открытость русских к

общению, Н. А. Бердяев использует термин "коммюнитарность", под которым подразумевает ценность неформального общения, легкость завязывания связей, способность открыть душу незнакомому человеку (Шаповалов 2001: 433).

Писатели, поэты, философы давно заметили поразительную по своей глубине склонность русского человека рассказывать о самом сокровенном случайным попутчикам во время долгого путешествия в поезде. Хочется привести наблюдение Ф. Степуна, который пишет: "Роман Анны с Вронским начинается в поезде и кончается им. Под стук поездных колес рассказывает Позднышев в "Крейцеровой сонате" совершенно чужим ему людям об убийстве жены <...> Замерзшею рукою стучит Катюша Маслова в ярко освещенное окно вагона первого класса и, не сводя глаз с Нехлюдова, чуть не падая, бежит по платформе. "Дым, дым, дым", — разворачиваются в поезде скорбные раздумья Литвинова — Тургенева. Провожая жену своего приятеля и прощаясь с нею в вагоне, скромный герой одного из самых нежных рассказов Чехова вдруг понимает, что всю жизнь любил только ее и что с ее отъездом для него все кончается. В "Лице" Бунина тема несчастной любви и творческих скитаний духа еще глубже и таинственней сливается с темой железнодорожной тоски <...>" (цит. по: Шаповалов 2001: 439).

Для анализа феномена "вагонного общения" представляется целесообразным воспользоваться распространенным в американской коммуникативистике понятием *self-disclosure* ("саморазоблачение"), т. е. добровольное раскрытие неочевидной информации о самом себе партнеру по коммуникации. Общение в таком случае, как правило, несимметрично: один из собеседников изливает душу, другой его внимательно слушает. Эффективность общения в подобной ситуации требует взаимного доверия собеседников, высокого уровня эмпатии со стороны слушателя, достаточной степени самоуважения "исповедующегося", совпадения у собеседников представления об уместности и допустимости сообщаемой информации (если эта информация покажется слушателю до неприличия интимной, он, очевидно, не сможет развить в себе достаточной эмпатии, чтобы "вжиться" в повествование попутчика). Со стороны исповедующегося "саморазоблачение" также требует готовности пойти на риск, чтобы поделиться с собеседником самым сокровенным. Очевидно, оправданием служит анонимность случайного собеседника и малая вероятность последующих контактов. Этим объясняется то, что даже несмотря на низкий коэффициент межличностного доверия в современном российском обще-

стве — (по подсчетам социологов, 30% по сравнению с 70% в странах Запада. — Шаповалов 2001: 435), — "вагонное общение" по-прежнему остается неотъемлемой чертой российской жизни. В процессе его возрастает детализированность и точность коммуникации, в которой явственно присутствует элемент самоанализа (в определенной мере это разговор с самим собой, ради чего, возможно, и затевается общение).

Добавим к сказанному выше пассионарность, общение с надрывом и, по словам Ф. М. Достоевского, способность "наслаждаться страданием": "<...> духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем. <...> Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом из самого сердца народного. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно. <...> Страданием своим русский народ как бы наслаждается. <...> Русский пьяница любит пить с горя и плакать" (Достоевский 1997: 256). Эта черта идет рука об руку со свойством русского общения, которое И. А. Стернин назвал коммуникативным пессимизмом (Стернин 2001: 232), но не исчерпывается им. Страдание в классическом русском понимании этого слова может вызывать умиление, приносить очищение, возрождать к новой жизни.

Приведем некоторые другие обобщенные черты коммуникативно-русского поведения, выведенные И. А. Стерниным (2001: 203—239):

- эмоциональность;
- коммуникативный демократизм;
- коммуникативная доминантность;
- искренность;
- стремление к неформальному общению и его приоритетность;
- пониженное внимание при слушании;
- широта обсуждаемой информации и т. д. (Стернин 2001: 203—239).

Об эмоциональности русского языка написано очень много, в том числе и в настоящей работе. "Язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой, живописной поэзии, — отмечал Н. М. Карамзин, — но и для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности" (Русские писатели о языке 1954: 57). С. Г. Тер-Минасова отмечает, что грубость российской жизни "отразилась в языке не только богатым запасом бранных выражений, но, как это ни парадоксально, также любовью к ласкательно-уменьшительным

словам, диминутивам, активным использованием языковых средств выражения подчеркнутой вежливости" (Тер-Минасова 2000: 154). Обилие эмотивных средств, которыми располагает русский язык, создает условия не только для экспликации тончайших положительных и отрицательных эмоций в коммуникации, но и для их дифференциации и развития в процессе становления русской языковой личности.

Даже беглый взгляд на то, каким образом русская фразеология отражает отношение к коммуникации, позволяет выделить принципы эффективного общения, принятые в русской среде:

- *высокий уровень языковой компетенции: владеть словом/ даром слова; крепкое/ острое словцо; язык хорошо подвешен; за словом в карман не лезет; пальца в рот не клади;*

- *серьезное отношение к делу: шутики в сторону; ближе к делу; сказано — сделано; уговор дороже денег; быть связанным своим словом; не давши слова, крестись, а давши, держись; господин/хозяин своего слова;*

- *прямота, искренность и правдивость: говорить без обиняков; вести/гнуть свою линию; ставить вопрос ребром; понимать с полуслова; хлеб-соль ешь, а правду режь; раскрывать/распахнуть/изливать душу; выворачивать душу наизнанку; называть вещи своими именами;*

- *немногословие и сдержанность в общении: укоротить /придержаться/прикусить язык; сказал бы словечко, да волк недалечко; сказанное слово серебряное, а несказанное — золотое; чья бы корова мычала, а твоя бы молчала; язык мой — враг мой; держать язык за зубами; ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами; молчание — знак согласия; держать язык на привязи; наступить на язык; взвешивать свои слова.*

Фразеологический фонд также дает возможность судить о том, что такое неэффективное общение в коллективном русском сознании. Оно включает следующие признаки:

- *отсутствие логики высказываний и семантической связности: в огороде бузина, а в Киеве дядька; набор слов; ты ему про Фому, а он про Ерему; сбивать с панталыку; начал за здоровье, а кончил за упокой; породить околесицу; нести ахинею/околесицу/чушь/ересь;*

- *неоправданные длинноты и повторы: затвердила сорока Якова одно про всякого; сказка про белого бычка; бабьи сказки; разжевывать и в рот класть; жевать жвачку/мочалку; толочь воду в ступе, ходить вокруг да около, тянуть кота за хвост, оседлать любимого конька; переливать из пустого в порожнее;*

• бесполезность коммуникации, расхождение слова и дела: *болтать/трепать/чесать языком; точить лясы, бросаться словами; давать волю языку; пустой звук; язык без костей; хоть кол на голове теши, бобы разводите; разводить антимонию/узоры/тары-бары;*

• неискренность: *заговаривать зубы; мягко стелет, да жестко сплет; втирать очки; заливаться соловьем; без мыла в душу лезть; морочить голову; понапустить туману;*

• конфликтность: *худой мир лучше доброй ссоры; бодливой корове Бог рог не дает; лезть в бутылку, лезть в душу, злой на язык; кто старое помянет, тому глаз вон; драть глотку; затыкать глотку; распускать/растегнуть горло/глотку; распускать язык; брать горлом; валить с больной головы на здоровую; втаптывать в грязь.*

В связи с последним свойством хочется отметить, что в России ценность бесконфликтного общения не столь высока, как, например, в США или западноевропейских странах. Недаром И. А. Стернин выделяет бескомпромиссность, регулятивность, публичное обсуждение разногласий, допустимость эмоционального спора и конфликтной тематики общения, категоричность выражения несогласия и формулирования проблемы как типичные черты русского коммуникативного поведения (Стернин 2001: 222—227).

В. Ф. Шаповалов утверждает, что самодержавный и тоталитарный общественные порядки в России не способствовали становлению устойчивой традиции спокойного и ровного обсуждения проблем, затрагивающих глубинные основы бытия человека и общества. Попытки такого обсуждения, как правило, выливаются во взаимные препирательства, доходящие до вульгарных упреков и оскорблений. Он полагает, что такие "дискуссии" — это совокупность изолированных монологов, а отнюдь не диалог. Однако "только в форме диалога (а не монолога) возможен плодотворный обмен мнениями и, следовательно, реальное, а не мнимое решение обсуждаемой проблемы" (Шаповалов 2001: 434).

Представляется, однако, что при общении русских на межличностном уровне речь идет не столько о склонности к конфликтному общению, сколько об эмоциональной вовлеченности в процесс коммуникации. Если же и возникает конфликтная ситуация, то можно утверждать, что при этом содержательный и реляционный конфликты далеко не всегда сопутствуют друг другу, что нередко удивляет иностранцев — они не могут понять, почему после бурного спора русские вновь улыбаются друг другу и продолжают дружеское общение.

При рассмотрении русской языковой личности нельзя оставить без внимания и некоторые языковые особенности, которые влияют на различные параметры коммуникации. Так, опираясь на материалы Ассоциативного тезауруса русского языка, Н. В. Уфимцева приходит к выводу о том, что "современное русское языковое сознание мужского рода, поскольку за человеком, по количеству (убывающему) связей с другими словами следуют друг, дурак, ребенок, мужчина, я, парень и лишь затем женщина" и что для русского языкового сознания свойственно движение от общего к конкретным его проявлениям. С ее точки зрения, неотъемлемым свойством русского менталитета является желание все оценить и приписать всему определенное качество, что неизбежно отражается на коммуникативном поведении русских (Уфимцева 1996: 157—160).

Большой интерес для нашего исследования представляют наблюдения Н. Д. Арутюновой, касающиеся самовыражения русских посредством синтаксиса. В частности, она связывает широкое употребление бытийных предложений в русском языке с тем, что в них микромир человека пропускается через призму предметности и становится статичным: "...принцип бытия, существования применяется <...> и к тому, что есть в мире, и к тому, что есть в человеке, у человека, с человеком, в непосредственном окружении человека. Человек задает личную сферу, но он не занимает в ней центральной позиции". В романских же и германских языках, в противовес русскому, прослеживается тенденция к дифференциации сообщений о "большом" и "малом" мирах. Это дает основание отнести русский язык к языкам бытия (*be-languages*), которые противопоставлены языкам обладания (*have-languages*), например, романским и германским (Арутюнова 1999: 769—790).

Кроме того, Н. Д. Арутюнова отмечает, что для русского языкового сознания типичен "пространственно-предметный, а не темпорально-фактивный, статический, а не динамический, живописный, а не кинематографический подход к миру жизни" (Там же: 793—794). По ее мнению, концептуальный комплекс *простор — воля — стихия* соотносится с пространственной (бытийной) ориентацией русского языка, что находит свое воплощение не только в лексическом фонде, но также в безличных возвратных формах, выражающих независимое от человека развитие событий, и невозвратных формах переходных глаголов, получающих значение неуправляемого действия или стихийного поведения (Там же: 812—813). Особенности русского языкового сознания также реализуются в изобильном использовании

неопределенных местоимений, которые выступают как "знаки невыраженных или невыразимых смысловых компонентов: нескрытых причин событий, неясных мотивов поступков, неопределимых и неопределенных вариантов признаков, следы действия неведомых сил <...>, знаки непроницаемости некоторых сфер бытия, в частности, человеческой личности" (Арутюнова 1999: 823).

Проецируя изложенную выше информацию на МК, хочется несколько подробнее рассмотреть исходные посылки и самоощущение русской языковой личности при контактах с представителями других лингвокультур.

Богатство концептосферы русского языка, о котором так убедительно пишет Д. С. Лихачев (1997), сложилось благодаря многовековой истории русского народа, тесной связи с церковнославянским языком, а также влиянию других языков на разных этапах его развития (греческого, тюркских, финно-угорских, иранских, немецкого, французского, английского и т. д.). Противоречивость русской языковой личности отчетливо проявилась в отношении к усвоению иноязычных влияний: с одной стороны, любопытство и открытость к восприятию нового, с другой — стремление соблюсти чистоту русского языка, неприятие чужого, отношение к иноязычным заимствованиям как к угрозе национальному самосознанию. Например, много критики звучало в адрес Петра Первого за то, что его реформа поставила Россию в странное положение: не сделав ее до конца европейской страной, она в то же время вырвала русский народ из родной среды и лишила культурного своеобразия. "Отчего <...> ты так безобразна, наша святая, великая Русь?" — в отчаянии восклицал И. С. Аксаков. И продолжал: "Оттого я так безобразна <...>, что набили вы, нарумянили мою красу самородную, что связали вы по рукам и по ногам мою волю-волюшку, что стянули вы могучие плечи в немецкий тесный <...> кафтан! <...> Меня давит, томит ваш тесный кафтан, душат ваши пути чужеземные!" (В поисках своего пути 1997: 180).

Жалуясь на обилие иноязычных элементов в русском языке, А. С. Хомяков фактически (если пользоваться современной терминологией) указывает на возникающее в процессе заимствования столкновение концептосфер: "С детства мы лепечем чужестранные слова и питаемся чужестранною мыслью, с детства привыкаем мы мерить все окружающее нас на мерило, которое к нам не идет, привыкаем смешивать явления самые противоположные: общину с коммуною, наше прежнее боярство с баронством, религиозность с верою, семейность

свою с феодальным понятием Англичанина о доме (*home*) или с Немецкою кухонно-сентиментальною домашностью (*Häuslichkeit*), лишаемся живого сочувствия с жизнью и возможности логического понимания ее. Какие же нам остаются пути и средства к постижению истины?" (Там же: 91). Речь здесь идет не только о желании сохранить русский язык в его изначальной неприкосновенности, но и о боязни того, что восприятие русского культурного пространства искажается при применении к нему чуждой критериальной сетки и не свойственных российской жизни осей координат.

И. С. Тургенев рассматривает ситуацию более оптимистично, с верой в способность языка к саморазвитию и саморегуляции: "Возьмите пример хоть с нашего языка. Петр Великий наводнил его тысячами чужеземных слов: голландских, французских, немецких; слова эти выражали понятия, с которыми нужно было познакомить русский народ; не мудрствуя и не церемонясь, Петр вливал эти слова целиком, ушатами, бочками в нашу утробу. Сперва, точно, вышло нечто чудовищное, а потом — началось <...> перевариванье <...> Понятия прижились и усвоились; чужие формы постепенно испарились, язык в собственных недрах нашел, чем их заменить <...>" (Русские писатели о языке 1954: 302).

Приведенные выше высказывания подводят нас к важным с точки зрения МК вопросам: 1) В какой степени способны иностранные заимствования воздействовать на менталитет народа и сферу его эмоциональной жизни? 2) Достаточны ли внутренние ресурсы столь мощного языка, как русский, для того, чтобы самостоятельно справиться с инокультурным воздействием? 3) Можно ли целенаправленно, на законодательном или ином уровне, поставить заслоны на пути иноязычных влияний? На наш взгляд, убедительные ответы на эти вопросы содержатся в рассуждениях В. Г. Белинского. Хочется привести достаточно длинную цитату, которая сегодня обрела новое звучание в связи с экспансией английского языка и его вторжением в русское лингвокультурное пространство: "<...> гений языка умнее писателей и знает, что принять и что исключить. В русский язык по необходимости вошло множество иностранных слов, потому что в русскую жизнь вошло множество иностранных понятий и идей. <...> с новым понятием, которое один берет у другого, он берет и самое слово, выражающее это понятие. В этом действии видна справедливость: как бы в награду за понятие, рожденное народом, переходит к другим народам и слово, выражающее это понятие <...> против нравственной зависимости этого рода, столь законной и справедливой,

могут вооружаться только умы слабые и мелкие, увлекаемые ложным патриотизмом. Что за дело, какое и чье слово, лишь бы оно верно передавало заключенное в нем понятие! Из двух сходных слов, иностранного и родного, лучшее есть то, которое вернее выражает понятие. <...> создатель и властелин языка — народ, общество: что принято ими, то безусловно хорошо; грамотеи должны безусловно покоряться их решению <...> Ненужное слово никогда не удержится в языке, сколько ни старайтесь ввести его в употребление. <...> Страж чистоты языка — не академия, не грамматика, не грамотеи, а дух народа" (Русские писатели о языке 1954: 196, 199).

Действительно, не что иное, как жизнь языка расставляет все на свои места и показывает, какие из иноязычных элементов будут усвоены, а какие отвергнуты и забыты. Нет сомнения в том, что заимствования накладывают свой отпечаток на характер языковой личности. При этом каждый индивид имеет право выбора — каким образом уравновесить в своей речи использование родных и иностранных слов, принимать или отвергать заимствования, использовать их в избытке или прибегать к ним в случае крайней необходимости, при невозможности выразить нужное содержание средствами русского языка. От совокупности индивидуальных словоупотреблений зависит будущее языка и языкового сознания. Поэтому, имея в виду способность русского языка к саморегуляции, не следует, тем не менее, недооценивать сознательное отношение языковой личности к выбору языковых средств и к возможности направлять и регулировать его развитие.

Итак, русская языковая личность формируется в сфере действия собственной национальной концептосферы, но с постоянным влиянием извне, характер которого непосредственно зависит от расклада политических и экономических сил, а также от языковой ситуации в мире. Процесс становления русской языковой личности сопровождается, с одной стороны, стремлением сохранить чистоту русского языка, а вместе с ним и народную нравственность, менталитет и ценностные установки, а с другой — постоянной привычкой оглядываться на Запад, оценивать все русское по иностранным меркам. Американскую журналистку К. Богерт поразило в русских "сладострастное желание унижить себя". Она обратила внимание на фразу, которую слышала как в устах простых людей, так и президента Ельцина: "как принято в цивилизованных странах...". Богерт пишет о том, что Россия перестала любить себя в 1988 г., когда "русские убедились, что экономический механизм западного мира намного эффективнее, и

оттого возникло у них мнение, что Запад цивилизованный, а Россия нет" (Богерт 1998).

На самом деле истоки русского самоуничтожения в МК уходят корнями в далекое прошлое. "Отчего ж мы, русские, боимся быть русскими?" — вопрошал Н. И. Надеждин в 1836 г. (В поисках своего пути 1997: 44). И. С. Аксаков не без боли писал о том, что, подобно мещанам во дворянстве, которые стыдятся своей родни и отрекаются от своего происхождения, "Русские спешат осудить вслух иностранцам все Русское, унижаясь, просят извинения для грубой народности Русской и восхваляют все заграничное!" (В поисках своего пути 1997: 189). Можно было бы привести еще немало свидетельств того, что самобичевание и устойчивый комплекс неполноценности типичны для самоидентификации русских в условиях межкультурной коммуникации и воздействуют на характер ее протекания.

В уже цитированной ранее статье К. Богерт говорится: "Я открыла в натуре русских предельный самокритицизм. <...> Политики эксплуатировали комплекс неполноценности в сердце каждого русского, чтобы поставить развитие громадной и неповоротливой России на здоровые основы. Но играть на комплексе неполноценности — опасное дело. <...> Любить свою страну, гордиться ей, быть патриотом — это вполне в правилах цивилизованной личности" (Богерт 1998). Мысль американской журналистки перекликается со словами Н. И. Карамзина, написанными ровно 200 лет тому назад: " <...> русский должен по крайней мере знать цену свою" (В поисках своего пути 1997: 24).

Русский самокритицизм подогревается отношением к России со стороны других народов. Непонимание "русской экзотики" и "загадочной русской души" — типичная картина для МК. Еще в XIX веке А. С. Хомяков удивлялся: "Странно, что Россия одна имеет как будто бы привилегию пробуждать худшие чувства европейского сердца" (Там же: 85). "Нерасположение к России заметно во всей Европе", — вторил ему Н. И. Тургенев (Там же: 214). Ученые, писатели и политики по-разному пытались истолковать этот феномен: различиями в духовном и общественном развитии России и Запада, расхождением менталитетов, нежеланием Запада признать Россию как самостоятельную силу, поздним переходом России "из древней истории в новую, из возраста, в котором господствует чувство, в возраст, в котором господствует мысль (на два века позднее других европейцев)" (С. М. Соловьев. — Там же: 221), неустроенностью российской жизни и т. д. Но до сих пор это явление не получило достаточного объяснения.

Нельзя обойти вниманием еще одну черту русской языковой личности, которая вытекает из сказанного выше, — изначальную predisposition к межкультурному общению, истоки которой следует искать в философствующем взгляде на мир, нравственной неудовлетворенности русского человека, постоянном стремлении к самосовершенствованию, природном любопытстве, отсутствии желания осудить или принизить другие культуры. Эти качества становятся благоприятными предпосылками для эффективного участия русских коммуникантов в МК.

Каковы варианты дальнейшего развития русской языковой личности, которые могут сложиться при ее функционировании в современном многокультурном мире? Можно прогнозировать, по крайней мере, три возможных пути: развитие по западной матрице, с продолжением усвоения иноязычных и инокультурных влияний, которые будут постепенно вытеснять русскую национально-культурную специфику; изоляционизм и решительное отмежевание от Запада; и наконец, последний вариант, который мы считаем наиболее перспективным: не отказ от всего нового на том лишь основании, что оно "чужое", а создание специфически русской модели развития языковой личности, объединяющей собственный культурно-исторический опыт и лучшие достижения Запада.

§3. Истоки формирования американского национального характера

To be an American is of itself almost a
moral condition, an education, a career.
Santayana

Основой американского национального характера стали англосаксонские корни, перенесенные на новую почву. Между британцами и американцами на сознательном или бессознательном уровне всегда присутствовала тесная связь. На всем протяжении существования Соединенных Штатов американцев преследует оценивающий взгляд со стороны британцев, которые, как правило, высказывают нелицеприятные мнения в отношении своих американских собратьев и в ответ получают столь же недоброжелательные оценки. В книге В. И. Карасика "Язык социального статуса" приводится следующая цитата Д. Каца, иллюстрирующая это положение: "Средний американец представляет себе среднего англичанина как напыщенного,

снисходительного, лишенного чувства юмора, невежливого и смешного человека в гетрах и с моноклем. Англичанин в глазах американца строен и опрятно одет, но, в отличие от немца, американец воспринимает английскую опрятность как смешное качество" (Карасик 1992: 41).

Британцы считают американцев безмерно провинциальными, невоспитанными и необразованными. Полные эмоций высказывания британцев об американцах вызывают ответные эмоции: "Мы, янки, ни в чем не похожи на вас, британцев; мы рождаемся впопыхах, получаем образование стремительно, <...> наша жизнь похожа на летящую звезду, смерть приходит к нам неожиданно, как электрический удар" (Rourke 1986: 73). Между британцами и американцами по сей день существуют отношения, похожие на скрытое соперничество и раздражение. Опыт показывает, что можно спокойно говорить об американцах в присутствии немцев, французов, испанцев, но не англичан (и наоборот).

Британские поселенцы (пилигримы), прибывшие в Северную Америку в начале XVII в. и пустившие корни в Новом Свете, привезли с собой английский язык и систему ценностей, центром которой были религия и семья. Таким образом, не вполне прав был Сэмюэл Джонсон, который в свое время назвал американцев "расой осужденных преступников, которые должны быть благодарны нам (англичанам. — О. Л.) за все, что мы позволяем, за исключением казни на виселице". С пилигримами связан период интенсивного развития английского языка. За сто лет до их прибытия в Новый Свет было создано около 10 000 новых слов, из них 2000 — Шекспиром. Консерватизм и упорство помогли американцам сохранить слова, которые впоследствии были утрачены британским английским (*fall, hog, cabin, bug, attic, trash*), поэтому упреки американцам в извращении английского языка не всегда справедливы.

Национальное самовыражение принимало формы, характерные для "детства" других наций: танец, песня, устный рассказ, небылица (*tall tale*). Истоком небылиц была сама американская действительность, в особенности то, какой она предстала взорам первых европейцев, попавших на американский континент. Конкистадоры искали золото и прочие несметные богатства, а находили Большой Каньон, Ниагарский водопад, Долину Смерти и т. д. Недаром в наименованиях американских реалий так часто встречаются слова *Big, Grand, Great*. По мере продвижения колонистов на запад в языке появлялись слова *great plains, prairie dog*, а позднее — *cowboy, coyote*,

six-shooter (Colt). Слово *frontier*, которое в британском английском по сей день означает государственную границу, приобрело значение постоянно смещающейся разграничительной линии между дикой, необжитой местностью и цивилизацией. Вместе с движением на Запад началась мифологизация Запада. Содержание американских небылиц очень похоже на правду — иногда трудно отличить, где кончается правда и начинается небылица.

По целому ряду причин — отсутствию контакта с Британией, специфическим условиям жизни поселенцев, а также росту самосознания — американский английский стал развиваться своим собственным путем. Кроме того, внутри самой Америки началась дифференциация диалектов. Как пишет лингвист Б. Брайсон, лейтмотивом XIX в. стало своего рода противоречие между прямой, яркой, независимой речью Запада и более сдержанной книжной речью Востока (Bryson 1994: 78). Специфическая речь янки ("a lingo rather than a dialect"), "с ее медленными ритмами, подобная внутреннему голосу, добавляющемуся к тому, что слышится, — была хорошо приспособлена к монологу" (Rourke 1986: 75). Для речи янки были характерны тонкие, неброские идиомы, сниженный регистр, сдержанность, уклончивые формы выражения, с помощью которых они пытались узнать у собеседника как можно больше, сами не сказав при этом ничего. Типичный диалог:

"*What mout your name be?*" asked an old Georgia cracker in Georgia Scenes. "*It might be anything,*" answered the traveler who knew the interlocutor's mode of conversation. "*Well, what is it then?*" "*It is Hall, but it might as well be anything else.*" "*Pretty digging!*" said the cracker; and when he was asked to give his own name, "*To be sure I will,*" he replied. "*Take it, take it and welcome. Anything else you'd like to have?*" (Там же).

Недостаточная образованность первых поселенцев и путешественников-исследователей привела к тому, что многие американские наименования основаны на семантических ошибках (см. гл. 2, §1; гл. 7, §2). С другой стороны, встречи с неизведанным и необходимость бороться за существование стимулировали языковое творчество и породили слова с прозрачной внутренней формой, энергичные по своей природе: *eggplant, rattlesnake, bluegrass, backtrack, catfish, bullfrog, hangover*.

Заложив в основу своего мировоззрения систему европейских ценностей, американцы за три с половиной века сформировали собственную философию и самобытную языковую личность, которая соединила в себе как наследственные черты, так и особенности, сложивши-

еся под влиянием окружения. По утверждению Г. С. Коммаджера, разнообразие этнического состава и географического окружения не мешало возникновению ярко выраженного и устойчивого национального американского типа. Если в Европе частное превалировало над общим, в Америке общее оказалось сильнее частных. Он же пишет о торжестве стандартного над индивидуальным (Commager 1950: 3—5).

На формирование американского варианта английского языка оказали влияние многие факторы, одним из которых было взаимодействие переселенцев из Европы с местными жителями — индейцами. Потребительское отношение европейцев к североамериканским индейцам, с которыми они вели себя не как иммигранты, а как хозяева, ярко продемонстрировало различия в менталитете, ценностных ориентациях, стереотипах и поведенческих нормах их носителей.

На первых порах в общении европейцев и индейцев превалировали невербальные контакты. Коренные жители Америки использовали сложную систему знаков и символов для обозначения различных промежутков времени, направления и способов передвижения на местности, предупреждения об опасности, пользовались пиктографией (включая пиктографические календари) и имели намного более богатую, чем у европейцев, систему жестов.

Сложность языковых контактов была обусловлена не только различиями в звуковой, лексической и грамматической системах, но и несовпадением языковых картин мира, явившимся следствием расхождения в менталитетах и формах языкового отражения действительности. Европейцы прибыли в Америку с сознанием своего превосходства и изначально воспринимали индейцев как народ, находящийся на более низкой стадии развития. Все, что индейцы понимали и интерпретировали иначе, чем европейцы, любая "инаковость", воспринималось как следствие примитивизма и неразвитости.

Представление о соотношении индейской и англоамериканской картин мира, а также способов их представления на языке символов дает интерпретация 23-го псалма. В английском каноническом тексте Библии этот псалом звучит следующим образом:

"The Lord is my shepherd; I shall not want. He maketh me to lie down in green pastures: he leadeth me beside the still waters. He restoreth my soul: he leadeth me in the paths of righteousness for his name's sake. Yea, though I walk through the valley of the shadow of death, I will fear no evil: for thou art with me; thy rod and thy staff they comfort me. Thou preparest a table before me in the presence of my enemies: thou anointest my head with oil;

my cup runneth over. Surely goodness and mercy shall follow me all the days of my life: and will I dwell in the house of the Lord for ever."

Ниже приводится индейская интерпретация этого псалма с использованием соответствующих символических средств языка:

"The Great Father above a shepherd chief is. I am His and with Him I want not. He throws out to me a rope and the name of the rope is love and He draws me to where the grass is green and the water not dangerous, and I eat and lie down and am satisfied. Sometimes my heart is very weak and falls down but he lifts me up again and draws me into a good road. His name is WONDERFUL. Sometime, it may be very soon, He will draw me into a valley. It is dark there, but I'll be afraid not, for it is between those mountains that the Shepherd Chief will meet me and the hunger that I have in my heart all through this life will be satisfied. Sometimes he makes the rope into a whip, but afterwards he gives me a staff to lean upon. He spreads a table before me with all kinds of food. He puts his hand upon my head and all the "tired" is gone. My cup he fills till it runs over. What I tell is true. I lie not. These roads that are "away ahead" will stay with me through this life and after; and afterward I will go to live in the Big Teepee and sit down with the Shepherd Chief forever." (Lamb, Shultz 1993: 168—169).

Приведенное сопоставление в известной мере иллюстрирует тезис В. Гумбольдта о том, что "по-разному сформированные языки обладают разной степенью пригодности к той или иной духовной деятельности" (Гумбольдт 1985: 380).

Несмотря на то, что европейцы воспринимали индейские языки с позиций собственного превосходства, последние оказали существенное влияние на развитие американского варианта английского языка и формирование его духа и характера, отличного от британского. Хотя контакты языков, как правило, предполагают взаимное влияние, американские лингвисты отмечают, что в данном случае проявилось потребительское отношение европейцев к индейцам, и английский язык больше приобрел от контактов с 500 языками индейских племен, нежели отдал им. Индейские слова, в первую очередь, стали способом заполнения лакун для англоговорящих европейских поселенцев. Большинство прямых заимствований было почерпнуто из двух источников: языков Ирокезской конфедерации (*Iroquois Confederacy*) и алгонкинской группы. Уже в 1603 г. поселенцы употребляли индейские слова *moose* и *rapoose*. Некоторое число индейских слов вошло в американский английский через другие языки: *toboggan* — через канадский французский, *hammock*, *maize*, *barbecue* — через испанский и т. д. Заимствованная лексика изначально

включала слова, без которых межкультурная коммуникация была бы невозможна: названия растений (*banana, catalpa, sequoia*), животных (*condor, moose, skunk, opossum, raccoon, llama, coyote, bison, caribou, wapiti*), жилищ (*wigwam, tepee*), различные категории людей (*squaw, paroose*), события (*powwow*), природные явления (*hurricane*). Обращает на себя внимание тот факт, что заимствовались названия из сферы предметного мира, без которых европейцы не смогли бы выжить в первые годы без помощи индейцев. Так, "Три индейские сестры": *maize, pumpkin* и *squash*, а также другие дары индейцев, например, *potatoes* и *tomatoes*, стали важными средствами пропитания поселенцев.

В процессе заимствования индейские слова подвергались многоступенчатой ассимиляции: *seganku* > *skunk*, *wampumpeag* > *wampum*; *cawcawwassoughes* > *coucourage* > *caucus*; *raugroughcum* > *rarowcun* > *aracoune* > *rockoon* > *raccoon*; *askutasquash* > *isquontersquash* > *squash*. Название штата Kansas имело 140 вариантов написания! Судьба индейских заимствований во многом зависела от фонетического облика слова и возможности/невозможности его передачи средствами звуковой системы английского языка. В ряде случаев слова подвергались адаптации на основе народной этимологии, уподобляясь созвучным английским словам. Так, *Kappaneddik* превратился в *Cape Neddick*, *Moskitu-auke* — в *Mosquito Hawk*, а *Oxopaugsgaug* — в *Oxyboxy*. Важной группой заимствований стали топонимы, многие из которых по сей день присутствуют на карте США. Так, названия 26 штатов из 50 и 18 крупнейших городов так или иначе связаны с индейцами.

Интересно отметить, что американские лингвисты рассматривают односложность английских слов как проявление типичных черт представителей англоговорящих наций, их прагматизма и деятельностного подхода к жизни, отношения ко времени, восприятия его ценности как своего рода самоцели. С другой стороны, длинные и сложные слова в индейских языках отражают неспешный ритм жизни коренных американцев, их мудрость, обстоятельность и описательный подход к языковой фиксации предметов и явлений окружающей действительности. Некоторые топонимы показались европейцам слишком сложными. Так, до 1916 г. в Нью-Гэмпшире была речка *Quohquinapassakessamanagnog*, которую, однако, в конечном счете переименовали в *Beaver Creek*. Справедливости ради надо отметить, что европейцев также привлекала красота и поэтичность индейских слов, их экзотические коннотации, поэтому многие слова прижились вопреки всем законам развития языка. До сих пор жители штата

Массачусетс гордятся озером с длинным индейским названием: *Chargoggagoggmanchauggauggagoggchaubunagunggamaugg* (You fish on that side, I'll fish on this side, and no one will fish in the middle) (Bryson 1994: 101—102).

В то же время богатая система индейских моральных ценностей не нашла своего места среди заимствований. Причиной тому, очевидно, стали глубокие различия в менталитете и ценностных ориентациях европейцев и индейцев, которые легли в основу их многовековых противоречий. Основным из них стало отношение к собственности. Для индейского восприятия действительности было характерно ощущение гармонии с естественным и сверхъестественным в природе, отношение к земле как принадлежности племени, источнику пищи и крова. Для белых одной из базовых ценностей стала частная собственность на землю и ее безжалостная эксплуатация, которую они считали воплощением протестантской трудовой этики. Индейские понятия о чести и морали, способности поступиться ими во имя материальных благ вступили в противоречие с материалистическими запросами европейцев. Однако поразительно, что вводная фраза Конституции США: "We the people of the United States, to form a more perfect Union..." была заимствована из договора 1520 г. — основного закона Ирокезской конфедерации, который начинается словами "We, the people, to form a union..." (Там же: 55).

Сам американский континент требовал иного словаря, нежели на Британских островах. Один эссеист писал, что Ниагару невозможно описать тем же укрощенным языком, что и Лондонский мост, тем языком, что был создан для рассказов о Темзе, а не о величии Миссисипи. Т. Джефферсон отмечал: "Новые условия <...> требуют новых слов, фраз, переноса старых слов на новые объекты" (Там же: 76).

В образе мыслей американцев превалировали количественные, а не качественные характеристики. Материализм и практичность проявлялись в отношении к труду, образованию, культуре и религии. Экстравагантность и небрежность в одежде, еде и манерах отразились и на способе выражать свои мысли: американцы не очень заботились о точности используемой лексики, грамматики и пунктуации.

В эпоху борьбы за независимость языковая гегемония Британии казалась американцам оскорбительной. В 1789 г. Н. Вебстер заявил: "Наша честь требует, чтобы у нас была собственная система в языке, как и в правительстве". Ему вторил писатель Р. Хью: "Как мы можем позволить, чтобы наш язык был взят нами взаймы у Англии, словно

медный чайник, который мы должны хранить в блеске и неприкосновенности?" Отличительными признаками Декларации независимости и Конституции США стали ясность мысли, четкость формулировок, прозрачный синтаксис, простор для поправок, огромное количество неологизмов.

По мере того как поселенцы обживали территорию Америки, им требовались новые топонимы. В книге Б. Брайсона "*Made in America*" содержится великолепное описание того, как многие из них появились в результате социального заказа. Когда в 70-х годах XIX в. начали прокладывать железную дорогу Милуоки, вице-президент железнодорожной строительной компании должен был дать названия тридцати двум населенным пунктам. Не будучи поэтом в душе, он, как утверждает Брайсон, видимо, выбирал названия, шагая взад-вперед по комнате, в зависимости от того, куда падал его взгляд. Результатом стали названия типа *Othello, Ralston and Purina, Laconia* и т. д. Американцы давали населенным пунктам совершенно нелепые названия: *Idiotville, Boring, Who'd a Thought It, Greasy Corner and Turkey Scratch, Two Egg, Hot Coffee and Good Food, Whynot, Superior Bottom, Embarrass, Skunk's Misery, Dead Mule, One Eye, Hell-out-for-Noon City, Puke, Two Tits, Shit-House Mountain, Coldass Creek* (Bryson 1994: 100—108).

Другими факторами, оказавшими влияние на развитие американского варианта английского языка, стали:

1) лексическое творчество ковбоев: *six-shooter, crook, bogus, wrangler, badlands*;

2) изобретения XIX—XX вв.: *passenger elevator, escalator, telephone, phonograph, air brake, cash register, typewriter, electrocution, skyscraper, spaceship, astronaut, calculator, computer bug, byte, disc drive, database, software, computer virus*;

3) политические движения и события: *lobbyist, spoils system, office seeker, party machine, to campaign, to gerrymander, to brainwash, hawk, dove, Democrats, Republicans, dark horse, lame duck, White House, Watergate, Gulf War*;

4) развитие кино и телевидения: *motion picture, movie, western, soap opera, cliffhangers, weepies, sobbies, spine-chillers, commercials*;

5) популярность некоторых видов спорта, например бейсбола: *fan, hit, bullpen, southpaw, charley horse, fielder's choice, first base, to play ball*; футбола: *end run, field goal, flanker back, flying wedge, forward wall* и т. д.

Волны иммигрантов привели к появлению маргинальных личностей, адаптация которых в значительной степени зависела от отношения американского общества к представляемой ими этнической группе. Многие иммигранты выражали готовность пожертвовать частью своей идентичности для того, чтобы вписаться в американское общество, например, отказаться от своего настоящего имени, чтобы принять новое — американское. Однако многие сохранили свои имена, которые сейчас отражают культурно-языковое многообразие в США.

Американское языковое сообщество усвоило большое количество слов, привезенных в Америку немцами (*hamburger, loafer, zwieback, kindergarten, dumb, canoodle, glitch, kaffeeklatch*), голландцами (*boss, cookie, cruller, scow, bedspreads, dope, snoop, spook, sleigh, Santa Clause, Yankee*) и французами (*prairie, craps, praline, picayune, brioche, butte, crevasse*), которых потомки англосаксов воспринимали как равных. Соседство с Латинской Америкой обусловило употребление испанской лексики (*adobe, bonanza, canyon, ranch, cockroach, cafeteria, poncho, rodeo, lariat, sombrero*). Прагматический подход проявился по отношению к некоторым другим языкам, из которых в основном были заимствованы названия блюд национальной кухни: *pizza, spaghetti, pasta, macaroni, ravioli* (итальянский), *chow chow* (китайский), *blinz, pirogi* (русский), *kielbasa* (польский). Не было прямой зависимости между числом переселенцев и количеством заимствований из соответствующего языка. Более важное значение придавалось степени уважения к конкретной этнической группе. Например, почти ничего не было воспринято от миллионов иммигрантов из Ирландии, к которым американцы относились недоброжелательно. Расовая сегрегация американского общества оказала существенное влияние на статус негритянского диалекта (*Black English*), который до сих пор продолжает стоять особняком и сохранять свои существенные характеристики.

Тенденции XX в., особенно его второй половины, включали дальнейшую стандартизацию и конформизм, усугубляемые влиянием рекламы, кино и средств массовой информации. Язык стал более искусственным, в нем преобладают производные новообразования, латинские слова, сложные синтаксические конструкции. Усилилась роль социальных коннотаций лексики. Как остроумно заметил один американский исследователь, даже напиться в ночном клубе (*night club*), а не в салуне считается престижным. Многие американцы жалуются на засилье бюрократического жаргона (*gobbledygook*). Стремление к

политической корректности сделало американцев пленниками собственного языка (см. гл. 15, §4). Эти и другие процессы оказали существенное влияние на формирование психологической идентичности американской языковой личности.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

1. Назовите основные черты русской психологической идентичности. Каким образом они реализуются в языке? Приведите собственные примеры.

2. Каковы основные особенности русского коммуникативного поведения? Всегда ли в нем реализуются принципы эффективного общения, зафиксированные в пословицах и поговорках?

3. В какой степени, с вашей точки зрения, иноязычные заимствования (в особенности английские) представляют угрозу современному российскому национальному самосознанию?

4. Какие факторы оказали влияние на формирование американского национального характера? Как это отразилось на становлении американского варианта английского языка?

5. Какие черты, на ваш взгляд, типичны для коммуникативного поведения американцев? Подтвердите вашу точку зрения пословицами, поговорками, примерами из художественной и публицистической литературы.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАДАНИЕ

Определите, какие ценности русской и американской культуры отражаются в следующих фразеологизмах:

• *По одежке встречают, по уму провожают; с милым рай и в шалаше; один за всех, все за одного; чем богаты, тем и рады; голь на выдумки хитра; в тесноте, да не в обиде; не хлебом единым жив человек; не все то золото, что блестит; не имей сто рублей, а имей сто друзей; нет худа без добра; под лежащий камень вода не течет; вольный казак; не за страх, а за совесть; один в поле не воин.*

• *An early bird catches the worm; feel like a million dollars; God helps those who help themselves; everyone has his own path; keep one's chin up; a fool and his money are soon parted; scratch my back and I'll scratch yours; every man is an architect of one's own fortune; paddle your own canoe; apple-pie order; cleanliness is next to godliness; a penny saved is a penny earned; time is money; might makes right.*

В какой мере эти ценности в двух лингвокультурах совпадают? Заметили ли вы какие-либо межкультурные различия?

Глава 10. РУССКАЯ И АМЕРИКАНСКАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Familiarization with the differences is the first step to bridging them.

Y. Richmond

Различия в психологической самоидентификации русских и американцев и их взаимовосприятии в процессе МК — это одна и наиболее трудноуловимых, но, тем не менее, самых глубинных причин непонимания в процессе межкультурного общения. Всесторонне описать русскую и американскую языковые личности — непосильная задача для одного исследователя. Настоящий раздел представляет собой попытку сопоставления, основанного на исследованиях отечественных и зарубежных ученых, а также личных наблюдениях автора. Высказанные здесь соображения — это не столько выводы, претендующие на аксиоматичность, сколько пунктир, намечающий возможные направления исследования американской и русской языковых личностей.

§ 1. Индивидуализм/коллективизм

Одной из ведущих, традиционно подчеркиваемых характеристик американцев является *индивидуализм*, который при сравнительном анализе с русской культурой противопоставляется *коллективизму*, или *соборности*. Само слово "индивидуализм" (*individualism*), представляющее собой ядро соответствующего концепта, в американской культуре имеет положительную коннотацию. Оно обозначает веру в первостепенную значимость индивидуума, установку на самодостаточность и личную свободу, ответственность за самого себя и право на личный выбор.

Американская культура зиждется на понятии индивидуализма, который определяет характер государственности, законодательной системы, равно как и коммуникации между индивидами в профессиональной сфере и в быту. Истоками американского индивидуализма являются проповедуемые протестантской церковью личные взаимоотношения с Богом, не опосредованные церковной иерархией, свобода от монархов и аристократов, географическая мобильность, ослабление семейных связей (Light et. al. 1989: 233). Понятие индивидуализма составляет основу протестантской трудовой этики. "Западная цивилизация держится на индивидуализме. Личность — это священо <...> Дорожить собой и любить себя — с этого реально начинается цивилизованная жизнь" (Богерт 1998: 5).

Русская культура, со своей стороны, традиционно считается коллективистской, соборной. У. Г. Стефан и М. Абалкина-Паап полагают, что русские являют собой своего рода антитезу протестантской этики: низкую заинтересованность в личных достижениях, тенденцию к выражению своих импульсов, а не к их подавлению, высокую ценность личностных взаимоотношений, ориентировку на групповые ценности в противовес индивидуальным, крепкие семейные узы (Stephen, Abalakina-Паап 1996: 376). Американцы также отмечают соборность и эгалитаризм русской православной церкви (напр.: Richmond 1996: 28).

Н. А. Бердяев объясняет недостаточное развитие личного начала в русской жизни тем, что "в русской истории не было рыцарства, этого мужественного начала. <...> Русский народ всегда любил жить в тепле коллектива, в какой-то растворенности в стихии земли, в лоне матери. <...> С Ивана Калиты <...> личность была придавлена огромными размерами государства, предъявлявшего непосильные требования" (Бердяев 1990b: 12).

В книге Й. Ричмонда, написанной с большой симпатией к России, говорится о том, что в Америке воспевается индивидуум, в то время как в России индивидуальные права подчиняются общественному благу. Если для Америки характерны плюрализм и терпимость по отношению к различным точкам зрения, то русские ценят консенсус и единую превалирующую над всем правду (Richmond 1997: xxv). "Взаимозависимость, — пишет он, — становится для русских объединяющим фактором. Истоки ее — в бескрайности русских равнин. Русские повсюду несут с собой свою групповую этику" (Там же: 14). У. Г. Стефан и М. Абалкина-Паап также отмечают зависимость рус-

ских от групповой эмоциональной поддержки и морального руководства (Stephen, Abalakina-Paap 1996: 375).

Спектр проявлений описанных выше психологических различий в коммуникационной сфере очень широк. Глубинные корни индивидуализма/коллективизма становятся внутренним импульсом, определяющим поведение людей при общении друг с другом.

Среди прочих ведущих принципов, определяющих коммуникацию в американской среде, Э. Стюарт выделил следующие, которые, с нашей точки зрения, отражают специфику общения в индивидуалистском обществе:

- проведение четкого разграничения между работой и досугом;
- объективность (деперсонализация) во взаимоотношениях с окружающими;
- восприятие человека как существующего отдельно от природы и господствующего над ней;
- высокая ценность обладания материальными объектами;
- осознание собственного "я" (*self*), способного существовать отдельно, изолированно как результат индивидуализма, самодостаточности и независимости;
- способность к фрагментарному восприятию окружающих и реакции на них с точки зрения их отдельных качеств и социальных ролей в противовес цельному восприятию личности (Stewart 1971).

Американское "я", составляющее основу общества США, объединяется с "я" других индивидуумов, но при этом никогда не растворяется в этом единении. С раннего возраста американцев обучают самоценности собственной идентичности и способности проявлять ее в коммуникации с другими людьми. Подавление индивидуального самосознания считается грубейшим нарушением педагогического процесса и закона жизни в американском обществе в целом. "<...> в европейско-американской культуре, — пишет Б. С. Ерасов, — личностное начало получило статус безусловности, неподчиненности другим регулятивным принципам <...> Устойчивость внутреннего мира личности не зависит от каких-либо внешних авторитетов, т. к. в самом себе индивид находит те безусловные принципы, которые помогают ему выстоять в любых обстоятельствах и придать им смысл, опираясь на собственное суждение" (Ерасов 1997: 242).

Пристальное внимание к концепту "индивидуализм" в американской культуре обусловило возникновение уточняющих терминов, позволяющих охарактеризовать его с разных сторон: *creative individualism*, *pragmatic individualism*, *rugged individualism* и т. д. Различные аспекты концепта также иллюстрируются идиомами, напри-

мер: *Your right to swing fists ends where my nose begins*. В американском фольклоре всегда действуют герой-одиночки, например, Дейви Крокетт (Davy Crockett), Майк Финк (Mike Fink), Пол Баньян (Paul Bunyan), "Одинокый волк" (Lone Wolf), путешествующий из одного произведения в другое и т. д. Ковбои, шпионы, сыщики, полицейские в американских фильмах и романах, как правило, действуют самостоятельно. Характерный пример — знаменитый фильм с участием Кэри Гранта *High Noon* — о шерифе в маленьком городке, который в одиночку борется со злом и побеждает.

Положительной чертой американского общества становится свобода личности, ее самореализации и самоопределения. Пестуемый с детства подход воспитывает самоуважение и отношение к человеческой личности как высшей ценности. В США чувство ответственности за других развито не столь сильно, как в коллективистских культурах, следствием чего становится большая свобода решений об устройстве собственной жизни, а также географическая и социальная мобильность.

С другой стороны, индивидуализм приводит к напряженным взаимоотношениям между личностью и обществом и сосредоточенности на собственном "я". Американцы сами признают, что право ставить на первое место самооценку своего "я" им достается дорогой ценой. Игнорируется человеческая потребность во взаимозависимости и взаимопомощи, что приводит к депрессии, психическим расстройствам, самоубийствам, преступности и коррупции (Light et. al. 1989, 233). Э. Берри полагает, что американская приверженность индивидуализму привела к взаимному безразличию. С ее точки зрения, "nuclear family" — это единственный пример коллективизма в американской культуре (Berry, Epstein 1999: 105). Но даже в семье родители и дети мало времени проводят вместе, и понятие "quality time", развиваемое некоторыми психологами и социологами, не служит тому убедительным оправданием. Семья выпала из числа основных приоритетов и более не считается обязательным источником счастья. Наблюдаются ослабление внутрисемейных связей, осложнения во взаимоотношениях между родителями и детьми, отсутствие обязательств перед состарившимися родителями.

Если американцы прежде всего идентифицируют себя как индивидуумы, а лишь затем как члены этнической группы, социального класса, местной общины, семьи и т. д., то "<...> русские по сравнению с американцами и другими группами выделяются своим страстным желанием стать членами некоторого коллектива, их отмечает

чувство коллективизма, принадлежности к определенному сообществу, а также теплота и экспрессивная эмоциональность человеческих взаимоотношений" (Kluckhohn, Strodtbeck 1961: 611). Э. Берри считает чувство разделенной ответственности, которую люди ощущают по отношению друг к другу, самой привлекательной стороной русской культуры (Berry and Epstein 1999: 105).

Однако и русский коллективизм имеет свою обратную сторону. Зависимость от общества, закреплённая исторически, политически и экономически, препятствует самовыражению, вере в значимость отдельного личного мнения и способности повлиять на ход общественных событий. Результатом становится пассивность личности и чувство собственного социального бессилия. Отметим, что в русском языке нет эквивалентов для широко распространенных в английском языке слов *self-reliance* и *self-made man*.

Естественно, что столь глубокие психологические различия не могут не сказаться на взаимоотношениях русских и американцев. Для представителей коллективистских культур, включая русскую, индивидуализм — понятие чуждое. Они часто воспринимают американскую самодостаточность и привычку надеяться только на себя как безразличие, эгоизм и отчуждение. Когда американцы не без гордости говорят об индивидуализме как одной из ведущих черт американского национального характера, русских это, как правило, ставит в тупик: как можно этим гордиться?

На коммуникативном уровне антиномия коллективизм / индивидуализм имеет ряд проявлений, в число которых входят:

- количество и качество коммуникации;
- коммуникативная дистанция;
- выбор вербальных средств;
- особенности невербального поведения;
- характер речевых актов;
- выбор коммуникативных стратегий;
- отношение к МК.

Количественный аспект проявляется в частоте вступления в коммуникацию как со знакомыми, так и незнакомыми людьми, а также длительности коммуникативных контактов. Американцам не знаком феномен русского "кухонного" общения, привычка изливать душу близким; у них не бывает длинных и обильных застолий, когда люди часами разговаривают, поют, одно блюдо сменяет другое и т. д. В силу особенностей жизни в пригородах дети реже играют большими группами с соседскими детьми на улицах (чем богаче район, тем бо-

лее явно выражена эта закономерность, хотя бы потому, что дома находятся далеко друг от друга).

На качественном уровне противоречие между индивидуализмом и коллективизмом проявляется в степени приоритетности общения, а также характере его осуществления. Для американцев общение не является ценностью само по себе, если за ним не стоят прагматические цели: *"Talk is cheap", "Actions speak louder than words", "He's all talk (and no action)"*. Тезис: "Позаботиться о себе сам" — это проявление одной из высших американских ценностей — того, что они называют *self-reliance*. Перевод "самодостаточность" передает лишь незначительную часть данного концепта, обозначающего ценность человеческой личности, ее независимость и способность самостоятельно добиться поставленных целей. Для русских же общение считается ценностью независимо от степени его информативности или полезности. Недаром русские так любят цитировать фразу Экзюпери о "роскоши человеческого общения".

Каждый отдельно взятый американец верит в то, что если он захочет высказаться, его голос будет услышан. Именно здесь находятся истоки высокой коммуникативной активности американцев в институциональном дискурсе, особенностей американских коммуникативных стратегий и специфики вербального самовыражения. Для американцев характерна меньшая коммуникативная "связка" и относительная легкость обрывания связей. Типичный пример — высказывание американской женщины о разводе: "Я свободная личность, имеющая право на счастье. У меня одна жизнь, и я не должна провести ее в несчастном браке. Если мой бывший муж не может без меня жить — это его собственная проблема". Русским в большей степени свойственны самоотречение, муки совести, чувство ответственности: "Но я другому отдана и буду век ему верна..." В коллективистских культурах, в частности в России, развиты "любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу" (Пушкин).

Характерно коммуникативное различие во взаимоотношениях хозяев и гостей. Й. Ричмонд обращает внимание на серьезность и ответственность, с которыми русские относятся к своим обязанностям по отношению к гостю. Анализируя слово *гостеприимство*, Ричмонд отмечает, что оно имеет более широкое и насыщенное значение в русском языке, нежели *hospitality* в английском (Richmond 1997: 167). Русские считают необходимым уделять гостю максимум внимания, чтобы он не скучал и ни в чем не нуждался, и готовы потратить на это все свое время и последние копейки.

Американцы же иногда воспринимают русское гостеприимство как нечто навязчивое и чрезмерное. Это особенно явно проявилось в период холодной войны, когда американские гости рассматривали русское радушие как шпиономанию, нежелание отпускать их от себя ни на шаг, чтобы они не могли выведать военные секреты. Именно в таком ракурсе трактует русское поведение Д. Шиплер (Shipler 1989). Впрочем, мнение иностранцев о чрезмерности русского гостеприимства существовало задолго до холодной войны. Так, в частности, еще Маркиз де Кюстин писал: "Они занимают вас каждую минуту, они не дают вам думать, они всецело завладевают вашим вниманием; они тиранизируют вас официальной вежливостью; они спрашивают, как вы проводите свои дни <...>" (Marquis de Custine; цит. по: Richmond 1997: 167).

В целом в России, с точки зрения американцев, намного чаще допускается "вторжение" в чужое личное пространство, что выражается в разговорах незнакомых людей на улицах, советах, которые пожилые женщины дают молодым мамашам, замечаниях в отношении поведения молодых людей и т. д. По сей день американские студенты, живущие в русских семьях, жалуются на недостаток *"privacy"* — посягательство на свое личное время и пространство. Они с недоумением рассказывают о русских "бабушках", которые не пускают их из дома с мокрыми волосами, постоянно настаивают на том, чтобы они хорошо поели, и беспокоятся, когда они поздно приходят домой.

Американцы, со своей стороны, считают, что гостю надо создать такие условия, при которых он имел бы все необходимое для жизни, но в то же время не был "перегружен" вниманием со стороны окружающих. Он должен чувствовать себя как дома — а это означает, что (как свойственно для индивидуалистских культур) гостя надо предоставить самому себе, не надоедая ему. Американцы полагают, что никого не следует опекать (*Don't mother them*) и каждый должен уметь сам позаботиться о себе.

Представителям коллективистских культур, включая Россию, бывает трудно приспособиться к такому пониманию гостеприимства. Русские нередко прочитывают сигналы американской "самодостаточности" как эгоизм, равнодушие к чужим проблемам, желание жить только для себя, а иногда и откровенную грубость. Поэтому для русских, впервые посещающих США, американская манера принимать гостей часто имеет эффект обманутого ожидания, из-за чего они приезжают из Америки обиженными. У американцев это вызывает нескрываемое изумление.

Заметим, однако, что уровень коллективизма/индивидуализма различается внутри государств и зависит от географического положения, этнического происхождения, социальной среды, индивидуальных особенностей личности. Жизнь в больших городах накладывает свой отпечаток на модели коммуникативного поведения. Личность, растворяющаяся в толпе, — типичная картина как для Москвы, так и Нью-Йорка. Куда деваются русский коллективизм и американская привычка улыбаться незнакомым людям?

Прежде чем перейти к анализу вербальных проявлений индивидуализма/коллективизма, хотелось бы привести высказывание В. Г. Гака, который пишет: "Вообще следует с осторожностью подходить к попыткам прямо связывать языковые формы с самосознанием, с мышлением говорящего на нем народа" (Гак 2000: 60). Полностью соглашаясь с этой точкой зрения, хотим подчеркнуть, что все сказанное ниже о связи языка и самосознания носит гипотетический характер и может служить лишь информацией к размышлению.

В лингвистической литературе противопоставление по параметру индивидуализм/коллективизм довольно часто связывается со спецификой употребления местоимений. "<...> в английском языке личное местоимение *I* всегда пишется с большой буквы, — отмечает С. Г. Тер-Минасова. — Может ли русский человек представить себе, что *Я* всегда пишется так, как *Я*? Да никогда! Это было бы так нескромно, неприлично, странно, противно и менталитету, и характеру — выпячивание себя. В русском языке с большой буквы пишется местоимение *Вы*, когда оно употребляется в единственном числе, то есть относится к одному человеку. Таким образом, подчеркивается особенно вежливое отношение к другому человеку. <...> Не *ты*, а *Вы*, да еще с большой буквы — двойная уважительность" (Тер-Минасова 2000: 214): Кроме того, русские любят подчеркивать, что "я" — последняя буква алфавита.

Для английского языка характерна большая частотность употребления притяжательных местоимений, чем для русского. Например, предложение *He put on his hat* переводится как *Он надел шляпу* (а не *свою шляпу*), т. е. в русском языке местоимение, обозначающее принадлежность, часто опускается.

Сопоставляя английский и русский языки с позиций МК, С. Г. Тер-Минасова также приходит к выводу, что категория артикля выражает повышенный интерес языковых коллективов к отдельной личности или предмету (Тер-Минасова 2000: 213).

Еще одним языковым проявлением коллективизма/индивидуализма могут служить различия на уровне синтаксиса. В. Г. Гак выдвигает этнопсихологическую гипотезу, согласно которой народы "самовыражаются" через использование синтаксических конструкций. Более высокая степень развития индивидуализма обуславливает тенденцию начинать свою речь с "Я". "Русский человек, напротив, старается не выделять себя, он как бы отходит на задний план, предпочитая употреблять безличные обороты или конструкции, в которых семантический субъект выражен косвенным падежом: *Мне кажется; наверное; может быть*, а не "Я считаю", *Придется уйти... Что же теперь делать...*" (Гак 2000: 57).

Коллективизм/индивидуализм ярко проявляется на уровне мотивации, поведенческих стратегий и организации общественной жизни. Если американцы склонны выдвигать на передний план автономность и общественное одобрение, то русские редко говорят о своих личных достижениях. Русские ожидают и даже требуют от своего окружения моральных оценок (лояльности, уважения, искренности), а американцев больше интересует, нравятся ли они другим или нет (Baue et al.; цит. по: Вежбицкая 1992: 37). В связи с этим русским, приехавшим в США, бывает трудно производить хорошее впечатление во время интервью для приема на работу: они стесняются "выпячивать" свои заслуги и хвалить себя.

Американские студенты не учатся как постоянная группа, каждый сам составляет для себя расписание в соответствии с личными устремлениями. Группа, сложившаяся для прохождения определенного курса, представляет собой сочетание индивидуумов, в противовес России, где имеется "коллектив" и где каждый класс и группа имеют свое лицо, что немыслимо для американцев. В российских учебных заведениях сильно воздействие общественного мнения, что с удивлением отмечают Д. Шиплер (Shipler 1989: 71) и Й. Ричмонд (Richmond 1993: 19).

По наблюдениям американской исследовательницы А. Балдвин, русские студенты создают внутри академических групп развитую сеть взаимной поддержки. Студент, который не понял материал урока или хочет одолжить конспекты, может свободно обратиться за помощью к однокурсникам и в большинстве случаев получить ее. Для американцев же, напротив, одной из главных ценностей является самостоятельность, предполагающая силу, независимость и надежность. Описывая свои студенческие годы в США, Балдвин вспоминает, что ее сокурсники обычно предпочитали делать что-то без посторонней

помощи. Каждый был окружен другими людьми, но при этом оставался центром своей собственной вселенной: "Мы были очень замкнутыми во всем, что касалось наших забот, эмоций и желаний. Мы отстранялись от окружающих и старались тщательно выстраивать свои отношения с ними" (Балдвин 2000: 370—371).

Наблюдения за невербальным поведением также подтверждают эти различия. Рассаживаясь в аудитории, американцы, если есть возможность, обязательно оставляют места между собой, а не "кучкуются", как русские студенты. Двое обедающих в кафе, вместо того чтобы общаться между собой, разговаривают с другими людьми по сотовым телефонам.

На уровне выбора коммуникативных стратегий также наблюдаются определенные различия. Й. Ричмонд, не раз участвовавший в российско-американских деловых переговорах, заметил, что русские соблюдают строгую дисциплину и высказывают единое коллективное мнение, в то время как американцы "говорят многими голосами", выражая свою личную позицию, что отражает плюрализм американского общества. Он считает, что русские с готовностью используют эту разногласию в свою пользу (Richmond 1993: 154).

Немаловажно для МК и то обстоятельство, что американская самодостаточность, отсутствие интереса к другим странам, нежелание изучать иностранные языки приводят к международной изоляции, "интернациональной наивности" и низкой степени готовности рядовых американцев к эффективному межкультурному общению.

Как это ни парадоксально, но, наряду с индивидуализмом, обращает на себя внимание *конформизм* американцев. Целью самокультивации в Америке стало не столько достижение уникальности, сколько достижение одинаковости, что в значительной мере объясняется большим количеством иммигрантов, желающих ассимилироваться в американское общество. В результате в США конформизм заменил свободу, став высшей ценностью. Наблюдаются устойчивая тенденция к консолидации и стандартизации, триумф стандартизации над индивидуализмом (Commager 1950: 21; 406—410).

Проявления конформизма, которые в США стали особенно явными в XX в., обнаружались на самых различных коммуникативных уровнях — как вербальном, так и невербальном. Это унификация орфографии, ставшей более последовательной и логичной, стандартизация произношения, которое, несмотря на огромные географические просторы, не пестрит диалектами, как в крошечной Англии, упо-

требление сленга как попытка уйти от будничного языка. Инструментами стандартизации стали пресса, радио, кино, школа, бизнес, реклама, политика. Конформизм очень ярко проявляется в речи американцев, которая изобилует клише, штампами и готовыми формулами типа: *I can't believe it! Are you OK?* На невербальном уровне конформизм находит свое выражение в одежде, этикете, манерах и стиле жизни, который складывается под влиянием коммерческого искусства. Интересно отметить, что американские стандарты оказывают существенное влияние на российскую культуру через американское кино, телевидение, рекламу и переводные журналы.

§ 2. Агентивность/неагентивность

Для определения характера культуры многие исследователи в области коммуникации используют как критерии роль в ней "бытия" и "действия". Существует распространенное мнение о том, что американской культуре присуща *агентивность* — деятельностный подход к окружающему миру, в то время как ведущим свойством русской культуры является *бытийность* — созерцательное отношение к действительности, философствующее бездействие.

Первая реакция американцев на проблему или препятствие — ощущение потребности действовать. "Мы активистская культура", — заявляет К. Сторти и далее отмечает, что американцы в большей степени сосредоточивают свое внимание на операционных процедурах, нежели на восприятии ситуации. В результате стержнем американской культуры становится ментальная ориентация на практическое действие, имеющая в основе своей субъективную точку зрения (Storti 1994: 24—38). Последнее утверждение очень существенно и может быть развито следующим образом: принятие субъективной точки зрения за основу ведет к соответствующим инференциям и попытке изменить окружающий мир в соответствии со своим восприятием, без учета специфики объективной реальности и национально-культурной ситуации. Представляется, что именно благодаря этому обстоятельству американцы заработали в мире репутацию нации, которая постоянно вмешивается в дела других народов и учит их жить по-своему. Речь при этом идет не только об агрессии, но и о действиях, предпринимаемых американцами с благими намерениями (деятельность миссионеров, преподавателей бизнеса, представителей многочисленных общественных организаций и т. д.). Так, например, американский мис-

сионер, цитируемый в книге *"Riders to the Midnight Sun"*, произносит следующую фразу: "Нам надо изменить веру людей, чтобы изменить их сердца, а когда мы изменим их сердца, мы изменим их страну" (Llewellyn 2000: 91). Нередко при этом американцы пытаются действовать, не разбираясь в местной политико-экономической ситуации и посему исходя из неверных посылок, а в результате коммуникативных и прочих неудач имеют тенденцию возлагать вину на своих партнеров по коммуникации — представителей иных культур.

Американскому деятельностному подходу противопоставляется русская неагентивность — "ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь <...>, склонность к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента <...>, как контролера событий" (Вежбицкая 1996: 33—34). Американский концепт *doer* (неэквивалентный русскому *деятель*) и его производные (например, *doing one's own thing*) не имеют аналогов в русской лингвокультуре. Русская пословица *"В чужой монастырь со своим уставом не ходят"* несколько отличается по своей сути от английской *"When in Rome, do as the Romans do"*. Первая призывает к невмешательству в чужие дела, а вторая — к конформизму.

"Русский народ не хочет быть мужественным строителем, — пишет Н. А. Бердяев, — его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, она всегда ждет мужа, жениха, властелина. Россия — земля покорная, женственная. <...> Русская безгосударственность — не завоевание себе свободы, <...> а свобода от активности" (Бердяев 1990b: 11—12). Русский фатализм приводит к тому, что жизненные препятствия кажутся непреодолимыми, а следовательно, и нет смысла предпринимать какие-либо действия, чтобы преодолеть неблагоприятную ситуацию.

Вербальная и невербальная коммуникация как определенные виды деятельности испытывают на себе воздействие описанных выше факторов. Так, например, А. Вежбицкая полагает, что безличные конструкции в русском языке отражают культурную традицию воспринимать мир как совокупность событий, не поддающихся человеческому контролю и уразумению. События, которыми человек не может управлять, отражаются в русском языке с помощью инфинитивных конструкций с модальными словами (*нужно, необходимо, нельзя, должно*) или без модальных слов (*не бывает, не жить, ни пройти ни проехать*), а также с помощью рефлексивных конструкций (*не спит-ся ей, не пишется, хотелось*). В английском языке, напротив, существует большое число конструкций, "где каузация позитивно связана с

человеческой волей": *X made Y wash the dishes; X had her boots mended; X got Y to wash the dishes* и т. д. (Вежибicka 1996: 71—92).

Другой цитируемый В. Г. Гаком зарубежный лингвист метко назвал русские предложения без глагола "языковой обломовщиной", поскольку усмотрел в них "нежелание говорящих утруждать себя подбором глагола с соответствующими грамматическими показателями" (Гак 2000: 63).

Кроме того, противоречие по линии агентивности/неагентивности проявляется в том, что в русской культуре существует более четкое деление между "активными" и "пассивными" коммуникативными ролями, в то время как общение в США отличается большей степенью симметричности. Например, по русским понятиям хозяин должен проявлять большую коммуникативную активность, чем гость. В американской культуре такое разделение не столь явно (хочешь общаться — сам прояви активность). Из-за этого русские гости иногда чувствуют себя обделенными вниманием. То же самое явление наблюдается во взаимоотношениях преподавателей и студентов: русские студенты в большей степени готовы к пассивной роли слушателей в лекционном зале, американцы же хотят сами активно участвовать в академическом процессе. Поэтому американским студентам бывает нелегко приспособиться к русской манере преподавания, в то время как русские студенты жалуются на недостаток информации и "бес-толковые" формы деятельности, используемые в американской аудитории.

§ 3. Рационализм/эмоциональность

Во всем мире американцы имеют прочную репутацию прагматиков. "Стук топора — вот естественная философия Америки, — пишет Е. Розеншток-Хюсси. — Не одухотворенные писатели, а хитрые политики, не гении, а "люди, сделавшие себя сами", — вот что необходимо" (Rosenstock-Huessy; цит. по: Пигалев 1997: 69). Американцы имеют тенденцию испытывать чувство неловкости по отношению ко всему нематериальному. "Мы не доверяем тому, что нельзя сосчитать", — пишет К. Сторти (Storti 1990: 65). Отсюда и проистекает логический, рациональный подход к эмоциональным проблемам и ситуациям.

Американские исследователи достаточно часто указывают на антиинтеллектуализм как типичную черту американцев, которые с давних пор относились к культуре с подозрением и снисходительностью.

Они всегда требовали, чтобы культура служила какой-либо полезной цели. "Они хотели стихов, которые можно декламировать, музыки, которую можно петь, образования, которое готовило бы к жизни. Нигде в мире так не множились и процветали колледжи. И нигде интеллектуалов так не презирали и не низводили до такого низкого положения" (Commager 1950: 10).

В России же, напротив, слово *прагматик* носит некий отрицательный оттенок, поскольку прагматизм воспринимается как противоположность духовности. Русские по природе своей эмоциональны и тяготеют к крайностям. "Традиционная структура русского характера <...> развила индивидуумов, склонных к резким перепадам настроения от восторга до депрессии" (Mead; цит. по: Stephen, Abalakina-Raap 1996: 368). А. Лури рассуждает о культе искренности и спонтанности, характерном для русской культуры. Он полагает, что у русских эмоциональная палитра богаче, чем у американцев, и обладает способностью передавать более тонкие оттенки эмоций (Lourie, Mikhalev 1989: 38).

Аналитический склад ума американцев кажется русским холодным и лишенным личностного начала. Американцам свойственна взвешенная умеренность, проистекающая от рационального склада ума. Эмоции не движут действиями американцев в такой же степени, как действиями русских. "Они полагают, что одни только слова являются проводником значения (смысла) и игнорируют более тонкую роль языка в коммуникации", — пишет К. Сторти (Storti 1994: 45). Русская склонность к самопожертвованию, любовь к страданию (по Достоевскому) привлекают и манят американцев как нечто экзотическое и труднодоступное для понимания. Сами американцы имеют склонность строить свои действия на фактах и соображениях целесообразности, в то время как для русских стимулом являются чувства и личные взаимоотношения. Часто русские и американцы говорят на разных языках: голос разума и голос эмоций не всегда сливаются воедино. Русские считают американцев чрезмерно деловитыми и недостаточно душевными. Американцы, со своей стороны, воспринимают поведение русских как нелогичное и иррациональное.

Русская эмоциональность проявляется в языке на всех его уровнях (нюансировка лексических значений, обилие эмоциональной лексики; синтаксические возможности языка, включая свободный порядок слов, который позволяет выражать тончайшие нюансы чувств и т. д.), в высокой степени эксплицитности выражаемых эмоций, а также в выборе лингвистических и паралингвистических средств в процес-

се коммуникации. С. Г. Тер-Минасова отмечает русскую эмоциональность, реализуемую через возможность выбора между местоимениями *ты* и *вы*, наличие большого количества уменьшительно-ласкательных суффиксов, олицетворение окружающего мира через категорию рода. Она также указывает на более частое употребление восклицательного знака, чем в английском языке (Тер-Минасова 2000: 151—159).

Американский прагматизм проявляется в размере и характере речевых сообщений, которые тяготеют к краткости и конкретности (как в устных, так и письменных сообщениях, чему, в частности, способствуют такие новые формы общения, как электронная почта, где минимализм доведен до крайности), деловитости даже в личных ситуациях (например, при назначении встреч или планировании мероприятий), некоторой сухости стиля в деловом дискурсе, а также в энергичных и напористых коммуникативных стратегиях.

Как отмечает Й. Ричмонд, при переговорах американские бизнесмены предпочитают поэтапное обсуждение одного пункта за другим и систематический прогресс в сторону окончательного соглашения. Русские склоняются к более общему концептуальному подходу без конкретики. С другой стороны, эмоциональность русских демонстрирует их заинтересованность в проведении переговоров и установлении личных контактов, которые считаются важным компонентом любого коммуникативного взаимодействия (Richmond 1997: 152).

§ 4. Дух сотрудничества/соревновательность

Проявлением психологической идентичности также является способ взаимодействия личности с другими людьми. Культуры различаются по удельному весу в них *сотрудничества* (совместной деятельности для достижения цели) и *соревнования* (состязания в процессе достижения одной и той же цели) как двух форм человеческого взаимодействия.

Американский индивидуализм традиционно связывают с настроением на соревновательность. В американской культуре принято двигаться вперед и вверх по служебной лестнице в большей степени через конкуренцию, нежели через сотрудничество с другими. По мнению С. Армитадж, "жизнь, свобода и стремление к счастью" (фраза из Конституции США) определяются скорее как личный интерес, а не стремление к общему благу (Armitage 1996). Принцип, по которому воспитываются американцы, — т. н. "этика успеха" (*success ethic*) — работай, продвигайся вперед, преуспевай (*work hard, get ahead, be*

successful) — чужда русским, которые считают, что аморально добиваться успеха за счет других (Richmond 1997: 33). Американский кумир — человек, который сделал сам себя. Помимо уже приведенной выше лексемы *self-made man*, эквивалента в русском языке не имеет слово *achiever*. В американской же культуре оба эти понятия являются ключевыми.

Было бы несправедливо утверждать, что русской культуре вовсе не свойственно стремление к соревновательности — ярким подтверждением обратного является длительная конкуренция между двумя сверхдержавами — Россией и Америкой. Однако мы полагаем, что удельный вес соревновательности в американской коммуникативной системе больше, нежели в русской, где преобладающей формой коммуникативного взаимодействия является кооперативность. В США существует целый ряд причин, стимулирующих соревновательный настрой в коммуникации: 1) конкуренция как результат длительного развития рыночных отношений в экономике; 2) многокультурие; 3) широкий размах движения женщин, этнических и сексуальных меньшинств за свои права; 4) стирание граней в социальных отношениях между возрастными группами; 5) особенности национального характера и исторического развития дискурса.

Если в связи с вышесказанным проанализировать слова *team* (команда) и *коллектив*, то наблюдается большая разница между этими концептами. *Коллектив* — нечто постоянное и однородное, объединенное для долгосрочного сотрудничества единством духа и устремлений. *Team* — группа индивидов, объединившихся для достижения конкретной цели. Глубоко укоренившееся в сознании русских положение групповой этики, запечатленное в советской формуле "*не отрывайся от коллектива*", чуждо американцам. Командная работа как форма сотрудничества в Америке зиждется на чисто прагматическом подходе.

— Поскольку межкультурная коммуникация по определению является формой человеческого взаимодействия, настрой на сотрудничество или соревновательность может играть ключевую роль в том, каким образом сложатся взаимоотношения между коммуникантами — представителями разных лингвокультур. Наглядным примером межкультурного расхождения между русскими и американцами по этому параметру является характер взаимоотношений между студентами в академической среде. Приведем мнение американской исследовательницы: "<...> российские студенты очень эффективно работают в группе. Они стараются готовиться к занятиям, основываясь

на своих личных умениях и интересах, и таким образом внести свой вклад в успех всей группы". В ситуациях, когда русские подсказывают друг другу или обмениваются шпаргалками, американские студенты предпочитают молчать. "Отвечать за другого считается невежливым, вероятно, потому что предполагается, что каждый человек должен уметь самостоятельно справляться с трудностями". Согласно американской системе ценностей, честность в учебе заключается в том, чтобы каждый выполнял свою работу самостоятельно. "Американские студенты придают большое значение справедливости, а точнее, принципу равенства. Каждый должен быть уверен, что он делает не меньше и не больше других" (Балдвин 2000).

Русские, со своей стороны, не одобряют поведения американских студентов, которые садятся в отдалении от других и закрывают тетрадку рукой. Хотя русские отличники без особого восторга дают лентяям списывать то, что досталось им как результат немалых усилий, они, как правило, не могут отказать — это будет "не по-товарищески", и окружающие их осудят. Поэтому когда русские школьники или студенты попадают в поле зрения американского преподавателя, возникает конфликт между системами ценностей и установками на кооперативность или соревновательность.

Участники и свидетели деловых переговоров между русскими и американцами отмечают, что характер взаимодействия между ними во многом определяется разным отношением к концепту *успех*, которое формируется на основе описанных выше установок. Американцы воспринимают успех как достижение конкретных краткосрочных целей (успешная сделка, проект, получение прибыли от инвестиции), в то время как русское понимание успеха предполагает выгодное долгосрочное сотрудничество — процесс, а не событие. С точки зрения русских, успешные сделки — это естественные составляющие или даже побочные продукты такого рода взаимоотношений. Американцы доверяют системе, а русские — людям, поэтому для русских личное доверие является необходимым условием успеха. В результате американцы стремятся к успеху более целенаправленно, а коммуникативное поведение русских представляется им неделовым и непрофессиональным. Русские же нередко воспринимают поведение американцев как бесцеремонное и недалекое (Jones 1999).

Формами проявления конкурентности в коммуникации также считаются остроумные ответы на реплики собеседников, которые более похожи на пикирование, нежели обмен мнениями; стремление противопоставить высказыванию собеседника собственное высказыва-

ние, сопоставимое с ним по объему и количеству информации; попытка оставить за собой последнее слово и т. д.

§ 5. Оптимизм/пессимизм

Традиционными параметрами противопоставления американцев и русских также являются *оптимизм* и *пессимизм*. Американцы считаются "неисправимыми оптимистами", верят в способность личности "ковать свою судьбу", из всех сил стараются быть счастливыми и рассматривают счастье как императив. К. Сторти в этой связи цитирует поэта, который сказал: "Мы хозяева своей судьбы и капитаны своих душ" (Storti 1994: 80). Он же делает интересное наблюдение: в американском обществе считается нормой быть счастливым, в то время как для русских счастливое расположение духа — норма не в большей степени, чем печаль и депрессия, ибо то и другое составляет неотъемлемую часть жизни (Там же: 35). В США быть несчастным неестественно, ненормально и неприлично — при любых обстоятельствах надо сохранять видимость успеха, процветания, благополучия и улыбаться. Для русских же грусть — нормальное состояние. Это доставляет нам удовольствие. Об этом поют песни и сочиняют стихи.

Н. А. Бердяев так объяснял склонность русских к депрессии и тоске: "Огромные пространства легко давались русскому народу, но не легко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство <...> Вся внешняя деятельность русского человека шла на службу государству. И это наложило безрадостную печать на жизнь русского человека. Русские почти не умеют радоваться. Нет у русских людей творческой игры сил. Русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами <...>" (Бердяев 1990b: 65).

Американцы, в отличие от русских, не склонны жаловаться на судьбу и обсуждать свои и чужие проблемы в свободное от работы время. Общеизвестно, что на вопрос "How are you?" американцы при любых обстоятельствах отвечают: "Fine" или "OK". Как справедливо утверждает Т. Рогожникова, "дистанцирование от чужих проблем и откровений — своего рода самооборона и защита собственного жизненного пространства <...> Ты просто обязан с улыбкой отвечать, что у тебя все ОК. Неприлично, если у тебя есть проблемы: решай их сам, никого не обременяй, а иначе ты просто неудачник" (Профессионалы за сотрудничество 1997: 315).

От русских же на вопрос: "как дела?" вероятнее всего услышать: "нормально" или "потихоньку". Здесь проявляется русское суеверие, привычка преуменьшать свои успехи ("чтоб не сглазить") и нелюбовь к самовосхвалению. Американский оптимизм кажется русским неискренним и подозрительным.

Уверенность в завтрашнем дне — еще одна важная черта психологического портрета американцев. В связи с этим они не боятся строить планы даже на отдаленное будущее. Русские же привыкли жить в состоянии неопределенности, что имеет причины в историческом развитии России, а также событиях последних лет. "Что же мы? <...> У нас свой конек", который "бегаёт по непаханным зыбким полям, где нет планов, а есть быстрота реакций и гибкость психики" (Профессионалы за сотрудничество 1997: 323). Русская фразеология отражает склонность к фатализму и неуверенность в завтрашнем дне: *авось да небось; бабушка надвое сказала; Бог весть; как Бог на душу положит; что Бог пошлет; это еще вилами на воде писано*. Американцы же предпочитают действовать по принципу: *Where there's a will there's a way и God helps those who help themselves*.

Западные бизнесмены, приезжающие в Россию для сотрудничества или преподавания бизнес-семинаров, жалуются, что им труднее всего убедить русских партнеров планировать свою деятельность. Русские утверждают, что они привыкли жить и работать в непредсказуемых ситуациях и готовы быстро приспосабливаться к изменившимся условиям. В результате не складывается общение, проваливаются сделки, возникают сложности в совместных делах, требующих долгосрочного планирования. Приглашения на важные мероприятия отправляются из России в последний момент, а у американцев на эти даты уже полгода назад запланированы другие дела. Русским преподавателям, работающим в США, трудно привыкнуть к тому, что расписание занятий в американских колледжах и университетах составляется задолго до начала семестра.

Эти психологические особенности также проявляются в выборе коммуникативных стратегий. У американцев отсутствует русское суеверие, поэтому их высказывания о будущем отличаются уверенностью в противовес русской осторожности и модальности. Хорошей иллюстрацией этого положения является следующая выдержка из переписки американца и его русской знакомой (поздравления накануне покупки автомобиля):

Американец. *Congratulations on your imminent car purchase!*

Русская. *I think by now, after having known us so long, you are expected to know how superstitious we, Russians, are. Never, never congratulate us in advance. So please, take your congratulations back!*

Американец. *I take my congratulations back, but this superstition is another thing I cannot understand about you. For an expecting mother, understandable. But a car?*

Это различие — одно из наиболее заметных и ярко проявляющихся в МК. В терминах коммуникации оно заключается в том, что русские в меньшей степени, чем американцы, озабочены стремлением избежать неизвестности (американский термин *uncertainty avoidance* — одно из важных понятий теории МК в США).

§ 6. Терпимость/терпение

Два ключевых концепта, имеющих непосредственное отношение к коммуникации, — *терпение* и *терпимость* — часто смешиваются в русской лингвокультуре по причине того, что они закреплены за однокоренными словами. В английском языке соответствующие концепты в большей степени разграничены на уровне означающего: *patience* и *tolerance*. Слово *толерантность* используется в русском языке скорее для передачи инокультурного явления, нежели понятия, органически присущего русской лингвокультуре.

Терпение традиционно воспринимается как одна из самых ярких черт русского национального характера и проявляется в способности безропотно переносить трудности, выпадающие на долю русского народа. Американцы, с другой стороны, считаются более терпимыми. Истоки этого явления — в особенностях исторического развития США и полифонии американской культурной жизни. Большое количество иммигрантов с их собственными культурными паттернами, традициями, привычками, религиозными верованиями и т. д. требовало определенного уровня терпимости, необходимого для того, чтобы люди, населяющие США, могли уживаться в мире и согласии.

Впрочем, не следует преувеличивать степень американской терпимости. В этом смысле прав Х. С. Коммаджер, который отмечает, что американская терпимость в вопросах религии и морали (особенно в XX в.) объясняется не столько открытостью к восприятию новых идей, сколько равнодушием. Это скорее конформизм, нежели терпимость (Commager 1950: 413—414).

Проявления терпения и терпимости в МК носят относительный характер. Американцам непонятно, почему русские терпят бытовую неустроенность, нарушение своих прав как потребителей, невыполнение законов со стороны должностных лиц, вандализм, списывание, нарушение прав человека. Русские, в свою очередь, недоумевают, почему американцы, проявляющие высокую степень терпимости по отношению к сексуальным меньшинствам или некоторым проявлениям религиозной розни, не допускают альтернативной точки зрения в связи с такими вопросами, как права женщин, политика (например, Чечня), роль США в мире и т. д.

Разный уровень терпимости проявляется в том, что американцы в процессе переговоров намного более, чем русские, стремятся к компромиссу и сглаживанию противоречий, в то время как русские склонны к эмоциям и крайностям. С другой стороны, как более нетерпеливые, американцы ждут быстрых решений и действий, а русские имеют тенденцию выжидать, проверяя надежность своих партнеров и устанавливая с ними более близкие, доверительные отношения. Известно немало случаев того, когда американцы, не дождавшись быстрых результатов переговоров с русскими, отказывались от намечаемой сделки. При обсуждении больших проблем в школе и университете американская аудитория более взрывоопасна, чем русская.

Многие авторы также подчеркивают, что не следует смешивать тоталитаризм и авторитарность политической системы России в определенные периоды ее истории с нетерпимостью как свойством русского национального характера. "Русские уважают власть, но не боятся ее", — к такому выводу приходит Й. Ричмонд (Richmond 1997: 35).

Этот вывод, однако, не стоит абсолютизировать. Вследствие того, что отношения между начальником и подчиненным в США более демократичны, там, как правило, наблюдается большая степень терпимости между коллегами. Приезжая преподавать в русские школы, американские учителя не могут принять авторитарного тона во взаимоотношениях директора школы с учителями и учителя с учениками, что порой становится причиной межкультурных конфликтов.

§ 7. Степень открытости

Говоря об открытости, следует подчеркнуть, что американская и русская открытость — это явления разных порядков.

Американскую открытость, скорее всего, следует рассматривать как коммуникативную стратегию, и в этом смысле американцы от-

личаются большей прямоотой, эксплицитностью выражения информации и безапелляционностью, нежели русские. Эта черта американцев выражается прилагательным *outspoken*, не имеющим русского эквивалента.

Для русских открытость в коммуникации означает готовность раскрыть свой личный мир собеседнику. "Русские — самый общительный народ в мире, — пишет Н. А. Бердяев. — У русских нет условностей, нет дистанции, есть потребность часто видеть людей, с которыми у них даже нет особенно близких отношений, выворачивать душу, ввергаться в чужую жизнь <...>, вести бесконечные споры об идейных вопросах. <...> Всякий истинно русский человек интересуется вопросом о смысле жизни и ищет общения с другими в искании смысла" (Бердяев 1990b: 471).

Интересное наблюдение делает А. Харт: "В некоторых отношениях русские свободнее и открытее [чем американцы]. Вначале нам с друзьями казалось, что русские ссорятся и ругаются; но вдруг, к нашему удивлению, они начинали улыбаться. Позднее мы поняли, что позы и тон, которые нам казались агрессивными, на самом деле были экспрессивными" (Харт А. 1998). Американцы более открыты в выражении собственных мнений, русские — эмоций.

Американская открытость в коммуникации часто воспринимается русскими как бестактность и безапелляционность. При проведении анкетирования для обратной связи после проведения семинаров и других курсов обучения американцы обращают основное внимание на недостатки и высказывают критические замечания. Такая реакция для русских преподавателей часто бывает шоком, так как русский подход — это, прежде всего, желание высказать благодарность преподавателю. Русские часто ограничиваются устной критикой, а в письменном виде фиксируют положительные реакции или, в крайнем случае, осторожные рекомендации.

Отдавая себе отчет в том, что психологическая идентичность русских и американцев представляет собой сложный многоаспектный вопрос, будем довольствоваться тем, что обозначили некоторые пути и общие принципы анализа этой проблемы.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ

АГЕНТИВНОСТЬ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

1. Как коллективизм/индивидуализм проявляются в русском и американском коммуникативном поведении? Приведите собственные примеры, почерпнутые из литературы, фильмов, средств массовой информации, личного опыта. Каким образом это сказывается на взаимоотношениях русских и американцев?

2. Согласны ли вы с утверждением американского исследователя: «Мы активистская культура» (К. Сторти)? Обоснуйте свою точку зрения.

3. В каких формах русская неагентивность проявляется в вербальном общении?

4. Объясните, каким образом столкновение русской эмоциональности и американского рационализма может помешать деловым переговорам; личным взаимоотношениям между парнем и девушкой.

5. Чем вы можете объяснить отсутствие в русском языке эквивалентов таких слов, как *self-made man*, *achiever*, *doer*, *privacy*?

6. Как в поведении русских проявляется «коммуникативный пессимизм»?

7. Объясните разницу между концептами «терпение» и «терпимость». Какое из этих качеств, на ваш взгляд, в большей степени свойственно русским, а какое американцам? Обоснуйте свой ответ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Согласны ли вы со следующим высказыванием У. Уитмена? Мотивируйте свое мнение.

"You Russians and we Americans — our countries so distant, so unlike at first glance — such a difference in social and political conditions, and our respective methods of moral and practical development the last hundred years; and yet in certain features, and vastest ones, so resembling each other. The variety of stock-elements and tongues to be resolutely fused in a common identity and union at all hazards — the idea, perennial enough through the ages, that they both have their historic and divine mission — the fervent element of manly friendship — throughout the whole people, surpassed by no other races — the grand expanse of territorial limits and boundaries — the unformed and nebulous state of many things, not yet permanently settled, but agreed on all hands to be the preparation of an infinitely greater future — the fact that both peoples have their independent and leading positions to hold, keep and if necessary fight for, against the

rest of the world — the deathless aspirations at the inmost center of each great community, so vehement, so mysterious, so abysmic — are certainly features you Russians and we Americans have in common."

(W. Whitman. The Correspondence)

2. Какие тезисы данного раздела подтверждает следующий отрывок из книги А. Гениса «Американская азбука»?

"Новый Свет привык настороженно относиться к интеллектуалам. Американский президент Эйзенхауэр обозвал интеллектуала человеком, "употребляющим больше слов, чем он знает". Американский историк Пол Джонсон считал главным уроком трагического XX века заповедь "Берегись интеллектуалов". Американский философ Фрэнсис Фукуяма ядовито заметил, что о неисправимости университетских интеллектуалов свидетельствует тот факт, что сегодня марксистских догматиков можно найти только в Пхеньяне и в Гарварде.

Американцы помнят, что половина ведущих бизнесменов страны не получили высшего образования. Из самых выдающихся американцев XX века тринадцать не закончили и средней школы. Как показал один забавный опрос общественного мнения, статистический американец предпочтет правительство, выбранное наугад из телефонной книги, кабинету министров, составленному из университетских профессоров".

Сравните отношение к интеллектуалам со стороны русских и американцев.

Глава 11. СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ГЕНДЕР, ВОЗРАСТ, РАСОВАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

A man has as many social selves as there are individuals who recognize him and carry an image of him in their mind.

William James

§ 1. Социальная стратификация лингвокультуры

Оказавшись в недрах чужой культуры, личность должна приспособиться к новым для нее формам социализации. Можно обозначить следующие причины межкультурных различий в социальной сфере:

- 1) неодинаковое стратификационное членение общества;

- 2) разные представления о статусе и престиже;
- 3) расхождения в кодировке социальной информации и прочтении сигналов социальной идентичности.

Термин "стратификация" происходит из геологии, где "стратум" означает "слой". За этим образом, усвоенным социологией, стоит расслоение человеческого общества, причем слои не имеют между собой четких границ, а скорее, плавно переходят друг в друга. Социальная стратификация осуществляется по горизонтали, в зависимости от географической (территориальной), этнической, культурной принадлежности индивида, и по вертикали, в виде социальной иерархии.

Согласно концепции П. А. Сорокина, социальная стратификация представляет собой дифференциацию некоей данной совокупности людей на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Основа и сущность стратификации заключаются в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества (Сорокин 1992: 285).

Одним из проявлений стратификационного членения общества является наличие разных языков, их региональных вариантов, диалектов и прочих лектов, что может приводить к функциональному и культурному непониманию между представителями разных социальных групп. Эти процессы и явления досконально рассмотрены в книге В. И. Карасика "Язык социального статуса" (Карасик 1992). Применительно к американскому обществу подробный анализ блестяще проведен А. Д. Швейцером в его многочисленных работах (напр.: Швейцер 1983; 1995a; 1995b; 1996).

При делении на социальные группы/страты наблюдается определенная степень условности, так как, во-первых, не всегда легко однозначно отнести ту или иную личность к конкретной группе, а во-вторых, личность одновременно входит в разные социальные группы, выделяемые на основе различных критериев. Соответственно "структура социальной дифференциации языка представляет собой многомерное образование, существующее и функционирующее в нескольких измерениях" (Швейцер 1983: 15—17).

С точки зрения МК, стратификация общества внутри разных стран не совпадает в силу особенностей исторического развития, разного протекания политических и экономических процессов, а также тех

критериев, которые обществу диктует язык. Разные по величине социальные группы, такие как "семья", "община", "соседи", "коллеги" и т. д., могут состоять из людей, объединенных определенным социальным опытом или видом деятельности и обозначенных своего рода ярлыком — словом. Будучи в известной мере умозрительным, социальное деление в какой-то степени зависит от этих ярлыков. Например, слова *community* и *neighborhood*, широко употребляемые в США, не имеют точных эквивалентов в русском языке. Слова *коллектив* и *team* соотносимы, но не полностью эквивалентны.

С социальной точки зрения, язык представляет собой совокупность социолектов — вариантов языкового употребления, используемых различными социальными группами. В. И. Карасик полагает, что социолект служит символом групповой принадлежности и средством взаимной поддержки людей, принадлежащих к данному слою общества (Карасик 1992: 55).

Существуют многочисленные разновидности "лектов". Так, Х. М. Труби выделяет идиолект, фамилиялект, коммунолект, регионлект и диалект (Truby 1993: 43) Д. Таннен пишет о гендерлектах — разновидностях языка, употребляемых мужчинами и женщинами (Tannen 1990: 42). Помимо того, А. Д. Швейцер выделяет военный жаргон, молодежный сленг, речь хиппи, наркоманов, аргю преступного мира (1983: 167). Приведем некоторые примеры лектов, существующих внутри американского варианта английского языка:

- лект "яппи": (преуспевающих молодых людей, живущих в городе и делающих профессиональную карьеру в бизнесе): *Yuppies* (Young Urban Professionals), *Puppies* (Poor Urban Professionals), *Buppies* (Black Urban Professionals), *Dinks* (Double-income, No Kids), *Woofs* (Well-off Older Folks), *Flyers* (Fun-loving Youth En Route (to) Success), *Busters* (Consumers born after baby boom);

- аргю наркоманов: *narc*, *junkie*, *pusher*, *flying high*, *zoned*, *wired*, *high and low drugs*, *hard and soft drugs*, *dope*, *snow*, *leaf*, *coke*, *crack*, *uppers*, *downers*;

- лект гомосексуалистов: *being "outed"*, *coming out of the closet*, *fruitcake*, *fairy*, *pansy*, *fruit*.

В сфере социальной стратификации языка действуют две противоположные тенденции: с одной стороны, возникают новые профессиональные жаргоны, например, компьютерный; с другой — наблюдается унификация языка (как английского, так и русского), особенно в больших городах, за счет роста грамотности населения, влияния средств массовой информации и других социальных факторов.

Социальная идентичность личности складывается из совокупности социальных ролей, которые она играет в обществе. Такие параметры, как раса, этническая принадлежность, гендер и возраст, являются базовыми и находятся на стыке социальной и физиологической идентичности.

Заслуживает внимания точка зрения, согласно которой выделяемые на основе указанных выше критериев социальные группы делятся на "видимые" и "невидимые". "Невидимыми" считаются те группы, которые доминируют в обществе: мужчины, белые, гетеросексуалы, так как они принимаются за норму. На их фоне "видимыми" становятся социальные группы, объединяющие женщин, негров, гомосексуалистов и т. д., поскольку они рассматриваются как отклонение от нормы. Поэтому в речи уточняются лишь эти отклонения, например: *Black secretary, female doctor* или *женщина-водитель*. Существует тенденция использовать страдательный залог по отношению к "невидимым" социальным группам: "*so many women were raped, murdered, slain*" вместо "*so many men raped, murdered, slain women*". Это интересное наблюдение было сделано в американском документальном фильме "*Tough Guise*".

Индивидуумы из властных групп, как правило, навешивают ярлыки на других; сами они не имеют ярлыков. Например, мужчины часто забывают уточнять род как часть своей идентичности. Женщины, с другой стороны, часто включают род как ее ключевой элемент (Martin, Nakayama 1999: 165). Точно так же "невидимую" группу образуют люди среднего возраста, который, по утверждению В. И. Карасика, семиотически не маркируется (Карасик 1992: 60). Это явление наблюдается как в русской, так и американской культурах, однако отношение к "видимым" социальным группам в США, в отличие от России, регулируется правилами "политической корректности", а также рядом законодательных актов.

Применительно к МК степень "видимости" различных социальных групп ситуативно и культурно обусловлена. Например, поскольку в России практически нет чернокожих жителей, афро-американец в российской толпе будет еще более "видимым", чем у себя дома. То, что американцы иногда принимают за российский расизм, часто бывает простым проявлением любопытства по отношению к "экзотике". С другой стороны, белая женщина очень заметна в американском черном гетто, особенно в темное время суток. Русские туристы не всегда отдают себе в этом отчет, из-за чего могут попадать в неприятные ситуации.

§ 2. Гендерная идентичность

Как уже указывалось ранее, различия между речью женщин и мужчин позволяют Д. Таннен писать о наличии гендерлектов. Многие ученые отвергают мнение о том, что гендерные социальные характеристики являются врожденными. М. Мид, которая исследовала три племени в Новой Гвинее, обнаружила признаки агрессивности у женщин, пассивности у мужчин и минимальные различия в выполняемых ими социальных ролях. Анализ разных культур показывает, что гендерные роли в высшей степени гибки и отражают не столько биологические, сколько культурные императивы и особенности окружения (Light et al. 1989: 323—324).

Как в России, так и в США отношение к мужчинам и женщинам неодинаково, а коммуникация между ними асимметрична, что имеет следующие языковые проявления:

- различия в выборе лексики: существуют слова, которые "работают" на образ мужчины-коммуниканта, и те, которые чаще всего (или даже исключительно) употребляются женщинами;
- разная лексика, используемая для описания мужчины и женщины: напр., в американской культуре прилагательные *logical, aggressive, dominant, forceful, hard-headed, reckless, stern, argumentative* употребляются преимущественно для характеристики мужчин, а прилагательные *poised, gentle, soft-hearted, submissive, fearful, excitable, shy, touchy* — для описания женщин (Werner and LaRussa 1985);
- в парах лексем *master/mistress, bachelor/spinster, governor/governess* "мужские" существительные, как правило, имеют нейтральную или положительную оценочность, в то время как "женские" — отрицательную;
- употребление синтаксических конструкций: мужчины предпочитают повелительное наклонение, женщины — формулы, предлагающие совместное действие типа *"Let's", "Давай"*, фразы, объединяющие говорящую с собеседником (*мы*), косвенные намеки, предложения в вопросительной форме;
- паралингвистические средства: женщины говорят тише, чем мужчины; различается интонационный рисунок речи: женская речь звучит менее уверенно, превалируют вопросительные интонации, создающие впечатление незаконченности предложения;
- выбор коммуникативных стратегий: мужская речь более решительна, весома и напориста; женщины реже перебивают мужчин

в беседе, чем наоборот; женщины чаще извиняются; мужчины в большей степени склонны к прямым высказываниям, в то время как для женской речи характерна имплицитность и косвенная форма языкового выражения;

- разное использование молчания: мужчины меньше говорят и используют молчание как инструмент власти; женское многословие — это нередко свидетельство бессилия.

Кроме того, существует мнение, что мужской язык имеет агентивную, а женский — бытийную основу ("men do but women are" — Grave; цит. по: Steiner 1975: 41).

Исследования показывают, что женщины адаптируются к мужским коммуникативным нормам, а не наоборот, т. е. "язык указывает женщине ее место" (Tannen 1990: 241).

Понятия о мужественности и женственности динамичны, подвержены изменениям, связанным с развитием общества, и культурно обусловлены. Благодаря борьбе американских женщин за свои права, центр тяжести их взаимоотношений с мужчинами смещается к середине, т. е. к состоянию равновесия. В России же по-прежнему существует ощутимый дисбаланс.

Адекватная МК между мужчинами и женщинами требует учета целого ряда факторов, в состав которых входят:

- социальная ситуация и гендерная политика в определенной культуре;
- проявления понятий "политическая корректность", "сексизм" (*sexism*) и "сексуальное домогательство" (*sexual harassment*) в контексте данной культуры;
- нормы выбора психологической, социальной и коммуникативной дистанции;
- уместность определенных типов коммуникативного поведения, как вербального, так и невербального.

Внимание американского общества к гендерным проблемам и утверждению женских прав, в том числе и на законодательном уровне, влияет на самоидентификацию американок, степень их самостоятельности, уверенности в себе, нацеленности на успех и нежелание ни в чем уступать мужчинам. Из общения с русскими американцы, как правило, выносят мнение о том, что в России в большей степени, чем на Западе, делается упор на традиционные модели мужественности и женственности (см., напр.: Stephan, Abalakina-Paap 1996: 376). В профессиональной сфере, политике и в бытовом общении чаще прояв-

ляется то, что американцы называют "сексизмом", т. е. чувство превосходства одного пола над другим.

В коммуникативном поведении русских наблюдается большая асимметрия и более четкое распределение социальных обязанностей между мужчинами и женщинами, чем в США. Женщины не открывают бутылки и не носят тяжелые сумки, если рядом находится мужчина; Выходя из машины или общественного транспорта, мужчина подает женщине руку. Манера ухаживать за женщиной, дарить ей цветы постепенно уходит из американской культуры и уже редко свойственна представителям молодого поколения.

Во взаимоотношениях русских мужчин и женщин наблюдается большая стыдливость (*prudery prevails*): женщина стесняется спросить мужчину, как пройти в туалет, а если спросит, то мужчина будет не менее сконфужен, чем она сама (см., напр.: Richmond 1997: 52—55). В русский бар или ресторан женщине следует приходить в сопровождении мужчины, иначе ее воспримут как искательницу знакомств и приключений. При этом русский мужчина, как правило, платит за даму. В США каждый платит сам за себя (если не было иной договоренности), и это считается проявлением достоинства и независимости. "Going Dutch is not Russian style", — отмечается в одной статье. При межкультурных контактах это различие приводит к тому, что американец считает русскую женщину алчной, а она его — скрягой. В России при профессиональных контактах женщины испытывают известную долю снисходительности и покровительства со стороны мужчин, в связи с чем им приходится прилагать дополнительные усилия для самоутверждения.

Таким образом, в разных лингвокультурах одинаковые коммуникативные сигналы могут иметь разное содержание. Мужчинам следует обратить особое внимание на формы общения с феминистками, которые могут посчитать оскорбительным то, что мужчина подает им пальто, подносит тяжелую сумку или открывает перед ними дверь. Мотив за обидами подобного рода — неравенство: "он думает, что я слабее (хуже) него". Даже традиционный русский тост за женщин может обидеть феминисток, в присутствии которых не рекомендуется намекать на разницу между полами — требуется абсолютная симметрия во взаимоотношениях. Последствиями межкультурного непонимания могут стать как мелкие недоразумения, так и серьезные скандалы на почве сексуального домогательства (см. также гл. 15, §4).

§ 3. Возрастная идентичность

Значимость возраста варьируется в зависимости от других составляющих идентичности, а также от контекста общения. "Для молодежи и юношества признак возраста является доминирующим" (Карасик 1992: 60). Он также весом в самоидентификации пожилых людей. Понятия "молодой" и "старый" относительно и могут различаться от культуры к культуре. Кроме того, с изменением собственного возраста меняется отношение к возрасту других.

Во всех лингвокультурах существуют средства семиотического маркирования языка, используемого людьми из разных возрастных групп. Дети создают собственный языковой мир из лексических и синтаксических ресурсов взрослых. Как пишет Дж. Стайнер, усечение слов, нарушение грамматических норм и т. д. составляет важную часть детского или подросткового лекта, цель которого — бунт против правил взрослой речи и удовлетворение собственных нужд в познании мира (Steiner 1975: 35).

Кроме того, лексикон детей и подростков, которые растут под массивным воздействием компьютеров, телевидения и других средств массовой информации, отличается от лексикона "докомпьютерного" поколения. В этой связи представляют интерес выводы Н. Постмана о том, как в США сегодня относятся к детству. Он подвергает сомнению традиционную точку зрения на детство как стадию развития, диктуемую биологическими императивами, и в противовес утверждает, что это социальный конструкт, создаваемый коммуникативным окружением. Уподобляя детство процессу изучения языка, он считает, что существует биологическая основа, которая не может быть реализована без социального окружения, питающего и поощряющего его развитие. В современном американском обществе нет различия между информационным окружением взрослых и детей. Поэтому дети лишены периода развития, когда они постепенно социализируются и ассимилируются в мире взрослых. Более того, потребительство в американском обществе превратило детство в экономическую категорию. Постман приходит к выводу о том, что дети нуждаются в специфических формах представления информации, включая язык (Postman 1999: 116—135). Аналогичные процессы происходят и в российском обществе, но более медленно, в результате чего на стыке культур эти явления не синхронизируются.

Специфика общения между "отцами и детьми" в российском и американском обществе обусловлена разным отношением к возрасту

и использованием различных коммуникативных моделей. Американское общество "помешано" на молодости. Люди всячески пытаются отодвинуть пожилой возраст. Это отчасти связано с тем, что американцы дольше учатся, позднее женятся и заводят детей, стараясь как можно дальше продвинуться по карьерной лестнице до их появления. Если в 50-х гг. бездетными были 9% американок детородного возраста, то к началу 90-х гг. детей не имели 25% женщин с высшим образованием в возрасте от 35 до 45 лет, что, как правило, было результатом их сознательного выбора (Zanden 1990: 392). Американки часто говорят о "тикании биологических часов", т. е. балансировании между карьерными целями и полноценной семьей.

Но, несмотря на то, что в США возрастной разрыв между поколениями оказывается больше, чем в России, возрастная маркированность коммуникативных паттернов менее ощутима из-за стремления к демократичности и более короткой коммуникативной дистанции. В целом в русской культуре наблюдается большая асимметрия между представителями разных возрастов, чем в США. Старая американская формула: *"Children should be seen and not heard"* отжила свой век и более уже не считается правильной. Поколения, воспитанные по книгам доктора Спока, отличаются большей свободой самовыражения. Родители не "тюкают" подростков так, как это делают русские, что имеет как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, с раннего возраста стержнем самоидентификации американцев становится отношение к себе как к уникальной личности. С другой стороны, возникает "зацикленность" на собственном "я" и недостаточное уважение к старшим, проявляющееся на коммуникативном уровне.

Среднее поколение в США нередко называют *"sandwich generation"*, т. е. из-за увеличения детородного возраста и длительности жизни оно оказывается зажатым между детьми-подростками и стареющими родителями. Однако в силу целого ряда социально-экономических причин для русских привычны более тесные отношения с престарелыми родителями, чем для американцев. Различается также подход к ответственности за родителей: русские ухаживают за ними сами, а американцы через посредство учреждений, например, домов для престарелых.

Рассматривая зависимость самоидентификации языковой личности от возраста, хочется привести интересное наблюдение Дж. Стайнера о том, что у пожилых людей указатель референции обращается вовнутрь — старики в основном слушают самих себя. Их тезаурус

главным образом основан на личных воспоминаниях (Steiner 1975: 48). С. А. Сухих и В. В. Зеленская также отмечают, что "старые люди вербализуют потерю своей былой активности в страдательных конструкциях" (Сухих, Зеленская 1998: 84).

Самоощущение американских и русских пожилых людей различается, т. к. оно находится в прямой зависимости от уровня материальной обеспеченности, дающей свободу и уверенность в завтрашнем дне. Отсюда и иной характер коммуникации: если у русских наблюдается привычка жаловаться, отсутствие энергии и воли к жизни, оптимизма и деятельностного подхода, то американские старики настроены более активно и оптимистично.

Представляется возможным прогнозировать следующие сложности, которые могут возникнуть в МК в связи с разным восприятием возрастной идентичности:

- Выбор коммуникативной дистанции. Русские, как правило, бывают не готовы к американской фамильярности при общении людей с большой разницей в возрасте (например, к обращению по имени). Американцам, со своей стороны, трудно переключиться на русские коммуникативные модели (обращению по имени-отчеству, умению правильно определить, к кому обращаться на Вы, а к кому — на ты и т. д.).

- Выбор стиля и жанра общения. Русским преподавателям, волею судьбы оказывающимся в США, нелегко привыкнуть к общению со студентами "на равных", фамильярности при переписке по электронной почте и т. д. Американцам, напротив, общение с русским преподавателем старшего возраста порой кажется слишком дистанцированным, натянутым и формальным.

- Выбор лексических средств. Понимание и употребление лексики, маркирующей возрастную группу, требуется как для адекватного обмена информацией, так и для вхождения в эту группу через преодоление стадии маргинальности. Например, подросткам и молодежи, участвующим в образовательных обменах, недостаточно хорошего знания литературного иностранного языка для того, чтобы считаться "своими" в среде сверстников — им приходится также овладевать молодежным сленгом. Употребление сленга сопряжено с определенными сложностями: с одной стороны, незнание его автоматически отдаляет подростка или студента от группы сверстников; с другой стороны, неверное или неуместное употребление сленга может поставить их в нелепое или смешное положение. Общение с малень-

кими детьми также требует знания "детского" языка: *wee-wee, night-night, peek-a-boo, choo-choo, uh-oh* и т. д.

• Овладение фоновыми знаниями, составляющими основу коммуникации в данной возрастной группе, также является обязательным условием адекватного общения.

§ 4. Расовая и этническая идентичность

Мы уже писали о том, что в России этническая принадлежность обозначается термином "национальность", что часто вызывает недоумение со стороны американцев. В России советского периода, как утверждают американские авторы, происходило обесценивание русской и других этнических идентичностей и растворение их в *homo Sovieticus*. Может быть, поэтому, общаясь с русскими, американцы до сих пор не учитывают многонациональный состав России, и для них бывает открытием тот факт, что в ней представлено 120 национальных и этнических групп.

Для американцев, с другой стороны, центральным является понятие расовой идентичности. Статистические данные о населении США в первую очередь строятся вокруг расовой принадлежности. Основными расами считаются: *Caucasian, Black, Asian, Hispanic, Native American*. Уже сама по себе разница критериев становится предпосылкой непонимания между русскими и американцами. Для россиян слово *Caucasian* ассоциируется с кавказцами, а слова *Hispanic* и *Native American* не имеют эквивалентов в русском языке.

Как уже указывалось выше, белые считаются социально нейтральной, а следовательно, "невидимой" группой. Представители остальных рас воспринимаются как отклонение от нормы, что проявляется имплицитно (в виде определенной степени коммуникативной напряженности) и эксплицитно (на языковом уровне в виде ярлыков: *Black, Afro-American, Asian* и т. д.). Проблема расовой идентичности актуальнее всего для американцев негритянского происхождения, т. к. эта группа является самой маркированной.

Русским недоступно распространенное в США понятие "одной капли" негритянской крови, которой достаточно, чтобы считаться черным. В самом деле, почему человек называется *Black*, если у него белая кожа и слабо выраженные негроидные черты? Тем не менее, до 1982 г. человек с "одной каплей" негритянской крови, выросший среди белых и считавший себя белым, по закону относился к афро-аме-

риканцам. Возникало несовпадение разных параметров идентичности: внешности, восприятия со стороны окружающих, самовосприятия и идентичности в глазах закона. В 1982 г. жительница Луизианы Сузи Фиппс (Susie Phipps), имевшая 1/12 негритянской крови, подала в суд прошение о пересмотре своей официальной расовой принадлежности. Она проиграла дело, но в закон были внесены изменения. Тем не менее по сей день А. С. Пушкин считается в США черным, и его фигура находится в Музее негритянских восковых фигур в Балтиморе, что крайне неожиданно для русских, которые мыслят иными категориями.

В США социальные отношения, соотносимые с расовой и этнической принадлежностью, во многом определяются правилами политической корректности. Исследовательница проблем коммуникации Д. Танно пишет о своей собственной "множественной идентичности" (*multiple identity*), создаваемой на уровне языка. Наиболее точно она обозначается термином *Mexican American* — мексиканка американского происхождения. В семье Д. Танно называют *Spanish*, имея в виду страну, из которой происходили ее предки. Слово *Latina* используется для обозначения культурной и исторической связи между ней и другими латиноамериканцами. Политически корректный термин *Chicana* подтверждает стремление латиноамериканцев к утверждению собственной культурной идентичности. По мнению Д. Танно, все эти термины отражают разные стороны ее идентичности, составляя в совокупности единое целое (Танно; цит. по: Martin, Nakayama 1999: 141).

В английском языке слово *Negro* считается политически некорректным, поэтому предпочтение отдается терминам *Black* и *Afro-American*. В русском языке, напротив, слово *негр* нейтрально, а *черный* имеет негативную коннотацию. Слово *афро-американец* пока не получило достаточного распространения и используется ограниченно. Незнание этих языковых фактов часто приводит к неприятным ситуациям в МК. Русские, не чувствующие негативной окраски слова *Negro*, опрометчиво употребляют его в речи. Американцы, не отдающие себе отчета в том, что слово *негр* в русском языке не несет отрицательной оценочности, приходят к выводу, что все русские, которые его произносят, — расисты.

На уровне коммуникации расовая и этническая принадлежность проявляется в наличии специфических лектов, самым ярким из которых является *Black English*. Отношение к этому варианту языка противоречиво. Одни американцы считают его диалектом с многочис-

ленными фонетическими, лексическими и грамматическими отклонениями от нормы, другие полагают, что это самостоятельный язык, который выступает как один из ведущих признаков негритянской идентичности и поэтому должен преподаваться в негритянских школах. Однако наиболее распространено мнение (возможно, справедливое), согласно которому афро-американцы, желающие продвинуться по карьерной лестнице и достичь успеха, должны разговаривать, как белые.

Над различной расовой и этнической принадлежностью жителей США превалирует их идентичность как "американцев". Многие жители США вообще считают политически некорректной попытку "копаться" в этническом происхождении людей. Вот почему эта тема относится к разряду "опасных", особенно со стороны русских, которые в собственном обществе не скованы нормами политической корректности и не готовы к адекватному отбору языковых средств и коммуникативных стратегий для ее использования. Даже тактичное и умеренное обсуждение темы этничности иногда вызывает у американцев необъяснимые, с точки зрения русских, вспышки нервозности и гнева.

Внутри культур разным расовым и этническим группам приписываются определенные коммуникативные особенности. Д. Таннен считает это опасной тенденцией ввиду того, что стереотипы, применяемые к манере общения отдельных личностей, подталкивают коммуникантов к далеко идущим, но часто заведомо ошибочным выводам. В качестве примера она приводит ситуацию с Джеральдиной Ферраро, претенденткой на пост вице-президента США. Во время президентской кампании Ферраро, жительница Нью-Йорка итальянского происхождения, продемонстрировала в полемике черты, свойственные ее этнической группе, — высокую эмоциональность и вовлеченность в коммуникативный процесс, за что Барбара Буш назвала ее "*a bitch*", приписав ей такие черты, как властолюбие, стремление доминировать в коммуникации, а также агрессивность и напористость, свойственные мужчинам (Таннен 1990: 209). В России также существуют стереотипы по отношению к кавказцам, выходцам из Средней Азии, чукчам и т. д.

Таким образом, расовая и этническая идентичность должна рассматриваться как неотъемлемая часть языковой личности, которую надо учитывать в процессе МК. С другой стороны, недопустимо абсолютизировать манеру общения, присущую определенным расовым или этническим группам и применять стереотипы при их оценке.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

СОЦИОЛЕКТ

СТРАТИФИКАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

1. В чем проявляется многомерность стратификационного членения общества?
2. Почему стратификация внутри разных культур может не совпадать?
3. Каким образом стратификация общества на различные социальные группы реализуется в языке?
4. Назовите основные различия между речью мужчин и женщин. В какой мере они могут влиять на межличностные отношения?
5. В чем различия межгендерной коммуникации в русской и американской культурах? Приведите собственные примеры. Какие факторы следует учитывать в связи с этим в межкультурном общении?
6. Приведите примеры средств семиотического маркирования языка, используемого людьми из разных возрастных групп. В чем различия межпоколенного общения в России и США?
7. Какие опасности могут подстерегать коммуниканта — неносителя лингвокультуры — в связи с различным отношением к расовой и этнической идентичности внутри разных культур?

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Как соотносятся американские гендерные стереотипы, отраженные в следующем стихотворении, с русскими?

"The family picture is on HIS desk.
Ah, a solid, responsible family man.
The family picture is on HER desk.
Hmmm, her family will come before her career.
HIS desk is cluttered.
He's obviously a hard worker and a busy man.
HER desk is cluttered.
She's obviously a disorganized scatterbrain.

HE is talking with his co-workers.
He must be discussing the latest deal.
SHE is talking with her co-workers.
She must be gossiping.
HE's not at his desk.
He must be at a meeting.
SHE's not at her desk.
She must be in the lady's room.
HE's not in the office.
He's meeting customers.
SHE's not in the office.
She must be out shopping.
HE's having lunch with the boss.
He's on his way up.
SHE's having lunch with the boss.
They must be having an affair.

.....
HE's getting married.
He'll get more settled.
SHE's getting married.
She'll get pregnant and leave.

.....
HE's leaving for a better job.
He knows how to recognize a good opportunity.
SHE's leaving for a better job.
Women are not dependable."

(Natasha Josefowitz. Impressions From An Office)

2. На каком культурном различии между русскими и американцами основана следующая ситуация?

"В разгаре феминистской одержимости даже и галантность могла показаться пренебрежительной мужской метафорой. Осенью 1980 года в Чикаго американский друг сказал мне: "Ты зря пропускаешь вперед дам. За такие вещи можно теперь и по морде получить". Увы, привычка — вторая натура, и я постоянно придерживаю двери, всякий раз вглядываясь в лица проходящих дам и ожидая пощечины".

(В. Аксенов. В поисках грустного бэби)

3. Прочитайте юмористическую подборку, отражающую особенности вербальной коммуникации пенсильванских немцев. Проанализируйте различные формы проявления их этнической идентичности в языке.

"You Know You Live In Pennsylvania Dutch Country When:

- You say the correct pronunciation LANG-kist-er instead of the mispronounced Lan-CAST-er, and LEB-en-in instead of the equally incorrect Leb-a-NON.

- You ask the waitress for *dippy eggs* for breakfast.
- You do things *once*, as in "I'll check in the back room *once*."
- Your turkey has *filling*, not *stuffing*, and most certainly NOT *dressing*.

- You say things like "Outen the lights," "I'm calling off today," and "They're calling for snow."

- You pronounce *suite* as SUIT, not SWEET.
- You can give directions to *Intercourse* with a straight face.
- You think sexy lingerie is tube socks and flannel nightie.
- You find 20 degrees F "a little chilly."
- You know the four seasons: Winter, Still Winter, Almost Winter, and Construction.

- You don't understand how anyone could watch a football game without either *halupki*, *halushki*, or *kielbasi*.

- Words like: *gum band*, *buggy*, *hoagie*, *chipped ham*, and *pop* actually mean something to you."

(Из электронной рассылки)

4. Объясните причину следующего коммуникативного сбоя:

"В Бруклине на Брайтон-бич образовалась большая русская колония "Малая Одесса", но артистический люд Москвы и Ленинграда предпочитает Манхаттан. Есть несколько очажков, вокруг которых происходит концентрация, — редакции двух газет, <...> кафе "Руслан", ресторан "Кавказский" на Третьей авеню... С последним произошла забавная этническая накладка. Вывесили вывеску "Caucasian" и долго не могли понять, чего от них хотят возмущенные негры и китайцы".

(В. Аксенов. В поисках грустного бэби)

Глава 12. СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ, КЛАССОВАЯ, ИМУЩЕСТВЕННАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И СТАТУС

§1. Географическая идентичность

Географическая идентичность может рассматриваться на нескольких уровнях. О русском человеке можно говорить как о жителе России, Сибири, Санкт-Петербурга и т. д. Американцы идентифицируют себя как жители США, восточного или западного побережья, Сан-Франциско, Чикаго и т. д. Северяне, южане, сибиряки, техасцы — это множественные идентичности, с собственными специфическими чертами. Однако в МК региональная идентичность часто не учитывается, и коммуниканты из других культур унифицируют своих собеседников, наделяя их всех сходными чертами.

Одним из важных проявлений географической идентичности являются фонетические особенности речи индивида. Из-за неумения слышать акцент, правильно идентифицировать и оценить его большая часть информации о собеседнике, доступной носителям языка, выпадает из поля зрения участника МК. Специфика произношения сообщает носителю языка о происхождении и местожительстве собеседника, а также становится источником культурных ассоциаций, связанных с традиционным восприятием акцентов.

Наиболее характерными для русского языка являются северный "окающий" акцент и противопоставляемый ему южный с аканьем и фрикативным "г". В целом для русского языка характерна высокая степень унификации, что является залогом хорошего понимания для приезжающих в Россию американцев, независимо от того, в какой российский город они попадают.

Американский вариант английского языка также отличается высокой степенью унификации. Ученые уже много лет дискутируют о статусе общеамериканского варианта английского языка (*General American*), охватывающего 90% территории США, за исключением южных штатов, восточной части Новой Англии и г. Нью-Йорка. Самыми известными американскими акцентами считаются следующие:

1. "Brooklynese" — бруклинский акцент, ранняя форма нью-йоркской речи, распространенной среди рабочих: *toity-toid street*.
2. "Bostonian" — бостонский акцент, беззрное произношение с продвинутым вперед "ah": *"Pahk your cah in the Nahvahd Yahd"*.

4. Новоанглийское произношение, близкое к британскому, где *aunt* and *bath* произносятся как [ɑ] (иногда шутливо имитируется как "Fahncy thaht").

5. "Southern drawl" — южное произношение, для которого характерно дифтонгизированное произнесение монофтонгов и "y'all" [jɔl] (употребляемое вместо "you").

6. "Outer banks" — произношение, специфическое для Южной Каролины: "hoi toiders" (вместо *high tides*).

7. Сельское произношение штата Юта, для которого характерно произношение [ɑ] вместо [o] и наоборот (Labov 1991: 315).

С различными произносительными вариантами связывается разная степень престижности/непрестижности. Некоторые акценты являются серьезной помехой при приеме на работу в известные компании. Однако американцы более терпимы к акцентам, чем русские. Более того, в США существует несколько стандартов правильной речи (New England, Southern, Mid-Western, North-Western). Например, Джордж Буш разговаривает с заметным южным акцентом. У Джими Картера акцент еще сильнее. Существует мнение, что произношение Джона Кеннеди (*idear* вместо *idea*, *Cubar* вместо *Cuba*) способствовало его успеху на выборах в Новой Англии. Более того, некоторые американские президенты используют свое умение переключаться с одного акцента на другой как действенный способ привлечь новых сторонников. Удивительная способность в этом смысле отмечена у Билла Клинтона.

Важное значение имеют также просодические характеристики речи. Жители северных штатов США находят, что речь южан слишком медленная, и потому считают их ленивыми и глупыми. Южане же, в свою очередь, характеризуют северян как резких и нетерпеливых. Американцы традиционно говорят громче, чем британцы, из-за чего в Европе жителей США считают напористыми и вульгарными. Американцы же находят британцев холодными, бесчувственными и недружелюбными.

Сигналами региональной идентичности также становится специфическая лексика. Диалектизмы и различия в наименованиях одних и тех же реалий могут вызвать непонимание даже внутри одной страны, не говоря уже о том, что они могут серьезно осложнить МК. Так, в некоторых частях США слово *soda* обозначает безалкогольный напиток, а в других — смесь мороженого с безалкогольным напитком; *egg cream* — смесь минеральной воды, сиропа и молока или смесь яйца со сливками. Одно и то же явление в разных местностях может

обозначаться разными наименованиями. Человек, затрудняющий движение транспорта, называется *rubbernecker* в Техасе, *ganker* в Детройте и *Loukie-Lou* в Лос-Анжелесе (Gamble and Gamble 1990: 83).

Поразительный случай описан в статье Б. Иванса "*America Talking*": полиция смогла поймать террориста, наводившего ужас на весь Нью-Йорк (Mad Bomber) только благодаря тому, что в одном из писем, содержащих угрозы, он употребил выражение *well-coupling*, специфичное для Вестчестера. Если бы он был жителем Нью-Йорка, он написал бы *line-pipe coupling* (Battles et. al. 1976: 270).

Важным принципом структурирования культуры также является деление на столицу и провинцию. В России существует тенденция рассматривать провинциальную культуру как второстепенную, зависимую от столичных влияний. Однако культурная жизнь провинции выступает как хранительница самобытных традиций, подлинного патриотизма и народного духа, воплощение устойчивости и преемственности (Ерасов 1997: 260). Многие великие русские писатели, художники, ученые выросли и сформировались именно в провинции. До сих пор она остается средоточием ценностей интеллигенции. В России, вследствие большей централизации политической и культурной жизни, деление на центр и провинцию проявляется сильнее, чем в США, где люди не столь "заиклены" на превосходстве столичной жизни. Это различие также влияет на самоидентификацию столичных и провинциальных жителей двух стран.

Для США характерна более высокая, чем в России, степень географической мобильности. К началу 90-х гг. около 17% населения ежегодно меняли местожительство, причем более 6% переезжали в другой штат или другую страну. На жизнь каждого взрослого приходилось в среднем 8 переездов (Light et al. 1989: 267). Высокая степень мобильности американцев, неумение пустить корни нередко вызывает чувство недоумения у русских. Американцы, в свою очередь, удивляются, почему русские в такой степени привязаны к определенному месту, где родятся, живут и умирают.

§2. Классовая идентичность

Несмотря на то, что Соединенные Штаты исторически развивались как классовое общество, в среде американцев существует некая противоречивость в подходах к понятию классов. Миф о бесклассовом обществе и возможности неограниченного продвижения вверх

по карьерной лестнице уживается с глубоким социальным и имущественным расслоением общества.

Большая часть населения США относит себя к среднему классу. По определению, средний класс представляет собой общественный слой, включающий в основном профессионалов (*professionals*) и "белые воротнички". Традиционными ценностями среднего класса являются стремление к респектабельности и материальному достатку, крепкой семье и хорошему образованию (Леонтович, Шейгал 2000). В связи с тем, что отсутствуют четкие критерии для определения концепта "средний класс", границы его в США размыты и неопределенны. Кроме того, сам средний класс неоднороден и делится на *lower middle*, *middle middle* и *upper middle*. Люди склонны завышать свое классовое положение, поэтому нередко их собственные представления не совпадают с мнением экономистов и социологов. Существует точка зрения, что из-за роста доходов и улучшения образовательного уровня границы среднего класса расширяются. Согласно другому мнению, количественный состав среднего класса, напротив, уменьшается (*middle class is shrinking*), поскольку снижается нижняя граница доходов и идет рост имущественной дифференциации.

Средний класс противопоставляется рабочему классу. Само понятие "*working class*" имплицитно предполагает недостаточный уровень образования, вкуса и умения себя вести. Американской элитой считаются люди, владеющие "старыми деньгами" и принадлежащие к "старым семьям". Выражение *old money* обозначает потомственное богатство и потомственную денежную аристократию. В противовес ему, словосочетание *new family* используется по отношению к нуворишам, не имеющим аристократической истории.

Сигналами классовой идентичности являются одежда, машина, качество жилья, еда, читаемая пресса, а также язык личности как свидетельство полученного воспитания и образования. Несмотря на терпимость американцев к акцентам, хороший английский язык по-прежнему считается средством продвижения вверх по социальной лестнице. Произношение, выбор лексики, грамматика, некоторые паралингвистические особенности, специфика невербального поведения и речевые стратегии играют роль социальных маркеров. По выражению Дж. Стайнера, речь высшего класса становится своего рода гербом и инструментом иронического исключения чужаков из своих рядов (Steiner 1975: 32). С другой стороны, одним из важнейших маркеров принадлежности к рабочему классу является ненормативная речь. Кроме того, на уровне языка закреплены негативные коннотации по

отношению к тем, кто не принадлежит к среднему или высшему классу, например:

"redneck {букв. *красная шея*} *неодобр.* деревенщина неотесанная: о жителях южных штатов, белых бедняках, сельскохозяйственных рабочих, у которых от работы на свежем воздухе сильно загорает шея. В США существует определенный стереотип восприятия этой социальной группы как людей недалеких, малообразованных, с предрассудками, ярко выраженными расистскими и сексистскими взглядами, ездящих на грузовиках-пикапах и всегда имеющих при себе винтовку;

hard hat {< *hard hat* — *защитный шлем*} 1. строительный рабочий
2. тупоголовый реакционер, консерватор из рабочих;

white trash *пренебр.* "белые отбросы", "белые голодранцы" (в южных штатах) низший социальных класс белого населения; бедные и необразованные белые, особ. батраки. Также **poor white (trash)** (Ленонвич, Шейгал 2000).

Язык среднего класса выступает как средство консолидации и унификации американского общества, поддержания традиционных взглядов, ценностей и идеологических подходов и обеспечения классовой преемственности между различными социально-экономическими группами. Такая роль английского языка имеет как своих сторонников, так и противников.

Например, М. У. Эппл (Michael W. Apple) и другие марксисты полагают, что доминантная культурная группа навязывает обществу язык, символы, ценности и идеи капиталистического общественного устройства, не оставляя места для альтернативных символов, ценностей и идей. С. Бауэлс и Г. Гинтис выводят "принцип соответствия" (*correspondence principle*), согласно которому школьное преподавание отражает разные "статусные культуры". В престижных школах уделяется больше внимания правильной речи, нежели в школах для детей из бедных семей, где более терпимо относятся к речевым отклонениям от нормы, например, сленгу. В результате школьники из высшего и среднего класса лучше подготовлены для получения престижных должностей, поскольку лучше владеют языком и знают, как себя вести (Light et al. 1989: 494—495).

Классовая структура в США не является статичной. Американцы гордятся высоким уровнем социальной мобильности в своей стране. Феномен продвижения из самых низов вверх по социальной лестнице получил в США название "история Горацио Алджера" (*Horatio Alger story*): "работай, добивайся успеха, богатей" (*work hard, have some*

luck, become rich). Однако социологические исследования показывают, что даже при росте благосостояния большинство населения остается в границах своего класса, а число представителей смежных поколений, которым удастся "перепрыгнуть" из одного класса в другой, не очень велико.

В связи с социально-экономической динамикой российского общества, определить границы классов в России еще сложнее. После победы Октябрьской революции, в основе которой была заложена идея классовой борьбы, механизмами построения бесклассового общества стали репрессии и террор. В связи с этим многие "атрибуты" классовой идентичности (аристократическая речь, манера поведения, коммуникативные стратегии, выбор тематики дискурса) были утрачены. Принадлежность к классу рабочих и крестьян рассматривалась как безусловное преимущество. Вплоть до перестройки детям из семей рабочих и крестьян отдавалось предпочтение при приеме в вузы.

Хотя сегодня имущественное расслоение российского общества явно указывает на существование классов, реальные критерии для их выделения отсутствуют. Все чаще используется термин "средний класс", однако понятие это, как и сама реалья, находится в стадии становления. Не определены параметры, по которым будет рассматриваться принадлежность к среднему классу: финансовое положение, образовательный уровень, профессия, социальное происхождение? Как бы то ни было, русское и американское понимание того, что есть "средний класс", существенно расходятся. Главная причина этого несовпадения кроется в том, что экономическое положение "среднего" россиянина намного хуже, чем "среднего" американца. Кроме того, в России высокий уровень образования далеко не всегда сопровождается материальным благосостоянием, что еще более осложняет задачу идентификации классовой принадлежности.

Серьезное противоречие наблюдается в российском и американском восприятии концепта "новые русские". Даже в России это словосочетание употребляется с разными коннотациями. Однако для подавляющего большинства носителей языка оно ассоциируется с малообразованными и безнравственными нуворишами, заработавшими деньги криминальным путем, героями многочисленных анекдотов. Иностранцы и, в частности, американцы почти всегда интерпретируют это понятие как комплимент, имея в виду тех, кто "приведет Россию к счастливому будущему".

Совершенно особую социальную группу в России составляет интеллигенция. Сегодня этот концепт стал одним из ключевых для по-

нимания русской культуры (см. его подробное описание в кн.: Степанов 1997). Определяемое словарями как "работники умственного труда, обладающие образованием и специальными знаниями в различных областях науки, техники и культуры" (Ожегов), это понятие на самом деле является намного более емким и вмещает в себя множественные смыслы и ассоциации. Однако, если обратиться к носителям русского языка, постоянно употребляющим слово "интеллигенция", с просьбой истолковать его значение, будет заметно, как нелегко им это сделать. На вопрос: "Является ли всякий человек с высшим образованием интеллигентом?", как правило, отвечают отрицательно. С другой стороны, нет однозначного ответа и на вопрос "Обязательно ли иметь высшее образование для того, чтобы быть интеллигентом?". Для определенной категории людей принадлежность к интеллигенции считается престижной. Однако фразы типа: "Мы, интеллигентные люди...", как правило, характеризуют говорящего как человека не слишком интеллигентного. Более явно непринадлежность к интеллигенции проявляется в отрицательной коннотации, придаваемой этому слову в речи (напр.: "гнилая интеллигенция").

Хотя слово *intelligentsia* воспринято английским языком (*intelligentsia — the people regarded as, or regarding themselves as, the educated and enlightened class* — Webster), оно обозначает понятие, чуждое американской ментальности, и имеет стойкие ассоциации с Россией. Исследователи не раз отмечали антиинтеллектуализм американского общества (напр.: Commager 1950: 10). Существует распространенное мнение о том, что президент США как демократического общества должен пользоваться общедоступным языком на уровне восьмого класса средней школы. Г. Барнс приводит пример, когда кандидат в президенты жаловался на умников-интеллектуалов (*pointy-headed intellectuals*), которые даже не могут толком припарковать свой велосипед (Barnes 1984: 79).

Специфически американским концептом, употребляемым в связи с социальной идентичностью, является концепт "*professional*", не имеющий аналога в русской культуре. Существительное *professional* используется по отношению к высококвалифицированным специалистам, оказывающим платные услуги клиентам. Принадлежность к этой социальной группе предусматривает высшее образование и ученую степень не ниже бакалавра, высокое социальное положение, престиж и материальное благосостояние выше среднего. Подобно тому, как русские испытывают затруднения при определении слова "интеллигенция", американцам сложно объяснить, кто в США считается

"профессионалом". Обычно после некоторого раздумья они относят в эту социальную группу врачей, юристов и квалифицированных бухгалтеров (CPA). Далее список варьируется: некоторые информанты включают в него вузовских преподавателей, другие — квалифицированных психологов и т. д.

Если сопоставить концепты "*professional*" и "*интеллигенция*", становится ясно, что первый из них является чисто социальным, второй — идеологическим и нравственным. Обычно для объяснения того, кто такие русские интеллигенты, в США используется слово *intellectuals*. Однако еще Н. А. Бердяев предупреждал: "Западные люди впали бы в ошибку, если бы они отождествили русскую интеллигенцию с тем, что на Западе называют *intellectuels*. *Intellectuels* — это люди интеллектуального труда и творчества, прежде всего, ученые, художники, профессора, педагоги и пр. <...> Интеллигенция была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой. <...> Для интеллигенции характерна беспочвенность, разрыв со всяким сословным бытом и традициями, беззаветное увлечение идеями, оторванность от реального социального дела и социальная мечтательность, фанатическая раскольниковья мораль" (Бердяев 1990а: 17—18).

Слово *intelligent* — "ложный друг переводчика", означающий "умный", нередко используется русскими в значении "интеллигентный". Это неизбежно приводит к коммуникативным сбоям, как в следующем забавном примере:

Пожилая американка приехала в Россию на длительное время и купила себе теплое зимнее пальто. Ее русская знакомая, раньше видевшая ее только в куртке, сказала: "At least now you look intelligent."

§3. Имущественная идентичность

"Американская культура преимущественно материальна, — замечает Г. С. Коммаджер, — ее мышление и стандарты количественны. Нормальный американец имеет тенденцию всему давать количественное выражение, даже таким качественным явлениям, как религия и искусство <...> и имеет склонность приписывать финансовую ценность объектам общественного интереса <...> не потому, что он в первую очередь интересуется деньгами, а потому что деньги являются наиболее удобным количественным критерием" (Commager; цит. по: Battles et al. 1976: 174).

В американском варианте английского языка существуют многочисленные наименования, разговорная и сленговая лексика, связанная с деньгами: *mill, cent, nickel, dime, quarter, dollar, eagle, buck*. Фразеологический фонд преимущественно отражает положительное отношение к богатству:

as sound as a dollar;
feel/look like a million dollars;
be well fixed;
well-to-do;
in the dimes;
on easy street;
sitting pretty;
give one a run for one's money;
have money to burn;
make good money, и т. д.

Русская фразеология, напротив, изобилует пословицами и поговорками, которые, по выражению Ю. С. Степанова, отражают "русское "нежадное" отношение к деньгам, "нестяжательство" в русском национальном характере" (Степанов 1997: 665):

Бедность не порок.
С милым рай и в шалаше.
Чем богаты, тем и рады.
Что есть в печи, все на стол мечи.
Дешево и сердито.
Не хлебом единым жив человек.
Курочка по зернышку клюет, да сыта бывает.
Не в деньгах счастье.
Не имей сто рублей, а имей сто друзей.
Не все то золото, что блестит.
По одежке встречают, по уму провожают.

С. Г. Тер-Минасова также отмечает, что в русском языке отражается "преходящий характер богатства, его вредное влияние", и иллюстрирует эту мысль многочисленными пословицами и поучениями из Толкового словаря В. И. Даля (Тер-Минасова 2000: 174). Интересно наблюдение Й. Ричмонда, который отмечает: "Русские признают, что американцы намного богаче их, но терпеть не могут, когда с ними говорят свысока". Он пишет о том, что русские противопоставляют материальному богатству американцев свое духовное богатство: "We are envious of your material wealth, but don't flaunt it. We know you have it" (Richmond 1997: 144).

Исходные посылки и инференции могут оказывать влияние на ход коммуникативного процесса. Многие русские убеждены, что все американцы богатые ("У них есть деньги, пусть они за нас и платят"). Американцы же, имея дело с русскими бизнесменами, часто недооценивают уровень материального благосостояния своих партнеров. Ориентируясь на свои старые представления, они считают, что осчастливят их, предложив им небольшие сделки, и не отдают себе отчета в том, какими суммами ворочают некоторые русские бизнесмены. Бывают и противоположные случаи: американцам трудно себе представить, что русские могут потратить все — в буквальном смысле этого слова — деньги на прием гостей, и поэтому не оценивают по заслугам степень русского гостеприимства.

Поскольку сигналы имущественного благосостояния в двух культурах различны, русские и американцы нередко ошибаются в отношении материального достатка друг друга. Например, восьмая или девятая модели "жигулей" или трехкомнатная квартира не воспринимаются американцами как признак благосостояния. Большое количество подделок одежды известных фирм (напр., "Nike" или "Addidas") приводит к тому, что в России эти торговые марки далеко не всегда несут адекватную информацию об имущественном статусе личности. "Новые русские", с другой стороны, усиленно посылают сигналы о своей материальной состоятельности в виде золотых цепей и колец на всех пальцах, мерседесов и многоэтажных "коттеджей". Впрочем, в российском обществе наблюдается очень высокая степень динамики символической системы, связанной с уровнем материального благосостояния: облик "новых русских", которые в начале 90-х годов ассоциировался с красными пиджаками и дорогими спортивными костюмами, за последнее десятилетие претерпел значительные изменения.

Помимо рассмотренных выше параметров проявления социальной идентичности, можно вести речь о профессиональной, религиозной, политической и прочих видах идентичности. Социолект выполняет функцию обозначения социальной солидарности или, напротив, социальной дистанции (в рамках понятий "свой" и "чужие").

§4. Статус

Идея социально-языковой стратификации теснейшим образом связана с понятием статуса. В данной работе статус рассматривается как суммарное явление — совокупность различных параметров со-

циальной идентичности личности, позволяющая определить ее место в обществе. Статус включает врожденные и приобретенные, главные и второстепенные социальные роли.

Если внутри одной культуры сигналы социальной идентичности прочитываются более-менее адекватно, в МК восприятие происходит через призму собственных представлений о социальном составе общества. Это означает, что: 1) в качестве основы восприятия используется модель социальной стратификации собственного общества; 2) для расшифровки сигналов используется собственный лингвокультурный код.

Результатом межкультурного несовпадения может стать неверное восприятие собеседника — представителя другой культуры — и/или кризис собственной идентичности. Рассмотрим последнее замечание подробнее. Равенство социальных статусов коммуникантов продуцирует симметричное общение; результатом статусного неравенства становится асимметрия. В межкультурном общении недооценка или переоценка статуса партнера может стать причиной серьезных коммуникативных просчетов, вплоть до международных конфликтов. В качестве примеров можно привести недостаточное внимание, оказанное важному гостю; неадекватное распределение ролей в делегации; опубликование в газете статьи, где названы имена незначительных гостей и не упомянуты важные лица и т. д. С другой стороны, русские иногда имеют тенденцию принимать американское гражданство за статусность, и это отражается в их поведении в процессе МК.

Кроме того, оказавшись в чужом культурно-языковом пространстве, человек, обладавший весомым статусом в родной культуре, вынужден заново самоутверждаться. Он разрывается между своей привычной социальной ролью и вновь обретенным статусом чужака-иностранца, т. е. возникает "ролевой конфликт", который может стать причиной кризиса идентичности. Вот почему умение правильно кодировать информацию о собственном социальном статусе и декодировать сигналы социальной идентичности собеседника приобретает большое значение в МК и помогает избежать коммуникативных сбоев.

Важной предпосылкой, определяющей особенности статусного общения между русскими и американцами, является достаточно высокая степень демократизма, характерная для обеих лингвокультур, но в каждой из них имеющая свои особенности.

С момента появления первых европейских поселенцев на территории Америки демократизм считается главной чертой американского образа жизни. Вслед за целым рядом президентов (Э. Джексон, А. Линкольн, Дж. Гарфильд и др.), все американцы хотели бы родиться в бревенчатой хижине, поэтому идиома *log cabin* стала символом скромного простонародного происхождения, а также сильного, стойкого человека, закаленного трудностями жизни на границе (*frontier*). Акцент и произношение, имевшие столь важное значение для британцев, перестали быть статусной характеристикой. Английские титулы исчезли или изменили свое значение. В Америке каждого мужчину называли джентльменом, а каждую женщину — леди. Стратификация американского общества была не столь значительна, как в Англии. Как пишет Г. С. Коммаджер, обращения *doctor* к каждому деревенскому аптекарю и *professor* к каждому учителю были в большей степени проявлением дружелюбия, нежели отражением статусных характеристик (Commager 1950: 16).

В XX в., однако, отношение к классовой принадлежности и статусности стало меняться. Реклама стала апеллировать к снобизму американцев, мораль приобрела классовую коннотацию, стала наблюдаться вульгаризация вкуса. "Стало ясно, — пишет далее Коммаджер, — что рекламодатели клеветали на американский характер, и было также ясно, что американцы терпели и даже вознаграждали тех, кто на них клеветал" (Commager 1950: 415—417).

Таким образом, сегодня в американской коммуникативной системе проявляются две противоположных тенденции. С одной стороны, статусность играет не последнюю роль в системе американских ценностей. С другой стороны, демократические традиции требуют того, чтобы общение оставалось неформальным и симметричным. Поэтому социальное неравенство в процессе коммуникации сглажено и проявляется не столько в эксплицитной, сколько в имплицитной форме. США — это общество, где, как пишет К. Сторти, президент может очень явно выразить свое отношение к проблеме статусности, когда он самостоятельно несет собственный чемодан от вертолета к Белому дому или покупает кофе в Макдональдсе (Storti 1990: 64). Американская небрежность в речи, одежде, еде и манерах также считается проявлением демократизма.

В России сословность была ликвидирована в результате революции 1917 г., когда было провозглашено, что кухарки могут править государством. Новая политическая система была призвана установить всеобщее равенство. Долгие годы на официальном уровне счи-

талось "престижным" быть из семьи рабочих или крестьян. С другой стороны, административно-командный стиль руководства наложил отпечаток на характер общения на всех уровнях социальной иерархии. Постепенно социалистическое общество сформировало собственные ценности и понятия о статусе. Стало престижным иметь высшее образование, ученые степени, руководящие должности в государственных учреждениях и состоять в партии. Перестройка, в свою очередь, кардинально изменила критерии, по которым общество стало судить о статусе. Вместо того, чтобы стать основой истинного правления народа, демократия "российской закваски" породила ситуацию, в которой социальные связи между людьми предельно осложнились. Сегодня статусность определяется с точки зрения работы в бюджетной/небюджетной сферах, размера зарплаты и обладания имуществом. Отношение к образованию неоднозначно — с одной стороны, считается престижным дать своим детям хорошее образование, с другой — речь идет не о самооценности образования, а о его способности стать базой будущего благосостояния.

Как отмечают О. Б. Сиротинина и В. Е. Гольдин, меняющееся социальное самосознание общества приводит к изменениям в русской речевой среде; ослабляются культурно-речевые нормы; предлагаются и отчасти осуществляются разнообразные меры "раскрепощения", "оздоровления" и "расширения" русской речи; активно развивается "среднелитературная" речевая культура в противовес элитарной (Сиротинина, Гольдин 1994: 109—110).

Неоднозначность подходов к статусности как в России, так и в США, создает ситуацию, в которой очень трудно разобраться участнику МК. Положение осложняется тем, что формы выражения статусных характеристик многообразны и имеют свои национально-специфические особенности.

Каждая социальная позиция предполагает использование соответствующих коммуникативных норм, которые включают:

- произношение;
- формы обращения к собеседнику;
- выбор лексики, приличествующей положению языковой личности в обществе;
- манеру вербального и невербального поведения;
- параметры молчания (длину паузы, место молчания в речевой цепи);
- следование грамматическим правилам или отклонение от них;
- выбор коммуникативной дистанции и коммуникативных стратегий;

- модальность сообщения (например, использование повелительного наклонения или вводных фраз, выражающих неуверенность в себе);

- использование параязыковых средств (уверенность/неуверенность интонации, громкость голоса и т. д.);

- жанрово-стилистическую вариативность.

Пытаясь оценить статус человека, следует обращать внимание на то, что и как о нем говорят окружающие. В связи с этим следует научиться правильно интерпретировать ярлыки, используемые в данном обществе для оценки социальной идентичности. Под ярлыками в данном случае мы подразумеваем любые наименования, которые могут использоваться для описания статуса и которые не существуют вне своих реляционных значений. В результате того, что ярлык имеет смысл лишь в ряду других наименований-ярлыков, а ряды эти могут не совпадать в разных лингвокультурах, возможно возникновение "межкультурного конфликта" значений. Например, русская степень *доктора наук* не имеет эквивалента в американской академической системе. То, что в США называется *Doctor*, скорее соотносится с русским *кандидатом наук*. Но у американцев наименование (*doctoral*) *candidate* используется для обозначения соискателя степени *Doctor*. Неудивительно, что русским и американцам бывает трудно разобраться в наименованиях ученых степеней друг друга.

Уровень владения речью является важным показателем статуса коммуниканта. Даже при хорошей языковой подготовке иностранцу нелегко оценивать речь носителя чужой лингвокультуры с точки зрения статусности. Например, от американцев ускользают такие детали, как непрестижный акцент Горбачева или косноязычие Черномырдина.

С другой стороны, правильная речь обуславливает престижность и приятие коммуниканта определенными социальными группами. Вот почему русским с хорошим лингвистическим образованием (и часто британским произношением) не стоит комплексовать, находясь в США, т. к. они, даже невзирая на небольшой акцент, воспринимаются как культурные, образованные люди.

Статусные показатели варьируются в речи в зависимости от ситуации общения. А. Д. Швейцер утверждает, что "при переходе от ситуаций непринужденно-бытового общения к ситуациям более официального характера соотношение между субстандартными и стандартными формами изменяется в пользу последних" (Швейцер 1983: 103). Кроме того, переключение статусных отношений может сопро-

вождаться переключением социолектов (Карасик 1992: 16). Именно неумение пользоваться этими переходами, владение лишь одним ситуативным вариантом английского языка — проблема многих русских, не готовых к адекватному общению в неформальных ситуациях. С другой стороны, увлечение некоторых студентов сленгом и фразеологизмами чревато их неуместным употреблением. Они не отдают себе отчета в том, что "использование сленга указывает на почти братские отношения между коммуникантами, в то время как употребление разговорной лексики подчеркивает лишь неформальность социальной ситуации" (Battles et al. 1976: 266).

Важным показателем, маркирующим статус собеседников, является коммуникативная дистанция между ними. У русских существует два универсальных языковых средства, служащих показателями социальных взаимоотношений: *ты/Вы* и имя-отчество, используемые в обращении. Поскольку в английском языке эти средства отсутствуют, коммуникативная дистанция для американцев — понятие более расплывчатое и неясное. Это особенно заметно, когда русский и американец, долгое время общавшиеся между собой по-английски, переходят на русский язык и оказываются в замешательстве: как обращаться друг к другу — на ты или Вы?

Отсутствие указанных выше средств в английском языке в известной степени компенсируется различными формами обращения. Так, например, к доктору в США всегда обращаются с использованием его титула *Dr.* Этот титул остается показателем статуса, даже если он не сопровождается фамилией, в то время как обращения *Mr.*, *Mrs.*, *Miss* без фамилии считаются обезличенными и даже, более того, грубыми. Обращение *boy* используется по отношению к слугам. Поэтому, когда белый полицейский обращается таким образом к врачу-негру, приехавшему на Юг США, это означает, что он категорически отказывается принять его статус и относится к нему не более чем к слуге. В этом случае обращение становится средством расовой дискриминации.

Обращение *Ms.*, употребляемое перед фамилией женщины независимо от ее семейного положения, считается предпочтительным по сравнению с *Miss* и *Mrs.* Эта форма, которая прочно вошла в употребление в 70-х гг. XX в. в результате борьбы женщин за свои права, уравнивает женщину с собеседником-мужчиной, поскольку обращение *Mr.* также не указывает на его семейное положение.

В США неформальность используемых в общении языковых средств выступает как свидетельство американской демократии. Ког-

да начальник и подчиненный называют друг друга по имени, это позволяет подчиненному "сохранить лицо". Американские преподаватели стремятся строить демократические, неформальные отношения со студентами, иногда вплоть до полного равенства. Некоторые из них разрешают студентам называть себя по имени. В России такая степень фамильярности невозможна: *Вы* и имя-отчество оказываются двойным маркером статусного неравенства. Тем более неприемлемо для русской лингвокультуры использование уменьшительных имен в ситуациях официального общения — то, что для американцев считается нормой, напр. *Bill Clinton* или *Jimmy Carter*. Это межкультурное различие нередко дает о себе знать при общении русских и американцев. Так, на международной научной конференции очень неуместно звучит имя *Саши*, обращенное к русскому профессору.

В целом диапазон русских обращений очень широк, благодаря многочисленным уменьшительным суффиксам, выражающим тончайшие нюансы взаимоотношений, которые невозможно передать средствами английского языка. *Дуня*, *Дунечка*, *Дуняша*, *Евдокия Романовна* у Достоевского при переводе на английский язык утрачивают свою окраску. Неносителям языка трудно определить степень уместности таких обращений в различных контекстах. Вот почему в учебных ситуациях, анализируемых одной известной иностранной фирмой, комично звучат обращения *Серезжа*, *Витя*, *Петрович*, якобы используемые руководителями высшего звена крупного российского предприятия при официальном общении.

Но даже учитывая склонность американцев к неформальному общению, надо проявлять осторожность в выборе формы обращения к собеседнику. При этом следует учитывать возраст и социальное положение собеседника, этническую и профессиональную принадлежность, а также личные предпочтения.

Очень ценным для МК является умение коммуниканта поставить себя на место собеседника и, таким образом, "пропустить через себя" коммуникативную ситуацию, одновременно сыграв роль адресанта и адресата. Если оба собеседника овладеют этой техникой, они смогут выбрать адекватные коммуникативные средства для того, чтобы им обоим было комфортно в ситуации межкультурного общения.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ

КОММУНИКАТИВНАЯ ДИСТАНЦИЯ
СТАТУС

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

1. Каким образом обнаруживает себя географическая идентичность индивида?
2. Какие стереотипы, связанные с географической идентичностью, существуют в России и США?
3. Поразмышляйте на тему о том, в чем заключаются различия в восприятии понятия "средний класс" в России и США. Как вы понимаете следующее высказывание: "Язык среднего класса выступает как средство консолидации и унификации американского общества"?
4. Чем различаются сигналы имущественной идентичности в российской и американской лингвокультурах?
5. Назовите показатели статуса, используемые в российском и американском обществе.
6. Почему неверное восприятие статуса собеседника может привести к кризису идентичности?

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Какие параметры социальной идентичности коммуникантов обозначены в следующем тексте при описании американской толпы?

"Вскоре я заметил, что слился с этой беззвучно шагавшей, жестикулирующей и артикулирующей толпой. Я оглядывался во все стороны, и мне казалось, что я вижу среди идущих немало то ли знакомых, то ли примелькавшихся лиц: своих соседей по кондо, джоггеров, шоферов грузовиков, патрульных, профессоров-либералов-консерваторов, стареющих хиппи, двух поэтов и пяток киношников, дипломатов из Ди-Си, китайских кулинаров, директора, адмирала, писательницу романтического направления, адвоката и чиновницу, водителя скул-баса, студентов-тройнецов и студенток-амазонок, пару кандидатов в президенты, болельщиков футбола, женских активистов, нищих, яппи, фотографа с тремя котами, грабителей, священника, синклит русистов, джазменов, нудиста <...>".

(В. Аксенов. В поисках грустного бэби)

2. Объясните, какие лингвокультурные явления обыгрываются в следующей юмористической подборке:

Rules For A Northerner Movin' South

- If you forget a Southerner's name, refer to him (or her) as "Bubba." You have a 75% chance of being right.

- Just because you can drive on snow and ice does not mean we can. Stay home the two days of the year it snows.

- Don't be surprised to find movie rentals and bait in the same store.

- If it can't be fried in bacon grease, it ain't worth cooking, let alone eating.

- Remember: 'Y'all' is singular. "All y'all" is plural. "All y'all's" is plural possessive.

- There is nothing sillier than a Northerner imitating a Southern accent, unless it is a Southerner imitating a Boston accent.

- Get used to hearing, "You ain't from around here, are you?"

- People walk slower here.

- Don't be worried that you don't understand anyone. They don't understand you either.

- The first Southern expression to creep into a transplanted Northerner's vocabulary is the adjective "Big ol'," as in "big ol' truck" or "big ol' boy." Eighty-five percent begin their new Southern influenced dialect with this expression. One hundred percent are in denial about it.

- The proper pronunciation you learned in school is no longer proper.

- If you hear a Southerner exclaim, "Hey, y'all, watch this " stay out of his way. These are likely the last words he will ever say.

- Most Southerners do not use turn signals, and they ignore those who do. In fact, if you see a signal blinking on a car with a Southern license plate, you may rest assured that it was on when the car was purchased.

- Northerners can be identified by the spit on the inside of their car's windshield that comes from yelling at other drivers.

- Florida is not considered a southern state. There are far more Yankees than Southerners living there.

- In southern churches you will here the hymn "All Glory, Laud and Honor." You will also here expressions such as, "Laud, have mercy," Good Laud," and "Laudy, Laudy, Laudy."

- You can ask a Southerner for directions, but unless you already know the positions of key hills, trees and rocks, you're better off trying to find it yourself.

Technology Talk For Us Mountain Folk

log on: making a wood stove hot

log off: don't add no more wood

monitor: keep an eye on the woodstove

download: gitten the far wood off the truck

mega hertz: when you're not keerful gitten the farwood

floppy disc: whatcha git from trying to tote too much farwood
ram: that thar thing whut splits the farwood
hard drive: gitting home in the winter time
windows: whut to shut when it's cold outside
screen: whut to shut when it's blak fly season
byte: whut dem dang flies do
chip: munchies fer TV
micro chips: whut's in the bottom of the munchie bag
modem: whatcha do to the hay fields
dot matrix: old dan matrix's wife
lap top: whar the kitty sleeps
keyboard: whar you hang the dang truck keys
software: them dang plastic forks and knives
mouse: whut eats the grain in the barn
mouse pad: that's hippie talk fer the mouse home
mainframe: holds up the barn roof
port: fancy flatlander wine
enter: northern talk fer, "c'mon in y'all"
click: whut you hear when you cock your gun
double click: when the dang gun don't far when you pull the trigger
reboot: whut you have to do right before bedtime when you forgot the kitty's still outside.

Hillbillys

In a small Southern town there was a nativity scene that indicated great skill and talent in its creation. One small feature bothered me though. The three wise men were wearing firemen's helmets.

Totally unable to come up with a reason or explanation, I left. At a "Quik Stop" on the edge of town, I asked the lady behind the counter about th helmets. She exploded into a rage yelling at me: "You darn Yankees never do read the Bible!" I assured her that I did, but simply couldn't recall anything about firemen in the Bible. She jerked her Bible from behind the counter and ruffled through some pages, and finally jabbed her finger at a particular passage. "See it says right here "The three wise men came from afar"."

(Из электронной рассылки)

3. Расхождение по какому параметру социальной идентичности становится причиной межкультурного непонимания в следующей ситуации?

"Глядя на этих приятных людей, внешне вроде бы таких уж "наших", а на самом деле совершенно глухих к нашим проблемам (как, возможно, и мы кажемся им глухими к их проблемам), я думал о той хитрой ловушке, в которой оказалась интеллигенция всего мира, об этой пресловутой "левой — правой" примитивке, разделившей людей по дурацким категориям, о наглом ее давлении, как бы полностью исключаящем всякую возможность негоризонтального движения".

(В. Аксенов. В поисках грустного бэби)

Глава 13. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

It's the moment when you stop worrying about grammar and accent, and allow the other language to possess you, to pass through you, to transform you... To speak another language is to lead a parallel life, the better you speak any language, the more fully you live in another culture.

Barbara Wilson

§1. Формирование межкультурной идентичности

Интерииоризация внешних социально-культурных процессов, определяющих цели, задачи и содержание МК, обуславливает те изменения, которые происходят в личности как результат адаптации к новой культурно-языковой среде. С точки зрения С. Даля, личность, понимаемая как открытая гомеостатическая система, через коммуникацию активно взаимодействует со своим окружением. Внутри собственной культуры личность находится в состоянии равновесия: образ мира соответствует системе используемых культурно-языковых значений. При изменении окружения и столкновении с чужой культурой равновесие нарушается, вызывая состояние стресса. Возникает необходимость адаптации к системе новых значений, что представляет собой процесс активной трансформации. Таким образом, личность восстанавливает внутреннее равновесие через поиск соответствия образа мира изменившемуся окружению и определение собственной роли в видоизмененном коммуникативном контексте (Dahl 1998).

Представим себе человека, попавшего в иную культуру. Он чувствует себя потерянным. Он стучится в двери привычным для него в

родной культуре способом, а они не открываются. Он в отчаянии. Это происходит не только с людьми, слабо владеющими иностранным языком, но и с теми, кто, имея хорошую лингвистическую подготовку, не знаком с социально-культурными нормами функционирования в чужой стране. Последнее обстоятельство является еще одним доказательством того, что культурно-языковая компетенция не исчерпывается знанием языка. Напротив, вопреки ожиданиям, люди, прилично говорящие на иностранном языке, часто испытывают в чужой стране сильный внутренний разлад. Какой тон усвоить? Какой жанр общения выбрать? Как выразить свою неповторимость средствами чужого языка? Какими чертами можно поступиться и в то же время сохранить свое Я? Согласно теории Л. Фестинджера, возникает так называемый когнитивный диссонанс — неприятное состояние, при котором личность начинает осознавать несоответствие между собственным поведением и поведением окружающих. Этот диссонанс заставляет индивидуума модифицировать свое поведение, чтобы восстановить соответствие своему окружению (Boozin et al. 1991: 630). Требуется время для того, чтобы личность смогла адаптироваться к инородной среде и "нащупать" формы и средства самовыражения посредством нового культурно-языкового кода.

Противоречие между самовосприятием и восприятием со стороны окружающих — одна из самых значительных причин культурного шока — состояния физического и эмоционального дискомфорта, возникающего в процессе приспособления личности к новому культурному окружению. Термин "культурный шок" был создан К. Дюбуа в 1951 г. и впервые применен к кросскультурным проблемам антропологом К. Обергом в 1960 г. Поскольку слово "шок" обозначает внезапное и сильное эмоциональное воздействие, а культурный шок имеет кумулятивный характер (причины накапливаются постепенно, из цепи мелких событий, которые трудно идентифицировать), термин этот считается не слишком удачным. Однако другие названия, предлагаемые учеными, такие как *homesickness*, *adjustment difficulties*, *uprooting* либо недостаточно терминологичны, либо чересчур эвфемистичны и не отражают сути явления.

Диапазон симптомов культурного шока очень широк — от слабых эмоциональных расстройств до серьезных стрессов, психозов, алкоголизма и даже самоубийств. Он может продолжаться от нескольких месяцев до нескольких лет, в зависимости от индивидуальных особенностей личности. Можно утверждать, что практически каждый, кто попадает в другую культуру, испытывает ту или иную фор-

му культурного шока. Люди, которые пытаются доказать обратное, скорее всего, находились в чужой стране кратковременно и смотрели на нее из окна автобуса или гостиницы. Чтобы можно было вести речь о культурном шоке, должны быть соблюдены как минимум два условия: 1) человек должен прожить в иной культуре длительное время (более месяца); 2) он должен погрузиться в инокультурную среду и жить в ней не как гость, а как равноправный член.

Генезис культурного шока имеет непосредственное отношение к проблемам общения. Мы принимаем человеческую способность к коммуникации как нечто само собой разумеющееся и не осознаем, какую важную роль она играет в нашей жизни до тех пор, пока не оказываемся в ситуации, чреватой коммуникативными сбоями. Неэффективное общение приводит к тому, что индивид испытывает боль. Однако он не осознает, что источником душевной боли является его неспособность к адекватной коммуникации. Речь идет не только и даже не столько о знании языка, сколько об умении расшифровать культурную информацию, закодированную в невербальных коммуникативных сигналах, о психологической совместимости с носителями культуры, способности понять и принять их ценности.

Сложность аккомодации на ценностном уровне заключается в том, что почти никогда ценностные различия не манифестируются в эксплицитном виде — они обычно закодированы в языке и поведении коммуникантов. Неверное их декодирование приводит к фрустрации и коммуникативным ошибкам. Поведение инокультурной группы может вызывать у личности чувство неприязни, стремление объяснить непонятные поступки путем атрибуции ее членам мотивов, основанных на ранее усвоенных стереотипах. Для МК это означает, что субъект будет неизбежно судить о других, используя себя как меру правильности коммуникации, языкового использования, ценностных ориентаций и т. д. — одним словом, всего того, что важно для взаимопонимания. Отклонения будут рассматриваться как нечто странное и неприемлемое.

Испытывая культурный шок, люди, как правило, не могут верно объяснить причины своего физического и душевного состояния. Дома они ощущали себя умными и интересными собеседниками. В новой культуре оказывается, что не они контролируют ситуацию, а ситуация властвует над ними, отчего возникает чувство безнадежности и бессилия. Некоторые ученые используют по отношению к культурному шоку термин "временная дезинтеграция личности" (Dahl 1998).

Чаще всего наблюдаются следующие виды реакции на культурный шок:

1) попытка избежать взаимодействия с представителями чужой культуры;

2) контакт с чужой культурой, сопровождаемый ее неприятием и постоянной критикой;

3) быстрая ассимиляция в местную культуру путем ее поверхностной имитации и попытки избавиться от собственной культурной идентичности.

Все эти реакции являются неэффективными и скорее усугубляют, нежели разрешают проблему.

Трансформация языковой личности предполагает прохождение через стадию маргинальности, которая представляет собой периферийное положение личности в обществе. О маргинальности обычно говорят в связи с изгоями и иммигрантами. "Переходную личность" воспринимают как изолированного, одинокого и беззащитного человека, вырванного с корнями из привычной среды и тщетно ищущего почву, чтобы укорениться в иной, далеко не эквивалентной среде (Ерасов 1997: 250). Процесс вхождения маргинальной личности в новое общество чрезвычайно труден. Человек оказывается на границе двух культур. С одной стороны, еще сильны старые корни, знакома и понятна старая картина мира, поступками руководят привычные ценности. С другой стороны, старые представления оказываются не столь уж бесспорными, притягательны образы и понятия новой жизни. Как писал Дж. Неру: "Я превратился в странную смесь Востока и Запада, везде не на своем месте, нигде не дома. Возможно, мои мысли и подход к жизни стали скорее западными, нежели восточными, но Индия льнет ко мне, как ко всем своим детям. <...> Я не могу избавиться ни от своего бывшего наследства, ни от недавних приобретений. И то и другое — часть меня <...> и они дают мне ощущение духовного одиночества. Я чужак и иноземец на Западе. <...> Но и в своей стране я порой чувствую себя, как изгнанник" (Nehru 1941: 353).

Межкультурная трансформация — это довольно болезненный переход количественных изменений в качественные. Длительное нахождение в иной культурной среде не обеспечивает этого перехода автоматически: иммигранты могут годами жить в своих общинах и не вступать в достаточное культурное взаимодействие с носителями языка и культуры для того, чтобы сформироваться в межкультурную личность. Существует множество анекдотов (а фактически — случаев из жизни), ярко иллюстрирующих этот тезис, например, ситуация,

когда американец заходит в русский магазин на Брайтон-Бич в США и обращается к хозяйке по-английски, а она кричит мужу: "Сеня, иди сюда, тут иностранец пришел!"

Неосознание своей чужеродности и культурных различий ведет к изоляции и застою. Время в иммигрантских общинах словно останавливается. Так, Е. А. Земская приводит примеры использования русскими эмигрантами старых слов вместо новых (*жалованье*, а не зарплата; *аэроплан*, а не самолет; *перо*, а не ручка; *старческий дом*, а не дом престарелых; *сестра милосердия*, а не медсестра). Она также отмечает применение для обозначения новых реалий старых названий с аналогичными функциями (*оранжад*) и отказ от использования слов, возникших в советское время. Воздействие новой среды обитания проявляется в интерференции: вкраплении иноязычных слов в русскую речь (*амбулянс*, *рефрижератор*), возникновении словообразовательных, лексических и фразеологических калек (*брать ванну*, *стекло антипулемет*), а также в интонационном, фонетическом и грамматическом влиянии чужого языка (Земская 1998: 42—47). Однако усвоение вокабуляра и другие поверхностные изменения не гарантируют дальнейшего развития языковой личности, которая противится признанию культурных различий и осознанному подходу к их преодолению. В этом смысле показателен диалог, иллюстрирующий русскую речь в Бруклине:

— *Сонечка, ну как твои устроились?*

— *Да что тебе сказать? Сидят пока на велфаре. Вся мебель с гарбиджа, квартиру шерят с молодой парой из Киева. А ты как?*

— *Да вот хотела зубы вставить у одного дантиста, а он медикейт не принимает, надо другого искать.*

— *А где ты вчера была? Я тебе звонила.*

— *С внуком в той заразе были, потом в морфан зашли. Кофточку вот на сейле купила, аж 70% дискаунт.*

— *Красивая. Ну ладно, я в лондромат побежала. Привет твоим.* (Профессионалы за сотрудничество 1997: 327).

С одной стороны, участникам этого диалога явно не хватает средств русского языка для адекватного общения; с другой стороны, они по-прежнему живут старыми категориями и пользуются системой старых ценностей. Трудно предположить, что степень их "вращения" в американскую жизнь достаточна для того, чтобы не считаться в ней "чужими". То же и с языком: с одной стороны, старый язык оказывается не способным выразить все реалии и понятия новой жизни; с другой, он еще не вполне родной и не может служить полноценным

средством самовыражения. Сознание чужеродности усугубляется контекстом общения (равно как и языковым контекстом), который оказывается в большей степени приспособленным и благоприятным для "тамошнего" языка и культуры, нежели для родного языка коммуниканта-иностранца. "Чтобы язык мог служить средством общения, — пишет А. А. Леонтьев, — за ним должно стоять единое или сходное понимание реальности. И наоборот: единство понимания реальности и единство и согласованность действий в ней имеют своей предпосылкой возможность адекватного общения" (Леонтьев 1997: 272).

Для многих индивидуумов этап маргинальности остается конечным — им так и не удается достичь полной аккультурации. Состояние переходности, которое приобретает стойкий характер, "делает личность конгломератом разноплановых социальных ролей и культурных ориентаций. Такая амбивалентность нередко ведет к деперсонализации, порождает внутреннюю напряженность, психические расстройства и срывы" (Ерасов 1997: 249).

Для того, чтобы в МК активно осуществлялся процесс трансформации, необходима высокая степень интенсивности межкультурных контактов, которая должна быть выражена как на количественном (частота и длительность контактов), так и на качественном уровне (глубина и насыщенность общения). Степень ассимиляции личности зависит от исходных установок (желания или нежелания стать органичной частью новой культуры), степени включенности в социальную жизнь общества, а также от государственной политики по отношению к иммигрантам (включая языковую политику).

По С. Далю, межкультурный стресс рассматривается как внутреннее сопротивление человеческого организма собственной культурной эволюции. Этот стресс, с одной стороны, является причиной страданий, отчаяния и беспокойства, а с другой — стимулом к учению, расширению кругозора и мировоззрения, гибкости и приспособляемости к новым культурно-языковым условиям, росту культурной и коммуникативной компетентности. Осуществляется отход от строго очерченных норм и паттернов родной культуры, возникает большая терпимость к вариативности поступков, ценностей и норм (Dahl 1998). Сознательный подход к культурным различиям становится силой, которая ведет личность от состояния непонимания или даже враждебности по отношению к новой культуре к ее приятию и почти полному пониманию.

В результате межкультурной трансформации языковая личность претерпевает глубокие изменения. М. Беннетт предлагает развиваю-

шую модель, предусматривающую продвижение от этноцентрических стадий (изоляция и отрицания чужой культуры) к этнорелятивным стадиям: 1) приятию чужой культуры через формирование уважительного отношения к моделям поведения и ценностным ориентирам, 2) адаптации (эмпатии и плюрализму) и 3) интеграции. Беннет указывает на взаимосвязь и взаимообусловленность когнитивного, поведенческого и аффективного аспектов, однако предупреждает, что следует с известной долей условности рассматривать их как следующие друг за другом стадии одного и того же процесса. Первой стадией является когнитивное развитие — выработка релевантных категорий, отражающих культурные различия. Реакция на когнитивное развитие — аффективная, т. к. познающий субъект чувствует угрозу своему устоявшемуся образу мира. Поведенческая стадия предполагает совместную деятельность коммуникантов, направленную к единой цели через консолидацию различий в универсальные категории и формирование межкультурных коммуникативных умений. Беннет полагает, что все три аспекта в конечном итоге интегрируются в так называемую "конструктивную маргинальность" (Bennet 1993).

О боязни потери собственной культурной идентичности (*cultural loss*) написано достаточно много в связи с американским многокультурием и проблемой иммиграции. Трансформация может, с одной стороны, выражаться в постепенной утрате самобытных национально-культурных черт индивидуума и слепом подражании чужой культуре, с другой стороны — в поэтапном формировании межкультурной личности с различным уровнем культурно-языковой и коммуникативной компетенции: от монокультурной стадии через маргинальность к бикультурной или поликультурной стадии. Выделение стадий носит относительный характер, поскольку в современном мире практически невозможно замкнуться в рамках одной культуры, но и полная ассимиляция в неродной культуре вряд ли достижима.

Очевидно, формирование по-настоящему бикультурной личности возможно лишь при врожденном билингвизме или вхождении в другую культуру на очень раннем жизненном этапе. Истинные билингвы "легко переходят от одного языка к другому — отмечает Б. Уильсон, — английские гласные и манера поведения органично уживаются с конструкциями и интонациями урду. Они могут небрежно говорить о своем пакистанском "я" или своей "английской персоне". Но тем из нас, кто поздно пришел в другой язык, всегда удивительно наблюдать, как это происходит — как наступает момент, когда новая личность начинает преобладать над твоим привычным "я", мо-

мент, когда становишься “итальянкой” или “японкой” (Wilson 1993: 159—160).

Как бы талантлив ни был человек, он никогда не становится сто-процентным билингвом, если попадает в страну после того, как его первый язык уже устоялся и остается ведущим. “<...> есть такая тайна природы, закон ее, по которому только тем языком можно владеть в совершенстве, с каким родился, т. е. каким говорит тот народ, к которому принадлежите вы”, — писал Ф. М. Достоевский (Русские писатели о языке 1955: 542).

Межкультурная трансформация не требует обязательного полного билингвизма. Значительно более важную роль играет когнитивная гибкость, осознание межкультурных различий и знакомство со способами их преодоления. Готовность личности к МК зависит от стабильности нервной системы, образовательного уровня, личностных качеств и языковых способностей. У одних процесс межкультурной трансформации занимает месяцы, у других — годы, у третьих он не завершается никогда. Склонность русских к самобичеванию, сверхкритическое отношение к себе ускоряет этот процесс. У американцев, напротив, трансформация идет медленно из-за этноцентризма и уверенности в своей правоте.

Можно, очевидно, говорить о разной предрасположенности представителей разных культур к межкультурной трансформации. В этом смысле представляет интерес следующее замечание И. А. Ильина о различии между русской и западной культурой: “У нас вся культура — иная, своя; <...> у нас иная, особый духовный уклад. <...> И при том наша душа открыта для западной культуры, мы ее видим, изучаем, знаем и, если есть чему, то учимся у нее; мы овладеваем их языками <...> У нас есть дар *вчувствования и перевоплощения*. У европейцев этого дара нет. Они принимают только то, что на них похоже <...> Для них русское инородно, беспокойно, чуждо, странно, непривлекательно. <...> Они горделиво смотрят на нас сверху вниз и считают нашу культуру или ничтожной, или каким-то большим и загадочным “недоразумением” (Ильин 2000: 389).

Своего рода “полигоном” межъязыковых контактов становятся международные организации, для коммуникации внутри которых свойственно постоянное переключение кодов и “слабая степень “языкового скрещения” типа креолизации (гибридизации), когда грамматика языка остается исконной, а лексический фонд обновляется за счет массовых заимствований и калек” (Степанов 1997: 716), например: *панельная дискуссия* или даже *дискуссия на панели* (выражение,

которое могло бы быть неправильно понято вне микроколлектива), меня фрустрирует, хэндауты и т. д. Аналогично, прожив достаточно долго в России, американцы вклинивают в английскую речь русские слова:

With good freinds, a healthy sense of humor, and a friendly babushka, you can handle anything life throws at you.

There will always be at least one person at the naked banya, whose body is far worse than your own.

I bought a venick for the banya at the market...

I come into the apartment and put on tapochki.

...never-ending homemade blinchiki s tvorogom.

If you have to choose between eating holodets and being run down by a trolley, seriously consider the trolley variant.

I used my medical spravka for toilet paper on a train...

(Red Tape. Peace Corps Western Russia. Summer, 2001)

Ю. С. Степанов высказывает мнение о том, что межъязыковые контакты русского языка с английским активизируют такие черты языкового строя, как, тенденция к "номинативности", или "номинализации". Она проявляется в том, что "количество наиболее употребительных глаголов значительно уменьшается и многие глаголы приближаются к положению связочных, в то время как количество словосочетаний, эквивалентных имени существительному, значительно возрастает: высказывание строится из разнообразных имен и именных сочетаний, однообразно связываемых небольшим количеством глаголов; семантический центр тяжести высказывания переносится на имя существительное или именное словосочетание" (Степанов 1997: 716).

Проведенные экспериментальные исследования показали, что индивиды, успешно изучающие иностранный язык, постепенно усваивают и различные аспекты поведения, характерные для соответствующей культурно-языковой группы. "Когда я говорю по-испански, — пишет Б. Уильсон, — я чувствую, как по-другому напрягаются мышцы у меня на лице и новые, хотя и знакомые, жесты овладевают моими руками. Я замечаю, чтожимаю плечами, откидываю назад го-

лову, что у меня опускаются уголки губ и приподнимаются брови. Я все время прикасаюсь к людям и не возражаю, что они стоят так близко ко мне и выпускают мне в лицо сигаретный дым. Я говорю много и быстро <...>" (Wilson 1993: 159—160).

Трансформация наступает в том случае, когда человек более не чувствует себя инородным телом в новой культуре, у него нет ощущения, что он чужой, и он без напряжения может выразить собственную идентичность посредством нового языка.

Высшие стадии межкультурного развития личности в работах американских исследователей обозначены разными терминами: "межкультурная личность" (*intercultural person* — Dahl), "мультикультурная личность" (*multicultural man* — Adler), "медиатор" (*mediating person* — Bochner) и т. д. В исследованиях также используются понятия зрелости (*maturity* — Heath), этнорелятивизма (*ethnorelativism*, в противовес этноцентризму — Bennet), транснационализма (*transnationalism* — Martin), глобальной формы идентичности (*global identity* — Dahl) и транснационального самосознания (*transnational feeling* — Dahl).

Трансформированная языковая личность может успешно участвовать в процессе наведения мостов между представителями разных культур. С. Бокнер определяет культурного посредника как личность, которая функционирует в транснациональной роли, обращается к транскультурной группе и получает транскультурную социальную поддержку. Бокнер выделяет два типа межкультурного посредничества: перевод и синтез. Перевод предполагает точную передачу культурных паттернов от одной группы к другой, в то время как синтез требует установления связей между этими паттернами (Bochner 1972). Речь идет не только о межъязыковом, но и о межкультурном переводе.

Трансформированная идентичность не является частью конкретной культуры, но в то же время и не оторвана от нее, она живет на границе/перекрестке культур. При межкультурном контакте личности функционируют как бы в пространстве "третьей культуры", обретающей формы промежуточных паттернов, действующих на пересечении культур (Adler 1974: 27). Межкультурной личности должны быть свойственны эмпатия, сниженная степень этноцентризма и умение устанавливать значимые взаимоотношения с "чужими".

Таким образом, для адекватной коммуникации необходимо не только владение лингвистическими навыками, но и умение думать и чувствовать как носители языка, — то, что И. И. Халеева называет

формированием "вторичной языковой личности" (Халеева 1989). Успех в изучении языка в значительной мере определяется овладением всем культурным багажом, который сопутствует его употреблению. Кроме того, у полиглота вырабатывается более терпимое отношение не только к языкам, но и к их носителям. Для успеха МК необходимо также, чтобы межкультурные личности формировались не односторонне, а в обеих контактирующих культурах, т. е. чтобы осуществлялось движение культур навстречу друг другу.

§2. Языковая личность в виртуальном мире

Описание тех изменений, которые личность претерпевает в процессе МК, будет неполным, если мы не затронем вопрос о компьютерно-опосредованном межкультурном общении, которое занимает все более прочное место в структуре человеческой деятельности.

Поверхностное знакомство с компьютером постепенно перерастает в привязанность, а затем в наваждение. Интернет дает пользователю возможность пересекать границы государств и культур, благодаря чему происходит интенсификация межкультурных контактов. Если раньше для того, чтобы вступить в МК, надо было путешествовать, то теперь это можно сделать, пощелкивая мышкой у себя дома. В связи с этим наблюдается всплеск коммуникативной активности нового типа. Имеет место эрозия границ между массовой и межличностной коммуникацией, интеллектуальный плюрализм, сочетающийся с личным контролем над коммуникацией. При этом человек воспринимает окружающий мир опосредованно, с помощью инструментов познания, которые играют активную трансформирующую роль в концептуализации действительности.

Результатом развития электронных средств становятся глубокие изменения в структуре личности. Жизнь в киберпространстве — это в высшей степени индивидуализированный опыт: невозможно "бродить по просторам" Интернета вдвоем или группой. Обеспечивая доступ к огромным информационным ресурсам, облегчая общение и позволяя использовать мультимедийные средства (гипертекст), Интернет в то же время имеет разъединяющий эффект и приводит к дальнейшему усугублению индивидуализма. Ученые твердят о том, что Интернет задевает струны примитивного детского нарциссизма (аллюзия к книге М. Маклуэна *"The Curse of Narcissus"*): *My yahoo, My file, My windows*. Меняются отношение ко времени, модели коммуникации, приоритеты. Виртуальное общение приходит на смену реаль-

ному. По мнению психологов, работа в Интернете — это антисоциальная деятельность. Появилась возможность учиться, делать покупки, пользоваться банком, посещать психотерапевта, не выходя из дома. Утрачена возможность обмена опытом и впечатлениями, человеческая близость, чувство плеча. Вспоминается комикс в американской газете: друзья зовут мальчика, сидящего за компьютером, играть; он отвечает им: "Уходите, не мешайте мне общаться!".

При пользовании электронной почтой и эхо-конференциями ряд параметров, составляющих неотъемлемую часть личности в реальном общении (пол, раса, акцент, внешность), нивелируются. Употребление псевдонимов в качестве "имен пользователя" оказывает несомненное влияние на идентификацию и самоидентификацию языковой личности в процессе виртуального общения. Результатом становится развитие псевдоидентичности: в коммуникацию вступает не реальная личность, а та, которой участник общения хочет себя представить. Так, например, женщины, работающие в компьютерном бизнесе, признаются, что облегчают себе жизнь, используя при работе не свое настоящее имя, а "имя пользователя", не отражающее их пол и тем самым увеличивающее степень профессионального доверия к ним коллег-мужчин.

Легкость, с которой можно обмениваться сообщениями по электронной почте, частота контактов, а также желание справиться с огромным объемом информации, к которой дает доступ Интернет, обуславливают изменения в характере употребления языковых средств. В электронной переписке используется эпистолярный жанр, видоизмененный почти до неузнаваемости. Общение стало торопливым и предельно упрощенным. Об этом свидетельствует близкий к телеграфному синтаксис, отказ от заглавных букв, знаков препинания, использование большого количества остроумных сокращений. В коммуникативных стратегиях проявляется большая напористость и прагматизм.

Об упрощении характера общения также свидетельствует широкое использование разговорно-обиходной лексики. Происходит стирание грани между личностно ориентированным и статусно ориентированным общением. Дж. О'Доннелл утверждает, что преобладание неформальных языковых средств указывает на ослабление институционального контроля в обществе, движение к уменьшению иерархичности социальной структуры и более демократичному рынку идей (Harmon 1999: 4). Однако О. Б. Сиротинина высказывает опасение, что формирующиеся в новом поколении языковые личности

вряд ли "переболеют" фамиллярно-разговорным и жаргонизирующим типами языковой культуры, а потом перейдут на элитарный. В лучшем случае вырастут языковые личности со среднелитературным", а скорее всего — литературно-разговорным типом (Сиротинина 1998: 7).

Появляются новые формы выражения эмоций: использование заглавных букв для обозначения крика, "смайлики", вербальное описание эмоциональных состояний в скобках (*grin; shrug*). "Нетрудно заметить, что в "смайликах" все элементарные знаки теряют свое содержание и используются только как носители определенной формы, а полученные сложные знаки, как правило, носят иконический характер и выражают эмотивные смыслы через изображение соответствующей мимики" (Шейгал 1996: 211).

Являются ли все эти новшества проявлением языкового развития или, напротив, упрощением и обеднением языка? С одной стороны, существует мнение, что Интернет заставляет язык развиваться более высокими темпами, отражая тенденции стремительного общественного развития. С другой стороны, приходится констатировать наличие негативных тенденций. Возникает одномерный подход к дискурсу, неумение различать жанровую и стилистическую уместность языковых средств. Из-за заниженных требований к этикету страдает уровень вежливости и уважения к собеседнику (имя-обращение, написанное с маленькой буквы, разговорный стиль в письме студента к преподавателю или подчиненного к начальнику, отсутствие знаков препинания, превращающее письмо в свободный поток сознания). Страдает текстовая оформленность, речевые действия становятся более свернутыми, исчезает вариативность. Возможность автоматического пользования функциями проверки орфографии и грамматики, заранее предлагаемыми форматами (письмо и другие жанры) приводит к ухудшению языковых знаний. Более того, письма часто отправляются непроверенными.

В эпоху Интернета языковая личность приобретает новые измерения, манифестирующиеся в видоизмененных формах. Компьютерные технологии позволяют компенсировать недостаток вербальной информации с помощью мультимедийных средств. Происходит развитие новой идентичности — "визуальной" в противовес "вербальной". "Идеологи" Интернета постоянно говорят об интерактивности — возможности активного взаимодействия пользователя с источником информации. Они утверждают, что, в отличие от кино и телевидения, "зритель" в Интернете — активный участник, который

может выбирать, что смотреть и что не смотреть. Медиа-экологи высказывают иную точку зрения — они полагают, что обычная книга в высшей степени интерактивна, в то время как гипертекст в Интернете линейен, возможность выбора заранее ограничена и предопределена. Если при изобретении письма и печатного станка произошел переход от "устного" (*oral*) к "грамотному" (*literate*) сознанию, сейчас наблюдается обратный процесс, сказывающийся на языковой личности. Существенное снижение способности вербального выражения и восприятия сказывается в учебном процессе, а также в общении поколений. Можно предположить, что у компьютерного поколения происходит возврат к детскому дискурсу, построенному главным образом на основе иконической изобразительности.

Изменение языковой личности происходит в совокупности с формированием виртуальной картины мира, в том числе и языковой, отражающей жизнь в пространстве Интернет с ее специфическими особенностями. Меняется характер группового общения в "глобальной деревне". Дружелюбно ли киберпространство? Хорошо ли там человеку? Здорово оно с точки зрения экологии или патологично? Является оно своего рода сообществом или же местом, где кто угодно может заглянуть в твою личную жизнь? Если это сообщество языковых личностей, то его границы и свойства трудно идентифицируемы. Очевидно, можно утверждать, что пользователи чувствуют себя гражданами пространства Интернет (*netizens*), где действуют свои законы и правила. Происходит изменение ценностей — компьютерное образование ценится больше языкового, поэтому считается особым шиком изъясняться упрощенным языком, противоречащим нормам обычного общения. Внутри пространства образуются более мелкие сообщества, в которых проявляется языковая личность в разных ипостасях. Как и в реальной жизни, пользователь исполняет ряд ролей, но эти роли находят иное выражение. Один и тот же текст воспринимается по-разному, в зависимости от дискуссионной группы.

Специфически проявляется нарушение допустимых норм поведения (*netiquette*), в том числе и языкового. Возникают виртуальные конфликты. Любопытный пример — письмо, отправленное одним из пользователей в Общество любителей кошек (*Cat Lovers*): *"My girlfriend's cat has just died, and I don't want to waste the meat. Does someone know the recipe for a roast cat?"*. Вербальное "хулиганство" такого рода, содержащее в себе противоречие между формой и содержанием, подобно компьютерному вирусу, способно "взорвать" сообщество изнутри. Члены сообщества вынуждены искать новые формы борьбы с

нарушителями. Интересно, что наряду с вербальной реакцией или исключением из конференции, действенным средством оказывается бойкот — решение не вступать с нарушителем в коммуникацию, что тоже является своего рода коммуникацией.

Английский язык, являющийся приоритетным в пространстве Интернет, позволяет представителям разных культур контактировать друг с другом. При этом статус личности различается в зависимости от того, является для нее язык коммуникации родным или иностранным. Требуется определенный уровень владения языком, необходимый для адекватного выражения своего "я". В связи с этим несомненный приоритет в виртуальном пространстве МК имеют носители английского языка. По мнению М. Феттеса, Интернет стал средством иерархического распределения лингвистических навыков и ресурсов как внутри одной нации, так и между различными государствами и языковыми системами. В результате проявилось неравенство лингвистических систем и поглощение одних языков другими. С его точки зрения, языковая геостратегия должна заключаться в очерчивании и защите каждым конкретным языком определенной ниши в глобальной лингвистической экосистеме (Fettes 2000a). Кроме того, специфика электронного дискурса в неодинаковой степени приспособлена для разных культур. Киберпространство в большей степени приемлемо и комфортно для индивидуалистских низкоконтекстных, нежели коллективистских высококонтекстных культур. Возникает потребность в адаптации языковой личности к специфике виртуального мира, вследствие чего происходят сдвиги в культурно-языковых системах.

Знание языка не является достаточным условием для преодоления межкультурных различий. Специалистам известны многочисленные случаи, когда обнародование в Интернете материалов, рассчитанных на международную аудиторию, но не учитывающих культурной специфики разных стран, приводило к "взаимонепониманию", обидам и конфликтам. При создании веб-страниц, предназначенных для МК, приобретает значение кодификация информации не только в словах, но и в выборе цветов, визуальных образов, звукового сопровождения и т. д.

Сказанное выше позволяет утверждать, что результатом виртуального межкультурного общения становятся специфические формы трансформации языковой личности, которые также имеют важные эпистемологические последствия и, по утверждению С. Даля (Dahl 1998), ведут к формированию глобальной идентичности.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ

КУЛЬТУРНЫЙ ШОК

МАРГИНАЛЬНОСТЬ

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

1. Почему термин "культурный шок" неточно отражает характер обозначаемого им явления?
2. Каковы причины возникновения культурного шока? В какой мере они связаны с коммуникацией?
3. Через какие этапы проходит личность в процессе межкультурной трансформации? Почему такая трансформация может рассматриваться как культурный рост личности?
4. Какие факторы играют ведущую роль в процессе межкультурной трансформации?
5. Назовите термины, которые используются для обозначения высших стадий межкультурного развития личности.
6. Каким образом трансформированная личность может выступать в качестве посредника между двумя культурами?
7. Каковы положительные и отрицательные последствия развития компьютерного дискурса? Как они влияют на идентичность языковой личности?

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Что имеет в виду автор следующего текста, когда пишет про "cultural empathy"? "third-culture perspective"? "effective facilitator and catalyst"?

"The intercultural person is equipped with the capacity to function in more than one country effectively. The intercultural person possesses cultural sensitivity, which is linked closely with the ability to show cultural empathy—not only to be able to step another person's shoes but also to "imaginatively participate in the other's world view." A highly intercultural person thus possesses a third-culture perspective and the flexibility to accommodate the roles required by each cultural context, embodying the requisite attributes of an effective facilitator and catalyst."

(W. B. Gudykunst, Y. Y. Kim. *Communicating with Strangers*)

2. Прокомментируйте коммуникативные проявления маргинальности, отраженные в следующем диалоге:

Америка, год 1998, город — любой, русский магазин.

ПОКУПАТЕЛЬ — ПРОДАВЦУ: Мне полпаунда свисс-лоу-фетного творогу.

ПРОДАВЕЦ: Тю!.. Та разве ж творог — свисс-лоу-фетный? То ж чиз!

ПОКУПАТЕЛЬ (*удивляясь*): Чиз?

ОЧЕРЕДЬ (*в нетерпении*): Чиз, чиз! Не задерживайте, люди ж ждут!

ПОКУПАТЕЛЬ (*колеблясь*): Ну свесьте полпаунда чизу.

ПРОДАВЕЦ: Вам послайсить или целым писом?

(*Т. Толстая. Надежда и опора*)

Как этот диалог будет правильно звучать по-русски и по-английски?

3. Почему, на ваш взгляд, русские участники российско-американских проектов иногда употребляют такие слова, как *фандрайзинг*, *суллабий*, *сколаршип*, *бенефициарии*? Как это объясняется в тексте раздела?

4. На какой стадии вхождения в инокультурное общество находится автор следующего текста?

"Сейчас я уже почти американец. Я привык к тому, что меня раньше раздражало, например, к запаху попкорна в кинотеатрах, к слабому американскому кофе, к тому, что футболом называется не-футбол, я привык ставить месяц впереди числа, говорить "у-упс" вместо "оп" и "ауч" вместо "ой", потряхивать кистью правой руки, будто обжегся, если что-нибудь непомерно дорого... Будучи американцем, я уже свободен от безоговорочного восхищения, я вижу не только светлые окна, но и затхлые углы моего нового дома, будучи им "почти", я все-таки временами почесываю себе башку: а не вышвырнут ли меня и отсюда за критиканство?"

(*В. Аксенов. В поисках грустного бэби*)

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПОМЕХИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Человек, по-настоящему мыслящий, черпает из собственных ошибок не меньше познания, чем из успехов.

Д. Дьюн

Глава 14. ПОМЕХИ КАК ПРИЧИНА КОММУНИКАТИВНЫХ СБОЕВ

§1. Понятие о коммуникативных помехах

В предыдущих главах мы неоднократно, хотя и вскользь, затрагивали вопрос о коммуникативных сбоях, которые могут возникать в процессе межкультурного общения. Теперь мы более подробно рассмотрим причины их возникновения с тем, чтобы далее перейти к вопросу о критериях успешности и способах оптимизации МК.

Для обозначения явлений, нарушающих процесс коммуникации, чаще всего употребляют два термина: "помехи" и "барьеры", которые нередко используются как взаимозаменяемые. Мы считаем целесообразным дифференцировать их, чтобы более детально рассмотреть причины, мешающие адекватному межкультурному общению.

Барьерами можно считать те факторы, которые препятствуют осуществлению коммуникации как таковой. К ним относятся незнание иностранного языка в ситуации межкультурного общения или физиологические факторы, как, например, глухота или немота одного из собеседников. Помехи, в свою очередь, — это факторы, которые снижают качество коммуникации: асимметрия, стереотипные реакции, языковые ошибки и т. д. Однако между двумя этими понятиями не существует непроходимой границы. Например, незнание языка не означает полной неспособности к общению, т. к. оно может быть отчасти компенсировано мимикой и жестами. С другой стороны, процесс коммуникации, не осложненный помехами, возможен только теоретически. По разным данным, лишь от 25 до 30% задуманной адресантом информации понимается собеседником; 10% теряется в процессе воплощения задуманного в словесную формулу; еще 40—45% — в момент высказывания, из-за недостатка коммуникативных навыков собеседников (умения говорить и слушать), и еще 20% —

в процессе выслушивания и понимания из-за различий в уровне интеллекта, компетентности и объеме фоновых знаний (Сухих, Зеленская 1998: 52; Gamble and Gamble 1990: 142).

Коммуникативные помехи могут быть трех видов: 1) со стороны источника/отправителя; 2) со стороны получателя; 3) со стороны окружения (Weaver II 1996: 26—27).

Помехи со стороны окружения включают шум и плохую видимость, мешающие восприятию звуковых и визуальных коммуникативных сигналов, физическое расстояние (например, при передаче информации по телефону или факсу) и т. д.

Помехи со стороны участников коммуникации можно подразделить на физиологические, языковые, поведенческие, психологические и культурологические:

➤ **физиологические:**

- дефекты речи и слуха, мешающие производству и восприятию звучащей речи;
- нарушения двигательного аппарата, затрудняющие мимику и жестикуляцию;
- потеря зрения, препятствующая восприятию визуальных сигналов — письменной речи, мимики, жестов;

➤ **языковые:**

- фонетические, лексические и грамматические ошибки в процессе речепроизводства;
- нарушения логики высказывания;
- неверное восприятие речи на слух;
- неправильная интерпретация семантики языковых единиц;
- непонимание грамматических конструкций;
- неумение воспринять целостность текста;
- неверный выбор тональности и регистра общения;

➤ **поведенческие:**

- несовпадение поведения с коммуникативной интенцией;
- неумение внимательно слушать собеседника;
- использование невербальных сигналов, не соответствующих вербальным;
- неадекватные поведенческие реакции на высказывание собеседника;

➤ **психологические:**

- неблагоприятные черты личности (необщительность, замкнутость, подозрительность и т. д.);

- предвзятость;
- узость кругозора;
- неадекватные ожидания;
- чрезмерная эмоциональность;
- завышенная или заниженная самооценка;
- неуважение к собеседнику;
- конфликтные установки;

➤ культурологические:

- различия менталитетов и национальных характеров;
- расхождения в языковых картинах мира, включая восприятие времени и пространства;
- коммуникативная асимметрия;
- действие культурных стереотипов;
- различия в ценностных ориентирах;
- несовпадение культурно-языковых норм;
- расхождения в пресуппозициях и фоновых знаниях;
- культурно-специфические различия в приписываемых языковым единицам коннотациях;
- неодинаковое восприятие юмора;
- различия в коммуникативных стратегиях;
- специфические формы и средства невербальной коммуникации, используемой в разных культурах.

Действие помех может приводить к коммуникативным сбоям, т. е. прерыванию коммуникативной цепочки (как правило, на стадии кодирования или декодирования сообщения), или к искажению информации. Последнее часто становится результатом интерференции — вмешательства факторов родной культуры в интерпретацию сведений о чужой культуре. Психологи выделяют ретроактивную интерференцию (когда новая информация влияет на осмысление старой) и проактивную интерференцию (когда старая информация влияет на восприятие новой) (Boottzin et al. 1991: 229). То и другое встречается в МК и может иметь как положительные, так и отрицательные результаты.

При анализе причин искажения информации представляет интерес и так называемая "серийная коммуникация" — передача информации по очереди от одного коммуниканта к другому (Gamble and Gamble 1990: 143). В таком случае осуществляется множественное, или многоступенчатое, декодирование, сопровождаемое вмешательством многочисленных помех со стороны как участников, так и окружения. Каждый коммуникант склонен опустить ("стереть") часть информации, которая кажется ему несущественной, упростить информацию

перед передачей ее другим лицам или интерпретировать с опорой на собственные психологические особенности и культурный опыт. Это означает, что при серийной коммуникации происходит многократное "редактирование" первоначального сообщения. В результате до 80% информации может искажаться (срабатывает "брехучий телефончик"). В теории коммуникации это явление называется "эффектом дисперсии". В качестве примера можно привести ситуации, когда рассказы путешественников о дальних странствиях через третьи лица попадают в прессу уже в искаженном виде. Аналогичное явление может происходить в процессе перевода, который становится дополнительной ступенью декодирования и интерпретации.

МК осуществляется как на личностном, так и на институциональном уровне, и характер помех на каждом из них имеет свои специфические особенности. Можно выделить следующие помехи, действующие на институциональном уровне:

- утаивание информации в соответствии с интересами власти;
- преднамеренное дозирование общественно значимых сведений;
- структурирование информации в выгодной для властей форме;
- использование двойных стандартов по отношению к внутренним и внешним проблемам;
- предвзятость в подаче информации о других культурах.

Знание участников МК о том, где, когда и по каким причинам могут возникать помехи, позволяет прогнозировать и предотвращать их появление. Поэтому последующие параграфы работы будут посвящены более подробному анализу некоторых видов помех и путей их преодоления.

§2. Асимметрия в российско-американской межкультурной коммуникации

Эффективная система межкультурной коммуникации должна быть устойчивой, целостной, симметричной и обеспечивать равновесие между взаимодействующими культурами. Анализ различных форм асимметрии, возникающих на разных уровнях МК, на примере российско-американской коммуникативной модели дает возможность делать выводы об общих тенденциях, которые могут быть экстраполированы на другие культуры.

Симметричным считается взаимодействие, при котором поведение одного из коммуникантов является зеркальным отражением поведения его собеседника (Gamble and Gamble 1990: 25). Такого рода

общение предполагает полное равенство, взаимное уважение и психологический комфорт. Если поведение одного из собеседников компенсаторно по отношению к другому, т. е. несимметрично, то можно вести речь об отношениях дополнительности. В МК это случается, когда, например, иностранец чувствует себя полностью во власти хозяина и перестает осознавать себя как самостоятельную личность, способную принимать собственные решения.

Нельзя однозначно утверждать, что симметрия в коммуникации является положительным явлением, а компенсаторность — отрицательным. Оба вида взаимодействия имеют право на существование и могут быть приемлемы для различных типов коммуникантов. Однако для МК предпочтительны симметричные отношения, предполагающие равноправный диалог между культурами.

Симметрия в МК теоретически возможна лишь при одновременном соблюдении трех условий: 1) если коммуниканты взаимно признают равенство культур, к которым они принадлежат, 2) встречаются на территории "третьей" страны и 3) используют "третий" язык. На практике в МК постоянно присутствуют те или иные проявления асимметрии, основу которых могут составлять следующие факторы:

1) асимметричное соотношение между разными языковыми системами, проявляющееся в различии фонетического и грамматического строя, семантической структуры слов и т. д.;

2) использование родного или чужого языка (и соответственно разный уровень культурно-языковой компетенции);

3) состав участников с двух сторон (носитель/неноситель языка, личность/группа и т. д.);

4) местонахождение коммуникантов (т. е. "на чьей территории" происходит общение: родная/неродная культура и свое/чужое окружение);

5) отношение к собственной культуре (чувство превосходства или неполноценности при столкновении разных культур и уровней благосостояния).

Очень интересно в этом смысле общение между иностранцами на территории чужой страны и ощущение близости, которое возникает между китайцем и русским или немцем и шведом, когда они оказываются в США. Причина, очевидно, заключается в том, что, ощущая асимметричность своих взаимоотношений с жителями США, они воспринимают отношения между собой (иностранцами) как более симметричные.

Степень асимметрии в значительной мере зависит от межкультурной коммуникативной дистанции. Основываясь на работах Гудикунста и Кима, Пенга, Люкенса, И. Ключанов выделяет пять видов дистанции, определяющих отношение к чужой культуре: пренебрежение (*disparagement*), уклонение (*avoidance*), равнодушие (*indifference*), восприимчивость (*sensitivity*) и, наконец, равенство (*equality*) (Klyukanov 1999). Это деление не является конечным, возможны промежуточные дистанции, что, с нашей точки зрения, выступает как одно из проявлений динамического характера МК.

При анализе МК мы выделяем асимметрию двух видов: *количественную* и *качественную*. *Количественная* асимметрия проявляется в различной степени заинтересованности взаимодействующих сторон в получении информации друг о друге и неравноценном объеме этой информации. С американской стороны самодостаточность, изоляционизм и американоцентризм приводят к отсутствию интереса к другим странам, включая Россию, а также к незнанию иностранных языков. Практически все, что жители США узнают о России, поступает из ограниченного числа американских источников; в публикациях почти полностью отсутствуют ссылки на аутентичные материалы. В результате ограниченного объема и многократных повторений односторонней информации о России ошибки и предвзятые суждения отдельных авторов приобретают статус устойчивых стереотипов.

С российской стороны, напротив, наблюдается идеализация американского образа жизни и повышенный интерес к американской культуре. Знание английского языка считается в высшей степени престижным, новые культурологические подходы отражаются в школьных и вузовских программах, методике преподавания иностранных языков, публикации специализированных лингвострановедческих словарей, учебников, в направлениях научных исследований.

Вторая форма асимметрии — *качественная* — связана с отбором и характером преподнесения информации друг о друге, а также с тем, как складываются взаимоотношения сторон на межличностном и институциональном уровнях. К. Найстром отмечает, что "из-за разных символических форм кодирования информации различные информационные средства отличаются различными интеллектуальными и эмоциональными предубеждениями (*biases*)". Она пишет о политических, социальных, эпистемологических, темпоральных (временных), пространственных и других предубеждениях (Nystrom 2000). Можно утверждать, что эти предубеждения становятся причиной

дисфункциональной, искаженной коммуникации, механизмом манипуляции общественного мнения.

Как справедливо отмечает Й. Ричмонд, "русские испытывают психологический подъем, работая с американцами, так как воспринимают такое сотрудничество как признание равного статуса между сторонами. Но они также ожидают, что американцы будут вести себя с ними как с равными и платить им взаимным восхищением; они бывают огорчены и озадачены, если этого не происходит" (Richmond 1997: 143).

Симметрия/асимметрия приобретает особую роль в МК, в особенности при институциональном общении представителей России и США, которые традиционно являются соперниками на международной арене. В этом случае личные качества собеседников уходят на второй план и стремление доминировать в ситуации общения может быть интерпретировано как высокомерие. Представляется также, что периодически проявляющиеся в России антиамериканские настроения возникают именно из-за асимметричности взаимоотношений, когда США игнорируют Россию, не признавая ее равноправным партнером. Как количественная, так и качественная асимметрия приводят к формированию неадекватных образов и представлений взаимодействующих сторон друг о друге, социальному отчуждению, возникновению симптомов культурного империализма.

Жители англоговорящих стран считают право использовать свой язык в любых ситуациях, включая МК, самим собой разумеющимся, что приводит к фактическому неравенству языковых систем. А. Вежбицкая отмечает: "Убеждение, что можно понять человеческое познание и человеческую психологию в целом на основе только английского языка, является недальновидным и этноцентричным" (Wierzbicka 1997: 8).

Интернет — это еще один источник асимметрии. Он почти полностью построен на английском языке; существует ряд технических сложностей, пока не позволяющих сделать его многоязычным (носителям русского языка хорошо известны проблемы декодирования, транслитерации, проблемы с англоязычной клавиатурой и т. д.).

Все вышесказанное свидетельствует о том, что два крупнейших государства в мире не смогли за долгие годы взаимоотношений создать эффективную и адекватную систему коммуникации, что оказывает серьезное влияние на характер их взаимоотношений. В чем заключаются опасности асимметрии? Для российской стороны экспансия американской культуры создает угрозу русской националь-

ной идентичности, приводит к формированию потребительских ориентаций, изменению ценностей и менталитета. Асимметрия, нарушающая экологическое равновесие, неизбежно вызывает компенсаторную реакцию: русские вынуждены занимать в ситуации МК активную позицию, дабы компенсировать незнание русского языка и культуры со стороны американцев. Это однонаправленное движение вместо движения навстречу друг другу.

Хотя в связи с экономическим и политическим господством США в мире американская культура сейчас находится в сильной позиции, для американцев асимметрия также таит ряд опасностей. Во-первых, английский язык, распространяющийся по миру, — это так называемый "базовый" или "потребительский" английский, упрощенный и почти полностью лишенный национально-культурного своеобразия. Во-вторых, языковая картина мира билингов и полиглотов двух- или многомерна, в то время как удел монолингвов — одномерное мировидение. В прежние времена считалось, что знание латыни и греческого, равно как и современных языков, — это необходимое условие овладения аналитическими навыками. В связи с этим можно заметить, что современное отношение к изучению иностранных языков, бытующее в США, чревато не только развитием этноцентризма, но и "мыслительной одномерностью". В-третьих, в случае изменения экономической ситуации и роста интереса к России со стороны США, дисбаланс в коммуникации будет в пользу русских, т. к. они вооружены знанием английского языка, американской культуры и коммуникативных стратегий.

Как избежать этой обоюдной опасности и стабилизировать систему МК? Нельзя не согласиться с М. Феттесом, который предлагает так называемую "коллективную геостратегию", направленную на то, чтобы обеспечить сосуществование культур, оптимальный баланс в лингвистическом многообразии, интеграцию, равенство, устойчивость и эффективность, воспринять интегрированную биокультурную перспективу сохранения многообразия на Земле (Fettes 2000d).

§3. "Кривое зеркало" стереотипов

Образ партнера по межкультурной коммуникации может начать формироваться задолго до непосредственного контакта на основе тех умозрительных представлений, которые складываются в воображении индивидуума. Основу таких представлений могут создавать стереотипы — упрощенные ментальные репрезентации различных ка-

тегорий людей, преувеличивающие моменты сходства между ними и игнорирующие различия. Стереотипизация предполагает статичный взгляд на общество и человека, неумение воспринимать уникальность человеческой личности, стремление свести всех людей к ограниченному числу типов со стандартным набором характеристик.

Отфильтровывая поступающие извне коммуникативные сигналы и преломляя их через призму собственного восприятия, люди склонны отдавать предпочтение именно той информации, которая отвечает их внутренней логике, подтверждает устоявшиеся мнения и соответствует их ценностям и приоритетам. Игнорирование или умаление значимости тех сведений, которые противоречат взглядам личности или не укладываются в рамки ее взглядов и представлений, является своего рода самообманом, средством самозащиты от всего нового, неизведанного и непонятного.

Хорошо известный подход, ставший уже классическим, — это рассмотрение двух базовых стереотипов *мы/свои* и *они/чужие* (в английской терминологии соответственно *we/ingroup* и *they/outgroup*), которые находятся в оппозиции друг другу. "Свои", как правило, воспринимаются с положительными эмоциями, им отдается предпочтение перед "чужими". При этом, как отмечают психологи, наблюдаются следующие когнитивные последствия: 1) считается, что все "чужие" похожи друг на друга и отличны от "своих"; 2) среди "своих" наблюдается больше разнообразия, нежели среди "чужих"; 3) оценки "чужих" тяготеют к крайностям: они, как правило, бывают либо очень позитивными, либо очень негативными (Bootzin et al. 1991: 645). В МК это может приводить к неприятию иностранцев или, напротив, к их идеализации (что до недавнего времени было типично для русских).

Механизмы формирования стереотипов связаны с особенностями человеческого мышления и психики. Сюда можно отнести склонность личности делать инференции на основе собственного культурного опыта. Например, согласно российским правилам дорожного движения, автомобили должны ездить по правой стороне дороги. Исходя из этой посылки, мы предполагаем, что именно движение по правой стороне улицы является нормой. Однако эти инференции становятся опасными, если мы оказываемся в стране с левосторонним движением. Точно так же инференции представителя культуры, в которой женщин считают "слабым полом", могут создать взрывоопасную коммуникативную ситуацию в среде американских феминисток.

При оценке, классификации и категоризации поведения окружающих люди, как правило, используют эвристические подходы. Ре-

зультатом могут стать неоправданные обобщения и формирование стереотипов. Ошибки в индуктивном мышлении приводят к логически неверным выводам:

Многие американцы заботятся о своем здоровье.

Многие американцы питаются в "Макдональдсе".

Значит, те, кто питается в "Макдональдсе", заботятся о своем здоровье.

Еще одна возможная причина формирования стереотипов — ошибки в дедуктивном мышлении, например, при использовании силлогизмов. Приводимый ниже пример показывает, что использование такого рода формул, в особенности содержащих слова *все, всегда, никогда* и т. д., может приводить к абсурдным результатам, а следовательно, чревато коммуникативными сбоями:

Все, кто много пьют, — алкоголики.

Русские много пьют.

Значит, все русские — алкоголики.

Но даже если бы все мы мыслили совершенно логично, в мире все равно было бы много расхождений во мнениях, т. к. для полного согласия необходимо, чтобы все люди использовали одни и те же исходные посылки (Bootzin et al. 1991: 250). Однако это невозможно из-за многочисленных культурных и индивидуальных различий.

Еще один механизм формирования стереотипов — сведение во едино разнородных характеристик людей как обязательно сопутствующих друг другу. Это явление получило свое отражение в так называемой "теории имплицитной личности". Например, в американской культуре определение *blond* очень часто встречается в паре с *dumb*, а *poor* — в сочетании с *uneducated* и *stupid*.

Предубеждения нередко складываются на основе "фундаментальной атрибутивной ошибки" (*fundamental attribution error*) — тенденции приписывать причины определенных поступков характеру человеку, а не обстоятельствам. При этом мотивы собственных поступков коммуниканты склонны объяснять сложившейся ситуацией, а не своими личными качествами (Bootzin et al. 1991: 654).

Стереотипное сознание выстраивает логическую цепочку понятий, цепляющихся одно за другое и порождающих беспритышную коммуникативную ситуацию, рассчитанную на столь же стереотипное восприятие. Дискурс такого рода исключает полет фантазии, неожиданные переходы от одной темы к другой и отличается высокой степенью предсказуемости, как, например, в следующем случае (рис. 10):

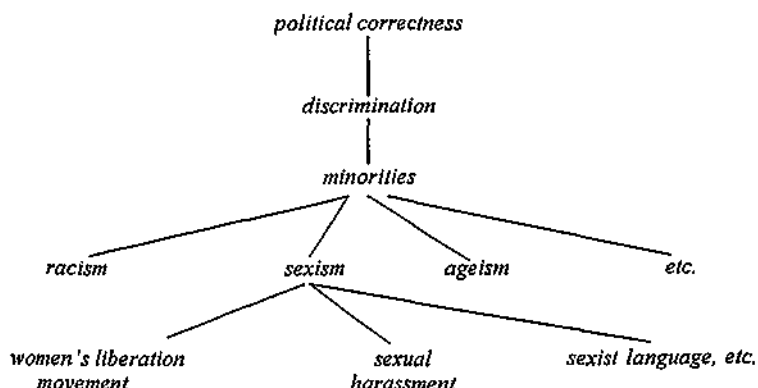

Рис. 10. Цепочка стереотипных понятий

М. Беннет выделяет два вида стереотипов: "доброкачественные" (*benign*), которыми оперируют доброжелательно настроенные, но плохо информированные люди, и более опасные — те, которые заведомо используются в неблагоприятных целях (Bennet 1993: 31—32). Будучи "многоликим" явлением, стереотип может быть рассмотрен под разными углами зрения — как явление психологическое, социальное, языковое и т. д.

Язык играет ведущую роль в создании стереотипов. С точки зрения физиологии, стереотипы формируются на основе системы условных рефлексов. Постоянное повторение одних и тех же фраз, со временем приобретающих устойчивость на уровне языка, приводит к тому, что их значение оседает в подкорке головного мозга, а восприятие их происходит автоматически, без участия высшего сознания. Носители языка не задумываются над содержанием клишированных фраз, принимая их как данность.

Например, клише, характерные для языка политики, способны сильнейшим образом воздействовать на человеческое сознание и формировать картину мира, определяющую психологию целого поколения. Механизм воздействия клишированных фраз, с точки зрения особенностей структуры их лексического значения, может быть представлен следующим образом. Денотативно-сигнификативный аспект значения устойчивых сочетаний в результате чрезмерно частого употребления, а также концентрации их в тексте постепенно стирается, и они перестают быть информативными с понятийной точки зрения. Ведущим в структуре значения становится оценочность как элемент

коннотации, которая заслоняет собой все остальные аспекты их семантики. Например, что конкретно обозначает выражение "неуклонное повышение материального благосостояния советских граждан"? Или как понять высказывание Хрущева "сверкающая вершина, на которую в недалеком будущем советский народ водрузит знамя коммунизма"? Можно утверждать, что единственная цель, с которой используются эти фразы, — вызвать положительные эмоции у слушателя. Этот вывод соотносится с наблюдениями американских психологов над истоками образа врага в человеческом сознании: чем больше детям внушается мысль о том, что мир примитивно делится на "хорошее" и "плохое", "белое" и "черное", тем выше вероятность формирования у них во взрослом возрасте преувеличенного образа врага.

Таким образом, язык несет в себе огромную воздействующую силу и, моделируя картину мира носителей языка, определяет их поступки и поведение не только на межличностном, но и на общественном (вплоть до правительственного) уровнях. "Именно стереотипы осуществляют функцию единого языкового регулирования для предубежденных людей, — пишет Р. Водак. — <...> задача стереотипов состоит в том, чтобы укреплять мнения своих носителей. <...> Таким образом, язык служит распространению предубеждений" (Водак 1997: 100).

Стереотипы становятся таковыми после многократного повторения и фиксации в сознании многих людей. Однажды сформировавшись, они приобретают высокую степень устойчивости, с трудом поддаются модификации и становятся своего рода "кривым зеркалом", в котором в размытом или искаженном виде отражаются представители различных групп.

На коммуникативном уровне стереотипизация происходит на основе:

1) акцентов (например, хорошо известный всем грузинский акцент в России или южный акцент в США: *"Boy, I'm gonna book you for sassin' a law officer"*);

2) манеры произнесения слов и постановки ударений;

3) особенностей интонации;

4) темпа речи (напр., речь южан в США более медленная, чем северяне; ср. русские анекдоты о прибалтийцах, напр., эстонцах);

5) манеры говорить громко или тихо (американцы говорят громче, чем большинство европейцев, за что последние осуждают их);

6) выбора лексики (существуют определенные словечки и словосочетания, свойственные определенным группам населения, как, напр., слова *браток*, *лох* и др. в речи "новых русских");

- 7) клишированных фраз;
- 8) синтаксических особенностей;
- 9) речевых стратегий;
- 10) коммуникативной дистанции (напр., у русских и американцев она меньше, чем у англичан, в результате чего русские воспринимают американцев как более сердечных, а англичан — как более отстраненных).

Выделяются различные виды стереотипов, существующих на уровне языка и способных создавать помехи в межкультурном общении:

- 1) расовые;
- 2) этнические (см. гл. 11, доп. задание 3);
- 3) географические (см. гл. 12, доп. задание 2);
- 4) гендерные (см. гл. 11, доп. задание 1);
- 5) социальные;
- 6) политические;
- 7) профессиональные и т. д.

В межкультурной коммуникации стереотипы становятся результатом этноцентрической реакции — попытки судить обо всех группах людей с позиций исключительно только своей культуры. Нередко при вступлении в МК и оценке своих партнеров по общению коммуниканты уже заведомо руководствуются ранее сложившимися стереотипами. Очевидно нет людей, на сто процентов свободных от стереотипов, можно лишь говорить о разной степени стереотипизации у коммуникантов разных типов. Она, как правило, ниже у индивидумов с опытом межкультурного общения, уже имевших возможность убедиться в ложности определенных стереотипов. В большинстве случаев степень стереотипизации обратно пропорциональна опыту межкультурного взаимодействия. Однако это правило не всегда срабатывает из-за индивидуальных особенностей коммуникантов и может усугубляться из-за черт, неблагоприятных для общения (недоброжелательности, предвзятости, склонности к критиканству и т. д.).

Применительно к МК мы предлагаем рассматривать *экзостереотипы*, т. е. внешние стереотипы, которые сложились у представителей одной культуры о другой, и *эндостереотипы*, т. е. мифы о самих себе, существующие внутри данной культуры.

Эндостереотипы формируются под влиянием литературы, средств массовой информации, традиционного и современного фольклора. "Мифологическое сознание по-своему организует сложную и противоречивую действительность <...>," — пишет Б. С. Ерасов. — Оно "питается не только стародавними, устоявшимися образами, но и

новыми соками" и "нередко выступает формой массового сознания новых явлений действительности, хода истории и национальных судеб" (Ерасов: 159—161). Так, например, стремление США отстаивать свои геополитические интересы в различных точках земного шара в американской культуре преобразуется в миф о благотворительности США по отношению к остальному миру.

Мифы о самих себе не могут не оказывать влияния на формирование индивидуальной культурно-языковой личности из желания "соответствовать" представлению о "типичном русском", "типичном американце" и т. д. При этом экзостереотипы могут не совпадать с эндостереотипами. Нередко представители определенной культуры бывают крайне удивлены, узнав, как их воспринимают "со стороны". Например, американцев поражает то, что русские характеризуют их как "улыбающихся, но неискренних". Американцы гордятся своей независимостью и открытостью, в то время как иностранцев нередко поражает шаблонность американского мышления и неспособность "сдвинуться" с устоявшейся точки зрения, принять ценности и представления других народов. Аналогичным образом русские и, в особенности, советские мифы нередко вступали в противоречие с восприятием извне, как, например, миф об СССР как "стране свободных народов" или советском народе как "строителе светлого будущего".

Стереотипы во взаимном восприятии русских и американцев годами определяли характер коммуникации между ними. Клишированные фразы типа "разбойничья сущность империализма", "прогнивший капиталистический строй со всеми его пороками", "волчьи повадки империализма" диктовали отношение советских граждан эпохи "холодной войны" к США. С другой стороны, целое поколение американцев было воспитано на характерных для средств массовой информации стереотипах, как, например, постоянно ассоциируемых с СССР образах: *"the monster bear"*, *"the evil bear behind the next door"*, *"red scares"*. Американские психологи справедливо заметили, что "холодная война" во многих отношениях была "войной слов".

В этом контексте сила воздействия слова была непредсказуемой. Достаточно вспомнить, что одна брошенная Н. С. Хрущевым фраза "Мы вас закопаем" вызвала чувство страха и враждебности у миллионов американцев, на долгие годы определив их отношение к России. Ее последствием стал новый виток гонки вооружений с обеих сторон. Воздействие этой фразы было позднее усугублено метафорой Р. Рейгана, отозвавшегося об СССР как об "империи зла" (*evil empire*), что также имело очень серьезные политические последствия.

Формированию образа врага способствовало употребление устойчивых фраз и выражений, основанных на стертых метафорах, которые Л. И. Брежнев, а вслед за ним и другие, употребляли в связи с "борьбой за мир" (тоже стертая метафора!). Как ни парадоксально, эти фразы в большинстве своем построены на военных образах: "завоевания социализма", "духовное оружие пролетариата", "удар по позициям капитализма", "мирное наступление социализма" и т. д. На американцев эти фразы производили впечатление, противоположное желаемому, усиливая в них чувство страха, неприязнь и желание защищаться (в связи с этим см. прил. 7).

В США русских часто изображали в виде жестоких шпионов, действующих против США (как, например, *Boris* и *Natasha*, герои популярного в свое время мультфильма). Согласно данным американских исследователей о периоде "холодной войны", большинство американцев никогда лично не встречались с русскими, но как минимум раз в три недели русские персонажи появлялись на экранах американских телевизоров, причем мужчин показывали в три раза чаще, чем женщин, а детей и стариков не показывали вообще. Девять из десяти русских персонажей попадали в следующие традиционные категории: агенты КГБ, охранники, шпионы (45% мужчин, 17% женщин); диссиденты (23% мужчин, 42% женщин); дипломаты (9% мужчин); танцоры балетных трупп (6% мужчин, 12% женщин); ученые (1% мужчин, 12% женщин). В 1985 г. 28% участников опроса, проведенного газетой *New York Times*, были убеждены, что во время второй мировой войны США воевали с Советским Союзом (Gebner 1991: 32).

В 70—80-х гг. русские женщины представлялись американцам либо в оранжевых жилетах во время ремонта дороги, либо в очередях (в кадр в основном попадали бабушки в платках). Свой вклад в создание собирательного образа русской женщины внесла и популярная в свое время телевизионная реклама, в которой толстая русская женщина несколько раз выходит в одном и том же платье, а голос за кадром объявляет: "Платье для работы, платье для прогулки, платье для пляжа", причем в последнем случае женщина появляется все в том же одеянии, но с мячом. В результате в сознании американцев складывался образ России, емко выраженный М. Льюеллином в следующей фразе: "<...> a land of buxom women landling out vodka by the bucket load" (Llewellyn 2000: xii).

Сегодня в американской прессе наблюдается тенденция отражать ограниченный круг проблем, связанных с Россией (война в Чечне,

коррупция, пьянство, проституция), и игнорировать остальные стороны российской жизни. В результате, как справедливо отмечает Г. Гебнер, "дисбаланс в прессе приводит к когнитивным перекосам" (Gebner 1991: 32).

Самыми распространенными стереотипами, созданными в СССР об американцах, были "Мистер Твистер" (капиталист) и шпион. В сознании многих российских представителей молодого и среднего поколения "буржуйский" стереотип в наши дни стал более положительным как олицетворение желанного образа жизни, хотя среди определенных категорий населения он по-прежнему трактуется как источник безразличности и отрицательного западного влияния (потребительства, насилия, бездуховности).

Для того чтобы определить соотношение эндостереотипов и экзостереотипов во взаимовосприятии русских и американцев, мы провели психолингвистический эксперимент, для которого использовалась достаточно распространенная методика "подталкивания" испытуемых к стереотипизации. В эксперименте участвовали 100 русских и 100 американцев в возрасте от 18 до 82 лет с высшим образованием или обучающихся в высших учебных заведениях. Испытуемым было предложено написать по десять типичных черт русских и американцев, а также привести по пять вариантов окончания фраз типа "Русские всегда/Russians always...", "Американцы никогда/Americans never...". Затем все ответы были проанализированы, аналогичные (синонимичные) варианты были распределены по категориям и подсчитаны. Наиболее частотные ответы приводятся в табл. 2 (в порядке убывания частотности):

Таблица 2

Американцы глазами русских
дружелюбные; гостеприимные; расчетливые; оптимистичные; деловые; высокомерные; уверенные в собственной правоте; амбициозные; независимые; энергичные; трудолюбивые; патриотичные.
Американцы выглядят:
толстыми; улыбающимися, но не искренними; бодрыми; независимыми; чистоплотными; процветающими; здоровыми; глупыми; уверенными в себе; деловитыми; однообразными.
Американцы любят:
кока-колу; нездоровую пищу; свою страну; попкорн; жевательную резинку; работу; хот-доги; деньги; семью; спорт; развлечения; своего президента; психоаналитиков.

<u>Американцы всегда:</u>
улыбаются; говорят "привет"; вмешиваются в чужие дела; носят футболки; планируют свое будущее; думают только о себе; шумят; хвастаются; задают глупые вопросы; много работают; заботятся о своих правах и личном пространстве.
<u>Американцы никогда:</u>
не обманывают; не плачут; не мечтают; не думают; не прощают; не жалуются; не тратят времени; не выполняют своих обещаний; не едят суп; не выходят из автомобиля; не моют посуду; не напиваются; не понимают русских.
<u>Американцы глазами американцев</u>
индивидуалисты; эгоистичные; ориентированы на материальные блага; стремятся к успеху и власти; оптимистичные; веселые; трудолюбивые; дружелюбные; образованные; поверхностные; шумные; разговорчивые.
<u>Американцы выглядят:</u>
разнообразными; счастливыми; богатыми; занятыми; собранными; улыбающимися; здоровыми; успешными; всегда куда-то спешащими.
<u>Американцы любят:</u>
деньги; власть; развлечения; успех; телевидение; одежду; сервис; удобства; машины; статус; еду; перемены.
<u>Американцы всегда:</u>
улыбаются; хотят больше, чем имеют; хорошо проводят свободное время; уверены в своей правоте; стараются работать производительно; тратят деньги; мыслят позитивно; разговаривают; шумят; строят планы на будущее.
<u>Американцы никогда:</u>
не сдаются; не бывают довольны тем, что имеют; не просят о помощи; не носят меховых шапок; не снижают темпа; не прекращают работать; не держат своего мнения при себе; не толкаются; не лезут без очереди.
<u>Русские глазами американцев</u>
образованные; интеллектуальные; бедные; эмоциональные; страстные; религиозные; угнетенные; терпеливые; гордые; гостеприимные; трудолюбивые.
<u>Русские выглядят:</u>
серьезными; грустными; свирепыми; угрожающими; голодными; несчастными; крупными (даже женщины); усталыми; испуганными; бледными; замерзшими; суровыми; напряженными; подозрительными.
<u>Русские любят:</u>
водку; жирную пищу; книги; американскую культуру; друзей; музыку; балет; искусство; культуру; войну; семью; холодную погоду.

<u>Русские всегда:</u>
носят сумки и авоськи; толкаются; хорошо выступают на Олимпийских играх; целуются в обе щеки; кричат; принимают жизнь такой, какая она есть; много работают; заботятся о своих семьях; хотят быть в центре внимания.
<u>Русские никогда:</u>
не веселятся; не носят обувь дома; не прекращают работать; не бывают оптимистичными; не ждут своей очереди; не строят планов на будущее; не улыбаются на улице; не совершают глупых поступков; не понимают американцев.
<u>Русские глазами русских</u>
простые; открытые; доверчивые; с широкой душой; слабовольные; отзывчивые; гостеприимные; щедрые; веселые; ленивые; смекалистые; несобранные; терпеливые; умные.
<u>Русские выглядят:</u>
добрыми; дружелюбными; умными; красивыми; веселыми; простыми; озабоченными; открытыми; ранимыми; грустными; потерянными; загадочными.
<u>Русские любят:</u>
пить водку; разговаривать с друзьями; петь песни; есть; отдыхать; танцевать; мечтать; делать глупости; любят гостей; философию; политику; детей; дачи; праздники; мороз.
<u>Русские всегда:</u>
спорят; действуют, не подумав; много едят; пьют; плачут; жалуются; ищут того, кто решит их проблемы; ищут глубины во всем; помогают друг другу; веселятся; страдают; всех прощают.
<u>Русские никогда:</u>
не сдаются; не предают друзей; не скрывают своих чувств; не думают о будущем; не считают деньги; не отказываются от выпивки; не надеются на себя; не умеют наслаждаться жизнью; не мстят; не будут такими, как американцы.

Приведенные выше данные показывают, какие стереотипы могут лечь в основу взаимовосприятия русских и американцев в процессе МК. Стереотипизация может иметь следующие последствия:

1. Расхождение эндостереотипов и экзостереотипов будет создавать помехи в общении как следствие несовпадения идентификации и самоидентификации коммуникантов.

2. Образ партнера по коммуникации и его поступки, пропущенные через призму стереотипов, могут получить ложное истолкование и неверную оценку.

3. Исходя из сложившихся стереотипов, от партнера заведомо ожидают определенного поведения, в том числе речевого. Так, например, для многих европейцев американское коммуникативное поведение ассоциируется с невнятным носовым произношением, трудным для понимания ("жвачкой во рту"), развязностью и фамильярностью. Учеными доказано, что часто ожидания навязывают человеку манеру поведения. В американской коммуникативистике это явление обозначается термином "self-fulfilling prophesy". Можно предположить, что сложившийся в Европе образ американца, получивший название "ugly American", отчасти обусловлен этим обстоятельством.

Следует отметить, однако, что все чаще в научных исследованиях звучит мысль о том, что стереотипизацию нельзя рассматривать как однозначно отрицательное явление. Она может выполнять и положительную роль, способствуя формированию обобщенных образов и понятий, помогая ориентироваться в незнакомом культурном пространстве и делая его более предсказуемым (см., напр.: Bootzin et al. 1991: 644). Представляется, что оптимальным является осторожный подход, разумно уравнивающий общие и частные культурные характеристики, учитывающий исторически сложившиеся обобщения, но оставляющий пространство для поправок и модификаций на основе собственного коммуникативного опыта.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

ИНФЕРЕНЦИЯ

КОММУНИКАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПОМЕХИ

КОМПЕНСАТОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

СИММЕТРИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

СТЕРЕОТИП

ЭТНОЦЕНТРИЗМ

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

1. Назовите известные вам виды коммуникативных помех.
2. Какие условия необходимы для того, чтобы коммуникация была симметричной?
3. Каковы причины асимметрии в межкультурной коммуникации?

4. Раскройте понятия количественной и качественной асимметрии.
5. В чем заключаются опасности асимметрии для российской и американской культуры?
6. Объясните механизмы стереотипизации.
7. Какие виды стереотипов вам известны?
8. Каковы последствия стереотипизации?
9. Каким образом стереотипы способствуют распространению предубеждений?

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Какие явления, описанные в разделе, иллюстрируют приведенные ниже тексты?

"Father, Mother, and Me,
Sister and Auntie say
All the people like us are We,
And everyone else is They.
And They live over the sea,
While we live over the way,
But — would you believe it? —
They look upon We
As only sort of They!"
(Rudyard Kipling)

"Я подумал тогда об этом до сих пор еще живучем феномене — априорном восприятии своей Америки как "самой-самой". <...> До сих пор еще меня восхищает, как, ничтоже сумняшеся, здесь объявляют бейсбольный финал "мировой серией", хотя никто, кроме американцев, в розыгрыше не участвовал. Подразумевается, что им, чужим, и нечего участвовать — заведомо слабее. <...> Можно гадать: то ли это априорное, почти не нуждающееся в доказательствах чувство превосходства приводит американцев к определенной изоляции от Европы или, наоборот, изоляция, оторванность вызывает это чувство — ясно, однако, что оно раздражает друзей. <...> Из Советского Союза американцы представлялись нам "гражданами мира", полиглотами, космополитами. В реальной жизни они оказались в большей мере замкнутыми на своей стране, на американской планете".

(В. Аксенов. В поисках грустного бэби)

2. Какие культурные стереотипы отражает следующая песня?

"Our town made a plan for its civil defense.
We all take the Interstate North if things get tense.
My wife sewed a map into my underclothes,
So I'll know where to run when that big missile blows.
We had a rehearsal last Saturday night,
And all things considered, the town did all right,
Except on that ramp when the truck tried to pass,
And it took us four hours to clean up the glass.

What if the Russians don't come?
What if they like where they're from?
What if they are not in the mood to invade?
What if they are tired or drunk or afraid?

What would we do if their generals just said, "This is dumb"?
What if the Russians don't come?

I've learned about Russians since I was a tyke,
And that's what I know about what they are like:
They don't believe in God and they never have fun,
They're brainwashed and dull and they all weigh a ton,
And in the old limps, if ever we meet,
Their women are men and their judges all cheat.
But maybe you shouldn't rely just on me,
'Cause I've never seen a Russian except on TV.
What if the Russians have lives?
What if they're husbands and wives?
If they come home late from work on a bus
And have to fix dinner for the children that fuss?
They might be too tired to come put us under their thumb.
What if the Russians don't come?

Our President says we're behind in the race.
We need some new missiles, we need them in space.
We've got to stay up with them lap after lap,
Or the Russians will blow us right out of the map.
I may be dumb, but sometimes I forget
What I've got against all these folks I ain't met.
I wonder why they'd want to start World War III.

Could it be that they're wondering the same about me?
What if the Russians are scared?
What if they feel unprepared?
You know, I bet Ivan's as frightened as I am,
Tired or worried about Uncle Sam.

Why don't we stop before one of us does something dumb?
What if the Russians don't come?"

(Charlie King. What If The Russians Don't Come?)

3. Изменились ли стереотипы восприятия американцев со стороны русских за последние двадцать лет? Расспросите своих родных, проанализируйте фильмы, книги, газетные публикации, телевизионные передачи.

РЕКОМЕНДУЕМ ПРОЧИТАТЬ: Бурас М. "Неужели вон тот — это я?" (Русский журнал. 2001. 12 июня) http://www.russ.ru/ist_sovr/tour/20010316.html

Глава 15. ВЕРБАЛЬНЫЕ ПОМЕХИ

Опыт слишком часто поучает нас,
что люди ни над чем так мало не властны,
как над языком своим.

Б. Спиноза

§1. Фонетико-фонологический уровень

Помехи, возникающие на фонетико-фонологическом уровне МК, включают:

- неразличение или неправильное произнесение звуков;
- неверное членение речевой цепи;
- неумение правильно воспроизводить и интерпретировать просодические характеристики речи.

Понимание звучащей иноязычной речи предполагает правильное распознавание звуков и соединение их в слова. Сложность воспроизведения звуков чужого языка обусловлена исторически сложившимися различиями в строении речевого аппарата носителей разных языков. Например, типичная русская артикуляция предполагает характерный уклад с вытянутыми губами (особенно для произнесения гласных [o] и [y]) и кончиком языка на зубах, английская — плоские

губы (американская модификация — плоские, но слегка выпяченные губы, открытые зубы) и альвеолярное положение языка. Для овладения новой фонетической системой необходимо изменить уклад органов речи, что до конца редко удается даже людям, хорошо владеющим иностранным языком. Этим и обусловлен акцент, идентифицирующий участника общения как иностранца. Различием в укладе также обусловлена трудность быстрого переключения с одного фонетического строя на другой, например, при вкраплении иноязычных цитат в текст лекции или доклада на родном языке.

Фонетические ошибки также возникают из-за различия между фонетическими системами контактирующих языков. Иноязычные звуки, не имеющие аналогов в родном языке (как, например [θ] и [ð] для русских, [ɹ] и [ʃ] для американцев), оказываются сложными для воспроизведения, но более легкими для идентификации, т. к. не смешиваются со звуками родного языка. Труднее распознавать звуки, имеющие фонологические оппозиции в иностранном языке, если таковые отсутствуют в родном. Например, русскому коммуниканту нелегко дается разграничение напряженных и ненапряженных гласных в американском варианте английского языка. (*cot* vs. *caught*). К сложностям освоения английской фонологической системы также относится наличие дифтонгов и дифтонгоидов, отсутствующих в русском языке. Это приводит либо к их неправильному воспроизведению, либо к подмене одного дифтонга другим, как в примере, когда русский профессор хотел поприветствовать студентов и вместо "*Hi, guys!*" сказал: "*Hi, gays!*", вызвав тем самым замешательство в американской аудитории. Интересный пример коммуникативного сбоя по причине ошибочного восприятия слова *kiss* описан участником российско-американских программ Л. Велютиным (см. доп. задание 1).

Межъязыковое несовпадение согласных по способу их произнесения, а также участию активных и пассивных органов речи — это еще одна возможная причина коммуникативных ошибок, например: *live west under yours seat* (вместо *life vest*). Американцам трудно разграничивать русские твердые и мягкие согласные и соответственно различать такие пары слов, как: *быт* — *быть*, *кон* — *конь*, *был* — *быль* и т. д. Дополнительной помехой становится оглушение согласных на конце слова, отсутствующее в английском языке (*суд* — *суть*). Проблема идентификации звуков иноязычной речи осложняется индивидуальными различиями в их произнесении носителями языка, а также акцентами разных этнических, географических и социальных групп.

Согласно популярной теории узнавания слова, считается, что как только произнесены два-три первых звука, в сознании слушателя активизируются все слова его лексикона, начинающиеся с этих звуков. По мере произнесения последующих звуков элиминируются все слова с несовпадающим звуковым составом. Процесс продолжается до тех пор, пока не будут отвергнуты все слова, кроме одного. Таким образом, слово идентифицируется в тот момент, когда оно становится фонетически уникальным. Эта теория объясняет, почему слова, начало которых по своему звуковому составу совпадает со многими другими, труднее поддаются идентификации. Она также объясняет, почему вероятность понимания слова больше, если фонетическая ошибка в нем сделана в конце слова, нежели в начале. Поскольку словарный запас у неносителя языка, как правило, меньше, чем у носителя, он выбирает нужный вариант из более узкого круга слов. Поэтому семантизация слова может быть осуществлена неверно, если слушатель слишком рано завершит его идентификацию, например: *Excuse me, where is the restaurant?* вместо: *Excuse me, where is the restroom?*

Причиной коммуникативных сбоев может также быть ошибочная постановка ударения, особенно в русском языке, где существует большое количество омографов. Кроме того, следует обратить внимание на случаи, когда не совпадает произношение слов в языке-источнике и языке-акцепторе при их заимствовании: *Morse* [mo's] *code* — азбука Морзе; *Arkansas* ['a'kənsə] — Арканзас, *Niagara* [na'ægərə] *Falls* — Ниагарский водопад.

Распространенной ошибкой является неверное сегментирование звукового потока на слова, например: *ice-cream* vs. *I scream*; *new display* vs. *nudists play*; *gladly the cross I'd bear* vs. *gladly, the cross-eyed bear*; *слыхали ль вы* vs. *слыхали львы*.

В рассказе Дж. Фритц "*Homesick*" описывается ситуация, когда американская девочка, обучающая взрослую китайку английскому языку, решила подшутить над ней:

"If I meet an American on the street," she [the Chinese lady] asked, "how do I greet him?"

I looked her straight in the eye and nodded my head in greeting. "Sewing machine," I said <...> She repeated after me, making the four syllables into four separate words <...> "Sew Ing Ma Shing." (Fritz 1993: 560).

Пример иллюстрирует стремление обучаемой сегментировать поток речи на слова в соответствии со спецификой своего родного языка.

Действие фонетических процессов (ассимиляция и адаптация на стыках слов, редукция и т. д.) может также приводить к смешению слов, словосочетаний и целых предложений. Например, в результате ассимиляции следующие словосочетания произносятся практически одинаково: *white shoes vs. why choose*. В таких случаях на помощь приходит знание (хотя бы на интуитивном уровне) фонологических правил. Понимание того, что определенная последовательность фонем не может возникать внутри слова, указывает на пересечение границы слова. Так, в английском языке звонкая и глухая согласные фонемы не могут стоять рядом внутри слова, поэтому, встречая сочетание *Deb pulls*, мы можем быть уверены, что слышим два слова, а не одно. Глухие взрывные согласные в начале слова обычно произносятся с большей аспирацией, нежели внутри слова. Аналогичным образом фрикативные согласные отмечены большей степенью фрикции. Начальное [l] произносится мягче, чем в финальной позиции. В словосочетании *why choose* [aɪ], стоящее на конце слова, будет длиннее, чем перед глухим согласным в *white shoes*.

§2. Графический уровень

Первым, и самым существенным, барьером в письменной коммуникации между русскими и американцами является использование двух разных алфавитов — кириллицы и латиницы. Русские знакомы с латинским алфавитом, поскольку уже со школы встречаются с ним не только на занятиях по иностранному языку, но и на уроках математики, химии, физики и т. д. Кроме того, привычка русских к латинице обусловлена обилием западной рекламы, использованием компьютерами и Интернетом. Для американцев же кириллица — это экзотика, "нечитаемый" алфавит, который, к тому же, по признанию некоторых представителей старшего поколения, ассоциируется у них с эпохой "холодной войны" и страхом перед "красной угрозой".

Переключение кодов с латиницы на кириллицу и наоборот подобно переключению клавиатуры на компьютере. Поэтому на начальном этапе изучения нового алфавита в него время от времени вкрадываются буквы родного языка. В результате подмены русских букв английскими слово *конить* может превратиться в *корить*, а слово *пора* в *нора*. В одной из групп американских студентов анекдотом стала ситуация, когда студентка попыталась прочитать слово *ЗНАЮ* как *три ха-хо* (по аналогии с английским написанием *ЗНАНО*). Для русских студентов особую сложность представляет чтение английских

гласных в открытых слогах, поскольку оно отличается от чтения соответствующих латинских букв, напр.: *Idaho, Ohio, Erie*.

Понимание слов в письменной речи предполагает их декодирование — распознавание паттернов, т. е. соотнесение написанного/напечатанного слова с его внутренней репрезентацией в индивидуальном лексиконе. В этом случае приходится беспокоиться не о членении речевого потока на слова, т. к. границы слов в письменном тексте уже обозначены пробелами, а о соотнесении графических символов с произношением. Для английского языка эта задача особенно сложна, поскольку не существует однозначного соответствия между символом и звуком. Отсюда рождаются такие "монстры" английской орфографии, как слова, обыгрываемые неизвестным автором в следующем стихотворении:

*I take it you already know
Of tough and bough and cough and dough?
Others may stumble, but not you
On hiccough, thorough, slough and through?*

В США неоднократно предпринимались попытки реформировать орфографию. В 1768 г. Б. Франклин выдвинул свои предложения (*Proposal for a Reformed Alphabet*), которые, однако, оказались не слишком удачными: например, он предлагал написание *tseendsez* вместо *changes* и *Tsuiniliz* вместо *Chinese*. Эти предложения не прижились, однако с течением времени американская орфография претерпела некоторые изменения, сделавшие ее более простой по сравнению с британской.

Интересно отметить, что звуковой образ слова, которое было изначально неверно декодировано коммуникантом, надолго фиксируется в его сознании и с трудом поддается изменению. Например, в среде российских компьютерщиков слово *control* традиционно произносится с ударением на первом слоге, что становится коммуникативной помехой при общении с американцами, даже несмотря на то, что компьютерная терминология интернациональна. Возможно, одной из причин подобного произношения становится то, что пользователи компьютеров привыкли видеть это слово на клавиатуре в сокращенном виде: *Ctrl*.

Графические сокращения трудны для расшифровки, т. к. они, наряду с лингвистическим чутьем, требуют определенного объема фоновых знаний. Некоторые известные всем носителям языка сокращения типа МГУ или MIT (*Massachusetts Institute of Technology*) могут

быть не знакомы иностранцу, даже хорошо владеющему языком. Межкультурные помехи также возникают при изобретении неносителями языка неудачных сокращений, в особенности если они совпадают с уже существующими. В качестве примера можно привести аббревиатуру *BS* от *Beryozka Shop*, которая была крупными буквами написана на пакетах из этого престижного магазина, предназначенного для иностранцев. Вряд ли можно было бы придумать более неудачное сокращение: если спросить американцев, что такое *BS*, они, скорее всего, смущенно улыбнутся и ничего не скажут, поскольку их первая ассоциация — слово *bullshit*. Одна из известных западных фирм при проведении бизнес-семинаров для русских слушателей пользовалась в разработках сокращением *ФСБ*, имея в виду "фабрику стеклянных бутылок". Преподаватели-иностранцы никак не могли понять, почему у слушателей эта аббревиатура неизменно вызвала смех.

Непонимание может возникнуть в случае графических совпадений латинских и русских букв с одинаковым начертанием. Например, если в тексте имеются списки с буквенной маркировкой, не всегда бывает ясно, русские или латинские буквы имеются в виду под *A*, *B* и *C*.

В результате западных влияний и появления совместных предприятий и организаций в русских наименованиях наблюдается путаница в использовании прописных и строчных букв. Согласно канонам русского языка, в названиях организаций и учебных заведений должна использоваться первая прописная и остальные строчные буквы (если речь не идет об имени собственном). Однако сегодня довольно часто встречаются написания типа: *Центр Научных Исследований*.

Межкультурные помехи возникают и при написании цифр. Русские нередко неправильно прочитывают написанный американцами от руки номер телефона или адрес из-за разного графического начертания цифр 1 и 7, используемого в двух лингвокультурах. Кроме того, в русских текстах десятичная дробь отделяется запятой, а в английских — точкой. Русские выделяют тысячи пробелом, а американцы — запятой. В результате наблюдаются разночтения таких чисел, как: 0.15 vs. 0,15; 150,000 vs. 150 000 и т. д. По этой же причине американские компьютеры отказываются читать русские числа, выдавая сообщение: "*The measurement is invalid*".

По-разному в России и США пишутся даты. Так, например, дата 12.01.01 в России означает 12 января 2001 г., а в США — 1 декабря 2001 г. Нет необходимости объяснять, что подобные несовпадения могут дезориентировать партнеров по общению и продуцировать двусмысленные ситуации.

§3. Морфологический уровень

Для носителя языка морфологический состав слова намного более информативен, нежели просто сумма его составляющих. Знание широко употребляемых в языке корней и аффиксов позволяет правильно интерпретировать морфологическую структуру слова и выводить соответствующее лексическое значение. Кроме того, морфемы способны выразить тончайшие нюансы значений, далеко не всегда доступные для понимания со стороны неносителя лингвокультуры. В русском языке используется огромное количество эмоционально маркированных аффиксов, которые, к сожалению, не понятны американцам и не могут быть адекватно переданы средствами английского языка. Действительно, как выразить по-английски всю гамму чувств, выражаемых парадигмой: *мама, ма, мамка, мамаша, мамочка, маменька, мамуля, мамуся, мамулька, мамулечка, мамуленька* (список может быть продолжен)? Иностранцам также трудно понять оттенки значений, выражаемых с помощью аффиксов именами собственными и отражающих статусность и характер взаимоотношения между коммуникантами. Разветвленная аффиксальная система русского языка используется для выражения векторной направленности глаголов и изменения их лексического значения. "<...> какое богатство для изображения явлений естественной действительности заключается только в глаголах русских <...>!" — писал В. Г. Белинский. — *Плывать, плыть, приплывать, приплыть, заплывать, отплывать, заплыв, приплыть, уплыть, наплывать, наплыть, подплывать, подплыть, поплывать, поплыть, расплываться, расплыться, наплываться, заплаваться* — это все один глагол для выражения *двадцати* оттенков одного и того же действия!" (Русские писатели о языке 1954: 210).

Хотя английский язык уступает русскому с точки зрения морфемного многообразия, в нем также существуют многочисленные морфемы с закрепленной за ними коннотацией, понимание которой важно для адекватного общения. Так, например, суффикс *-gate* используется для обозначения политического скандала, связанного с коррупцией:

Koreagate — скандальное разоблачение деятельности южнокорейского лобби в конгрессе США; *Oilgate* — скандал, связанный с нарушениями английскими нефтяными компаниями эмбарго на поставку нефти родезийскому режиму; *Scratongate* — скандал, связанный с похищением рукописи книги об Уотергейте; *Lancegate* — скандал, связанный с незаконными действиями директора бюджетного управ-

ления Б. Лэнса; *Billigate* — скандальные разоблачения махинаций Билли Картера, брата бывшего президента США; *Irangate* — скандал в администрации Р. Рейгана, связанный с тайной продажей оружия Ирану.

Продуктивный в американском варианте английского языка суффикс *-ese* образует существительные со значением "жаргон" и имеет выраженный негативный оттенок: *academese, bureaucratese, CIA-ese, commercialese, computerease, educationalese, journalese, headlinese, legalese, motherese, New Yorkese, translationese* и т. д.

Определенный интерес с точки зрения нашего исследования представляет суффикс *-nik*, заимствованный английским языком из русского и получивший широкое распространение: *sputnik, beatnik, flopnik, nudnik, dogoodnik, nogoodnik, peacenik, refusenik, Kaputnik* и т. д. Как отмечает А. Д. Швейцер, "многие из неологизмов этой группы приобрели отрицательную, порой проницательную коннотацию" (Швейцер 1983: 115). Возможно, это связано с тем, что суффикс *-nik* получил особое распространение в период "холодной войны".

Одним из наиболее продуктивных способов словообразования в современном американском варианте английского языка является словосложение. Понимание составляющих слова и умение проводить аналогии с другими словами помогают в расшифровке даже незнакомых лексем и облегчают процесс коммуникации. Так, например, значение слов становится прозрачным, если знать, что они образованы как результат сложения следующих корней: *brunch > br(eakfast) + (l)unch; faction > fact + (fic)tion; fanzine > fan + (maga)zine; informercial > infor(mation) + (com)mercial; laundromat > laundr(y) + (auto)mat(ic); limade > lim(e) + (limon)ade; multiversity > multi + (uni)versity; palimony > pal + (al)imony; sitcom > sit(uation) + com(edy); vegburger > veg(etable) + (ham)burger*.

Достаточно распространены усеченные формы слов, для понимания которых необходимо восстановить в сознании полную форму: *rec hall = recreation hall; ag school = agricultural school (>aggie = agricultural school student); op-ed = opposite editorial page; pop music = popular music; possum = opossum; preppy/ie = preparatory school student; coon = raccoon*.

Иногда определенные словообразовательные модели связываются с их предпочтительным употреблением членами некоторых социальных групп. Так, например, в конце 60-х годов Р. Бейкер писал о том, что республиканцы имеют слабость к латинским словообразовательным элементам:

"Republicans go in for Latin stems and roots a lot. We're bound to hear a lot about definitization and implementation" (Baker 1969).

Неверное понимание и употребление словообразовательных элементов может приводить к коммуникативным ошибкам. Например, русские, изучающие английский язык, обычно воспринимают значение полуаффикса *-man* опосредованно, через значение "человек", поэтому для них он в значительно меньшей степени сохраняет значение мужского рода, нежели для носителей английского языка. Различное восприятие слов с этим элементом может провоцировать ситуации недопонимания. Например, американская преподавательница, работавшая в российском университете, следующим образом комментировала сочинение русской студентки: *"a typical American man is... OK, let him be a man, maybe she sees men differently"*. Можно утверждать, однако, что для русской студентки значение рода в данном случае было нейтрализовано, она имела в виду типичного американца (как мужчину, так и женщину).

Коммуникативной помехой может также стать несовпадение грамматических категорий. Так, например, категория определенности/неопределенности, играющая важную роль в английском языке, может менять значение слова: *pill* — *таблетка* vs. *the Pill* — *"Пиллюля", противозачаточная таблетка*. Однако это существенное различие может быть упущено русским коммуникантом в результате того, что данная категория в русском языке отсутствует.

Расхождения наблюдаются и по линии категории рода, не представленной на морфологическом уровне в парадигме английских существительных, но выраженной в русском языке, в результате чего могут наблюдаться смысловые различия и моменты непонимания (см. гл. 7, §7).

§4. Лексический уровень

После того, как слово идентифицировано на фонетическом или графическом уровне, языковая личность активизирует его значение в своем индивидуальном лексиконе. Экспериментально доказано, что с целью семантизации слова индивид на мгновение "извлекает" из своего лексикона все его значения (сам того не осознавая) и выбирает из них то, которое наиболее приемлемо для данного контекста. В МК ошибочный выбор значения может быть обусловлен межъязыковыми расхождениями между лексическими системами: несовпадением семантической структуры слов, проблемами омонимии, полисемии и т. д.

Так, на одном из бизнес-семинаров, проводимых американцами в России, экономический термин *Michael Porter's diamond* оказался трудным для перевода из-за многозначности слова *diamond*. Исходное значение, которое переводчик первоначально воспринял как "жемчужина Майкла Портера" на проверку оказалось значением "ромб" (метафора, основанная на наименовании масти карт). Еще один пример межкультурного непонимания: во время посещения Кливленда русская девушка была сильно смущена, когда малознакомый американец пригласил ее посетить *the Flats*. Оказалось, что он звал ее не "на квартиру", а в район Кливленда с таким названием. Неверный перевод названия русской песни "Тройка почтовая" — *The Male* (вместо *Mail*) *Troika*, — помещенный на обложке музыкальной пластинки, — результат омонимии.

Безэквивалентная лексика становится помехой именно вследствие того, что она обозначает предметы и явления, не знакомые иноязычному коммуниканту и поэтому не являющиеся частью его картины мира. Такие наименования наиболее ярко маркированы с национально-культурной точки зрения. Русские реалии, вошедшие в английский язык*, представлены в табл. 3.

Таблица 3

Тематическая группа	Реалии
Блюда и напитки	<i>borsch, kasha, kefir, kishke, knish, kumiss, kvass (kvas), pirogi, shashlik, vodka</i>
Флора	<i>proso</i>
Фауна	<i>beluga, borzoi, karakul, suslik</i>
Административно-территориальные единицы, местности и регионы	<i>zemstvo, kolkhoz, mir, oblast, sovkhov, tundra, taiga, volost</i>
Социальное положение, должность	<i>boyar, czar, commissar, cosmonaut, gospodin, kulak, muzhik, shaman</i>
Политические реалии	<i>Bolshevik, Duma, glasnost, gulag, Intelligentsia, komsomol, Leninism, Menshevik, nihilism, perestroika, presidium, ukase</i>
Средства передвижения	<i>bidarka, droshky, troika</i>
Меры и деньги	<i>kopeck, pood, ruble</i>
Явления природы	<i>barchan, polyuya, sastrugi</i>
Танцы и музыкальные инструменты	<i>balalaika, kazatsky (kazachok)</i>
Предметы утвари	<i>knout, samovar</i>

* Выборка из словаря Вебстера сделана студенткой О. С. Нестеренко (науч. рук. О. А. Леонтович).

Инородность реалии для чужой культуры приводит к тому, что ее интерпретация носителем и неносителем лингвокультуры может существенно различаться. Для примера приведем выдержку из книги Д. Шиплера, где он объясняет, что такое *квас*:

"Kvas is a malty, beerlike drink made from burned bread and served at curbside from dirty yellow rolling tanks into widely shared glass mugs. It can be good if you are really hot and parched, but otherwise its stale bitterness is an acquired taste, symbolic of the tough, earthy simplicity of the peasant in harmony with unthinking reflex" (Shippler 1989: 109—110).

Культурно-специфические значения закреплены также за ономастическими реалиями (топонимами и антропонимами) и историзмами (напр., *Decembrist*), т. е. теми культурологически нагруженными единицами, реализация значений которых невозможна без сопутствующих фоновых знаний, составляющих суть конкретной культуры.

Причиной коммуникативных сбоев может стать несовпадение семантических структур слов, т. е. их расхождение по объему и содержанию понятия, а также их сочетаемость с другими понятиями (см. гл. 7, §7).

Еще один возможный источник непонимания в МК — это внутриязыковая паронимия, поскольку фонетическая близость слов часто приводит к их смешению в речи, особенно иностранцами:

Ты настоящий покойник (вместо полковник)!

У меня тоже есть такая вонючка (вместо внучка).

Вам идиот (вместо идет — попытка комплимента).

In a Belgrade hotel elevator: Please leave your values (вместо valuables) at the front desk.

Появление "ложных друзей переводчика" становится результатом межъязыковой паронимии. Так, слово *credit* переводят как "кредит" в контексте, где оно обозначает "зачет"; *panel discussion* превращается в "дискуссию на панели"; невинное слово *preservative*, обозначающее "консервант", вызывает смущение у русских коммуникантов. Когда американцы употребляют слово *presentation* в значении "доклад", русские ожидают увидеть накрытые столы, которые ассоциируются у них с "презентацией". Еще один пример межъязыковой паронимии:

Русская учительница спрашивает американского водителя автобуса, указывая на огромные дома в богатом районе в окрестностях Вашингтона: "Who lives in those cottages?"

"Where?" — переспрашивает водитель.

"Over there."

"Where?" — снова спрашивает водитель.

Неудивительно, что они не могут понять друг друга: слово *коттедж* в русском языке используется по отношению к двух—трехэтажным домам, в которых живут "новые русские". В английском языке *cottage* может обозначать маленький (преимущественно одноэтажный) дом — жилище крестьянина или батрака, а также небольшую летнюю дачу в курортном районе или деревне.

Семантические изменения в слове *babushka*, произошедшие после его заимствования английским языком, привели к тому, что сейчас оно чаще используется в значении *косынка, платок, завязываемый под подбородком*, нежели *бабушка, пожилая женщина*.

Случайные созвучия в разных языках также могут приводить к курьезным ситуациям. Например, рекламируемая по русскому телевидению новая бритва "*Superspeed*" превратилась в "*Суперстид*", вызывая не самую приятную ассоциацию со СПИДом.

Одним из лингвистических парадоксов является то, что американцы, которые гордятся своей открытостью и прямоотой, в то же время проявляют повышенную склонность к эвфемии. Мотивы, заставляющие американцев столь часто прибегать к эвфемизмам, многообразны. Американские лингвисты из университета Тампере (Department of Translation Studies, University of Tampere) выделяют следующие причины:

1) стремление разрешить сложные эмоциональные ситуации, например, когда речь идет о смерти: *the loved one* вместо *body, cadaver, corpse*;

2) сокрытие правды: *culturally-deprived area* вместо *slum*; *air support missions* вместо *aerial bombardment*;

3) придание социального статуса: *sanitary engineer* вместо *janitor, garbageman*;

4) желание представить ситуацию как социально более приемлемую: *motion discomfort bag* вместо *vomit sack*; *landfill, recycling center* вместо *dump*; *pre-owned car* вместо *used car*;

5) стремление удовлетворить человеческое тщеславие (например, с помощью рекламы): *pretty-plus girls' size* вместо *overly large (plump, fat) girls' size*;

6) "техникализация" языка со стороны специалистов: *receiving waters* вместо *effluent (of a sewage treatment plant)*.

Можно также привести следующие примеры распространенных в США эвфемизмов, которые позволяют представить неприятные, нежелательные, оскорбляющие чье-либо достоинство явления в более выигранном, "облагороженном" свете: *disadvantaged (= poor)* —

бедные; *food preparation center* (= *kitchen*) — кухня; *comfort station* (= *toilet*) — туалет; *exterminating engineer* (= *rat catcher*) — крысолов; *students with special needs* (= *handicapped students*) — студенты-инвалиды.

Тенденция к широкому употреблению эвфемизмов особенно ярко проявилась в последние десятилетия в связи со стремлением американцев к политической корректности, что было закреплено на законодательном уровне. Так, А. Д. Швейцер отмечает, что в 60—70-х гг. XX в. в результате движения за гражданские права были введены запреты на официальное употребление ряда этнонимов (например, *Negro, colored*) (Швейцер 1996: 12). Существуют списки слов, употребление которых считается нежелательным или недопустимым. Общий принцип политически корректного коммуникативного поведения сводится к неиспользованию слов и выражений, а также невербальных действий, подчеркивающих определенные аспекты идентичности личности (пол, возраст, этническую и расовую принадлежность, физическое состояние и т. д.).

Американские лингвисты не раз писали о том, что английский язык является "сексистским", т. е. способствующим выражению гендерных предубеждений. Действительно, на почве некоторых лингвистических традиций произрастают такие нелепые выражения, как, например: *Man, being a mammal, breastfeeds his young*. Поэтому инструкции настоятельно рекомендуют использовать формы, нейтральные с точки зрения указания на пол человека: *humanity, human beings, human race, people* вместо *mankind*; *artificial, synthetic, manufactured, constructed, of human origin* вместо *man-made*; *business executive, business manager, businessperson* вместо *businessman*; *consumers/they* вместо *the consumer/he**. Предпочтительным также считается обращение *Ms.* вместо *Miss / Mrs.*, помогающее избежать асимметрии по сравнению с обращением к мужчине *Mr.* (не указывающим на семейное положение его носителя). В письмах к официальным лицам рекомендуется употреблять обращения *Mr. / Ms. President* или нейтральное приветствие *Greetings*, т. к. некоторые женщины-руководители наотрез отказываются читать письма, начинающиеся с обращения *Mr. President*.

Американские лингвисты также рекомендуют проявлять политическую корректность по отношению к людям разных возрастных групп. Например, слова *girl* и *boy* не советуют употреблять о людях старше 13 лет. Подростков нередко называют *young man/young woman, young adults*, дабы польстить их самолюбию. Выражение *older person*

* Примеры из книги: *Business Communication Today*, N. Y.: Random House, 1986, pp. 78—79.

считается более приемлемым, нежели *elder, elderly, senior*. Термин *senior citizen* официально употребляется по отношению к людям старше 65 лет.

Особое внимание обращается на слова и жесты, указывающие на этническую и расовую принадлежность. Рекомендуются без необходимости вообще избегать информации такого рода в контексте: *Jim Wong is unusually tall* вместо *Jim Wong is an unusually tall Asian*; *children from low-income families* вместо *disadvantaged black children**. Если же эта информация должна присутствовать, следует вдумчиво относиться к ее отбору и использовать формы *Afro-American, Black* вместо *Negro*; *Native American* вместо *Indian, Injun* и т. д. Кроме того, как отмечается в книге "*Understanding Intercultural Communication*", в языке жестов, используемом глухонемыми, были заменены некоторые обидные жесты: так, вместо поворота мизинца возле уголка глаза для обозначения японцев стало употребляться движение ладони, имитирующее форму Японских островов; вместо сплющивания носа для обозначения афроамериканцев — жест, изображающий карту Африки (Samovar et al. 1981: 212).

Важной сферой политической корректности является тематика, имеющая отношение к физическому состоянию людей. Как и в предыдущих ситуациях, рекомендуется не упоминать о физических недостатках человека, если эта информация не составляет суть коммуникации. Если же указание на эту информацию неизбежно, то следует стараться заменить неприятные, обидные формулы на более мягкие и тактичные: *barriers exist for disabled workers that can handicap them on the job* вместо *on-the-job barriers exist for handicapped workers*; *Tracy's epilepsy has no effect on her job performance* вместо *an epileptic, Tracy has no trouble doing her job***. В рекламе используются следующие "привлекательные" формулировки для описания одежды для людей с избыточным весом: *chubette, pretty-plus* (о девочках); *husky, husky-plus* (о мальчиках); *women's sizes* (vs "*misses*" or "*girls*"), *adult sizes, mature sizes* (о женщинах); *portly, stout, mature, big, adult sizes* (о мужчинах); *full-figure fashions, hard-to-fit sizes* (о покупателях разных категорий).

Нормы политической корректности должны соблюдаться и при разговоре о материальном достатке и социальном положении людей. "Индикация стиля жизни в англоязычном обществе построена таким образом, чтобы менее состоятельные люди по возможности не чув-

* Примеры из книги Bovee, Thill 1986: 78—79.

** Пример Е. Г. Юревича из личной переписки.

ствовали себя ущемленными". Так, например, дорогие вагоны в поездах называются *first class*, дешевые — *standard* (Карасик 1992: 43). Это же стремление прослеживается в попытке переименовать некоторые профессии: *mortician* вместо *undertaker*, *realtor* вместо *real estate agent*, *beautician* вместо *hairdresser*, *shoe rebuilder* вместо *cobbler*, *canine control officer* вместо *dog catcher*, *custodial engineer* вместо *janitor*, *homemaker* и даже *household executive* вместо *housewife*. "Непрестижные" названия типа *secondhand automobile dealers* заменяются на *reconditioned, rebuilt, repossessed, used*; *secondhand shop* на *buy-and-sell shop, resale store/shop*; *damaged* или *shop-worn* на *second, slightly second, slightly hurt, store-used, substandard* (Mencken; цит. по: Battles et al. 1976: 299—300).

Эвфемия также распространяется на явления, которые в американской лингвокультуре считаются социально не вполне приемлемыми: *adult bookstore* {букв. "магазин для взрослых"} — магазин порнографической литературы; *massage parlor* — публичный дом.

Языковая форма выражения нередко диктует отношение к явлению в обществе. В качестве примера можно привести следующий случай из американской жизни:

"Один иммигрант потерял работу. Он пошёл в бюро трудоустройства и написал в заявлении, что его уволили: "*I was fired*". Через некоторое время он получил сообщение о том, что ему отказано в пособии по безработице, потому что он потерял работу по своей вине. Иммигрант очень удивился и пошел в бюро за разъяснениями. Выяснилось, что следовало написать "*I was laid off*" — именно так говорят, когда освобождают от работы временно или не по вине работника".

В ситуациях межкультурного общения эвфемия как форма косвенной номинации не разъясняет, а, напротив, затемняет, завуалирует значение и поэтому может становиться помехой на пути к пониманию. Так, например, даже британцы, оказывающиеся в США, воспринимают эвфемизмы *restroom* и *bathroom* — туалет — в буквальном смысле, как комнату для отдыха и ванную комнату. Естественно, что для носителей другого языка, например, русского, такие формы языкового выражения оказываются еще более сложными для расшифровки. Множество курьезных случаев связано с неверным восприятием русскими путешественниками таких слов и словосочетаний, как, например: *bathroom, powder room и washroom* — туалет, *doggie bag/box* {букв. собачий пакет/коробка} — пакет или коробка, в которые по желанию посетителя кафе или ресторана могут быть сложены остатки его порции, чтобы он смог доесть их дома и т. д.

* Пример Е. Г. Юревича из личной переписки.

Кроме того, сложность понимания и употребления эвфемистических конструкций со стороны русского коммуниканта обусловлены тем, что в России нормы политической корректности выражены очень слабо. Как справедливо отмечает С. Г. Тер-Минасова, "русский язык, как правило, не обременяет себя соображениями гуманности и чуткости по отношению к отдельному человеку" (Тер-Минасова 2000: 223). Иллюстрацией этого тезиса могут служить такие фразы, как *пенсия по старости*, *историк третьего разряда* (примеры С. Г. Тер-Минасовой), *старородящая первородка*, *старая мамочка* (фразы, используемые в роддомах), *безрукая рукодельница* (выражение из газеты о женщине-инвалиде). Кроме того, в русском языке наблюдается устойчивая тенденция, в результате которой даже некоторые эвфемизмы с течением времени приобретают ярко выраженную негативную окраску, как, например, *лицо кавказской национальности* или *русскоговорящие*. Одна из причин такого положения дел — это отсутствие в России законов и инструкций, касающихся норм политической корректности, равно как и несформированность этого понятия в сознании большинства носителей русского языка. В связи с этим при межкультурных контактах между русскими и американцами нередко возникают неловкие ситуации, основанные на неучете русскими норм политической корректности.

Впрочем, надо отметить, что иногда стремление американцев соблюдать эти нормы заходит слишком далеко. Предлагаются неоправданные замены, напр.: *herstory* вместо *history* (кстати, лингвистически не обоснованные). Создаются комичные выражения типа *involuntarily domiciled* под домашним арестом; *vertically challenged* (о слишком высоком человеке); *horizontally challenged* (о человеке с избыточным весом); *morally challenged* (о преступнике); *linguistically challenged* (о человеке с нарушениями речи). Вводятся абсурдные правила: например, в одном университете был наложен запрет на фразы типа *"This is my wife"* или *"This is my secretary Miss Green"* как унижающие достоинство личности; следовало говорить: *"This is Ms. Brown. We've been married 20 years"* или *"This is Ms. Green. She is working here as a secretary"*. На уровне невербального поведения случаются ситуации, когда из-за одного вегетарианца, приглашенного на ужин, вегетарианская пища навязывается всем гостям. В одном из американских фильмов героиня решает расторгнуть помолвку, потому что жених подарил ей миксер, а значит, хотел взвалить на нее бремя домашнего хозяйства. Такие "перегибы" приводят к тому, что само понятие политической корректности в США воспринимается многими людьми с известной долей иронии.

Кроме того, существуют спорные случаи, как, например, история с увольнением государственного служащего Дэвида Хауэрда, который в докладе употребил фразу "*administer a government fund niggardly*". Слово *niggardly* — скупой, прижимистый — этимологически не связано с табуированным словом *nigger*, однако фонетическое созвучие оскорбило слух многих слушателей, особенно афро-американцев. История стимулировала дискуссию на страницах американской прессы. По высказанному в ходе ее мнению социолингвиста У. Уолфрама, слово *nigger* до такой степени неприемлемо, что следует избегать любых сходных с ним слов. Однако подсчеты других лингвистов показывают, что только на страницах газеты *Washington Post* в январе 1999 г. слово *niggardly* употреблено 25 раз (War of the Word 1999).

Таким образом, отношение к политической корректности неоднозначно. Нельзя не согласиться с С. Г. Тер-Минасовой, которая пишет: "Это не означает, что надо отказаться от идеи, поскольку идея — правильная. Это означает, что ее надо модифицировать, представить более гибко, не загоняя лексику в жесткие рамки "заповедника", соблюдая чувство меры и не ускоряя внедрение новых форм" (Тер-Минасова 2000: 223).

С проблемами эвфемизации тесно связано употребление ненормативной лексики. Как это ни парадоксально, американское языковое сообщество, так любящее эвфемии, тем не менее грешит достаточно высокой степенью терпимости к нецензурным выражениям. Отношение это динамично и неодинаково в разные периоды развития лингвокультуры. Б. Брайсон отмечает, что в XVIII в. выражения, которые вызвали бы краску смущения в более поздние времена, без стеснения употреблялись на заседаниях Конституционного конвента. В альманахе Б. Франклина печатались афоризмы с непристойной лексикой (Bryson 1994: 52). Пуританские тенденции, которые периодически проявлялись в США в XIX и XX вв., в последние десятилетия сменились массированным использованием выражений, связанных с сексом, в кино, прессе, на телевидении и в быту. Как пишет Дж. Стайнер, образованное население западного общества быстро выработало иммунитет по отношению к старым нормам приличия. Ранее, как он полагает, баланс между сниженным арго и лексикой, используемой в сугубо интимных ситуациях, представлял собой сложный механизм, подчинявшийся эмоциональной логике. Сегодня волшебная сила, позволявшая табуированным словам проводить разграничение между частными и общественными аспектами языка, возбуждать и обогащать интимные взаимоотношения, в значительной сте-

пени утеряна. "Язык эроса утратил остроту", — подводит итог Дж. Стайнер (Steiner 1975: 174).

В среде русских образованных людей, в отличие от американцев, степень терпимости к табуированной лексике не столь высока. Коннотативная маркированность русской инвективной лексики намного превосходит английскую. Те формы языкового выражения, которые считаются приемлемыми в присутствии американской женщины, недопустимы в обществе русской. Последствия этого обстоятельства в межкультурном общении могут быть очень серьезными. Участник МК должен быть в состоянии сбалансировать степень ненормативности слов и выражений в двух контактирующих языках. В противном случае могут возникать неоправданные обиды, неверная оценка партнера по коммуникации и его речевого поведения как слишком вольного или, напротив, пресного и лицемерного, неуместное употребление слишком "крепких" словечек в неподобающих ситуациях и т. д. Неумение соотносить степень табуированности в двух языках может также приводить к нарушению стилистической тональности речи при переводе. Это явление можно постоянно наблюдать, когда некомпетентный переводчик американских фильмов на русский язык либо пользуется стандартным набором из двух-трех фраз для передачи любых ненормативных выражений, либо "перебарщивает" в выборе инвективной лексики, тем самым опошляя ситуацию.

В целом учет межязыковых различий с точки зрения коннотативной маркированности лексики играет огромную роль в МК. Неправильный выбор слова может приводить к конфузам, обиде и непониманию. Так, например, слово *проблема* в русском языке нейтрально, а *problem* в английском имеет негативную коннотацию. Поэтому, когда русские гости говорят: "*We are discussing our problems*", их американские хозяева обижаются: "*Do you have any problems here?*" Аналогично американская студентка, которой русский преподаватель предложил обсудить проблемы, связанные с ее курсовой работой, испугалась: "*Do I have any problems with my paper?*" Слова *routine* и *compilation*, напротив, нейтральны в английском языке, а *рутина* и *компиляция* отрицательно маркированы в русском. Слово *фирма* приобрело в русском языке переносное экспрессивное значение, отсутствующее в английском, в результате чего труднопереводима такая игра слов, как "*Наша фирма — это фирма!*"

В контексте обсуждения коннотаций с точки зрения МК интересно рассмотреть ситуацию общения между американским журналистом и русскими студентками, описанную Д. Шиплером:

We spoke of revolutions, and I asked them [two Russian students] what they knew about the American Revolution. Their faces went blank. They had not understood the question. "The what?" said the younger. <...> For a moment, the vacant look remained, then suddenly dissolved into a smile of recognition. "Oh, yes," said the girl. "But we don't call it a revolution. We call it the War for Independence". <...> Through the prism of Marxism, the American Revolution appeared diminished, its noble slogan perverted (Shipler 1989: 363—364).

Как видно из приведенного примера, журналист усматривает идеологические проиcки в том, что в России традиционно используется название "Война за независимость" вместо привычного для американцев романтического и весомого наименования "Американская революция".

По сути своей английский язык более энергичен, способ выражения мысли отличается точностью и лаконичностью. Для русского языка, в свою очередь, характерна более тонкая нюансировка значений, весь строй языка направлен на выражение разнообразных эмоциональных оттенков. Русские слова *старушка, старушонка, старушоночка*, переведенные на английский как *little old woman* — это лишь блеклая тень оригинала.

Помехами могут также становиться несовпадающие междометия, которые служат для выражения одних и тех же или сходных эмоций:

<i>Уф!</i>	<i>Phew!</i>
<i>Ай! Ой! Ой-ёй-ёй! (больно!)</i>	<i>Ouch!</i>
<i>Фу! (отвращение)</i>	<i>Pee-you!</i>
<i>От-пля!</i>	<i>Whoops! Ooops!</i>
<i>М-м-м! Э-э-э! (пауза, колебание)</i>	<i>Uh-h-h! ah-h-h!</i>
<i>Ау!</i>	<i>Haloo!</i>
<i>Ай-ляй-ляй! (как не стыдно!)</i>	<i>Tsk-tsk!</i>
<i>Тьфу! (отвращение или досада)</i>	<i>Nuts!</i>

Особое место среди языковых единиц с точки зрения их эмоциональной насыщенности и оценочности занимают фразеологизмы. Вспоминается ситуация, когда в телевизионной программе "Времечко" английского священника, приехавшего в Россию, спросили, когда он собирается отпраздновать Рождество — 25 декабря или 7 января? Священник, который неплохо говорил по-русски, ответил: "Я праздную его два раза. *С волками жить — по волчьи выть*". Этот человек, с симпатией относящийся к русским, вовсе не хотел никого обидеть — он просто не знал о негативной окраске этой поговорки.

Слово существует в лексической системе языка, в контексте лингвокультуры, на пересечении многочисленных ассоциаций с другими языковыми единицами. В каждом конкретном контексте слово обретает новые связи и ассоциации, которые нередко тянутся за ним и впоследствии реализуются в новых контекстах. Так, например, переводчик А. Лури указывает на разные ассоциации, связанные со словами *вождь* и *chief*, которые не позволяют воспринимать их как эквиваленты (Lourie, Mikhalev 1989: 38). *Медведь* для русских — это доброе и неуклюжее животное, как в детских сказках, а для американцев — страшный и опасный зверь, за которым стоит образ *grizzly bear*. Поэтому, когда жители США во время "холодной войны" говорили о "русском медведе" (*monster bear behind the next door*), они вовсе не имели в виду неуклюжесть, граничащую с наивностью, — это был образ грозного врага, от которого надо защищаться всеми возможными средствами. Когда в стихах Марины Цветаевой встречаются выражения типа "*волян-криволунь — хвольн-колывань*", "*дребезга, дрызга; разлучня, бойня, живодерня*" или "*вьюго-богослов*", они оказываются непереводаемыми не только из-за отсутствия в английском языке соответствующих морфологических средств, но, в первую очередь, из-за многочисленных семантических связей и ассоциаций, которые они имеют в русском языке. Когда в разработках престижной западной фирмы, проводящей семинары в России, встречается начальник лесопильного завода по фамилии *Лермонтов*, это производит комическое впечатление из-за несовместимости традиционных культурных ассоциаций с новым контекстом.

Коннотации и ассоциации могут быть тесно связаны с прецедентными текстами (термин Ю. Н. Караулова), знание которых существенно для адекватного понимания таких национально маркированных единиц, как рус. *подковать блоху, по щучьему велению, за тридевять земель, избушка на курьих ножках, тришкин кафтан, оказаться у разбитого корыта, демьянова уха, человек в футляре* и амер.: *Catch-22, gone with the wind, deep throat, white hat, black hat* и т. д. Можно возразить, что далеко не все носители языка знакомы с полным текстом, явившимся исходным для создания этих единиц. Мы полагаем, однако, что минимальные знания хотя бы краткого содержания прецедентных текстов необходимы для осознания значения рассматриваемых единиц. Например, семантика фразеологического оборота *Catch-22* — парадоксальная ситуация, из которой нет выхода, — производна от названия романа "Ловушка-22", написанного в 60-х гг. XX в. В основе романа лежит положение воинского устава, согласно

которому просьба солдата об освобождении от действительной службы может быть удовлетворена только в том случае, если он признан умственно неполноценным; однако, если солдат в состоянии подать просьбу об освобождении от ужасов войны, он умственно полноценен и должен продолжать воевать.

Как утверждает Г. Г. Слышкин, "реминисценции, основанные на апелляции к прецедентным текстам, должны отвечать следующим условиям: во-первых, осознанность адресантом факта совершаемой им реминисценции на определенный текст; во-вторых, знакомство адресата с исходным текстом и его способность распознать отсылку к этому тексту; в-третьих, наличие у адресанта прагматической presupпозиции знания адресатом данного текста" (Слышкин 2000: 48). Эти реминисценции приобретают особое значение в тех случаях, когда они активизируются в контексте, требующем обязательного знания прецедентных текстов, как в следующих примерах:

*Sticks and stones are hard on bones.
Aimed with angry art,
Words can sting like anything.
But silence breaks the heart.*

(Phyllis McGinley)

Это стихотворение — апелляция к известному детскому стишку:

*Sticks and stones may break my bones,
But words will never hurt me.*

Фраза: "Old burglars never die; they just steal away" — апелляция к знаменитой фразе из прощальной речи генерала Д. Макарура "Old soldiers never die. They just fade away" — своего рода "сигналу-метке, по которому данный политик легко опознается в дискурсе" (Шейгал 2000: 53).

Незнание прецедентных текстов как в родной, так и чужой культуре, неосознание их культурной привязки может приводить к коммуникативным неудачам. Например, культурно-языковая интуиция явно подвела переводчика одного из фильмов по роману А. Кристи, допустившего в переводе следующие "ляпы":

"Это отврагательный дом. Здесь каждой твари по паре" (неуместная апелляция к библейскому тексту о Ноевом ковчеге).

"Лицом к лицу лица не увидать" (есенинская фраза, звучащая инородно в устах английского персонажа).

§5. Синтаксический уровень

Помехами на синтаксическом уровне являются межъязыковые различия грамматического строя, интерференция грамматических структур родного языка, ошибки в строении фраз, пунктуации, порядке слов и т. д., приводящие к изменению значения фразы или нежелательной двусмысленности.

Сами по себе синтаксические модели имеют языковую привязку. Достаточно вспомнить знаменитую "глюкую куздру" или английскую фразу сэра Томаса Брауна: *"But to subsist in bones, and be but pyramidally extant, is a fallacy in duration"*, которые даже на фоне неясной семантики отдельных слов идентифицируют себя как принадлежащие соответственно к английскому и русскому языкам. Как утверждают авторы книги *"Contemporary English: Frameworks"*, "знание английского означает, по крайней мере, способность продуцировать и узнавать фразы, которые другие носители английского языка могут назвать *английскими*". Они также справедливо утверждают, что именно "маленькие словечки", такие как артикли, предлоги, вспомогательные глаголы и союзы придают предложению неповторимо английский вид (Battles et al. 1976: 195). С другой стороны, некоторые конструкции иноязычной речи узнаваемы в речи иностранца или в не слишком удачном переводе, например: *Я есть американец*. Рассматривая соотношение между русскими и американскими глаголами, А. Лури пишет: "В русском языке не используется глагол "быть" в настоящем времени, из-за чего простейшая конструкция *I am* практически неупотребима. В английском языке мы всегда используем форму "getting" — *getting married, getting promoted*, а в русском языке соответствующий глагол "достать" отражает существование в обществе, где царит дефицит и возможность что-либо "достать" становится большой удачей" (Lourie, Mikhalev 1989: 38). Интересно отметить, что в последние годы семантика слова "достать" в русском языке претерпела существенные изменения.

Представляют интерес и различия в семантической категоризации действительности через синтаксис. Например, в английском языке допустима форма *My room can sleep 10 people*, не имеющая аналога в русском языке. Некоторые исследователи усматривают момент неравноправия между участниками таких действий, которые в русском языке передаются конструкциями: *жениться на ком-л., смеяться над кем-либо, издеваться над кем-либо*, в то время как в английских конструкциях это неравенство отсутствует: *marry smb, ridicule smb*.

Различия в системах видо-временных форм также могут становиться межъязыковыми помехами. Например, у русских отсутствует время Present Perfect, которое в американской лингвокультуре не только способно передавать определенное отношение ко времени (см. гл. 7, §5), но также несет на себе культурологическую нагрузку. Во время одного из бизнес-семинаров возникло непонимание между американским лектором и русской аудиторией из-за невозможности передать на русском языке конструкцию *the company will have done...*

Двусмысленные синтаксические конструкции также могут становиться причиной непонимания, как в следующих примерах:

In the lobby of a Moscow hotel across from a Russian monastery: "You are welcome to visit the cemetery where famous Russian and Soviet composers, artists and writers are buried daily except Thursday."

On the door of a Moscow hotel:

"If this is your first visit to the USSR you are welcome to it."

(English signs from around the world)

Отмечая необходимость владеть грамматическими нормами иностранного языка для адекватного понимания, все же отметим, что главную роль в коммуникации играет умение вычленить и зафиксировать в памяти ключевую информацию: "Хотя синтаксические свойства предложения несомненно важны для любого дискурса, психологи снова и снова обнаруживают, что из дискурса люди помнят не синтаксическую структуру предложений, а суть сообщения — смысл, извлеченный из взаимосвязи пропозиций" (Bootzin et al. 1991: 292).

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ

ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ПАРОНИМИЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ
ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

1. Объясните, каким образом неправильная артикуляция может привести к коммуникативным сбоям. Приведите собственные примеры.

2. На что следует обращать внимание участнику МК при восприятии написанного/напечатанного текста?

3. Приведите примеры культурно-специфических русских и американских аффиксов. Каким образом можно выразить передаваемые ими значения средствами другого языка?

4. Приведите собственные примеры:

- безэквивалентной лексики;
- многозначных слов;
- ономастических реалий (топонимов и антропонимов);
- историзмов;
- ложных друзей переводчика.

Почему эти слова представляют особую сложность для участника МК?

5. Каковы основные причины широкого использования эвфемизмов в американской культуре? Насколько широко используются эвфемизмы в России?

6. Что такое политическая корректность? В чем заключается ее основной принцип?

7. Каковы основные достоинства и недостатки политической корректности?

8. Почему отсылка к прецедентным текстам вызывает сложности в МК для неносителя лингвокультуры?

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Определите причины коммуникативных сбоев в приводимых ниже ситуациях межкультурного общения:

Новая знакомая, молодая симпатичная американка Гейл пригласила автора статьи поехать с ней за покупками. Оставили машину на стоянке, набрали полную тележку продуктов и вернулись к машине.

"Подойдя к машине, моя знакомая, как мне тогда показалось, многозначительно и загадочно посмотрела на меня и сказала, то ли прося, то ли приказывая:

— Кис!

Я немного опешил, но восхитился женщиной. Живя в тоталитарной России, я много читал и слышал о свободе в Америке, открытости и непосредственности американцев. Вот она, подумал, настоящая свобода проявления чувств: ведь почти не знакомы, но понравился, захотела вдруг кис здесь, на улице, и так прямо, без намеков тебе и заявляет. Не желая показать себя ханжой и закомплексованным совком, я, набравшись храбрости, подошел к ней и неловко поцеловал ее губы.

И тут Гейл, освободившись от меня и торжествующе показывая мне ключ от машины, который вытащила из моего кармана, опять воскликнула:

— Кииз!

Только тогда я все понял".

(Л. Велютин. Из книги "Профессионалы за сотрудничество")

"A Hungarian friend of mine once walked into a drugstore and asked the clerk for *a pack of feeble cigarettes*. He had looked up *feeble* in the dictionary and learned that it meant *lacking in strength*. The clerk found it hard to understand him.

An American businessman in Russia received a cable from home about his daughter: *Harriet hung for juvenile crimes*. The cable had been translated into Russian, then retranslated into English; the original version read: *Harriet suspended for minor offenses*."

(По материалам газеты *Chicago Daily News*)

"English" Signs from Around the World

In a Japanese hotel: "You are invited to take advantage of the chambermaid."

In a lobby of a Moscow hotel: "You are welcome to visit the cemetery where famous Russian and Soviet composers, artists, and writers are buried daily except Thursday."

Two signs from a Majorcan shop entrance: "English well talking." "Here speeching American."

Advertisement for donkey rides in Thailand: "Would you like to ride on your own ass?"

At a Bangkok dry cleaners: "Drop your trousers here for best results."

(Из электронной рассылки)

2. Назовите прецедентные тексты, к которым восходят следующие устойчивые выражения:

- подковать блоху; тришкин кафтан; оказаться у разбитого копыта; за тридевять земель; путевка в жизнь; человек в футляре; по щучьему велению; демьянова уха; избушка на курьих ножках;

- the buck stops here; John Hancock; I'm from Missouri; Simon Legree; government of the people, by the people, and for the people; go West, young man; last of the Mohicans; shout "fire" in a crowded theater.

РЕКОМЕНДУЕМ ПРОЧИТАТЬ: Толстая Т. Политическая корректность // Изюм. М.: Подкова, ЭКСМО, 2002. С. 219 – 243.

Глава 16. НЕСОВПАДЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ФОРМ. ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ БРИТАНСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

§1. Межъязыковое несовпадение внутренних форм

Материю видит перед собою всякий; содержание находит лишь тот, кто имеет с ним дело; форма же остается тайной для большинства.

И. Гете

Внутренняя форма — это один из самых выпуклых, рельефных и в то же время сложных для понимания аспектов языка, передающих дух и характер говорящего на нем народа. Речь идет о внутренней форме как отдельных языковых единиц, так и языка в целом.

В. Гумбольдт лучше, чем кто бы то ни было, описал индивидуальную форму языка, которую он характеризует как совокупность звуковой формы с "внутренней силой духа" (Гумбольдт 1984: 75), "форму, в которой языкотворческая сила отчеканивает звуки" (Там же: 101). "Создание языка, — пишет Гумбольдт, — начиная с первой его стихии, есть синтетическая деятельность в строгом смысле этого слова, именно в том смысле, по которому синтез создает нечто такое, что не заключено в слагаемых частях, взятых порознь" (цит. по: Потебня 1997: 58—59). Чем органичнее этот синтез, тем совершеннее язык и тем выше его способность адекватно передавать человеческие интенции. Гумбольдт выводит три пункта, по которым должна рассматриваться внутренняя форма языка: 1) выражение и образование понятий; 2) формы созерцания; 3) логическая связь понятий (Гумбольдт 1984: 103—104).

Г. Штейнталь, продолживший разработку понятия внутренней формы, называет ее элементом языка, содержащим мысль, через посредство которого открывается взгляд на мир и создается мировоззрение. Он считает ее действенным средством познания. Характер каждого языка и его национальные особенности, по мнению Штейнтала, должны анализироваться с трех сторон: со стороны звука, внутренней формы и их соотношения друг с другом. В. Вундт, в свою очередь, трактует внутреннюю форму как комплекс психических взаимосвязей, своеобразные законы ассоциации и апперцепции в построении словоформ, в разделении на части речи, членении предложений и т. д. Внешней и внутренней языковым формам он противопостав-

ляет в качестве материала совокупность понятий и примыкающих к ним процессов развития значения. Этот духовный (психический) материал и составляет все сознание данного языкового коллектива. Задачу народной психологии В. Вундт видит в том, чтобы выявить самые главные различия на базе генетически наиболее значимых внешних свойств словообразования и построения предложений. Современные неогумбольдтианцы (напр., Л. Вейсгербер) усматривают во внутренней форме свойственное каждому отдельному языку своеобразное "видение мира".

А. А. Потебня, чья концепция легла в основу многих последующих работ разных авторов, определяет ВФ как "отношение содержания мысли к сознанию", показывающее, "как представляется человеку его собственная мысль" (Потебня 1913: 83). Символизм языка, создаваемый живыми внутренними формами, Потебня называет его поэтичностью. При утрате внутренней формы в слове не остается для сознания говорящего связующего звена между звуком и содержанием, и оно становится прозаичным. Потебня считает, что это обычно происходит "по мере увеличения в говорящем массы мыслей, вызываемых образом" (Там же: 168), в результате чего слово лишается своей конкретности и образности.

Многие ученые (напр., Н. Б. Мечковская, В. Н. Телия и др.) отмечают национально-культурное своеобразие внутренней формы разных языков. Б. А. Серебренников пишет о различных формах отражения действительности, закрепленных в разных языках в виде значений языковых единиц, каждое из которых "может по-особому членить континуум окружающего мира". На их основе возникают ассоциации, которыми оперирует лингвокреативное мышление (Серебренников 1983: 109).

В наименовании закрепляются не все признаки обозначаемого понятия, а лишь те, которые становятся основанием номинации и передаются через внутреннюю форму. Возможность выбора такого признака обусловлена разнообразием окружающего мира, благодаря чему один и тот же объект может рассматриваться с различных точек зрения, во взаимодействии с другими предметами и явлениями, например, амер. *hope chest* {букв. "сундук надежды"} — сундук, в котором хранится приданое невесты vs. брит. *bottom drawer*. {букв. "нижний ящик комода"}; амер. *speed bump* — кочка на дороге, создаваемая специально для того, чтобы водители снижали скорость vs. брит. *sleeping policeman* {букв. "спящий полицейский"}. Часто выбор номинативного признака бывает культурно обусловлен: ср., напр. рус.

казаки-разбойники vs. амер. *cowboys and Indians*; рус. паровоз vs. амер. *iron horse* "железный конь" (так индейцы Великих равнин называли паровоз, который распугал бизонов и тем самым разрушил их традиционный уклад жизни)*.

При этом внутренняя форма выступает как связующее звено между исходным и новым значением, в результате чего возникает совмещенное видение двух картин, которое составляет суть лингвистической образности. Анализируя семантику фразеологизмов, Д. О. Добровольский пишет о двух картинах мира, сопрягаемых с помощью внутренней формы в сознании носителей языка. Одна из них — это "сюрреалистический мир, обитатели которого толкут воду в ступе, бьются головой о стену" и т. д. Вторая — часть актуальной языковой картины мира, в основном покрывающая ее субъективно значимые фрагменты. Добровольский полагает, что, с одной стороны, эти связи в разных языках обладают известной долей универсальности, а с другой — являются неповторимо-индивидуальными, непредсказуемыми, идиозмическими (Добровольский 1988: 97).

Выбранный для наименования признак не исчерпывает внутренней формы языковой единицы. Семантический остаток значения исходного слова или словосочетания участвует в создании образности и формировании коннотаций. Кроме того, понятие, обозначаемое языковой единицей, включает ряд других признаков, которые, однако, объективно никак не выражены. Эти признаки достраиваются в сознании человека на основе пресуппозиций и фоновых знаний, расхождения между которыми у носителей разных лингвокультур могут приводить к разным трактовкам языкового значения через внутреннюю форму.

Для многих языковых единиц американского варианта английского языка характерна более прозрачная внутренняя форма, чем для их аналогов из британского варианта: ср., напр.: амер. *frostbite* vs. брит. *chilblain* — отморозенное место; амер. *sidewalk* vs. брит. *pavement* — тротуар; амер. *eggplant* vs. брит. *aubergine* — баклажан; амер. *doghouse* vs. брит. *kennel* — собачья будка; амер. *bedspread* vs. брит. *counterpane* — покрывало для кровати. Одна из причин этого — прагматизм первых поселенцев, прибывших в США, их простой и практичный подход к освоению Нового Света. Как пишет Б. Брайсон, достоинством новых наименований была их ясность и доступность — полезные свойства в стране, в составе населения ко-

* Здесь и далее примеры из словаря "Жизнь и культура США" (Леонтович, Шейгал, 2000).

торой все прибывало число неносителей английского языка (Bryson 1994: 20). Приведем еще несколько примеров американизмов с яркой и прозрачной внутренней формой, иллюстрирующих лингвокреативное мышление жителей США: *groundhog* {досл. "земляная свинья"} — сурок лесной американский; *jack-in-the-pulpit* — аризема, дикий североамериканский цветок, произрастающий во влажных лесах {букв. "джек на кафедре", т. к. напоминает человека, читающего проповедь с кафедры}; *job-hop* — часто менять работу, перебегать с одного рабочего места на др.; *minuteman* {<minute — минута} — минитмен, солдат народного ополчения в период Войны за независимость (минитмены получили свое название в связи с тем, что готовы были за одну минуту собраться и вступить в бой); *oatmeal* — овсянка, овсяная каша; *prairie schooner* {букв. "шхуна прерий"} — большая крытая повозка, в которой американские переселенцы XIX в. путешествовали на Запад через прерии.

В русском языке также много слов с живописной внутренней формой: *быстротечный, взмыленный, всухомятку, головомойка, коленопреклонение, лежбежка, мягкосердечие, нарасхват, неотесанный, огнедышащий, подноготная* и т. д. Недаром Н. В. Гоголь писал, что "нет слова, которое <...> так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово" (Русские писатели о языке 1954: 167).

Обсуждение внутренней формы приобретает особое звучание применительно к фразеологическому фонду языка. Денотативная и коннотативная насыщенность фразеологизмов, способность лаконично и точно выражать эмоционально-оценочное отношение через образность и внутреннюю форму делают их средоточием национальной культурной информации. В то же время специфика фразеологической номинации как особого типа именования приводит к тому, что понимание фразеологизмов может оказаться трудным для неносителя лингвокультуры, в том числе и по причине осложненного характера их внутренней формы.

Основу национально-культурной специфики внутренней формы могут составлять:

1) историческая память народа — носителя лингвокультуры: рус. *Москва не сразу строилась; тяжела ты, шапка Мономаха; Мамаево побоище*; амер. *Gay Nineties* — веселые девяностые, 1890-е гг. {выражение возникло в период Великой депрессии 1930-х гг., по сравнению с которым время на переломе столетия казалось веселым и беззаботным}; *sell smb. down the river* — продать кого-л. на юг (о неграх-рабах);

2) культурологические реалии: рус. *задать баню*; *вольный казак*; *выносить сор из избы*; *перебиваться с хлеба на квас*; *лаптем щи хлебать*; *не лыком шит*; *терпи, казак, атаманом будешь*; *тех же щей, да пожисже влей*; амер. *give one an inch and he will take a mile* ≡ дай ему палец, а он и всю руку отхватит; *apple-pie order* — безукоризненный порядок; *cliff dweller* разг. — житель многоэтажного городского дома {<"житель скал", представитель расы древних индейцев, которые обитали в скальных пещерах или на выступах скал}; *cliffhanger* — 1. киносериял, в котором каждая серия заканчивается захватывающей сценой (например, изображающей героя, который висит на скале); 2. любая захватывающая история, ситуация с непредсказуемым концом; *play possum* — притворяться больным или мертвым {в случае опасности опоссум притворяется мертвым};

3) ономастические реалии: рус. *ехать в Тулу со своим самоваром*; *Волга впадает в Каспийское море*; *Демьянова уха*; амер. *I'm from Missouri* разг. — "Я из Миссури" ≡ "Не верю, докажи мне" {выражение скептицизма, отражающее устоявшееся мнение о жителях Миссури как упрямых и недоверчивых; восходит к началу XX в., когда конгрессмен их штата Миссури У. Вэндивер сказал: "Красноречивая болтовня меня не убеждает. Я из Миссури. Вы должны доказать мне"}; *Lucy Stoner* — женщина, оставляющая после замужества девичью фамилию {<Lucy Stone — Люси Стоун, аболиционистка, отказавшаяся принять фамилию мужа}; *Simon Legree* — жестокий властитель {по имени злодея-надсмотрщика из романа "Хижина дяди Тома", избивающего негра Тома до смерти};

4) менталитет основной массы представителей культуры, например, выражение русского фатализма — *от судьбы не уйдешь*; *лбом стену не прошибешь*; *против рожна не попрешь*; *чему быть, того не миновать*; американского этноцентризма — *Empire City* — Имперский город, прозвище г. Нью-Йорка; *Hub* — Пуп, прозвище г. Бостона {<Hub of the Universe — Пуп вселенной};

5) ценности, принятые внутри данной культуры: рус. *не имей сто рублей, а имей сто друзей*; *с милым рай и в шалаше*; ср. амер. *feel like a million dollars* — чувствовать себя на все сто; *American dream* — "американская мечта", идеал счастья и материального благополучия, который, как предполагается, может быть достигнут любым американцем; символом "американской мечты" стал собственный дом;

6) традиции: рус. *хлеб-соль*; амер. *yellow ribbon* — желтая лента {по традиции XIX в., когда американские мужчины уходили на вой-

ну, их жены и возлюбленные носили в волосах ленту цвета солдатской формы или эмблемы и молились об их благополучном возвращении};

7) прецедентные тексты.

Помимо разного подхода к выбору номинативного признака и особенностей образности, лингвокультуры могут отдавать предпочтение разным ракурсам рассмотрения объекта действительности и способам номинации. Пример тому — любовь американцев к разного рода прозвищам, внутренняя форма которых становится понятна лишь в том случае, если коммуникант может соотнести ее с исходным наименованием и сопутствующей ему культурологической информацией. Объектами прозвищ в американской культуре становятся:

1) исторические явления: *redcoats* — "красные мундиры" {прозвище британских солдат времен Войны за независимость, носивших форму ярко-красного цвета};

2) президенты и другие известные личности: *Father Abraham*, *Honest Abe*, *Old Abe*, *Railsplitter* — прозвища Авраама Линкольна; последнее из них означает Лесоруб и появилось потому, что в молодости Линкольн действительно работал лесорубом; *Old Blood and Guts* — Свирепый, Джордж С. Пэттон, генерал армии США, герой второй мировой войны, получивший это прозвище за свой крутой нрав; *America's Sweetheart* — Любимица Америки, прозвище актрисы Мэри Пикфорд; *Birdman of Alcatraz* — Птицелов с Алькатраца — прозвище Р. Страуда, убийцы, который, проведя около полувека в тюрьме на острове Алькатрац, стал авторитетом мирового масштаба в области заболеваний канареек;

3) штаты: *Keystone State* — "Штат краеугольного камня", прозвище Пенсильвании, связанное с тем, что в Филадельфии были приняты два важнейших исторических документа: Декларация независимости и Конституция США; *Show-Me State* — "Штат недоверчивых" {букв. "Штат "Покажи мне""}, прозвище штата Миссури, жители которого славятся своей недоверчивостью; *Seward's Folly* — "прихоть Сьюарда": неодоб. прозвище Аляски, купленной у России в 1867 г. за 7 млн долл. по инициативе У. Сьюарда, госсекретаря США; современники Сьюарда считали покупку Аляски бессмысленной затеей, которая никогда не окупится; также *Seward's Icebox* — "холодильник Сьюарда";

4) города и реки: *Windy City* — "Город ветров", прозвище г. Чикаго, связанное с частыми шквальными ветрами, дующими с оз. Мичиган; *Big Muddy* — "Большая мутная (река)", прозвище р. Миссури;

5) другие культурно значимые явления: *Camelot* — "Камелот", прозвище Белого дома в период президентства Дж. Ф. Кеннеди {по назв. бродвейского мюзикла 1960 г. о рыцарях при дворе короля Артура}. Слово содержало намек на "голубую кровь" супругов Кеннеди; *Foggy Bottom* — "Туманная низина", прозвище государственного департамента США {по назв. болотистой местности, на которой построили здание госдепартамента}; *Fannie Mae/Fanny May* {видоизмененное прочтение сокращения FNMA: Federal National Mortgage Association} — прозвище Национальной ассоциации по кредитованию жилищного строительства.

В русском языке также иногда употребляются аналогичные прозвища (напр., *Златоглавая, первопрестольная, Питер, Волга-матушка*), однако они далеко не столь многочисленны, как в американской лингвокультуре.

В межкультурной коммуникации внутренняя форма может помочь или, напротив, мешать пониманию незнакомой языковой единицы. Являясь той призмой, через которую в сознании коммуниканта преломляется содержание лексемы, живая внутренняя форма облегчает его освоение. С затемнением ее понимание нового значения затрудняется.

С точки зрения МК, самыми благоприятными для понимания являются языковые единицы контактирующих языков с совпадающей или близкой внутренней формой, например: общеангл. *play with fire* vs. рус. *играть с огнем*; общеангл. *take the bull by the horns* vs. рус. *брать быка за рога*; амер. *half day* vs. брит. *half holiday* vs. рус. *неполный рабочий день*. Легко поддаются декодированию и лексемы с прозрачной внутренней формой, не имеющие аналога в другой лингвокультуре, но не требующие большого объема фоновых знаний, например: амер. *old money* — старые деньги: 1. Потомственное богатство. 2. Потомственная денежная аристократия.

Если же в составе языковой единицы содержатся национально маркированные элементы, то они служат сигналом к развертыванию в сознании носителя языка цепочки смыслов и ассоциаций. Например, понимание выражения *blame it on the El Nino* требует знания того, что *El Nino* — это ураган, который в 1997 г. доставил много неприятностей жителям Западного побережья США; в результате американцы стали сваливать на него вину за любые неприятности (американский аналог русского выражения *во всем виноват стрелочник*). Понятная для носителя языка связь между прототипом и новым значением может быть неочевидна для чужестранца, в результате чего он воспринимает внутреннюю форму номинативной единицы как стертую.

Причины коммуникативного сдвига между значениями прототипа и соответствующего фразеологизма могут быть разными, например:

- искажение формы или содержания компонентов: *Pennsylvania Dutch* {искаж. *Deutsch*} — пенсильванские немцы; *bald eagle* — белоголовый орлан {букв. "лысый орел", хотя на самом деле на голове и шее орлана, в отличие от грифов, растут белые перья};

- эвфемия: *Underground Railroad* — "Подземная железная дорога", тайная система помощи беглым рабам, организованная abolitionистами;

- ироническое или саркастическое употребление исходного словосочетания, центральный семантический признак которого меняется на противоположный: рус. *хорошенькое дельце*; амер. *a fat chance* ≡ держи карман шире; *inner child* — ребенок, живущий в неблагополучном районе города (по сути дела — маргинальная личность) и т. д.

Такие номинации, безусловно, могут вводить участника МК в заблуждение.

Практически недоступной для самостоятельной расшифровки оказывается стертая внутренняя форма, например, общеангл. *face the music* — держать ответ за что-л.; рус. *съесть собаку на чем-л.*

Помехи в МК могут возникать и как результат переосмысления языковой единицы при перемещении ее из одной лингвокультуры в другую: брит. *chips* — длинные тонкие ломтики жареного картофеля vs. амер. *chips* — чипсы, хрустящий картофель; брит. *lounge suit* — повседневный мужской деловой костюм vs. амер. *lounge suit* — костюм для отдыха.

Очень высока вероятность возникновения помех в случаях, когда исходный образ, составляющий основу внутренней формы двух и более языковых единиц, совпадает, однако их конечное значение разное: амер. *dead head* 1. человек, имеющий право на бесплатный вход в театр, проезд в поезде и т. д. 2. порожний транспорт (без груза и пассажиров) vs. рус. "мертвая голова" (бабочка).

Не менее сложными для участников МК являются случаи, когда одно и то же явление в двух лингвокультурах осмысливается посредством двух различных внутренних форм: амер. *Bay of Pigs* vs. рус. *залив Кочинос*; амер. *American Revolution* vs. рус. *Война за независимость*; амер. *Big Dipper* {букв. "Большой ковш"} vs. рус. *Большая Медведица*; амер. *moonshine* vs. рус. *самогон*; амер. *morning person* vs. рус. *жаворонок*; амер. *night person* vs. рус. *сова*; амер. *the hair of the dog that bit you* vs. рус. *клин клином*.

При узуальном употреблении языковой единицы, значение которой известно коммуниканту, ее внутренняя форма "дремлет", т. е. находится в латентном состоянии и почти не осознается участниками общения. Активизация ВФ происходит в тех случаях, когда она начинает обыгрываться в контексте и, таким образом, выходит на первый план в семантике лексемы, как в следующей шутке:

"Papa, why is it that dentists call their offices dental parlors?"

"Because they are drawing-rooms, my son!"

Если квинтэссенцией внутренней формы является национально-культурная информация, то ее обыгрывание требует обращения к фоновым знаниям. Их отсутствие приводит к тому, что суть дискурса ускользает от участника общения. Например, следующая юмористическая ситуация требует понимания того, что *Smithsonian Institution* — это государственное просветительное учреждение в Вашингтоне, включающее группу знаменитых музеев, и что фамилия *Smith* может обозначать рядового американца (аналог русской фразы *Иванов, Петров, Сидоров*):

Englishman (patronizingly): "Your school facilities are excellent, I am told."

American (suavely): "Well, I should say. See the Smithsonian Institution over there? Think of a building like that just to educate the Smiths!"

§2. Интерференция британского варианта английского языка

По сложившейся традиции, в России в основном преподается британский вариант английского языка. В связи с этим различия между британским и американским вариантами составляют дополнительную помеху при общении русских с американцами. Если раньше преподавателям английского языка было достаточно констатировать существование различий между региональными вариантами и привести несколько примеров, то сейчас, как мы попытаемся показать далее, лицам, которые намерены участвовать в МК, необходимо активно овладеть этими различиями.

Всем хорошо памятли многочисленные споры о том, не следует ли считать британский и американский английский двумя разными языками. Размышляя над этой проблемой, Д. Кристал пишет: "Понимание речи друг друга часто используется как критерий разграничения между языком и диалектом". Однако, утверждает он, даже англичанам иногда трудно понять друг друга, не говоря о представителях

разных англоговорящих стран (Crystal 1987: 25). Знаменитая эпиграмма О. Уайльда гласит: "У англичан все точно так же, как и у американцев, за исключением языка". Англичанин Д. Томас признался, что при посещении Америки ощутил "барьер общего языка". Дж. Б. Пристли в книге *"Sir Michael & Sir George"* писал: "Сэр Джордж уже не в первый раз подумал, как тяжело достичь взаимопонимания с некоторыми американцами, потому что они используют те же слова, но придают им иные значения". Некоторые английские издатели взимают с американских авторов плату за "перевод" с американского на британский вариант языка. Переводчики русской книги "Архипелаг Гулаг" столкнулись с необходимостью дифференцировать перевод для британского и американского читателя. В последнее время опубликован ряд британо-американских и американо-британских лингвострановедческих словарей.

Среди британцев бытует мнение о том, что американцы говорят на испорченном английском. Однако это мнение не вполне справедливо. Существует немало свидетельств того, что, напротив, в Америке используются архаичные английские формы, не сохранившиеся в Британии. Например, американское произношение таких слов, как *fertile* и *mobile*, [ɑ] в слове *hot*, [sk] — в *schedule*, отражает британские произносительные нормы конца XVIII в., а современное британское произношение слов *bath* и *can't* со звуком [ɑ] восходит к непрестижному в то время диалекту кокни. Как не без горечи замечает Б. Брайсон, "британцам никогда и в голову не приходило, что у американцев было полное право, а иногда и веские причины на то, чтобы произносить слова по-своему" (Bryson 1994: 39, 74).

То же явление наблюдается и на уровне лексики. Слова *druggist*, *guess* (в значении "думать": *I guess*) использовались еще Чосером. Шекспир и Милтон использовали слово *homely* в значении "некрасивый", которое сегодня сохранилось в США, а ежедневно используемое американцами *yeah* также восходит к Чосеру, Шекспиру и Милтону (Battles et al. 1976: 32, 271).

В свое время многие критики американского варианта опасались, что его развитие по пути, отличному от британского, изолирует Америку от остального мира. Однако эти опасения не оправдались. Более того, сегодня именно американский английский претендует на роль глобального языка. Вот лишь некоторые причины этого явления: 1) большая численность населения США, во много раз превышающая население Великобритании; 2) влияние американской политики и экономики; 3) размах американской издательской индустрии,

телевидения, кино и Интернета; 4) широкое распространение американской поп-культуры.

При общении американцев с русскими, изучавшими британский вариант английского языка, действует двойная порция коммуникативных помех: интерференция со стороны русского языка, на которую накладывается влияние британского английского.

Фонетические различия между двумя вариантами — самые явные и более всего бросаются в глаза. Считается, что американский английский трудно понимать после британского. Однако, как показывает практика, существует и обратная зависимость: привычка к американскому произношению затрудняет восприятие британских акцентов. Показателен рассказ известного американского актера Майкла Дугласа о первой встрече своей семьи с родителями его жены Кэтрин: "<...> у них действительно валлийский акцент. Мой отец Керк и его жена Энн пригласили семью Кэтрин на ужин. Отец сидел между Пэт — матерью Кэтрин — и Энн. <...> И вот Керк обратился к Энн: "Я не понимаю ни одного слова из того, что говорит Пэт. Расскажи мне!" Энн прислушалась и ответила: "Я тоже!" А потом повернулась к Линдону, брату Кэтрин <...> "Линдон, у нас проблема — мы не разбираем валлийский акцент — вы можете помочь?" И он ей немного помог" (Семь дней. 4 дек. 2000).

Различия наблюдаются и на интонационном уровне. Несмотря на то, что англичане во всем мире считаются людьми сдержанными и сухими, британская интонационная шкала отличается большим диапазоном, в то время как для американской речи характерно ровное направление движения тона. В результате речь англичан воспринимается как более эмоциональная, а речь американцев — как более монотонная. Н. Мосс также отмечает длительность пауз в речи британцев. С его точки зрения, нигде паузы не бывают столь весомы и исполнены глубокого смысла, как в речи британцев. "Традиционная репутация англичан как людей молчаливых происходит из тенденции оставаться внутри своей социальной группы, где не приходится много говорить, потому что все думают и чувствуют одинаково" (Moss 1991: 6—7).

В лексике американского и британского вариантов также обнаруживаются многочисленные различия. С точки зрения диахронии, они обусловлены действием целого ряда факторов на североамериканском континенте: 1) влиянием различных британских диалектов в первоначальных поселениях; 2) возникновением единого койне на базе изначальных диалектов; 3) отставанием изолированных от мет-

рополий языковых коллективов в восприятии инновационных процессов (*colonial lag*); 4) контактами с другими языками (североамериканских индейцев, других колониальных держав, иммигрантов из стран Европы и Азии) и т. д. (Швейцер 1995а; 1995b). Сбылось предсказание Н. Вебстера, который еще в 1789 г. в предисловии к первому изданию своего знаменитого словаря писал о том, что в Америке, благодаря новым идеям, связям и отношениям между людьми, появляются новые слова и значения.

Изменение семантики слова может идти по пути расширения объема номинируемого им понятия. Так, слово *apartment* в британском варианте обозначает большую дорогую квартиру (ср. рус. "апартаменты"). В процессе своего развития в США это слово получило обобщенное значение "квартира". Аналогично развивались слова *pie*, *store*, *closet*, *pavement*, *block* и др. Обратный процесс — сужение значения слова. Характерный пример — слово *corn*, которое в британском варианте означает "зерно". Когда колонисты впервые прибыли в Америку, индейцы преподнесли им в дар кукурузные зерна. Первоначально поселенцы использовали для названия кукурузы испанское слово *maize* {от западно-индейского *mahiz*}, но поскольку кукуруза была практически единственным зерном, которое употребляли в пищу в Новом Свете, слово *corn* стало безраздельно использоваться для его наименования.

Смещение значений может происходить при совпадении формы исконной и заимствованной лексики. Так, существительное *pit* — яма — совпало с голландским заимствованием в американском варианте *pit* — фруктовая косточка. Общеанглийское прилагательное *Dutch* — голландский — произносится так же, как искаженное *Deutsch*, которое в некоторых регионах США используется в значении "немецкий". Курьезным совпадением стало исконно-британское вульг. *bum* — задница — и американское *bum* — бродяга, бомж {от нем. *Bummel*}. В последнее время американское значение стало понемногу приживаться и в Британии.

Под влиянием различных национально-исторических процессов некоторые слова одинакового происхождения начинают обозначать разные культурные понятия. Так, например, произошло со словом *football*. Появившаяся в Англии в XV в. спортивная игра, в которой первоначально вместо мяча использовали пузырь животных, в XIX в. была завезена в США. Постепенно правила игры менялись, в результате чего возник вид спорта, известный как "американский футбол" во всем мире, кроме США, где он называется просто *football*, в про-

тивовес европейскому футболу, который получил название *soccer* (от (as)soc(iation football)). Развитие значений единиц мер и весов привело к тому, что сегодня *cup* — чашка (мера вместимости) — в США равна 8 унциям, или 16 чайным ложкам (237 мл), а в Британии — 10 унциям (ср. также *barrel, bushel, gallon* и т. д.).

Иногда при метафорическом переносе основой производного значения от одной и той же лексемы в двух региональных вариантах становились разные признаки: *tube* {досл. "труба"} породило британское значение "подземка" (метро) и американское "телек" (телевизор). В результате семантических процессов значения могут разойтись настолько, что становятся противоположными друг другу. Например, слово *bomb* метафорически употребляется в разговорной американской речи в значении "провал, неудача, фиаско (особ. о театральной постановке)", например: *the play was a bomb* — пьеса с треском провалилась. В Британии же *bomb* означает "огромный успех": *it was a bomb!* — это было потрясающе!

Коммуникативные неудачи при общении британцев и американцев из-за разных значений, которые они приписывают словам, — излюбленная тема многих лингвистов (см., напр., доп. задание 4). Такого же рода помехи возможны между американцами и русскими, изучавшими британский вариант английского языка.

Расхождение значений может быть чревато серьезными социальными последствиями. У. Черчилль в своих мемуарах описал ситуацию, когда непонимание одного-единственного слова *table* во время переговоров в высоких военных кругах привело к длительному и серьезному спору между британскими и американскими генералами: первые имели в виду "немедленно поставить вопрос на обсуждение", а вторые — "отложить обсуждение, положить под сукно".

Под влиянием национальной специфики, психологических особенностей, несовпадения базисных культурных ценностей слова приобретают разные коннотации. Англичане тяготеют к преуменьшениям, в то время как американцы — к гиперболам. В речи американцев слова типа *great* и *disaster* не столь экспрессивны, как у англичан. Поэтому, если на предложение что-либо сделать американец отвечает "*Terrific!*", англичанин может принять это за восторженную реакцию, в то время как в действительности это просто вежливое согласие (Moss 1991: 7—8).

Парадоксальная картина наблюдается и при сопоставлении фразеологизмов в различных региональных вариантах: обнаруживается, что их соотношение аналогично соотношению ФЕ в разных язы-

ках. Мы можем встретить как фразеологические универсалии, так и ФЕ, совершенно различные по своему компонентному составу, образности, внутренней форме и коннотациям. Некоторые ФЕ, существующие только в одном из двух региональных вариантов, в силу своей прозрачной образности, понятны представителям другой нации и не становятся помехой в коммуникации, например, амер. *grab bag* — мешок с различными вещами, которые покупатели вытаскивают наугад и платят за них фиксированную сумму (ср. брит. *lucky dip*).

Сопоставительный анализ несовпадающих культурно маркированных британских и американских ФЕ позволяет выделить следующие их разряды:

1. Фразеологизмы, основанные на исторических событиях, фактах, реалиях, не имеющие аналогов в другой культуре: амер. *John Hancock* — подпись {по имени Джона Хэнкока, председателя Контиентального конгресса, первым поставившего свою крупную, размашистую подпись под Декларацией независимости, с тем чтобы ее смог разглядеть близорукий английский король}.

2. Фразеологизмы, имеющие культурные аналоги, как, например, прозвища британского и американского флагов: брит. *the Union Jack* vs. амер. *the Stars and Stripes*. В этот разряд входят ФЕ, обозначающие одинаковые или сходные явления, но, подобно тому, как это имеет место в разных языках, выражающие их посредством различной внутренней формы.

3. ФЕ, в составе которых имеются слова, не употребляемые в данном значении в другом региональном варианте: брит. *boot sale* — распродажа старых вещей из гаража собственного дома {от. брит. *boot* — багажник автомобиля}. В таких случаях внутренняя форма ФЕ может быть расшифрована американцами неправильно как свободное словосочетание "распродажа обуви".

4. И, наконец, ФЕ, полностью совпадающие по форме, но не совпадающие по значению. Так, невинное для британского варианта выражение *knock up* — постучать (в дверь) — в американском варианте имеет значение "обрюхатить", что породило множество межкультурных анекдотов, например:

A British girl visiting America told friends throughout one day that she was tired because the hotel porter had knocked her up early in the morning. The responses varied from "Gee, that's awful!" to "But how can you tell so soon?"

Эта группа фразеологизмов представляется нам особенно интересной. ФЕ такого рода не укладываются в рамки суждений о том, что проявления мысли и чувства загоняются в жесткие формы определенного языка. В данном случае мы имеем дело с разными культурами, манифестируемыми в одном и том же языке, т. е. не язык диктует свои законы, а культура выражает себя, пользуясь средствами определенного языка, например:

bank holiday — амер. период финансовой нестабильности в США в нач. 1930-х гг., когда все банки были закрыты *vs.* *bank holiday* — брит. официальный праздник, нерабочий день.

green card — амер. зеленая карточка: регистрационная карта (первонач. зеленого цвета), дающая иностранцу право жить и работать в США *vs.* *green card* — брит. документ о страховании автомобиля, выдаваемый при поездке за границу.

Ladies Night — амер. "дамский вечер": специально объявленный вечер, когда женщины обслуживаются в барах и ресторанах по сниженным ценам *vs.* *Ladies' Night* — брит. вечер, когда дамам предоставляют возможность в качестве гостей посетить мужской клуб.

Грамматические расхождения между британским и американским вариантом незначительны и, как правило, не являются серьезными помехами в процессе МК. Они лишь маркируют носителя того или иного варианта как принадлежащего к определенной культуре. Например, одним из таких маркеров является использование формы *gotten* (которая, между прочим, является одной из архаичных форм, сохранившихся в американском варианте, но исчезнувших из британского). В целом в американском английском наблюдается тенденция к упрощению грамматических конструкций. Время *Indefinite* преобладает над *Perfect*. Русские, которых обучали строжайшим правилам английской грамматики, бывают поражены, когда слышат, что американцы нарушают правила употребления времен, например: "*Did you speak to me?*" вместо ожидаемого: "*Have you spoken to me?*" или: "*I didn't eat anything all day*" вместо "*I haven't eaten anything all day*". Упрощаются синтаксические конструкции. Допустимы варианты, абсолютно не приемлемые в британском английском, как, например: *to author a book, to host a party, to fund a campaign, to safety a car*. Кроме того, различается употребление предлогов (брит. *on a/the course* *vs.* амер. *in a/the course*) и артиклей (брит. *he's in hospital with a broken arm* *vs.* амер. *he's in the hospital with a broken arm*; брит. *in summer* *vs.* амер. *in the summer*).

Консерватизм, который американский английский проявляет на уровне произношения и лексики, отсутствует в орфографии во многом благодаря усилиям Н. Вебстера. Различия между британской и американской орфографией имеют своеобразные проявления в МК. Во-первых, те написания, которые считаются правильными в одной стране, могут оцениваться как неправильные в другой. Во-вторых, в недавнем прошлом американские компьютеры наотрез отказывались воспринимать британское правописание как норму и наоборот, часто к отчаянию носителей того или иного варианта. Вот почему сейчас компьютерные программы предлагают оба варианта для проверки правописания. По правописанию можно узнать, в Британии или в США была издана книга, создан веб-сайт или написано письмо. Различаются также нормы пунктуации, использование прописных и строчных букв.

В 1835—1840 гг. Алексис де Токвиль писал: "Поразительно, как две нации, столь недавно произошедшие из одного источника, столь противоположны по манере чувствовать и общаться" (Tocqueville 1981: 511). Британцы как коммуниканты считаются более сдержанными и отстраненными, соблюдают большую коммуникативную дистанцию. Например, для них не считается приемлемым называть друг друга по имени с первых минут знакомства, как это принято у американцев. Из-за этого русские, привыкшие общаться с американцами, иногда попадают в неудобное положение при встречах с более формальными британцами.

Американские коммуникативные стратегии считаются более напористыми по сравнению с британскими, стремящимися к вежливости и компромиссу. Д. Таннен отмечает, например, что американские мужчины нередко превращают дружескую беседу в состязание. Ее знакомый британец признался ей, что дома его лучшими друзьями были мужчины, а когда он приехал жить в США, то стал главным образом общаться с женщинами, поскольку ему было трудно приспособиться к коммуникативным стратегиям американских мужчин. Различие он объяснил так: "Дома мы уступали друг другу. <..>. Мы не пытались все время одержать друг над другом верх. Разговаривать с американцем — все равно что находиться в военной зоне" (Tannen 1990: 293—294).

Глубочайшее культурное различие между британцами и американцами проявляется в отношении к правилам, в том числе и языковым. Американская речь кажется британцам небрежной и неправильной.

Несмотря на сближение британского и американского вариантов под влиянием телевидения, Интернета и прочих средств коммуникации, указанные различия по-прежнему ощутимы. В связи с этим нельзя не согласиться с А. Д. Швейцером, который пишет: "<...> представляется целесообразным выделять с помощью особых помет не только американизмы, как это делается в издаваемых у нас англо-русских словарях, но и бритаизмы", поскольку в противном случае коммуникант будет не в состоянии различать общеанглийскую и специфически британскую лексику (Швейцер 1971: 191).

В МК также следует иметь в виду, что непростые взаимоотношения между британцами и американцами (см. гл. 9, §3) неизбежно экстраполируются на иностранцев, избравших для себя тот или иной вариант английского языка.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА
ОНОМАСТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЯ

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

1. Что позволяет исследователям говорить о национально-культурном своеобразии внутренней формы разных языков?
2. Проанализируйте различные способы проявления лингвокультурной специфики с помощью внутренних форм.
3. Почему внутренняя форма особенно рельефно проступает во фразеологических оборотах? Приведите примеры.
4. Помогает или мешает внутренняя форма в межкультурной коммуникации?
5. Почему между британцами и американцами, говорящими на одном и том же языке, могут возникать коммуникативные помехи?
6. Укажите основные различия между британским и американским вариантами английского языка. Почему возникли эти расхождения? Надо ли, с вашей точки зрения, участнику межкультурной коммуникации знать об этих различиях?

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Какие культурно-специфические реалии фигурируют в следующих фразеологизмах? Как их присутствие влияет на возможность их адекватного понимания?

Задать баню; лаптем щи хлебать; как Мамай прошел; выносить сор из избы; не было ни гроша, да вдруг алтын; пристал как банный лист; терпи казак, атаманом будешь; при Царе Горохе; наводить тень на плетень;

give one an inch and he will take a mile; sell smb. down the river; lily-white; white/black hat; blue ribbon; play possum; rabbit's foot; hawks and doves; lame duck; dime novel; not worth a dime; Indian giver; Life Savers.

2. Найдите русские аналоги следующих английских фразеологизмов:

banana oil; there's a black sheep in every flock; two dogs over one bone seldom agree; when in Rome do as the Romans do; one man no man; like father, like son; birds of a feather flock together; hawk will not pick out hawk's eyes; one man's meat is another man's poison.

3. Какое явление лежит в основе следующих лингвистических парадоксов?

"• There is no egg in eggplant, nor ham in hamburger; neither apple nor pine in pineapple. And while no one knows what is in a hotdog, you can be pretty sure it isn't canine.

• English muffins were not invented in England, nor French fries in France.

• Sweetmeats are candies, while sweet breads, which aren't sweet, are meat.

• Quicksand can work slowly, boxing rings are square, and a guinea pig is neither from Guinea nor is it a pig.

• Why do people have noses that run? Park on driveways and drive on parkways?

• How can a slim chance and a fat chance be the same, while a wise man and a wise guy are opposites?

• When a house burns up, it burns down.

• You fill in a form by filling it out.

• An alarm clock goes off by going on.

• And why, when I wind up my watch, I start it, but when I wind up this essay, I end it?"

(Из электронной рассылки)

4. Объясните лингвокультурную подоплеку следующих коммуникативных сбоев между британцами и американцами:

bee — joint effort (Am.). An 18th century Englishman was puzzled when his American cousin wrote: "The cellar in our new house was dug by a bee in a single day".

dormitory — Am. hostel, Br. room where people sleep. An American college teacher was speaking to a British teacher and remarked that at his college, male and female undergraduates now sleep in the same dormitory. "Ye gods!" said the Englishman.

English muffin — When my English wife first visited an American drugstore with me, and I ordered breakfast, she was startled to hear the man behind the counter call out to the kitchen, "Let's have two toasted English".

homely — More than one Englishman being entertained in an American home has startled fellow guests by describing his hostess as "a very homely lady".

mistress — in British English a member of the teaching staff in a girl's school. When during WWII the American pilots took over a famous girls' boarding school, they found next to every bed a button and a notice saying: "If you want a mistress during the night, ring the bell".

Mr — in British English, as well as an ordinary form of address, this is also given to a male doctor or dentist who has attained the rank of surgeon. Americans going for medical treatment in Britain have sometimes drawn back when they found the practitioner described as "Mr. So-and-so" and said they wanted to see a qualified doctor. In fact, he would be a doctor of senior status.

pants {cokp. or pantaloons} — I heard an American student at Cambridge University telling some English friends how he climbed over a locked gate to get into a laboratory building and tore his pants, and one of them asked, «But how could you tear your pants without tearing your trousers?"

queer — in Britain, in addition to homosexual also means 'unwell'. Soon after arriving in England ... I was told one day, in a friendly tone, "You're looking a bit queer today, lad." I said apologetically, "Oh, really? Perhaps it's this suit".

saloon (Br.) — sedan car. As H. Allen Smith observed in Smith's London Journal, "It is possible to be arrested in England for driving while drunk in a saloon".

wash up — in American English to wash oneself, not the dishes. Philip French recalled in a New Statesman article that he once suggested to his American hostess that he help her wash up, and was met with a startled look.

Yankee — Britons do not make the geographical distinction between North and South, so that a visitor from, say, Louisiana or Georgia may be irritated to hear himself described as Yankee.

(*Moss N. British/American Language Dictionary*)

Глава 17. НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ. ЭТИКЕТНЫЕ НОРМЫ

§1. Национально-специфические особенности невербальной коммуникации

If his lips are silent, he chatters with
his finger tips; betrayal oozes out of him
at every pore.

Sigmund Freud

Роль невербальной коммуникации в МК соответствует ее удельному весу в общении, по разным данным составляющему от 65 до 93%. Известны многочисленные примеры, когда люди, не знающие языка друг друга, тем не менее, умудряются достичь взаимопонимания, активно используя просодические средства, мимику и кинесику. То общее, что объединяет культуры, — улыбка, выражение лица, совпадающие жесты — значительно облегчает межкультурное общение.

Сферу невербальной коммуникации составляют все неязыковые сигналы, посылаемые человеком или создаваемые окружением и имеющие коммуникативную ценность. Сходство между вербальными и невербальными знаками заключается в том, что те и другие имеют знаковый характер, являются социально и культурно обусловленными и подвержены индивидуальным вариациям. Содержательный компонент информации преимущественно передается через вербальные знаки, а личностно-эмоциональный — через невербальные.

Еще в 1872 г. Ч. Дарвин писал о том, что все люди выражают свои базовые эмоции одинаково. Изыскания других ученых поддерживали эту точку зрения, обнаружив у представителей разных народов универсальную мимику, выражающую страх, радость, удивление, гнев, грусть и отвращение. Однако закономерности выражения этих эмоций варьируются от культуры к культуре. Ученые полагают, что нет телодвижений или жестов, которые могут считаться универсальными символами.

Особый интерес с точки зрения МК представляют национально маркированные невербальные средства, которые подразделяются на: 1) паралингвистические средства; 2) "язык тела"; 3) коммуникативные сигналы, продуцируемые контекстом.

Паралингвистические средства включают акустические элементы, сопровождающие, дополняющие или замещающие звуки речи: темп,

ритм и громкость речи, паузы, модуляции голоса, интонацию, вздохи, стоны, покашливание, прищелкивание языком, плач, смех и т. д.

Американцы заработали в Европе репутацию людей невежливых и бесцеремонных из-за того, что в США нормой считается более громкая речь, нежели в европейских странах. В. И. Карасик прослеживает связь между громкостью голоса и типом коммуникативной дистанции (Карасик 1992: 44). Возможно, привычка говорить громко объясняется общепринятыми в США демократизмом и неформальностью общения. Американцы, побывавшие в России, настоятельно советуют своим соотечественникам говорить тише на российских улицах и в общественном транспорте, чтобы не привлекать к себе повышенного внимания и не казаться невоспитанными.

С другой стороны, американцам, не знающим русского языка и наблюдающим за общением между русскими со стороны, их коммуникативное поведение кажется сверхэмоциональным. "Вначале мы с друзьями думали, что русские все время ссорятся; но вдруг, к нашему удивлению, они начинали улыбаться. Впоследствии мы поняли: то, что мы воспринимали как агрессивность, было просто экспрессией" (Hart A. 1998: 4).

Существенной помехой в МК становится неумение правильно воспроизводить и интерпретировать просодические характеристики, присущие определенной лингвокультуре. Л. Г. Фомиченко усматривает связь между менталитетом и просодической организацией речи. С ее точки зрения, свойственное английскому языку понижение тона в ядерном слоге как проявление автономности личности, индивидуализма отсутствует в русском языке ввиду того, что эта черта чужда русскому менталитету. Она также пишет о том, что в американском варианте английского языка преимущественно используется "ровная шкала со средним ровным понижением на ядерном слоге, что свидетельствует об отсутствии категоричности в мышлении и демократичности в отношении к описываемым фактам".

Как это ни парадоксально, большую роль в коммуникации также играет молчание. В разных культурах представление о том, какое "количество" молчания приемлемо для адекватного общения и что такое "затянувшаяся пауза", имеет свою национальную специфику. Считается, что американцы не выносят длительных пауз и изо всех сил пытаются заполнять их говорением. Поэтому, когда иностранные журналисты или бизнесмены едут в США, чтобы выведать там нужную информацию, их инструктируют: делайте затяжные паузы — и американцы вам сами все расскажут.

Кроме того, паралингвистические средства могут нести другую культурную информацию. Например, П. Траджилл утверждает, что качество голоса является достоверным социолингвистическим индикатором, коррелирующим с социоситуативной стратификацией английского языка: "качеству голоса менее образованных носителей языка присущи более высокий подъем тона, более интенсивная громкость, скрипучий тембр, несколько выдвинутое и опущенное положение языка и другие нюансы" (цит. по: Орлов 1993: 126).

Невербальные знаки в коммуникативных системах разных лингвокультур могут различаться как по форме, так и по содержанию. Например, в США существует оскорбительный звук, издаваемый губами с просунутым между ними языком, который называется *Bronx cheer*. Он не имеет значимого аналога в русской культуре. Своего рода межкультурная омонимия проявляется в том, как в России и США используется свист. Так, Й. Ричмонду не раз приходилось объяснять высокопоставленным американцам, что в России свист в концертном зале во время представления не выражает восторга, как в США, а, напротив, является знаком неодобрения (Richmond 1997: 128).

Интересно, что некоторые "природные" паралингвистические явления "слышатся" носителям русского и английского языков по-разному, например:

<i>апчи</i>	<i>ah-choo</i>
<i>гав-гав</i>	<i>bow-wow</i>
<i>кря-кря</i>	<i>quack-quack</i>
<i>мур-р-р</i>	<i>purr</i>
<i>тяв-тяв</i>	<i>yip-yip</i>
<i>хрю-хрю</i>	<i>oink-oink</i>

Находясь в чужой культурно-языковой среде, человек выделяется из толпы не только одеждой, как думают некоторые, а еще "чем-то", что бывает трудно выразить словами. Это "что-то" — мимика, артикуляция, жесты, движения тела, специфическая походка. Из-за артикуляционных особенностей разных языков лицевые мышцы их носителей развиты в разной степени. Выражение лица может также зависеть от того, какая степень эксплицитного выражения эмоций считается допустимой в данной культуре. С. Л. Лапейруз пишет о характерном выражении лица американцев, напоминающем маску, часто скрывающую их истинные мысли и чувства (Lapeyrouse 1999: 1).

Много написано и о традиционной американской улыбке. "Американцев учат начинать беседу с улыбки и продолжать улыбаться", —

утверждает Й. Ричмонд (Richmond 1997: 136). Русские же относятся к американской улыбке с недоверием и часто воспринимают ее как неискреннюю. "Улыбка особенно режет глаз, когда знаешь: дела, настроение человека в данный момент слову "о'кэй" далеко не соответствуют, — пишут В. М. Песков и Б. Г. Стрельников. Однако американцы считают нужным улыбаться, поскольку дежурная улыбка — это демонстрация стойкости и жизнеспособности. "Социальная среда беспощадно бракует ослабших и неудачников. Улыбка — это сигнал: я держусь, я всплыву! <...> Если американец улыбаться не способен — значит, дела его плохи до крайности". Однако Песков и Стрельников пишут о необходимости различать улыбку-вывеску и способность американца улыбнуться и посмеяться от полноты чувств (Песков, Стрельников 1977: 60—61). Таким образом, американская улыбка различается в зависимости от степени искренности. Это позволяет С. Г. Тер-Минасовой выделить разные виды улыбки: "улыбку формальную", "улыбку коммерческую", "улыбку искреннюю" (Тер-Минасова 2000: 193).

Американцы, напротив, находят, что на начальном этапе коммуникации с незнакомыми людьми русские слишком серьезные и даже угрюмые. "Россия меня пугает, — говорил Мухаммед Али, — люди в автобусах выглядят так серьезно, как если бы им предстоял электрический стул". У. Г. Стефан и М. Абалакина-Паап пишут о том, что в России улыбаться незнакомым людям на улице считается отклонением от нормы, которое может быть неверно интерпретировано (Stephan, Abalakina-Paap 1996: 368). И уж если русские начинают улыбаться, это означает, что они расслабились и находятся на пути к установлению хороших взаимоотношений с собеседником.

Жестикуляция и другие телодвижения также могут выдавать не носителя лингвокультуры даже в том случае, если он великолепно владеет иностранным языком. Существует немало анекдотов о том, каким образом обнаруживают себя американские и русские шпионы. Американца легко узнать по специфической манере сидеть, положив лодыжку одной ноги на колено другой, откинувшись на стуле и заложив руки за голову. Русских же подводит то, что они пьют чай, не вынимая ложки из стакана.

В каждой лингвокультуре существуют специфические национально маркированные жесты. Всем хорошо известен американский жест в форме буквы V, образованный указательным и средним пальцами руки, повернутой к лицу тыльной стороной, — знак победы (*V-sign*, или *peace sign*). Во время счета русские загибают пальцы, начиная с

мизинца или с большого пальца руки. Американцы, напротив, разгибают пальцы, начиная с указательного и завершая большим. Национальные особенности жестикуляции также зафиксированы в идиоматике: рус. *тыкать пальцем в кого-л.*; *засучить рукава*; *спустя рукава*; *шши с маслом*; амер. *keep one's fingers crossed* — скрестить пальцы, чтобы не сглазить.

Одним из ярких примеров межкультурного непонимания стала ситуация, связанная с Н. С. Хрущевым. Когда в разгар холодной войны Хрущев приехал в США, он приветствовал представителей прессы, потрясая сцепленными над головой руками в знак дружбы между народами. Американцы интерпретировали этот жест в соответствии со своими культурными установками как символ победы, поэтому пресса истолковала смысл жеста как намерение СССР одержать верх над США (Dahl 1998).

По данным исследователей, в русской культуре чаще, чем в американской, используются контактные жесты: рукопожатие, поцелуй, объятие и т. д. Сами американцы считают парадоксальным то, что жители США тратят огромные деньги на кремы, лезвия и другие продукты, цель которых — сделать кожу приятной для прикосновения, но при этом американская культура остается бесконтактной. Одно из основных правил американского общения: "Don't touch people when speaking with them". В русской культуре, напротив, прикосновения считаются символом дружбы, верности и любви. Русские мужчины здороваются за руку намного чаще, чем в США. Непривычным для американцев также является то, что по этикету женщина первой подает руку для приветствия и что мужчины иногда целуют женщинам руку. Прикосновения к незнакомым людям в общественном транспорте не пугают русских, но вызывают чувство смятения у американцев. Показательна и следующая ситуация: "Можно наблюдать, как супруга россиянина на прогулке в парке, словно школьную подругу, подхватывает под руку жену американца. Жест, совершенно естественный для русской женщины, американке покажется крайне эксцентричным. Ведь в США две идущие под ручку женщины не вызывают никаких сомнений в нетрадиционной сексуальной ориентации. У американских мужчин при встрече даже со старыми деловыми партнерами не принято обниматься и целоваться. Ну а у нас — сами знаете" (Агуреев 1999: 25). Но даже когда речь заходит об американской привычке "похлопывать друг друга по спине" (*back slapping*), это все равно не меняет сути американской культуры как бесконтактной. Так или иначе американцы привыкли общаться "на расстоянии вытяну-

той руки", сохраняя между собой если не физическую, то коммуникативную дистанцию.

Американца в русской толпе можно также узнать по специфической пружинистой походке, для которой характерно перекачивание ступни с пятки на носок. Возможно, она вырабатывается благодаря постоянным занятиям спортом и привычке ходить в кроссовках. В целом походка очень информативна. Например, в знаменитом американском фильме *Grease* — стилизации под 50-е годы XX в. — герой Траволты и его друзья ходят так, как было принято у представителей "поколения рок-н-ролла". Его поведение в школе, включая походку, в корне отличается от того, как он вел себя с подругой на берегу моря, где он не пытался "играть роль".

На расхождения между русским и американским невербальным поведением обращает внимание Й. Ричмонд, когда описывает, что считается "некультурным" (*nyekulturny*) в России: "Некультурно стоять, засунув руки в карманы брюк, сидеть, развалившись на стуле и закинув руки за голову, класть ноги на стол — т. е. все то, что склонны делать американцы. <...> Неприемлемо обедать, рассевшись на газоне" (Richmond 1997: 121). В театре русские проходят между рядами, повернувшись лицом, а американцы — спиной к сидящим.

Демократичные отношения между студентом и преподавателем в США оказывают влияние на их невербальное поведение, что нередко удивляет русских. Неформальная одежда, жевательная резинка во рту, манера садиться на стол во время занятия — подобного рода проявления в России либо вообще недопустимы, либо встречаются у наиболее эксцентричных студентов и преподавателей и рассматриваются внутри культуры как отклонение от нормы. Столь же неприемлемым считается поведение студентов, которые сидят в аудитории в бейсболках, едят, пьют, кладут ноги на стул или стол. По этой причине может возникать коммуникативный диссонанс между русским преподавателем и американскими студентами.

Русских и американцев поражают расхождения между поведением полицейских и водителей в культурах друг друга. Если русского водителя останавливает милиционер, то некоторые водители, особенно провинившиеся, выходят из машины и идут навстречу стражу порядка. Такое поведение считается совершенно недопустимым в США, где попытка водителя выйти из машины или сделать какие-либо другие резкие телодвижения (например, достать что-либо с заднего сидения) рассматривается как попытка оказать полицейскому сопротивление. Как сказал один американский полицейский: "Если бы наш

водитель вел себя, как русский, моя первая реакция была бы — выстрелить". Правильное поведение американца в такой ситуации — подать полицейскому в окошко документы и сидеть спокойно, положив руки на руль.

Расположение людей в пространстве при общении также имеет свою культурную специфику. Будучи пространственно-психологическим, американское понятие *privacy* обозначает личное пространство радиусом не менее полуметра, в которое не должен вторгаться никто посторонний. Этим объясняется поведение людей в магазине, в банке и в общественном транспорте, где между людьми по возможности соблюдается необходимая для суверенности личности дистанция. Если же человек приближается слишком близко, он неизменно извиняется: "*Excuse me*". Поскольку при общении в русской культуре "личная зона" обычно меньше, чем в американской, русское коммуникативное поведение может восприниматься американцами как вторжение в их личное пространство: "*Russians may bump into or push people without apology...*" (Stephan, Marina Abalakina-Paap, 1996: 368).

Одна американская студентка, обучавшаяся в России, жаловалась, что не может ничего купить в магазине без того, чтобы кто-нибудь не встал перед ней без очереди. Выяснилось, что она всегда соблюдала такую большую дистанцию от стоящего перед ней человека, что остальные покупатели не догадывались, что она тоже стоит в очереди.

Важную роль для оценки личности, ее статуса, материальной обеспеченности, образовательного уровня и т. д. играет одежда, которая дополняет физический облик личности. Наряду с языком, одежда тоже несет умышленное или неумышленное сообщение, которое индивидуум с ее помощью передает окружающим. Если в западном деловом мире темно-синий костюм и темно-красный галстук воспринимаются как символы власти и являются неотъемлемой частью гардероба серьезного бизнесмена, то коричневый костюм считается неприемлемым и сигнализирует о невысоком социальном положении своего обладателя. Поэтому неофициальный девиз бизнесмена: *Never brown in town*. Белые носки в сочетании с деловым костюмом также презрительно отвергаются. В связи с этим надо отметить, что в действительности деловой костюм не является единственной формой одежды бизнесмена, которая может ассоциироваться с "цивилизованным подходом к делу". Например, совершенно иначе одеваются представители деловых кругов в арабских странах, что ни в коей мере не свидетельствует об их "нецивилизованности".

Черный и белый цвет и строгая элегантность превалируют в "монокромном" высшем свете. С другой стороны, небрежная манера одеваться, длинные волосы, джинсы стали "визитной карточкой" компьютерного бизнеса США, отличающего его от остального корпоративного мира.

Дж. Т. Моллой (John T. Molloy), автор книг *"Dress for Success"* и *"Woman's Dress for Success"*, придумал "униформу" для деловых женщин: "Клянусь всегда и везде носить только хорошо сшитый темный костюм традиционного покроя с юбкой". Русские женщины, с точки зрения американцев, чрезмерно разнаряжены в будни (*overdressed*) и злоупотребляют косметикой. Ярко покрашенные русские студентки, которые ходят на занятия в мини-юбках, черных колготках и туфлях на высоких каблуках, кажутся американцам одетыми непристойно. Русским же американские студенты в мешковатых брюках и неизменных футболках представляются одетыми небрежно и даже неряшливо. Первые попытки усвоить стиль одежды друг друга часто бывают неудачными — не соблюдаются понятия красоты, уместности и престижа, нарушаются и другие заповеди. К примеру, вспоминается молодая русская учительница, которая пришла на интервью с американскими грантодателями одетая "на их манер" — в футболке и джинсах (очевидно для того, чтобы подчеркнуть свой демократизм и простоту) — и вызвала у них реакцию негодования: *"How could she come to an interview dressed like this?"* Американцы расценили неформальную одежду как неуважение к ситуации, в которой они рассчитывали увидеть участников в строгой деловой одежде. Гранта учительница не получила. Поскольку "по одежке встречают", неуместный внешний вид в МК — это заведомо неверный шаг, который может стоить взаимопонимания.

В целом для среднего американца не свойственно одеваться ярко и вычурно — это считается дурным вкусом. Как правило, разноцветную блестящую одежду и большие шляпы с цветами можно увидеть на улицах на негритянках, принадлежащих к низшему классу. Нет ничего хуже, чем резко выделяться из толпы. Даже если это будет красиво, скорее всего, окружающие разделятся на два лагеря: тех, кому ваш необычный наряд понравится, и тех, у кого он вызовет резкое неприятие, причем можно предсказать, что последние будут в большинстве. Поэтому самый продуктивный подход к внешнему виду, особенно одежде, в ситуации МК — это не бояться задавать вопросы носителям культуры: как мне одеться? уместно ли я буду выглядеть в этом наряде? Кроме того, очень важно соблюдать равновесие между

собственной национально-культурной идентичностью и уважением к представителям иного общества, с которыми вступаешь в контакт.

Исследователи также относят к невербальной коммуникации язык архитектуры (жилище), ландшафта, дизайн интерьера, предметы бытового обихода и т. д. (Ерасов 1997). Внешний вид жилища и его интерьер несут информацию о материальном благосостоянии, вкусе, интересах и пристрастиях его обитателя. "Бесконтактность" американской культуры приводит к тому, что и в этой сфере чрезвычайное значение имеет понятие *privacy*. С этой точки зрения фраза *Do Not Trespass* приобретает символическое значение.

В силу исторических и экономических условий русские и американцы используют разные критерии при оценке жилища. Так, русские оценивают размер жилища по количеству жилых комнат (двух-, трехкомнатная квартира и т. д.), а американцы — по количеству спален (*one-, two-bedroom apartment* и т. д.). Это обстоятельство может приводить к непониманию в МК, так как, решив использовать русские критерии для описания своей квартиры, американцы начинают считать все комнаты, включая кухню и кладовки. У американцев отсутствует понятие, эквивалентное русскому "дача". Используемое же в английском языке заимствование *dacha* у американцев ассоциируется с большими особняками (как в пьесах Чехова). Трудным для перевода на русский язык оказывается слово *community*, не имеющее адекватного эквивалента в русском языке, но широко используемое американцами для описания района, где они живут, и своих соседей. В русском и американском обществах наблюдается разное отношение к таким понятиям, как *центр (downtown)* и *пригороды (suburbs)*. Если в большинстве российских городов центр считается безопасным и желанным местом проживания, то в США *downtown* (или *inner city*) воспринимается как местонахождение трущоб, где не рекомендуется находиться после наступления темноты (за исключением Нью-Йорка и некоторых других крупных городов). Поэтому когда русский в беседе с гордостью заявляет, что живет в центре города, некоторые американцы смотрят на него с подозрением (чем же тут гордиться?).

Незнакомый пешеход в американском пригороде, где живут состоятельные люди, вызывает подозрение, особенно в темное время суток. В отличие от русских пенсионеров, американские старушки не станут сидеть целыми днями на скамеечке возле дома, беседуя с соседями. Неудивительно, что эти различия могут приводить к трениям между представителями двух культур, как в следующем примере, описанном А. Тимошиной: "Мне рассказывал домовладелец комплекса,

что ему постоянно жалуются американцы на двух пожилых женщин, наших соплеменниц, эмигрировавших в США из небольшого провинциального городка Белоруссии. Они, естественно, не работали и любили часами просиживать на уютных скамеечках под окнами домов или около бассейнов, не подозревая, что раздражают окружающих своей бесконечной болтовней на незнакомом им языке и лишают их возможности искупаться без постороннего взгляда" (Профессионалы за сотрудничество 1997: 321).

Таким образом, овладение системой невербальных коммуникативных средств не менее важно для межкультурного общения, чем знание иностранного языка. Речь идет не только о знакомстве с самими средствами, но также и о синхронизации речевого и невербального поведения (Орлов 1993: 124). Противоречия между вербальным и невербальным поведением могут быть истолкованы участниками МК как свидетельство неискренности, неестественности и даже "странности". Необходимым умением является также дешифровка ритуального смысла невербальной коммуникации. Кроме того, невербальное поведение в МК становится важным компонентом обратной связи, который в проблемных ситуациях может сигнализировать о возникновении межкультурного непонимания.

§2. Различия в коммуникативных стратегиях

Выбор коммуникативной стратегии — линии коммуникативного поведения, направленной на достижение поставленных целей, — может оказывать решающее воздействие на успех/неуспех МК. Рассматривая дипломатическую коммуникацию, Т. А. Колумбус и Дж. Х. Вульф утверждают, что даже независимо от содержания исход переговоров зависит от манеры, тона и стиля преподнесения информации. Послы и их помощники, не знакомые со стратегиями коммуникации, принятыми в определенной стране, нередко вызывают по отношению к себе враждебный настрой (Coulombis, Wolfe 1990: 144).

Что включают коммуникативные стратегии? С. А. Сухих и В. В. Зеленская выделяют в качестве механизмов речевых стратегий целеполагание, целеобразование, оценку ситуации, вербализацию и интеракцию, а в качестве их составляющих — аргументацию, мотивацию, оценку, выражение эмоций, размышление вслух, оправдание и т. д. (Сухих, Зеленская 1998: 16).

Как правило, ученые, исследующие коммуникативные стратегии, подчеркивают прямоту как характерную черту американцев. Пред-

ставляется, что поскольку прямота — понятие многозначное, следует рассмотреть его в нескольких аспектах, с тем чтобы не оказаться в плену стереотипов.

Во-первых, под прямотой можно понимать скорость перехода к основной теме общения. Стратегия "ближе к делу", типичная для американцев, принята далеко не во всех других культурах. Так, Ю. А. Сорокин отмечает, что "быстрый переход к основной теме диалога считается у многих народов невежливым" (Шаховский, Сорокин, Томашева 1998: 75). Вот как С. Д. Джонс рассказывает об опыте переговоров американцев с русскими: "На первой встрече с русским партнером вы коротко и ясно изложили суть сделки, которую вы хотели бы заключить. Ваш партнер ответил сорокапятиминутной речью об истории своей организации, о политической ситуации в Москве и истории здания, в котором проходит встреча. <...> Ваш визит не дал никаких конкретных результатов, и вот, во время вашего второго приезда, ваш партнер двадцать минут говорит о первой встрече — и ничего о вашем предложении. <...> В чем же дело? Да ни в чем. Обе стороны пытаются достичь успеха в своем понимании — проблема лишь в том, что русские и американцы по-разному понимают, что такое успех". Американский подход, пишет Джонс, выражается словами *get in, get it done, and get out of the way* (Jones 1999).

В других культурах, включая русскую, присутствует большая роль ритуальности. Делясь своим опытом деловых переговоров, Й. Ричмонд отмечает, что когда русские приходят на встречу (как правило, с опозданием), ритуальная часть, предваряющая переговоры, включает чай или выпивку, сопровождаемую светской беседой о семье или личных проблемах. Деловая часть беседы с русскими также длительна, поскольку подход к основным проблемам осуществляется не прямо, а "окольными путями". Нетерпеливые американцы не могут дожидаться, когда русская сторона, наконец, приступит к обсуждению ключевых проблем (Richmond 1997: 129). В связи с этим американским и русским бизнесменам бывает нелегко достичь взаимопонимания. Американцы склонны разграничивать деловые и личные взаимоотношения. Русские же рассматривают установление личных контактов как необходимую часть переговоров. С. Д. Джонс объясняет это отсутствием институциональной стабильности и слабостью российских юридических основ, в результате чего деловые контакты основываются на личном доверии, в то время как в американском обществе деловые люди защищены законом (Jones 1999). Можно отчасти согласиться с этим утверждением, однако представляется, что

большую роль также играют другие факторы: русская соборность, эмоциональная потребность в личных контактах, в противовес американскому прагматизму, рациональности и деловитости, а также многократно описанные традиции русского гостеприимства, в значительной степени основанные на личностных подходах. Тем не менее, как показывают исследования, интерпретируя причины коммуникативных неудач, обе стороны объясняют их по-своему: американцы — недостатками российской системы, а русские — неспособностью американцев к установлению межличностных отношений.

Прямота может также рассматриваться как высокая степень эксплицитности. В США как в низкоконтекстной культуре предметы и явления обретают свои очертания, лишь будучи обозначенными словом. В России требуется меньшая степень эксплицитности; возрастает роль контекста, пресуппозиций, намеков и т. д. Объясняя склонность американцев к прямоте, К. Сторти отмечает их приверженность к эффективности действий (*efficiency*), а также то, что они, в отличие от других народов, не боятся "потерять лицо" и потому в большей степени готовы нести ответственность за последствия своей прямолинейности (Storti 1994: 76). Выражение *beat about/around the bush* — ходить вокруг да около — имеет в английском языке отрицательную коннотацию. Русские, со своей стороны, отличаются долготерпением. Кроме того, для русского дискурса характерна более богатая "затекстовая" нагруженность.

Иностранцы нередко отмечают, что американцы в ответ на свои предложения хотят услышать однозначный ответ — "да" или "нет". Образное выражение мыслей приводит американцев в замешательство. Русским, привыкшим к абстрактным отступлениям и философствованию, уровень американской конкретики часто видится как отсутствие воображения и творческого подхода. Русские студенты жалуются, что при обучении в США им не с кем поговорить "на своем языке" (имеется в виду язык мысли). Американцы же с подозрением относятся к уклончивым фразам и не умеют читать "между строк".

Однако, несмотря на то, что американская речь тяготеет к максимальной эксплицитности, очередной парадокс заключается в том, что в американском дискурсе намного выше, чем в русском, роль фатической коммуникации. Задача фатического общения — не столько сообщить информацию, сколько открыть каналы коммуникации. В связи с тем, что "значение фатических высказываний в очень малой мере "вычитывается" из значений языковых единиц" (Дементьев 2000: 36), они трудны для межкультурной интерпретации. Поэтому неред-

ки случаи, когда неносители лингвокультуры воспринимают фатические высказывания в прямом смысле, не понимая их истинной сущности.

Русские, оказавшиеся в США, могут привести немало случаев, когда их вводят в заблуждение фразы типа *"Let's have dinner together sometime"*. Еще большая степень недоумения возникает, когда во фразе имеется достаточная, с точки зрения русского, степень конкретизации: *"Let's have dinner together next week"*. Русские нередко жалуются, что после такой фразы они в течение всей недели ждут приглашения на ужин и очень огорчены или оскорблены, когда этого не случается.

Предложив данную тему для обсуждения в электронной конференции CRTNET Национальной коммуникативной ассоциации США, мы получили следующий ответ от американской исследовательницы Д. Уигналл (Dennis Wignall): "<...> с американской точки зрения, фраза *"Let's go to dinner"* не лишена смысла — она, скорее, являет собой намерение встретиться когда-нибудь в будущем. Тот факт, что на поверхности она весьма неопределенна, дает неверное представление о ее значении. Настоящий смысл этой фразы: 1) она сигнализирует о желании дальнейшего взаимодействия; 2) взаимодействие это должно произойти вечером, а это предполагает большую степень открытости, близости и симпатии; 3) неопределенность фразы — это бессознательная попытка вызвать ответную реакцию собеседника, свидетельствующую о том, что он готов к последующему взаимодействию; 4) предшествующее взаимодействие было достаточно положительным для того, чтобы отношения были продолжены <...> В результате высказывания американцев кажутся русским двусмысленными, а американцы считают русских сверхчувствительными и понимающими все буквально".

Осмелимся также утверждать, что разная степень фатической нагруженности наблюдается даже в таких традиционных контактоустанавливающих фразах, как *How are you?* и *Как дела?* Хотя русские, задающие такой вопрос, не ожидают от собеседника длинного отчета об их делах, они все же рассчитывают на краткий, но правдивый ответ. В русской культуре намного вероятнее реакция типа *Ничего хорошего* или *Не очень*. Если двое встречаются на бегу, они все же, по российскому этикету, останавливаются на секунду, чтобы услышать ответ собеседника. Американцы же, как правило, отвечают *Fine*, а поскольку они не ожидают от собеседника иной реакции, то и не останавливаются, чтобы выслушать ответ. Поэтому *Fine* часто звучит, когда вопрошающий уже скрылся из виду. Н. Л. Шамне и М. В. Ми-

лованова также пишут о высокой степени десемантизации и клишированности актов извинения в американской культуре по сравнению с русской (Шамне, Милованова 1998: 395). Кроме того, возникает противоречие между высокой долей фатики, которая первоначально заставляет русских думать, что американцы — люди теплые, доброжелательные и эмоциональные, — и последующим общением, в котором проявляется их индивидуализм и прагматичность.

Американцы же, находясь в России, считают русских, пренебрегающих столь существенной долей фатики, недостаточно воспитанными и культурными. Их также огорчает то, что русские оказываются не в состоянии за фатическими формулами "прочитать" сигналы их истинного эмоционального состояния. Один американец, например, рассказывал, как подавал русским сигналы о том, что чувствует себя несчастным и нуждается в разговоре "по душам": "Я говорил *"I'm fine"* и ждал от своих друзей разрешения: *"What's wrong?"*, *"Is everything all right?"*. Но напрасно. <...> Русские друзья удивляются, почему американцы не говорят о своих чувствах, а американцы в отчаянии ждут от русских сигнала о том, что такой разговор не будет для них в тягость <...> Я научился ловить русских на слове — теперь, если они говорят: "Приходи ко мне, когда тебе что-нибудь нужно", я прихожу, не дожидаясь письменного приглашения" (Hart A. 1998: 4).

Еще два примера из писем Е. Г. Юревича — российского эмигранта, достаточно долго преподававшего в Орегонском университете. Эти примеры хорошо иллюстрируют роль фатической коммуникации в американской культуре.

"Вскоре по приезде мне устроили интервью в местном колледже. <...> Когда всё закончилось, я осторожно спросил, когда можно позвонить, чтобы узнать результат. Мне ответили, что они мне вскоре позвонят. И я не один день сидел утром у телефона и ждал. Представляете ли вы, что это значит — приехать и получить надежду на работу по профессии? Они не позвонили. А потом я узнал, что это здесь ФОРМА ОТКАЗА и существует даже такая ходячая фраза: *don't call us, we will call you*. Вот вам и конфуз. Или, как я сказал бы теперь, *culture shock*.

Однажды я получил в университете письмо из ректората. Пробежав глазами, вижу, что поздравление — с чем? *Ersted Award for Distinguished Teaching*. Иду по коридору с открытым письмом, навстречу декан. Я без слов протягиваю ему письмо, он читает и говорит: "О, поздравляю, это надо внести в ваше личное дело". Правда, хорошо? Да, а когда я поднялся в свой кабинет и стал читать, то увидел, что я

runner-up (самого этого слова там, кажется, не было). Это означает, что меня поздравляли с тем, что я НЕ получил премию, и это тоже считается кое-что (потом узнал, что иногда отмечают даже *nomination*). По-настоящему я получил эту премию в следующем году, но тогда я уже никому не показывал поздравление".

Сомнения в американской прямоте возникают также в связи со склонностью американцев к эвфемии и политической корректности (см. гл. 15, §4), а также преувеличениям. А. Мерфи указывает на то, что американцы нередко преувеличивают комплимент, чтобы сделать его более убедительным: *fantastic grades, perfect accent, the nicest jacket* (Murphy 1992: 99). То же самое наблюдается на уровне невербального общения. Немало уже было написано о том, что американская улыбка воспринимается русскими как неискренняя. Таким образом, утверждение об американской прямоте как составляющей коммуникативной стратегии не является бесспорным. В некоторых отношениях американцы проявляют при общении большую, а в некоторых меньшую прямоту, чем русские.

Д. Таннен указывает на специфику использования коммуникативных стратегий разными этническими группами американцев. Почти всем жителям Нью-Йорка, в особенности евреям, свойственна высокая степень вовлеченности в коммуникацию, в результате чего жители других мест, например калифорнийцы, считают, что они всех перебивают во время беседы. Но калифорнийцы, в свою очередь, делают более короткие паузы в диалоге, нежели жители Среднего Запада, и последним кажется, что калифорнийцы все время перебивают их в беседе. В результате человек, который считается очень вежливым в Нью-Йорке, может восприниматься как грубиян в Калифорнии, а вежливый калифорниец будет считаться грубым в Вермонте. В то же время жители Среднего Запада воспринимаются как невежливые представителями индейцев, в разговоре которых предполагаются еще более длительные паузы. В некоторых культурах, пишет Таннен, специально создается эффект "перебивания" — предполагается "нахлест" конечной фразы одного собеседника и начальной другого, так как именно это считается свидетельством вовлеченности собеседников в общение. Американские антисемиты, пишет Таннен, приписывают евреям склонность к шумному поведению, агрессивности и беспардонности. Негров нередко изображают как шумных, невоспитанных и напористых (Tannen 1990: 202—206). Со своей стороны, вспомним русские анекдоты про "горячих эстонских парней", которые делают часовые паузы между репликами в беседе. Это означает, что в разных

культурах коммуникативные стратегии или их составляющие могут стать основой для создания стереотипных представлений.

Коммуникативные стратегии также являются средством выражения в дискурсе собственного "я" участников общения. Высокая степень индивидуализма, принятого в США, приводит к тому, что американцы в беседе более эгоцентричны, чем русские. В США считают, что коммуникативное поведение во время интервью при приеме на работу должно отвечать фразеологизму *blow your own horn* — хвалить самого себя. "Для американцев интервью — это упражнение дара убеждения, — пишет К. Сторти. — Если ты сам себя не хвалишь или, по крайней мере, не указываешь на свои сильные стороны, то ты или не слишком заинтересован или не достаточно квалифицирован для должности, на которую претендуешь" (Storti 1994: 122). Таким образом, для американского коммуникативного поведения свойственна своего рода "агрессивная саморепрезентация" (Очерк американского коммуникативного поведения 2001: 181). Русские, со своей стороны, считают неприличным заниматься самовосхвалением. Поэтому, приходя наниматься на работу в американские компании или участвуя в интервью для получения грантов, они нередко терпят неудачу, поскольку американцы расценивают их поведение как недостаточно "агрессивное".

Еще одним параметром коммуникативных стратегий является конфликтность/неконфликтность общения. Как утверждает М. Стаббс, в американском обществе существует правило, которое требует, чтобы коммуникация осуществлялась гладко, без затруднений, поэтому моменты недопонимания должны быть максимально сглажены. Собеседники моментально реагируют на всякого рода отклонения от ведения беседы в этом ключе, в случае необходимости предпринимая отчаянные попытки, чтобы восстановить ритуальное равновесие. При общении между американцами действует механизм саморегуляции интеракции, представляющий собой, по образному выражению М. Стаббса, "тщательно отрегулированный термостат, поддерживающий коммуникацию в желательном температурном режиме" (Stubbs; цит. по: Орлов 1993: 126).

Американские коммуникативные стратегии предусматривают компромисс как неотъемлемую часть переговоров, а неспособность его достигнуть — как поражение. Русские, в свою очередь, рассматривают компромисс как свидетельство слабости, отступление от нравственно обоснованной позиции. По наблюдениям американских участников деловых переговоров, русские в критических ситуациях

готовы "высиживать" до победного конца. Терпение позволяет им добиваться многочисленных уступок со стороны нетерпеливых американцев.

Исследователями замечено, что русские в большей степени, чем американцы, склонны направлять свои речевые акты на модификацию поведения и состояния собеседника. При этом, как отмечает К. М. Шилихина, суверенитет участника общения достаточно уязвим, потому что российские культурные нормы допускают возможность коррекции поведения собеседника, если оно неправильно с точки зрения инициатора замечания. В американской культуре, в отличие от русской, суверенитет коммуниканта защищен культурными нормами: ограничениями на открытое выражение отрицательного отношения к поведению собеседника, предпочтительным использованием косвенных форм воздействия и т. д. (Шилихина 1999: 158). Если к перечисленному добавить большую степень эмоционального накала в русском речевом общении, то можно сделать вывод о том, что вероятность возникновения коммуникативного конфликта среди русских оказывается более высокой, чем среди американцев.

Применительно к межкультурной коммуникации между русскими и американцами, особенно на институциональном уровне, надо отметить, что она в значительной степени определяется долгими годами соперничества двух стран на международной арене, благодаря чему обрела специфические черты. Т. А. Колумбус и Дж. Х. Вульф пишут о том, что в периоды холодной войны и обострения международных отношений советские и американские дипломаты считали продуктивным лишь жесткий стиль общения, полагая, что вежливость будет интерпретирована другой стороной как слабость и что только язык силы способен вызвать у другой стороны уважение (Coulombis, Wolfe 1990: 144).

На то, что русские могут выбирать жесткие коммуникативные стратегии в деловом общении, указывает Й. Ричмонд. Русские повышают голос, выражают негодование, высказывают угрозы. Ричмонд считает это театральностью, отражающей борьбу за власть. В связи с вышесказанным, Ричмонд цитирует бывшего посла США в Москве Льюэлина Томпсона: "Не загоняйте русского медведя в угол — он может разозлиться" (Richmond 1997: 156).

С другой стороны, типичным показателем жестких коммуникативных стратегий является поведение сотрудников американского посольства, особенно в периоды обострения взаимоотношений между Россией и США и моменты кипения шпионских страстей. Можно

предположить, что эти коммуникативные стратегии являются следствием определенной установки со стороны начальства: недружелюбный тон, жесткие невежливые вопросы, резкое "нет" в ответ на запрос о визе, угрозы ("Вы ее никогда не получите"), презумпция виновности (согласно вебсайту посольства, его сотрудники исходят из того, что все, кто желает получить визу, намерены эмигрировать в США).

Чрезвычайно важным для адекватной коммуникации также является правильный выбор жанра и регистра общения. Американцам бросается в глаза глубокое различие, существующее в России между институциональным и персональным дискурсом. Так, например, Д. Карбо отмечает, что русская беседа, как и русская жизнь в целом, зиждется на остро осознаваемом различии между общественными и личностными контекстами, а также глубине и объеме дискурса. С его точки зрения, русский дискурс становится общественным, когда присутствуют посторонние или ощущается воздействие извне. Для личностного дискурса характерны большой объем и глубина, в этом контексте страстность и сентиментальность озвучиваются через задушевные беседы — то, что Карбо называет *soul-to-soul exchange* (Carbaugh 1993: 194).

Американцев в России, с одной стороны, приводит в отчаяние то равнодушие и безразличие, с которыми к ним относятся в общественных местах, а, с другой — удивляют теплота и доверие, которые они испытывают, оказавшись у кого-нибудь дома. Они обращают внимание на то, что краткость и отрывистость, с которой русские отвечают по служебным телефонам, резко контрастирует с их манерой личного общения. Русские вообще предпочитают живое общение телефонному. Беседа даже между незнакомцами в условиях личностного общения завязывается легко, льется гладко и неторопливо. "Каждый русский — прирожденный оратор", — пишет Й. Ричмонд (Richmond 1997: 135). Он также отмечает, что лучшие беседы с русскими происходят за кухонным столом (Там же: 142). Длительная ритуальная часть, свойственная для официального общения, при личной коммуникации может почти полностью отсутствовать. Так, Ф. Монтейн отмечает, что, путешествуя в поезде на Западе, можно вступить в контакт с незнакомцем, завязав разговор о погоде. В России же сосед по купе может сразу начать говорить о беспорядках в стране или перипетиях собственной жизни (Montaigne 1998: 121).

Коммуникативные стратегии также включают сигналы желания или нежелания вступать в коммуникацию и использование молчания. При нежелании одной из сторон общаться выделяются три возмож-

ные стратегии: 1) невступление в коммуникацию; 2) неохотное вступление, сопровождающееся пассивным речевым поведением; 3) попытка дисквалифицировать общение (Gamble and Gamble 1990: 21—22). Рассмотрим эти пути подробнее.

В МК ситуация, когда одна из сторон пытается избежать коммуникации, инициируемой другой стороной, может возникать по разным причинам: из боязни общения с представителем другой культуры, из-за политических, идеологических, социальных причин, предвзятости, боязни нового опыта и т. д. Как правило, она приводит к конфликту интересов и создает атмосферу психологического напряжения, неловкости, обиды или враждебности. Выбор такой коммуникативной стратегии в МК в высшей степени нежелателен. Неправильно думать, что это средство избежать коммуникации, поскольку поведение такого рода представляет собой очень явную форму коммуникации, которая шлет "сообщение" другой стороне. Если до сих пор между сторонами не было никаких отношений, то невступление в коммуникацию, как правило, становится началом негативных взаимоотношений между ними.

Если, не желая вступать в общение, коммуникант все же принимает попытку другой стороны установить с ним контакт, то он, как правило, выбирает путь наименьшего сопротивления в надежде, что общение это будет непродолжительным. При попытке дисквалифицировать коммуникацию человек прилагает усилия, чтобы создать впечатление ее неадекватности, например, притворяясь, что у него болит горло, он закашлялся, устал, нервничает, пьян и т. д. В МК, напр., люди притворяются, что не понимают иностранного языка.

Формы невступления в коммуникацию могут пониматься и более широко — как стремление создать иллюзию общения, передав при этом как можно меньше информации. Типичным примером являются некоторые формы политического дискурса — использование общих слов или запутанной терминологии для того, чтобы утаить истинную информацию от народа. Слово *gobbledygook* как по форме, так и содержанию как нельзя лучше отражает суть явления (см. гл. 4, доп. задание 1). В МК такая форма общения нередко наблюдается на дипломатических встречах или пресс-конференциях для иностранных журналистов.

Коммуникативные стратегии включают способность не только продуцировать, но и воспринимать информацию. Американцы часто жалуются, что русские не умеют слушать. Вот лишь некоторые мнения, приводимые Л. М. Милхаус:

"I can't understand how Russians can hold aside conversations through an entire group meeting and not see that it is rude."

"I hate it that Russians talk all the time during meetings" (Millhous 1999: 304).

В заключение хочется подчеркнуть, что коммуникативные стратегии должны использоваться сознательно и целенаправленно. Для этого на протяжении всего дискурса должна проводиться верификация между поставленными в МК целями и формой их достижения, а также реакцией адресанта. Необходимо также принимать во внимание различия между стратегиями, принятыми в разных культурах.

§3. Расхождения этикетных норм

Нормы, диктующие вербальное и невербальное поведение участников межкультурного общения, отражают ценности разных культур, а потому несоблюдение этих норм задевает коммуникантов "за живое". В ситуациях МК степень отклонения от нормы может обуславливать разную глубину межкультурных противоречий.

Нормы коммуникативного поведения зависят от социального положения индивидов, их психологических особенностей и контекста общения. Н. Л. Грейдина включает в пространство этикетных отношений тип коммуникации, размер коммуникативной дистанции, алгоритм поведения, требуемые и запрещаемые формы поведения, степень допустимых отклонений от приемлемых форм поведения (Грейдина 1999: 7—8). Сюда же можно отнести тематику дискурса, очередность взятия репликового шага, выбор вербальных и невербальных коммуникативных средств и т. д.

Этикетная вежливость американского общества обобщает нормы поведения среднего класса и заключается в ненарушении свободы окружающих (Карасик 1992: 108). Американцы достаточно терпимы к проявлению различий, в связи с чем многие нормы (например, касающиеся внешнего вида) менее жестки, чем в российском обществе. Поэтому американцев, приезжающих в Россию, оскорбляет манера русских рассматривать их на улице или в общественном транспорте.

Нормы вербального поведения, помимо знания грамматических правил, требуют правильного отбора языковых средств, приемлемых для конкретных коммуникативных ситуаций. Мы уже писали о трудностях, которые участники МК испытывают в связи с необходимостью правильного выбора обращения к собеседнику, в зависимости от его возраста и статуса (см. гл. 12, §4). Не менее важную роль играет

модальность речевого сообщения. Например, угощая гостя, американская хозяйка может сказать: *"You must have some of this cake"*; однако фраза *"You should have some of this cake. My mother baked it"* звучит грубо; форма *"you may"* также нежелательна, так как предполагает более высокий социальный статус адресанта по отношению к адресату. Фразы типа *"This will be five dollars"* звучат вежливо; подобная модальность используется для смягчения высказывания (Chaika 1994: 113).

Адекватное использование невербальных средств, например, одежды, — трудная задача для участников МК, желающих соблюсти этикетные нормы чужой культуры. Американцы нередко жалуются на то, что, находясь в России, не всегда могут правильно выбрать одежду, приемлемую для определенного события, в результате чего оказываются одетыми либо слишком нарядно (*overdressed*), либо недостаточно торжественно (*underdressed*). То же самое происходит с русскими во время их пребывания в США. Следует иметь в виду, что если в приглашении на концерт, танцы, в театр и т. д. указано: *black tie*, то предполагается, что мужчина должен быть одет в смокинг, белую рубашку со складочками на груди, черный атласный жилет или широкий пояс, черные брюки с атласными нашивками вдоль штанин, черный атласный галстук-бабочку и серые замшевые перчатки. Современный этикет допускает применение других цветов, вместо черного, особенно в хорошую погоду. Помета *white tie* предписывает гостю появиться в белом галстуке-бабочке.

Кроме того, несовпадение других этикетных норм может ставить коммуниканта в неловкое положение. Вот некоторые советы, которые дают американцам, приглашенным в гости к русским:

- *If you bring flowers, make sure the number of flowers is uneven (odd), even number of flowers are for the funeral.*
- *Do not shake hand or kiss across the threshold of the door step, this is traditionally bad luck.*
- *Take off the gloves when shaking hands.*
- *Be prepared to take off your shoes upon entering a home. You will be given a pair of slippers to help keep the apartment clean.*

С другой стороны, русские женщины должны знать, что в США считается неприличным причесываться и красить губы на публике (по русскому этикету разрешается подкрасить губы в ресторане или причесаться перед зеркалом в концертном зале). Они должны быть готовы к тому, что американские мужчины не будут подавать им пальто, пропускать вперед или подносить тяжелые сумки — распростра-

нение феминизма в США привело к тому, что мужская галантность канула в прошлое. Еще одно забавное наблюдение: у себя дома русские закрывают туалет, даже если он свободен, а американцы оставляют свободный туалет открытым. В результате американец, приглашенный в гости к русским, может долго топтаться перед закрытым туалетом, думая, что там кто-то есть.

Серьезные различия наблюдаются в сфере ритуального поведения, например, когда речь идет о времени приема пищи и ее количестве, поведении за столом, щедрости хозяев, формах проявления внимания к гостю и т. д. Русские по традиции сразу ведут гостя, приглашенного на ужин, к столу. Это удивляет американцев, поскольку у них ужину обычно предшествует светская беседа с бокалом вина и легкими закусками. За столом русские кладут каждому гостю на тарелку разнообразные закуски и горячее, в то время как в США блюда передаются по кругу, чтобы каждый гость смог положить себе нужное количество еды. Русские хозяйки усиленно пытаются накормить гостя, что непривычно для американцев, поскольку в их культуре это не принято. В результате американские гости не знают, какую линию поведения выбрать, чтобы не обидеть хозяйку. Русские же, находясь в гостях у американцев, часто остаются голодными именно из-за этого межкультурного различия: они ожидают, что после первого вежливого отказа хозяева более настойчиво предложат им поесть, но нового предложения не поступает. Сами же они стесняются попросить, чтобы им передали блюдо с едой.

Различается и то, как русские и американцы пьют спиртные напитки. Русские пьют водку неразбавленной, залпом и обязательно закусывают. Кстати, в английском языке нет точного эквивалента для слова "закуска". Поскольку американцы пытаются пить водку медленно, по глоточку, и при этом мало едят, они нередко напиваются раньше своих русских хозяев.

В российской культуре приглашение "на чай", как правило, предполагает стол, обильно уставленный сладостями, а может быть, и чем-то более сытным. А вот как это выглядит в США: "Если вас пригласили в гости на "чай", то это действительно будет чай с печеньем и чипсами. Не ожидайте горячих блюд и поешьте дома. Когда у вас спрашивают, хотите ли вы какой-нибудь напиток, не скромничайте и говорите правду. Если вы скажете "нет", ожидая, что вам все равно принесут, то вы глубоко заблуждаетесь. Хозяин принесет только себе" (Профессионалы за сотрудничество 1997: 328).

Адекватное коммуникативное поведение в контексте чужой культуры также требует знания этикетных формул. Отсутствие таких фор-

мул в родной культуре может приводить к непониманию. Например, русский коммуникант скорее всего почувствует замешательство, если, находясь в США, получит приглашение на обед, в конце которого будут стоять буквы *R.S.V.P.* Оказывается, это принятое в США сокращение от французской фразы *repondez s'il vous plait* — "пожалуйста, ответьте", — по правилам этикета требует заранее сообщить о своем согласии либо отказе прийти в гости. Другое сокращение *BYOB* расшифровывается как *bring your own bottle* или *bring your own booze* ("приноси с собой бутылку" или "приноси с собой выпивку") и свидетельствует о том, что планируемая вечеринка, скорее всего, будет иметь неформальный характер. Непривычным для русских также является указание в некоторых приглашениях времени окончания обеда.

Стремление соблюсти этикетные нормы чужой культуры со стороны иностранца свидетельствует о его уважении к представителям этой культуры и обычно способствует его вхождению в новое культурно-языковое пространство.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ

КИНЕСИКА

МИМИКА

НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

ПРОСОДИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

ФАТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

1. Какими средствами передается больше информации в процессе общения — вербальными или невербальными?
2. Перечислите все известные вам средства невербальной коммуникации.
3. Существует ли такое явление, как национально-специфические особенности молчания?
4. Можно ли говорить о межкультурной "омонимии" и "синонимии" невербальных знаков?
5. Выделите универсальные и национально-специфические особенности мимики русских и американцев.
6. Можно ли судить по мимике об отношении к вам собеседника? Будут ли эти сигналы различаться от культуры к культуре? В какой

степени межкультурные различия могут вводить коммуникантов в заблуждение? (Вспомните о традиционной американской улыбке.)

7. Какую информацию может нести одежда? В какой мере сигналы, передаваемые одеждой, различаются в разных культурах? Попадали ли вы в ситуации межкультурного общения, когда оказывались одеты неуместно?

8. Какую информацию о собеседнике могут вам сообщить духи, косметика, автомобиль, жилье?

9. Каким образом расхождение коммуникативных стратегий может повлиять на исход деловых переговоров между русскими и американцами?

10. Составьте таблицу, сопоставляющую этикетные нормы российской и американской культуры:

ЭТИКЕТНЫЕ НОРМЫ	
Россия	США

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Проведите эксперимент: попробуйте воспроизвести американские жесты, описанные в главе. Примите американские позы. Как вы себя при этом чувствуете? Воздействует ли язык тела на ваше самочувствие?

2. Посмотрите американский фильм, выключив звук, и обратите внимание на невербальную коммуникацию между героями. Расскажите о своих наблюдениях.

3. Прокомментируйте невербальные средства коммуникации, отраженные в следующем тексте:

"Вопросительно-вежливо приподняв брови, к ограде подошла женщина (закатанные до колен джинсы, грубые башмаки, соломенная шляпа, запыленная рыжей землей, огрубевшие пальцы теребят прутик прошлогоднего бурьяна). В роли телохранителей – сыновья (оба "очкарики"; один в красной панаме, другой пятерней приводит в порядок пышную шевелюру; поза: два вопросительных знака). <...> Обтирая на ходу ладони о комбинезон, подошел Уоррен (огромный светловолосый человек; соломенная шляпа; массивное лицо покрыто пылью; рука тяжелая, мощная; слегка озадачен)".

(В. М. Песков, Б. Г. Стрельников. Земля за океаном)

Где, на ваш взгляд, происходит действие? Почему вы так решили?

4. Совпадают ли сигналы престижности/непрестижности, передаваемые невербальными средствами, в российской и американской культурах?

5. Существуют ли невербальные знаки, которые в России считаются неприемлемыми с точки зрения закона? Здравых смыслов?

6. Какие советы в отношении невербального поведения вы могли бы дать своим друзьям, отправляющимся в путешествие по Америке?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

КРИТЕРИИ УСПЕШНОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ И ПУТИ ЕГО ОПТИМИЗАЦИИ

... an individual is a youngster being thrown into the water. Eventually most will experience the ecstasy of being able to swim. Some, however, rush to the shore, never to set foot in the water again. Some even drown.

Gary R. Weaver

Рассмотрение различных аспектов МК привело нас к главному вопросу: что нужно для того, чтобы коммуникация была успешной? Поскольку отправной точкой наших рассуждений является мысль о том, что стопроцентное взаимопонимание невозможно, мы должны определить, какая его степень необходима для того, чтобы считать общение состоявшимся. Будем исходить из того, что главным условием успешной МК является целостность коммуникативной цепочки: от коммуникативной интенции адресанта через закодированное в вербальной или невербальной форме сообщение до содержания, понятого адресантом, и соответствующей обратной связи. При этом под пониманием имеется в виду не столько уяснение значения отдельных языковых единиц и синтаксических структур, сколько способность уловить суть сообщения — смысл, извлеченный из взаимосвязи пропозиций. Полезным для ответа на поставленный вопрос также является понятие "коммуникативный контракт", достигаемый в том случае, если коммуникативные интенции, реализованные в высказывании, и их понимание слушателем создают общую основу для относительно скоординированных действий (Anderson et al. 1995).

Важно иметь в виду, что об успехе коммуникации можно говорить двояко: как о донесении адекватной информации от адресанта к адресату и о достижении взаимного удовлетворения со стороны всех ее участников. Первый вариант предполагает, что в процессе общения может передаваться не только положительное, но и отрицательное сообщение. Иногда человек не хочет слышать неприятную для него информацию (например, во время ссоры), но не может этого избежать, и в таком случае цель отправителя сообщения оказывается достигнутой. С. А. Аристов и И. П. Сусов уподобляют дискурс

игре в шахматы, в процессе которой игроки (коммуниканты) пытаются осуществить свои стратегические цели. "При этом они могут "обыграть" своего партнера по коммуникации (достижение коммуникативной цели), "проиграть" ему (коммуникативная неудача) или же "предложить ничью"" (Аристов, Сусов 1999). Второй вариант понимания коммуникативного успеха предусматривает "выигрыш" для всех сторон, участвующих в коммуникации. Очевидно, именно такой результат может считаться идеальным исходом межкультурного общения.

Прерывание коммуникативной цепочки или "недоброкачественность" ее отдельных звеньев приводит к коммуникативному сбою. Неудача коммуникации, т. е. коммуникативный сбой, может принимать форму "псевдокоммуникации" — "попытки диалога, не увенчавшейся адекватными интерпретациями коммуникативных интенций", — и "квазикоммуникации" — "ритуального действия", подменяющего общение и не предполагающего диалога по исходному условию" (Дридзе 1996: 147).

Представляется возможным выделить следующие условия успешной межкультурной коммуникации:

- наличие коммуникативной интенции — желания передать сообщение;
- открытость к познанию чужой культуры и восприятию психологических, социальных и прочих межкультурных различий;
- настрой на кооперацию с представителями другой культуры;
- умение разграничивать коллективное и индивидуальное в коммуникативном поведении представителей других культур;
- способность преодолевать стереотипы;
- использование общих кодов (вербальных или невербальных);
- творческое и сознательное отношение к процессу коммуникации с соответствующей модификацией общения, применяемого в родной культуре;
- владение набором коммуникативных средств и их правильный выбор в зависимости от ситуации общения (тон, стиль, стратегии, речевые жанры, тематика и т. д.);
- соблюдение логики дискурса;
- стремление к сбалансированности и симметричности общения;
- соблюдение этикетных норм.

В настоящей работе предлагается ряд приемов, направленных на оптимизацию процесса МК.

1. Высокая степень эксплицитности. В отличие от ситуаций общения между носителями одной и той же культуры, где велика роль имплицитности, в процессе МК нельзя надеяться на подразумеваемую, но не высказанную вслух информацию из-за различий в пресуппозициях, фоновых знаниях, характере инференций и т. д. Таким образом, значительная часть информации должна быть эксплицитной, по крайней мере, на начальном этапе межкультурных контактов.

2. Избыточность. Количественные показатели информации (много/мало/достаточно) различны для носителя языка и иностранца. Поэтому эффективное межкультурное общение, как правило, требует избыточности, которая выражается в объяснении незнакомых лексических единиц, использовании полносоставных конструкций вместо эллиптических, повторов, разъяснений, метаязыковых, метакогнитивных и культурологических комментариев, а также в активном применении невербальных средств.

3. Многоканальность. Обязательным условием эффективности МК является использование различных каналов, т. е. голоса, мимики, жестов, запахов, вкусовых ощущений и т. д. Невербальные средства выполняют при этом компенсаторную функцию. Этим объясняется то, почему люди разговаривают с иностранцами громче, чем с соотечественниками, особенно в моменты непонимания. Использование различных каналов также способствует эффективности обучения иностранным языкам.

4. Обратная связь. Общепринятым является мнение, что процесс коммуникации необратим. Это означает, что он не может быть обращен вспять, хотя и может быть скорректирован. Умелое использование механизма обратной связи в ситуациях межкультурного общения делает ее одним из основных факторов успешного обмена информацией, так как именно на основе обратной связи адресант может делать выводы о правильности интерпретации информации со стороны собеседника и корректировать результаты общения. Оптимизация обратной связи предполагает развитие сенсорной остроты и гибкости коммуниканта, обязательную верификацию полученной информации на основе переспросов, внимательное отношение к вербальным и невербальным реакциям собеседника.

Выведение этих закономерностей дает возможность прогнозировать ход межкультурной коммуникации, делать соответствующие выводы и предупреждать возникновение ошибок, ведущих к коммуникативным сбоям, а следовательно, совершенствовать процесс межкультурного общения.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ

ИМПЛИЦИТНОСТЬ

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

ЭКСПЛИЦИТНОСТЬ

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

1. Какие формы могут приобретать коммуникативные сбои?
2. Объясните ваше понимание терминов "псевдокоммуникация" и "квазикоммуникация".
3. Согласны ли вы с определением успеха коммуникации как взаимного выигрыша ее участников?
4. Какие эффективные способы вы можете предложить для того, чтобы сгладить впечатление от замечания, которое было бестактным с точки зрения МК?
5. Назовите и прокомментируйте основные условия успешного межкультурного общения.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Продумайте различные варианты обратной связи для следующих коммуникативных ситуаций:

“• An American friend whom you like but don't have romantic feelings for asks you for a date.

- A foreign professor asks you to evaluate the course.
- A missionary asks you to join his/her sect.
- During your visit to the U. S. a homeless person smiles at you in the street.
- A colleague at work tells you a culturally insensitive joke.

2. Прочитайте следующие советы. Постарайтесь воспользоваться ими в ситуациях межкультурного общения.

- Spend less time talking about yourself and more time inviting others to converse.
- Steer away from disagreement.
- Avoid dogmatic statements.
- Strive for an attentive, accepting, and gently interpretative manner.

- Deliberately summarize what others say.
- Reveal attentive references to past points.
- Extend invitations to others to expand on their views in an unthreatening way.
- Stress interest in the other person.
- Give others reassurances of their worth."

(J. Daly, *Competent Conversation*. Цит. по: Weaver II 1996: 427)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азуреев А.* Что русскому хорошо, американцу...// Паспорт экспресс. — 1999. — № 4—5. — С. 24—25.
2. *Аксенов В.* В поисках грустного бэби. — М.: Изографус; ЭКСМО-Пресс, 2000. — 560 с.
3. *Аристов С. А., Сусов И. П.* Коммуникативно-когнитивная лингвистика. Разговорный дискурс. — 1999. — <http://www.trersu.ru/~susov/Aristov.htm>
4. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. — М.: Шк. "Яз рус. культуры", 1999. — 896 с.
5. *Астафурова Т. Н.* Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения: Автореф. дис. ... д-ра пед наук. — М., 1997. — 41 с.
6. *Балдвин А.* О сходстве и различии менталитета и поведения российских и американских студентов // Профессионалы за сотрудничество. — Вып. 4. — М.: РОО "Кеннан"; ООО ЧеРо, 2000. — С. 368—387.
7. *Бергельсон М.* Образовательные и научные обмены в свете теории и практики межкультурной коммуникации, или Почему у стажеров-исследователей не бывает "культурного шока" // Профессионалы за сотрудничество. — Вып. 2. — М.: "Янус-К", 1998. — С. 287—290.
8. *Бердяев Н. А.* Самопознание: Мемуары. — М.: "ДЭМ", 1990а. — 334 с.
9. *Бердяев Н. А.* Судьба России. — М.: Сов. писатель, 1990b. — 206 с.
10. *Бердяев Н. А.* Философия свободного духа. — М., 1994.
11. *Бирвиш М.* Насколько линейно упорядоченной является языковая обработка? // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XIII. Когнитивные аспекты языка. — М.: Прогресс, 1988. — С. 93—152.
12. *Блинов А. Л.* Общение. Звуки. Смысл: Об одной проблеме аналитической философии языка. — М.: Рус. феноменологическое о-во, 1996. — 282 с.
13. *Богерт, Кэрролл.* Не стесняйтесь говорить, что вы любите Россию // Известия. — 1998. — 11 февр. — С. 5.
14. *Богин Г. И.* Современная лингводидактика: Учеб. пособие / КГУ. — Калинин, 1980. — 61 с.
15. *Богин Г. И.* Типология понимания текста: Учеб. пособие / КГУ. — Калинин, 1986. — 87 с.
- ♦ 16. *Большакова А. Ю.* Образ Запада в русской литературе // Фил. науки. — 1998. — № 1. — С. 3—13.

17. *В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией* / Сост. Н. Г. Федоровский. — М.: Логос, 1997. — 750 с.
18. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. — М.: Рус. словари, 1996. — 416 с.
19. *Венедиктова Т. Д.* Американистика как коммуникативное знание // Профессионалы за сотрудничество. — Вып. 1. — М.: "Янус-К", 1997. — С. 195—203.
20. *Водак Р.* Язык. Дискурс. Политика. — Волгоград: Перемена, 1997. — 139 с.
21. *Гак В. Г.* Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры. — М.: Наука, 2000. — С. 54—68.
22. *Гачев Г. Д.* Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством. — М.: Раритет, 1997. — 680 с.
23. *Грейдина Н. Л.* Основы системной концепции коммуникативно-культурного взаимодействия (теоретико-экспериментальное исследование): Дис. ... д-ра филол. наук. — Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1999. — 32 с.
24. *Гумбольдт Вильгельм фон.* Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984. — 396 с.
25. *Гумбольдт Вильгельм фон.* Язык и философия культуры / Общ. ред. А. В. Гулыги и Г. В. Рамишвили. — М.: Прогресс, 1985. — 450 с.
26. *Гуревич П. С.* Культурология. — М.: Знание, 1996. — 288 с.
27. *Гуревич П. С.* Философия культуры. — М.: "Аспект-Пресс", 1994. — 317 с.
28. *Дады Б.* Люди между двумя языками // Иностр. лит. — 1968. — № 4. — С. 245—246.
29. *Дементьев В. В.* Непрямое общение — не прямое сообщение — не прямое воздействие (к проблеме системного представления не прямой коммуникации) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. — Волгоград: Перемена, 2000. — С. 20—38.
30. *Добро пожаловать в США.* Всеобщий справочник по США. — М.: Balotekss Inc.; Элта, 1994. — 160 с.
31. *Добровольский Д. О.* О возможности моделирования внутренней формы идиом // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для машинного фонда русского языка. — М.: АН СССР, 1988. — С. 87—98.
32. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя (1873) // В поисках своего пути. Россия между Европой и Азией / Сост. Н. Г. Федоровский. — М.: Логос, 1997. — С. 255—259.

33. Дридзе Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. — 1996. — № 3. — С. 145—152.
34. Ерасов Б. С. Социальная культурология. — М.: "Аспект -Пресс", 1997. — 591 с.
35. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. — М.: Наука, 1982. — 158 с.
36. Залевская А. А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992а. — 136 с.
37. Земская Е. А. О типических особенностях русского языка эмигрантов первой волны и их потомков // Изв. Акад. наук. Сер. лит. и яз. — 1998. — Т. 57. — № 4. — С. 39—47.
38. Иконникова Н. К. Современные западные концепции межкультурной коммуникации (модели индивидуального поведения в ситуации контакта культур): Дис. ... канд. филол. наук. — М.: Моск. ун-т, 1994. — 241 с.
39. Ильин И. А. Против России // Хрестоматия по культурологии. — Т. 2. Самосознание русской культуры / Под ред. В. Т. Пуляева, В. П. Сальникова, С. В. Степашина. — СПб.: Изд-во "Петрополис": Санкт-Петерб. ун-т МВД России, 2000. — С. 388—389.
40. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. — Волгоград: Перемена, 2000а. — С. 5—20.
41. Карасик В. И. Язык социального статуса. — М.: Ин-т яз. РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. — 330 с.
42. Караулов Ю. Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. — М.: Наука, 1989. — С. 3—8.
43. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987. — 261 с.
44. Клюканов И. Э. Динамика межкультурного общения: системно-семиотическое исследование. — Тверь, 1998. — 99 с.
45. Козлова М. С. Философия и язык. — М.: Мысль, 1972. — 254 с.
46. Костомаров В. А. В. Виноградов о русском языке как явлении мировой культуры // Изв. РАН. — Сер. лит. и яз. — 1995. — №3. — С. 49—54.
47. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. — М.: Смысл, 1997. — 287 с.
48. Лихачев Д. С. Заметки о русском // Новый мир. — 1980. — № 3.
49. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. — М.: Изд. центр "Академия", 1997. — С. 280—287.

50. Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 1998. — 200 с.
51. Манфред, Ю. Социолингвистика. — Киев: Вища шк., 1987. — 200 с.
52. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. — М.: Наследие, 1997. — 207 с.
53. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М.: Изд. центр "Академия", 2001. — 208 с.
54. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. — 2-е изд., испр. — М.: "Аспект-Пресс", 1996. — 207 с.
55. Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых / Сост. К. Скальковский. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. — 304 с.
56. "Наша речь сейчас куда-то лихорадочно бежит..." [Интервью с В. С. Непомнящим] // Деловой вторник. — 2001. — 5 июня. — С. 4.
57. Никитина С. Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре: само моделирование // Язык и личность / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. — М.: Наука, 1989. — С. 34—40.
58. Орлов Г. А. Новейшие исследования английской литературно-разговорной речи (по материалам англоязычной лингвистической литературы) // Вопр. языкознания. — 1993. — № 5. — С. 119—129.
59. Очерк американского коммуникативного поведения / Под ред. И. А. Стернина и М. А. Стерниной. — Воронеж: Изд-во "Истоки", 2001. — 206 с.
60. Павловская А. В. Россия и Америка. Проблемы общения культур. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. — 303 с.
61. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. — М.: Наука, 1977. — 287 с.
62. Панченко Н. Н. Средства объективации концепта "обман" (на материале английского и русского языков): Дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 1999. — 236 с.
63. Песков В. М., Стрельников Б. Г. Земля за океаном. — 2-е изд. — М.: Мол. гвардия, 1977. — 288 с.
64. Пигалев А. И. Образ Америки в культурологической концепции Ойгена Розенштока-Хюсси // Americana: Сб. ст. по истории и культуре стран американского континента. — Вып. 1. — Волгоград: Волгогр. гос. ун-т, 1997. — С. 65—71.
65. Попкова Л. Этноплюрализм в России и американский опыт // Профессионалы за сотрудничество. — Вып. 2. — М.: "Янус-К", 1998. — С. 90—99.

66. *Потебня А. А.* Мысль и язык // Русская словесность: Антология. — М.: Academia, 1997. — С. 51—65.
67. *Потебня А. А.* Мысль и язык. — Харьков: Гос. Изд. Украины, 1913. (IV, 2). — 225 с.
68. *Профессионалы за сотрудничество.* — Вып. 1. — М.: "Янус-К", 1997. — 400 с.
69. *Русские писатели о языке* / Под ред. Б. В. Томашевского и Ю. Д. Левиной. — Л.: Сов. писатель, 1954. — 834 с.
70. *Серебренников Б. А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. — М.: Наука, 1983. — 317 с.
71. *Сидоров Е. Ю.* Культура мира и культура России // Полис. — 1998. — № 5. — С. 106—113.
72. *Сиротинина О. Б.* Социолингвистический фактор в становлении языковой личности // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр. — Волгоград: Перемена, 1998. — С. 3—9.
73. *Сиротинина О. Б., Гольдин В. Е.* Социолингвистические основы культурно-речевой политики // Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран: Материалы к XIII Всемирному конгрессу социологов (Германия, Билефельд, 18—23 июля 1994 г.). — М.: РАН, 1994. — С. 104—109.
74. *Слышкин Г. Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М.: Academia, 2000. — 128 с.
75. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Изд-во полит. лит. 1992. — 543 с.
76. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. — М.: Соцэкгиз, 1933. — 272 с.
77. *Социология в России: Социальные традиции русской народной жизни и менталитет россиянина* // Социология / Г. В. Осипов, А. В. Кабыща, М. Р. Тульчинский и др. — М.: Наука, 1995. — С. 162 — 169.
78. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. — М.: Шк. "Яз. рус. культуры", 1997. — 824 с.
79. *Стернин И. А.* Введение в речевое воздействие. — Воронеж, 2001.
80. *Столяренко Л. Д.* Основы психологии. — Ростов н/Д.: Изд-во "Феникс", 1997. — 736 с.
81. *Сухих С. А., Зеленская В. В.* Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. — Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1998. — 160 с.

82. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Шк. "Яз. рус. культуры", 1996. — 286 с.
83. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. — М.: СЛОВО/ SLOVO, 2000. — 262 с.
84. *Толстой Н. И.* Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность: Антология. — М.: Academia, 1997. — 320 с.
85. *Томахин Г. Д.* По Соединенным Штатам Америки. — М.: Просвещение, 1980. — 174 с.
86. *Томахин Г. Д.* Реалии-американизмы. — М.: Высш. шк., 1988. — 238 с.
87. *Томахин Г. Д.* Теоретические основы лингвострановедения (на материале лексических американизмов английского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1984. — 32 с.
88. *Уорф Б.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. — Вып. 1. — М., 1960. — С. 135—168.
89. *Уфимцева Н. В.* Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. — М., 1996. — С. 139—162.
90. *Федотов Г. П.* Лицо России // Хрестоматия по культурологии. — Т. 2. Самосознание русской культуры / Под ред. В. Т. Пуляева и др. — СПб.: Изд-во "Петрополис"; СПб. ун-т МВД России, 2000. — С. 406—407.
91. *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Когнитивные аспекты языка. — М.: Прогресс, 1988. — С. 52—92.
92. *Фомиченко Л. Г.* Когнитивная лингвистика как новый подход к исследованию просодической интерференции // Лингвистическая мозаика. Наблюдения, поиски, открытия: Сб. науч. тр. — Вып. 1. — Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1998. — С. 215—223.
93. *Фурманова В. П.* Межкультурная коммуникация и языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранного языка: Дис. ... д-ра пед. наук. — М., 1994. — 475 с.
94. *Халеева И. И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. — М.: Высш. шк., 1989. — 238 с.
95. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. — СПб.: Питер Пресс, 1997. — 608 с.
96. *Чаадаев П. Я.* Апология сумасшедшего (1836 — 1837) // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией / Сост. Н. Г. Федоровский. — М.: Логос, 1997. — С. 53—59.

97. *Чередниченко Т. В.* Россия 90-х в слоганах, рейтингах, имиджах. Актуальный лексикон истории культуры. — М.: Нов. лит. обозрение, 1999. — 415 с.
98. *Шамне Н. Л.* Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. — Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. — 206 с.
99. *Шамне Н. Л., Милованова М. В.* Особенности адаптации студентов в иной культурной среде // *Americana*. — Вып. 2. — Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1998. — С. 392—398.
100. *Шаповалов В. Ф.* Россиеведение: Учеб. пособие для вузов. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. — 576 с.
101. *Шахнарович А. М.* Онтогенез мыслеречедеятельности: семантика и текст // *Филол. науки*. — 1998. — № 1. — С. 56—64.
102. *Шаховский В. И.* Влияют ли американизмы на историческую судьбу России и русского языка // *Русский язык: исторические судьбы и современность*: Тр. и материалы междунар. конгресса МГУ. Москва, 13—16 марта 2001 г. — М., 2001. — С. 319.
103. *Шаховский В. И., Сорокин Ю. А., Томашева И. В.* Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы. — Волгоград: Перемена, 1998. — 148 с.
104. *Швейцер А. Д.* Американский вариант литературного английского языка: пути формирования и современный статус // *Вопр. языкознания*. — 1995а. — № 6. — С. 3—16.
105. *Швейцер А. Д.* История американского варианта английского языка: дискуссионные проблемы // *Вопр. языкознания*. — 1995б. — № 3. — С. 77—91.
106. *Швейцер А. Д.* Литературный английский язык в США и Англии. — М.: Высш. шк., 1971. — 200 с.
107. *Швейцер А. Д.* Некоторые проблемы языковой политики в США // *Известия АН*. — Сер. лит. и яз. — 1996. — № 2. — С. 11—16.
108. *Швейцер А. Д.* Социальная дифференциация английского языка в США. — М: Наука, 1983. — 216 с.
109. *Шейгал Е. И.* Компьютерный жаргон как лингвокультурный феномен // *Языковая личность: культурные концепты*. — Волгоград, 1996. — С. 204—211.
110. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. — М.—Волгоград, 2000. — 367 с.
111. *Шенк Р., Бирнбаум Л., Мей Дж.* К интеграции семантики и прагматики // *Новое в зарубежной лингвистике*. — Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика. — М.: Прогресс, 1989. — С. 32—47.
112. *Шестаков А. А.* Контroversы идентичностей: родина и отечество в российской посткоммунистической культуре // *Поволжский*

журнал по философии и социальным наукам. — 1998. — <http://www.ssu.samara.ru/research/philosophy/vjps/htm>

113. *Шилихина К. М.* Вербальные способы модификации поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника в российской и американской коммуникативных культурах: Дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 1999. — 182 с.

114. *Adler P. S.* Beyond Cultural Identity: Reflections on Cultural and Multicultural Man. Honolulu: East—West Center, 1974.

115. *Anderson R. D., Jr., Chervyakov V. I. and Parshin P. B.* Words Matter: Linguistic Conditions for Democracy in Russia. Retrieved January 25, 1995 from the World Wide Web: <http://www.apa.org/journals/>

116. *Appadurai A.* Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // *Theory, Culture & Society*, 1990, 7. — P. 295—310.

117. *Armitage S.* Teaching American Values at Home and Abroad // *U.S. Society and Values. USIA Electronic Journals*, Vol. 1, No. 15, October 1996.

118. *Battles H. K., Brengleman F., Haider N. L.* Contemporary English: Frameworks. Morristown, NJ, etc.: Silver Burdett Company, 1976. — 420 p.

119. *Bennet M. J.* Towards Ethnorelativism: A Developmental Model of Intercultural Sensitivity // *Education for the Intercultural Experience* / ed. by R. M. Paige. U. S. A.: Intercultural Press, 1993. — P. 21—71.

120. *Berry E. B., Epstein M. N.* Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication. New York: St. Martin's Press, 1999. — 338 p.

121. *Beyond the Cold War: Soviet and American Media Images.* Newbury Park, California: Sage Publications, 1991. — 180 p.

122. *Bochner S.* Problems in Culture Learning // *Overseas Students in Australia* / ed. by S. Bochner, P. Wicks. Sydney: New South Wales University Press, 1972. — P. 33—41.

123. *Bootzin R. R., Bower G. H., Crocker J., Hall E.* Psychology Today. New York, etc.: McGraw-Hill, Inc., 1991. — 800 p.

124. *Bosrock M. M.* Put Your Best Foot Forward: Russia. St. Paul, MN: International Education Systems, 1995. — 90 p.

125. *Brecht R. D. et al.* Russian in the United States: A Case Study of the America's Language Needs and Capacities. Washington, D. C.: National Foreign Language Center, 1995. — 211 p.

126. *Bronfenbrenner U.* The Mirror Image in Soviet-American Relations // *Analyzing International Relations*. NY: Praeger, 1975. — P. 161—166.

127. *Bryson B.* Made in America. An Informal History of the English Language in the United States. NY: William Morrow and Company, Inc., 1994. — 417 p.

128. *Caldwell T.* Testimony of Two Men. Fawcett Publications, Inc., Greenwich, Conn., USA, 1977. — 704 p.

129. *Carbaugh D.* "Soul" and "Self": Soviet and American Cultures in Conversation // Quarterly Journal of Speech, 1993, 79. — P. 182—200.

130. *Chaika E.* Language: The Social Mirror. Boston: Heinle and Heinle Publishers, 1994. — 436 p.

131. *Cleveland H.* The Limits to Cultural Diversity // Intercultural Communication: A Reader. 9th ed. /ed. by L. A. Samovar and R. E. Porter. Belmont, CA: Wadsworth Publishing Company, 2000. — P. 432—442.

132. *Commager H. S.* The American Mind: The Interpretation of American Thought and Character Since the 1880's. New Haven and London: Yale University Press, 1950. — 476 p.

133. *Couloumbus T. A., Wolfe J. H.* Introduction to International Relations. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1990. — 412 p.

134. *Crystal D.* English as a Global Language. Cambridge [England]; NY: Cambridge University Press, 1997. — 150 p.

135. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of Language. New York; Port Chester; Melbourne; Sydney; Cambridge: Cambridge University Press, 1987. — 472 p.

136. *Dahl S.* Communications and Culture Transformation. Cultural Diversity, Globalization and Cultural Convergence. Project presented to the European University, Barcelona. June 1998. Retrieved February 27, 1999 from the World Wide Web: [http://www.stephweb.com/capstone/index.htm \(/1.htm, /2.htm, /3.htm, /4.htm, /5.htm, /6.htm\)](http://www.stephweb.com/capstone/index.htm (/1.htm, /2.htm, /3.htm, /4.htm, /5.htm, /6.htm)).

137. *Damen L.* Culture Learning: The Fifth Dimension in the Language Classroom. U. S. A.: Addison-Wesley Publishing Company, 1987. — 406 p.

138. *DeVito J. A.* Human Communication. 8th ed. NY: Addison—Wesley Educational Publisher Inc., 2000. — 460 p.

139. *Doing Business Internationally: The Resource Book to Business and Social Etiquette / Training Management Corporation.* Princeton, N.J.: Princeton Training Press, 1997. — 472 p.

140. *Durvasula S., Andrews J. Craig R. G.* A Cross-Cultural Comparison of Consumer Ethnocentrism in the United States and Russia // Journal of International Consumer Marketing, 1997, 9 (4). — P. 73—93.

141. *Fettes M.* Can Language Policy and Planning Become Interlingual? Retrieved June 9, 2000 from the World Wide Web: <http://esperantic.org/esf/ism2.htm> (2000a)

142. *Fettes M.* Stabilizing What? An Ecological Approach to Language Renewal. Retrieved May 1, 2000 from the World Wide Web: <http://esperantic.org/~mfettes/SIL.htm> (2000b)
143. *Frake C.* Plying Frames Can Be Dangerous: Some Reflections on Methodology in Cognitive Anthropology // *Language, Culture and Cognition* / ed. by R. Casson. NY: Macmillan, 1981. — P. 138—150.
144. *Fritz J.* Homesick // *Elements of Literature*. Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1993. — P. 556—565.
145. *Gamble T. K. and Gamble M.* Communication Works. 3rd ed. NY, etc.: McGraw-Hill, Inc., 1990. — 495 p.
146. *Gebner G.* The Image of Russians in American Media and The “New Epoch” // *Beyond the Cold War: Soviet and American Media Images*. Newbury Park, California: Sage Publications, 1991. — P. 31—35.
147. *Gerhart G.* The Russian’s World. Life and Language. NY: Harcourt Brace Jovanovich, Inc., 1974. — 257 p.
148. *Hall E. T.* Beyond Culture. Garden City, N. Y.: Anchor Press, 1976. — 256 p.
149. *Hall E. T.* The Silent Language. Garden City, NY: Doubleday, 1959. — 240 p.
150. *Harmon A.* The Internet Has Spawned a Language of Its Own // *English*, March 1999, 11. — P. 4.
151. *Hart A.* Life Is Not All Differences // *English*, 1998, 3. — P. 4.
152. *Hart W. B.* Intercultural Computer-Mediated Communication (ICCMC) // *The Edge: The E-Journal of Intercultural Relations*, 1998. Vol. 1, 4, HART-LI.COMmunications. Retrieved February 21, 1999 from the World Wide Web: <http://www.hart-li.com/biz/theedge/>
153. *Hirsch E. D., Jr.* Cultural Literacy. NY: First Vintage Books Edition, 1988. — 253 p.
154. *Hirsch E. D., Kett F., Trefil J.* Dictionary of Cultural Literacy. Boston — N. Y., 1993. — 619 p.
155. *Hollander P.* Discrimination — Ethnic Minorities // *American and Soviet Society. A Reader in Comparative Sociology and Perception* / ed. by Paul Hollander. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc., 1969. — P. 284—288.
156. *Hoopes D. S.* Intercultural Communication Concepts and the Psychology of Intercultural Experience // *Multicultural Education: A Cross Cultural Training Approach* / ed. by M. D. Pusch. U. S.: Intercultural Press, Inc., 1980. — P. 10735.
157. *In Living Colors* // *Newsweek*, 1997, May, 5. — P. 40742.
158. *Jones S. D.* Finding Success in Russia. Retrieved February 21, 1999 from the World Wide Web: <http://www.ewbs.com/index.html>

159. *Kluckhohn C.* Mirror for Man. New York: McGraw-Hill, 1944. — 313 p.
160. *Kluckhohn F. R., Strodtbeck F. L.* Variation in Value Orientation. NY: Row, Peterson. 1961. — 267 p.
161. *Klyukanov I. E.* A Systems Approach to Multicultural Education // The Edge: The E-Journal of Intercultural Relations, Vol. 1, 2, HART-LI.COMmunications. Retrieved February 27, 1999 from the World Wide Web: <http://www.hart-li.com/biz/theedge>.
162. *Kohls L. R.* Survival Kit for Overseas Living. For Americans Planning to Live and Work Abroad. Yamouth, ME: Intercultural Press, 1984. — 98 p.
163. *Labov W.* Sociolinguistic Patterns. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1991. — 344 p.
164. *Lamb E. W., Shultz L. W.* Indian Lore. Carmel, Indiana: Shultz-Davis Publishers, 1967. — 192 p.
165. *Lapeyrouse S. L.* Verbal and Body Languages, Nationalities and Entelechies // English, 1999, 5. — P. 1, 14.
166. *Light D., Keller S., Calhoun C.* Sociology. Fifth ed. NY: Alfred A. Knopf, 1989. — 706 p.
167. *Llewellyn M.* Riders to the Midnight Sun: From the Black Sea to the Russian Arctic. New Holland Publishers (Australia) Pty Ltd., 2000. — 235 p.
168. *Lourie R., Mikhalev A.* Why You'll Never Have Fun in Russian // New York Times Book Review. 18 June 1989. — P. 1, 38.
169. *Martin J. N., Nakayama T. K.* Intercultural Communication in Contexts. 2nd ed. Mountain View, California: Mayfield Publishing Company, 1999. — 364 p.
170. *Matyash O. I.* Analysis of Communication Competence of Russian Professionals in Organizational Interactions (Doctoral dissertation, Syracuse University, 1999). Dissertation Abstracts International, 60, no. 04A.
171. *Mead M.* The Application of Anthropological Techniques to Cross-National Communication / Booth, W. C., Gregory, M. W. NY: The Harper and Row Reader, 1988. — P. 135?150.
172. *Millhous L. M.* The Experience of Culture in Multicultural Groups. Case Studies of Russian-American Collaboration in Business // Small Group Research. Newbury Park, CA. Vol. 30, 1999. — P. 280—308.
173. *Mitchel C.* Passport Russia: Your Pocket Guide to Russian Business, Customs and Etiquette. San Rafael, CA: World Trade Press, 1998. — 96 p.

174. *Montaigne F.* Reeling in Russia. New York, St. Martin's Griffin, 1998. — 275 p.
175. *Murphy A. F.* Cultural Encounters in the U. S. A.: Cross-Cultural Dialogues and Mini-Dramas. Lincolnwood, IL: National Textbook Company. 1992. — 118 p.
176. *Nabokov V.* Our Mr. Chichikov from Nikolay Gogol // English, 1998, 45. — P. 9—10.
177. *Nehru J.* Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru. NY: The John Day Company, 1941. — 16 p.
178. *Nystrom C. L.* Symbols, Thought, and Reality: The Contributions of Benjamin Lee Worf and Susanne K. Langer to Media Ecology // The Intellectual Roots of Media Ecology. The New Jersey Journal of Communication. Vol. 8, Number 1. Spring, 2000. — P. 8—33.
179. *Persons S.* American Minds. Malabar, Florida: Krieger Publishing Company, 1983. — 527 p.
180. *Pipes R.* The Forces of Nationalism // American and Soviet Society. A Reader in Comparative Sociology and Perception / ed. by P. Hollander. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, Inc., 1969. — P. 309—316.
181. *Postman N.* Building a Bridge to the 18th Century. New York: Alfred Knopf, 1999. — 214 p.
182. *Red Tape.* A Volunteer Newsletter. Peace Corps Western Russia. Summer, 2001. — 12 p.
183. *Richmond Y.* From Nyet to Da: Understanding the Russians. Yarmouth, Maine: Intercultural Press, 1996. — 191 p.
184. *Rourke C. M.* American Humor. Tallahassee: Florida State University Press, 1986. — 334 p.
185. *Samovar L. A., Porter R. E., Jain N. C.* Understanding Intercultural Communication. Belmont, California: Wadsworth Publishing Company, 1981. — 222 p.
186. *Schumann J.* The Implications of Interlanguage, Pidginization and Creolization for the Study of Adult Language Acquisition / TESOL Quarterly, 1974, 8 (2). — P. 145—152.
187. *Shestakov V.* Russians Discovering America // Russia and the West: the Dialogue of Cultures. M., 1995.
188. *Shipler D. K.* Russia: Broken Idols, Solemn Dreams. Penguin Books, 1989. — 462 p.
189. *Steiner G.* After Babel. Aspects of Language and Translation. London: Oxford University Press, 1975. — 507 p.
190. *Stephen W. G., Abalakina-Paap M.* Russia and the West // Handbook of Intercultural Training / ed. by D. Landis and R. S. Bhagat. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1996. — P. 366—382.

191. *Stewart E. C.* American Cultural Patterns: A Cross-Cultural Perspective. Washington, D. C.: Society for Intercultural Education, Training and Research, 1971. — 192 p.

192. *Storti C.* Cross-Cultural Dialogues: 74 Brief Encounters with Cultural Difference. Yarmouth: Intercultural Press, 1994. — 140 p.

193. *Storti C.* The Art of Crossing Cultures. Yarmouth, ME: Intercultural Press, 1990. — 121 p.

194. *Tannen D.* You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation. NY: Ballantine Books, 1990. — 330 p.

195. *Tocqueville A.* Democracy in America. NY: The Modern Library, 1981. — 605 p.

196. *Tomalin B., Stempleski S.* Cultural Awareness. Oxford University Press, 1993. — 160 p.

197. *Truby H. M.* Speechprint Spectrography Confirms Idiolect in Dialect Study and Speaker Recognition // Language Variation in North American English Research and Teaching: The Modern Association of America, 1993, 4. — P. 37?54.

198. *War of the Word* // Newsweek, January 29, 1999.

199. *Weaver G. R.* Understanding and Coping with Cross-Cultural Adjustment Stress // Education for the Intercultural Experience / ed. by R. M. Paige. U. S. A.: Intercultural Press, 1993. — P. 137?167.

200. *Weaver H. R. L.* Understanding Interpersonal Communication. 7th edition. HarperCollins College Publishers, 1996. — 529 p.

201. *Werner P. D., LaRussa G. W.* Persistence and Change in Sex-Role Stereotypes. USA, 1985. — 122 p.

202. *Wierzbicka A.* Understanding Cultures Through Their Key Words. New York; Oxford, 1997. — 317 p.

203. *Wilson B.* Trouble in Transylvania: A Cassandra Reilly Mystery. Seattle: Seal Press, 1993. — 277 p.

204. *Zanden J. W.* The Social Experience: An Introduction to Sociology. 2nd ed. NY, etc.: McGraw-Hill Publishing Company, 1990. — 663 p.

Список лексикографических источников

1. *Леонтович О. А., Шейгал Е. И.* Жизнь и культура США: Лингвострановедческий словарь. — Волгоград: Станица-2, 1998. — 416 с.

2. *Леонтович О. А., Шейгал Е. И.* Жизнь и культура США: Лингвострановедческий словарь. — 2-е изд. — Волгоград: Станица-2, 2000. — 416 с.

3. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Под ред. В. Н. Ярцевой. — М.: Сов. энцикл., 1990. — 685 с.
4. *Томахин Г. Д.* США: Лингвострановедческий словарь. — М.: Рус. яз., 1999. — 576 с.
5. *Философский энциклопедический словарь*. — М.: Сов. энцикл., 1983. — 840 с.
6. *Americana*. Англо-русский лингвострановедческий словарь / Под ред. Г. В. Чернова. — Смоленск: Полиграмма, 1996. — 1185 с.
7. *Moss N.* British/American Language Dictionary. Lincolnwood, Illinois: Passport Books, 1991. — 191 p.
8. *The Oxford Companion to the English Language* / ed. by T. McArthur. Oxford, NY: Oxford University Press, 1992. — 1184 p.

ГЛОССАРИЙ

Абстрагирование — отбор информации, полученной в процессе познания, путем сокращения числа поступающих извне стимулов, прохождения их через внутренние фильтры и использования лишь части из множества имеющихся данных для постижения сущности явлений.

Агентивность — деятельностный подход к окружающему миру, присущий лингвокультуре.

Адресант — коммуникант, посылающий сигналы собеседнику (*адресату*) в процессе общения; источник информации.

Адресат — коммуникант, воспринимающий сигналы, поступающие от *адресанта* в процессе общения.

Ассоциирование — идентификация нового познаваемого объекта или явления через поиск аналогов среди уже известных предметов или явлений.

Вербальная коммуникация — общение с помощью языковых средств (ср. *невербальная коммуникация*).

Внутренняя форма (языковой единицы) — значение исходного слова или словосочетания с акцентированным в нем признаком номинации, выполняющее роль формы по отношению к последующему значению.

Высококонтекстная культура — культура, в которой большая часть информации существует на уровне контекста (внутреннего или внешнего). Признаками высококонтекстных культур считается их традиционность, устойчивость, эмоциональность и несклонность к переменам (ср. *низкоконтекстная культура*).

Гендерная идентичность (от англ. *gender* — «род») — компонент *социальной идентичности* личности, отражающий ее половую принадлежность.

Гибридизация — соединение элементов двух и более языков в слове, предложении или языке в целом. Разновидностями гибридных языков являются *пиджины* и *креольские языки*. К гибридным языкам относятся Hinglish (Hindu + English) в Индии, Engalog или Taglish (Tagalog + English) на Филиппинах, Frenglish (French + English) в Квебеке и т. д.

Гипотеза лингвистической относительности — теория, разработанная американским лингвистом и антропологом Эдвардом Сепиром и его учеником Бенджамином Ли Уорфом, которая стала мощным толчком для развития дальнейших теорий, посвященных взаимосвязи языка и культуры. Зиждется на следующих основополагающих принципах: 1) лингвистический детерминизм — идея о том, что грамматические и семантические категории языка формируют идеи и определяют характер мышления; 2) лингвистический релятивизм — в каждом конкретном языке заложены специфические особенности, отличающие его от других языков.

Глобальный язык — язык, признанный всеми или, по крайней мере, большинством существующих государств как средство международного общения. В настоящее время на роль такого языка претендует английский.

Идеосфера — совокупность личностных смыслов и ассоциативных контекстов индивидуальной *языковой личности*.

Идиолект — «персональная» лингвистическая система конкретного коммуниканта с вариациями на фонологическом, грамматическом и лексическом уровнях.

Имплицитность — выражение информации в неявной форме, с помощью намеков, аллюзий и других видов косвенных речевых актов (ср. *эксплицитность*).

Интеркультурные исследования — научные изыскания с целью анализа характера и последствий взаимодействия различных культур.

Интерпретация — личностная обработка полученной информации на основе собственных восприятий.

Интерференция — вмешательство факторов родной культуры в интерпретацию сведений о чужой культуре.

Инференция — умозаключение на основе посылок, которые представляются коммуниканту правильными.

Кинесика — коммуникация с помощью мимики и телодвижений.

Когниция — сложная совокупность мыслительных операций, которые выстраиваются на основе предшествующего опыта познания. Включает восприятие, память, оценку ситуации и т. д.

Кодирование — конвертирование одной сигнальной системы в другую с помощью кода, который может выступать в вербальной или невербальной форме.

Коммуникативная дистанция — показатель территориальности в общении, передаваемый с помощью языка, невербальных средств и коммуникативных стратегий.

Коммуникативная интенция — намерение, которое побуждает личность вступить в общение.

Коммуникативная компетенция — понятие, введенное Д. Хаймсом. Обозначает владение коммуникативными механизмами, приемами и стратегиями, необходимыми для обеспечения эффективного процесса общения, неотъемлемую часть *межкультурной компетенции* (ср. *языковая компетенция; культурная компетенция*).

Коммуникативные барьеры — факторы, которые препятствуют осуществлению коммуникации как таковой: незнание иностранного языка в ситуации межкультурного общения; физиологические факторы, например глухота или немота одного из собеседников и т. д. (ср. *коммуникативные помехи*).

Коммуникативные помехи — факторы, которые снижают качество коммуникации: асимметрия, стереотипные реакции, языковые ошибки и т. д. (ср. *коммуникативные барьеры*).

Компенсаторные отношения — асимметричное взаимодействие, при котором коммуникативное поведение партнеров противоположно друг другу (ср. *симметричные отношения*).

Концепт — «сгусток культуры в сознании человека», «пучок» представлений, знаний, ассоциаций, переживаний, сопровождающих слово (Степанов 1997: 40).

Концептосфера — область пересечения *идеосфер* всех представителей данной лингвокультуры.

Креольские языки — гибридные языки (см. *гибридизация*), сформированные на основе *пиджинов* и ставшие родными для определенных групп их носителей.

Кросскультурные исследования — изыскания, предполагающие сопоставление двух и более культур.

Культурная идентичность — символ самосознания, который включает самовосприятие личности и ее отождествление с группами других личностей в рамках конкретной лингвокультуры (см. *физиологическая идентичность*; *психологическая идентичность*; *социальная идентичность*).

Культурная компетенция — комплекс умений, отвечающих за понимание пресуппозиций, фоновых знаний, ценностных установок, психологической и социальной идентичности, характерных для данной культуры. В определенной мере совпадает с понятием культурной грамотности. Является неотъемлемой частью *межкультурной компетенции* (ср. *языковая компетенция*; *коммуникативная компетенция*).

Культурный империализм — политика доминирования одной культуры над остальными.

Культурный шок — состояние физического и эмоционального дискомфорта, возникающего в процессе приспособления личности к новому культурному окружению; имеет кумулятивный характер (причины накапливаются постепенно из цепи мелких событий, которые трудно идентифицировать).

Лакуарность — отсутствие явления в одной лингвокультуре при наличии его в другой (например, отсутствие артикля в русском языке при наличии его в английском).

Лингвокультурология — часть *этнолингвистики*, посвященная изучению и описанию соотношения языка и культуры в их синхронном взаимодействии.

Лингвострановедение — дисциплина, занимающаяся исследованием страны изучаемого языка. Лингвострановедческие исследования в большинстве своем носят прикладной характер и являются ценным источником информации, отражающей взаимодействие языка и культуры.

Маргинальность — периферийное положение личности в обществе. О маргинальности обычно говорят в связи с изгоями и иммигрантами.

Медиа-экология, или **экология средств коммуникации**, — направление исследования, которое изучает влияние символических систем и технологий на социальную организацию, познавательные процессы, политические и философские идеи человеческого общества. Основатель — канадский ученый М. Маклуэн.

Межкультурная компетенция — конгломерат, по крайней мере, трех составляющих: языковой, коммуникативной и культурной компетенции. Предполагает наличие комплекса умений, позволяющих адекватно оценить коммуникативную ситуацию, соотнести интенции с предполагаемым выбором вербальных и невербальных средств, воплотить в жизнь коммуникативное намерение и верифицировать результаты коммуникативного акта с помощью обратной связи (см. также *языковая компетенция; коммуникативная компетенция; культурная компетенция*).

Межкультурная трансформация — качественные изменения, которые происходят в результате межкультурной коммуникации на следующих уровнях: 1) трансформация культур (глобализация vs. культурный империализм, симметрия vs. асимметрия, равенство vs. неравенство); 2) трансформация языковой личности; 3) трансформация уровня языковой, культурной и коммуникативной компетенции; на высоком уровне достигается способность осуществлять «стыковку» между двумя культурно-языковыми кодами.

Межъязыковая паронимия — схожие слова в разных языках, «ложные друзья переводчика».

Менталитет — продукт коллективной мыслительной деятельности носителей определенной культуры, присваиваемый индивидом и определяющий его мировосприятие.

Мимика — движения мышц лица, выражающие чувства коммуниканта.

Моделирование — метод исследования объектов познания с помощью моделей — исследовательских конструктов, построение которых предполагает использование процедур абстрагирования и идеализации.

Монохронное время — национально-специфическое видение времени, воспринимаемого как делимое, с последовательно осуществляемыми действиями, каждому из которых отводится определенный отрезок времени. Свойственно для культур, в которых преобладает научно-рационалистическое осмысление картины мира (ср. *полихронное время*).

Национальный дух языка — содержание, вмещенное в человеческую форму (Гумбольдт), промежуточный мир между реальной действительностью и мышлением, которому присущи специфически национальные черты, определяемые имманентным развитием национального языка.

Национальный характер — совокупность личностных черт, типов мышления и моделей поведения, в той или иной мере присущих большинству представителей данной культуры.

Невербальная коммуникация — общение с помощью неязыковых средств (ср. *вербальная коммуникация*). Сферу невербальной коммуникации составляют все неязыковые сигналы, посылаемые человеком или создаваемые окружением и имеющие коммуникативную ценность.

Низкоконтекстная культура — культура, в которой основная часть информации передается в эксплицитной форме. Низкоконтекстные культуры ассоциируются с динамизмом и высоким уровнем технологического развития (ср. *высококонтекстная культура*).

Обратная связь — реакция адресата на сообщение, отправленное адресантом в ходе коммуникации; позволяет корректировать процесс общения.

Ономастическая реальия — явление внеязыковой действительности, обозначаемое именем собственным.

Паралингвистические средства — коммуникативные сигналы, которые включают акустические элементы, сопровождающие, дополняющие или замещающие звуки речи (темп, ритм и громкость речи, паузы, модуляции голоса, интонация, вздохи, стоны, покашливание, прищелкивание языком, плач, смех и т. д.).

Переключение кодов — переход с одного языка на другой в процессе коммуникации (см. *кодирование*).

Пиджин — гибридный язык (см. *гибридизация*), возникающий как результат творческой переработки контактирующих естественных языков и используемый как средство межэтнической коммуникации в среде смешанного населения. Предполагает существенное упрощение языковой структуры и ограниченную сферу употребления (например, для торговли).

Политическая корректность — неиспользование в коммуникации вербальных и невербальных средств, подчеркивающих определенные аспекты идентичности личности (пол, возраст, этническую и расовую принадлежность, физическое состояние и т. д.).

Полихронное время — национально-специфическое видение времени, воспринимаемого как абстрактная категория; допускает выполнение нескольких действий одновременно; основное внимание уделяется выполнению самих действий, а не составленному заранее расписанию, ритм жизни медленный. Свойственно для традиционных культур с замедленным типом развития (ср. *монокхронное время*).

Пресуппозиция (этимологически от лат. *prae-suppositio*, т. е. «предшествующее суждение или предположение») — та информация, к которой происходит отсылка в процессе высказывания.

Прецедентный текст — хорошо известный представителям данной лингвокультуры текст, к которому апеллирует определенная языковая единица или высказывание.

Просодические средства — фонетические супraseгментные характеристики речи (высота тона, громкость голоса, интонация и т. д.).

Психологическая идентичность — аспект личности коммуниканта, отражающий особенности его духовной жизни, мышления, поведения и непосредственно связанный с понятием *национального характера* (ср. *физиологическая идентичность*; *социальная идентичность*).

Развернутый и ограниченный языковой код — понятия, введенные Б. Бернштейном (1960). Согласно его теории, развернутый код (см. *кодирование*) отличается от ограниченного большей сложностью и вербальной дифференциацией, обычно используется в профессиональном общении, художественной литературе и иных ситуациях, требующих детализации смыслов и творческого подхода к выражению эмоциональных нюансов. В противовес ему ограниченный код приемлем для ситуаций неформального общения, где нет необходимости в использовании сложной лексики и построении развернутых высказываний. С языковой точки зрения, ограниченный код обладает достаточно высокой степенью предсказуемости и дополняется жестами и интонационными средствами.

Симметричные отношения — взаимодействие, при котором поведение одного из коммуникантов является зеркальным отражением поведения его собеседника. Такого рода общение предполагает полное равенство, взаимное уважение и психологический комфорт (ср. *компенсаторные отношения*).

Скрипт (сценарий) — когнитивная структура, которая используется для передачи информации о стереотипных эпизодах и представляет собой заранее заготовленную причинную цепочку, отражающую привычную для носителей данной культуры последовательность действий/событий.

Смешение кодов — взаимопроникновение кодов (см. *кодирование*) при *гибридизации*.

Социальная идентичность — аспект личности коммуниканта, состоящий из совокупности социальных ролей, которые она играет в обществе; включает географическую, расовую, этническую, гендерную, возрастную, профессиональную и др. формы идентичности (ср. *физиологическая идентичность*; *психологическая идентичность*).

Социолект — вариант языкового употребления, используемый определенной социальной группой.

Статус — совокупность различных параметров социальной идентичности личности, позволяющая определить ее место в обществе.

Стереотип — упрощенная ментальная репрезентация определенной категории людей, преувеличивающая моменты сходства между ними и игнорирующая различия (ср. *тип*).

Стратификация (от геолог. «стратум» — «слой») — социальное расслоение человеческого общества; осуществляется по горизонтали, в зависимости от географической (территориальной), этнической, культурной принадлежности индивида, и по вертикали, в виде социальной иерархии.

Тип — схематическая ментальная репрезентация представителя лингвокультуры, позволяющая в определенной мере предвосхитить особенности его коммуникативного поведения. Соотносится с понятием модальной (*modal*) личности (ср. *стереотип*).

Упрощение — способ переработки информации в процессе общения с целью сделать ее более обозримой, прозрачной и доступной для понимания.

Фатическая коммуникация — общение, задача которого — не столько сообщить информацию, сколько открыть каналы коммуникации, расположив к себе собеседника.

Физиологическая идентичность — аспект личности коммуниканта, включающий врожденные черты (биологическая внешность, голос, физическое состояние и т. д.), на которые накладываются признаки, приобретенные в процессе социализации (ср. *психологическая идентичность*; *социальная идентичность*).

Фоновые знания — информация об определенном культурном пространстве, выступающем в качестве контекста общения.

Фрейм (от англ. *frame* — «рамка») — когнитивная структура, основанная на том, что один и тот же фрагмент действительности может быть рассмотрен под разными углами зрения, в результате чего определенные объекты могут приобрести большую значимость, в то время как другие окажутся в тени или станут вовсе невидимыми. Человеческое сознание автоматически достраивает те объекты, которые представлены во фрейме только частично или намечены пунктирно.

Эколингвистика, или лингвозкология, — научное направление, суть которого заключается в биокультурном подходе к сохранению многообразия на Земле, включая лингвистическое многообразие.

Эксплицитность — выражение информации в открытой, явной форме (ср. *имплицитность*).

Этиолингвистика — раздел языкознания, изучающий язык в аспекте его соотношения с этносом и тесно связанный с социолингвистикой. Изучает «план содержания» культуры, народной психологии и мифологии преимущественно средствами языка.

Этноцентризм — чувство превосходства собственной этнической группы над другими.

Языковая картина мира — мировосприятие через призму определенного языка. Предполагает формирование концептуальных моделей, в упрощенном виде представляющих перцептивные образы окружающей действительности, и их вербализацию, в результате чего предметные ряды и взаимоотношения между объектами приобретают явные очертания и занимают свое место в системе человеческого мировидения.

Языковая компетенция — понятие, впервые предложенное Н. Хомским. Обозначает комплекс умений, которые отвечают за правильный выбор языковых средств, адекватных для ситуации общения, верную референцию и способность повторить однажды полученный языковой опыт в аналогичных коммуникативных ситуациях. Является неотъемлемой частью *межкультурной компетенции* (ср. *коммуникативная компетенция*; *культурная компетенция*).

Языковая личность — национально-специфический тип коммуниканта, обладающий культурно обусловленной ментальностью, картиной мира и системой ценностей, придерживающийся определенных когнитивных подходов, языковых, поведенческих и коммуникативных норм и потенциально способный к межкультурной трансформации.

Языковая экспансия — распространение влияния одного языка на другой/другие.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

абстрагирование	25	Гумбольдт В.	5-7, 74, 82, 93,
агентивность	208		107, 112, 115,
адресант	164		176, 319
адресат	164	декодирование	45-46,
аккультурация	55, 90, 91, 261		276, 298
асимметрия	71, 227, 229, 247,	дивергентное мышление	24
	273, 275-280,	дух сотрудничества	212
	291-292, 306	жанр общения	355
ассимиляция	32, 53, 90-92,	жестикаляция	34, 43, 274,
	193, 259, 261,		341-342
	262, 297	идентичность	
ассоциирование	27	личности	35, 160-166,
безэквивалентная лексика	303		168-177, 198, 219,
британский вариант			221, 224-225,
английского языка	97-99, 189,		231, 237-71
	327-335	идеосфера	115, 117
бытийность	208	идиолект	114-116, 129, 223
«вагонное общение»	179-180	избыточность	365
виртуальная картина мира	269	имплицитность	226, 364
виртуальное общение	266	имущественная	
внешний контекст	35	идентичность	244-245
внутренний контекст	35	индивидуализм	15, 24, 85, 148,
внутренняя форма	319-327, 335		198-208, 266,
внутриязыковая паронимия	304		339, 351, 353
возрастная идентичность	228	индивидуальная	
Восток и Запад	88-89	языковая личность	110, 114
высококонтекстная		интеллигенция	242-243
культура	37-38, 85, 270	интеркультурные	
гендерная идентичность	225	исследования	12
географическая		интерпретация	24, 29, 32, 66,
идентичность	237-239		76, 153, 365
гипотеза лингвистической		интерференция	46, 315, 319,
относительности	7		327, 329
глобальный язык	100	инференция	27, 28, 208,
			246, 281

категоризация		коммуникативный	
действительности	150, 152	сбой	78, 275, 364
качественная		конвергентное	
асимметрия	278	мышление	24
квазикоммуникация	140, 364	коннотация	242–243, 248, 275, 284, 300–301, 311–313, 331–332, 349
кинесика	172, 338	конфликтность	177, 182, 353
классовая		конформизм	91, 164, 196, 207–208, 217
идентичность	239–240	концепт	19, 107, 109, 114, 116–128, 131, 176, 198, 200, 203, 209, 213–214, 217, 220, 240, 242–244
когнитивная гибкость	24–25	концептосфера	19, 108, 111, 115–118, 120–128, 184, 187
когнитивные модели			
и структуры	137		
когниция	12, 23–25, 32, 40		
код	43–50		
количественная			
асимметрия	278		
коллективизм	37, 177, 198–208		
коллективная		концептуализация	
память	109, 112, 166	действительности	150
коллективная		кризис идентичности	108, 165
языковая личность	110–114	кросскультурные	
коммуникативная		исследования	12
дистанция	202, 230, 251	культурная	
коммуникативная		грамотность	29, 45, 54–59, 99
компетенция	53, 59	культурная	
коммуникативная		идентичность	35, 160, 167
неудача	135, 331, 364	культурная	
коммуникативное		компетенция	54–58
поведение	85, 143, 147, 178, 214, 291, 344, 353, 359	культурная	
коммуникативные		экспансия	95, 101–103
барьеры	273	культурный	
коммуникативные		империализм	14, 71, 105, 279
помехи	273, 291	культурный шок	51, 66, 108, 257–259, 271
коммуникативные		лакунарность	124
стратегии	31, 108, 242, 334, 338, 347–357, 361	лингвокультурология	18
		лингвострановедение	17
		лингвоэкология	16

личное пространство	111, 148, 204, 344	низкоконтекстная культура	37–38, 85, 270
«ложные друзья переводчика»	304	обратная связь	31, 44, 50, 54, 60, 66, 78, 108, 365
Маклуэн М.	14–15, 143, 266	общительность	178
маргинальность	259–261	ограниченный языковой код	47
медиа-экология	14–16, 34, 269	ономастическая реалья	323
межкультурная компетенция	50–58	оптимизм	145, 215–216, 230
межкультурная трансформация	13, 71, 107, 256, 259, 261, 263	открытость	218–219
межъязыковая паронимия	304	отправитель информации	30–31, 43, 60
менталитет	107–108, 111, 113–114, 339	паралингвистические средства	43, 225, 338, 340
мимика	31, 34, 43, 60, 172, 268, 273–274, 338, 340, 360, 365	переключение кодов	48–49, 263, 297
многоканальность	365	переменные межкультурной коммуникации	30
многокультурие	90–93	пессимизм	39, 180, 215, 220
модальная личность	176	«плави́льный котел»	90–92, 150
моделирование коммуникативного процесса	59	политическая корректность	226, 306–307, 309–310, 317
монокультурные исследования	12	полихронное время	141–143
монокронное время	141–143	получатель информации	30–31, 43, 60
национально-культурная специфика языка	6, 84	понимание	71–79
национальность	167, 231	пресуппозиция	28, 31, 35, 45, 77, 275, 314
национальный дух языка	111–112	прецедентный текст	313–314, 324
национальный характер	6, 111, 175–176, 188	пропаганда	95–96
невербальная коммуникация	7, 26, 209, 338, 347, 360–361	просодические характеристики	238, 294, 339

псевдокоммуникация	44, 364	социализация	162, 171
психологическая		социальная	
идентичность	167, 175, 197–198	идентичность	167, 221, 224, 237, 253
развернутый		социолект	223–224, 246, 251
языковой код	47	средний класс	240, 242, 253
расовая идентичность	231–233	статус	54, 89, 149, 196, 222, 237, 246–253, 270, 278, 305, 344
расовая		стереотип	111, 280–291, 294
принадлежность	170–171	стратификация	
рационализм	210, 220,	лингвокультуры	221, 234
регистр общения	355	схема (сцена)	138–140
ритуальность	39, 348	терпимость	3, 51, 199, 217–218, 220, 240, 261
русская языковая		территориальность	148
личность	177, 186	тип (архетип)	111
самоидентификация	30, 32, 36, 81, 88–89, 94, 137, 144, 162, 164–165, 172–173, 187, 198, 290	трансформация кодов	49
самосознание	113, 115, 122, 143, 160, 163, 165–166, 184, 190, 197, 205, 265	упрощение	26–27
Сепир Э. и Уорф Б.	7, 9, 140, 150	уровни понимания	77–78
серийная		фатическая	
коммуникация	275–276	коммуникация	349–351
симметричное		физиологическая	
взаимодействие	276	идентичность	167–168, 174
синтоника	64	фильтрация	
систематизация		информации	6, 25–25, 33, 109
объектов	136–137	фоновые знания	28–29, 31, 35, 41, 45, 54–55, 77–78, 108, 275, 365
системно-динами-		фразеология	181, 216, 245, 332
ческая модель МК	67–71	фрейм	77, 108–109, 138–140
скрипт (сценарий)	138–140	Хирш Э. Д.	29, 55–56, 72
смещение кодов	48, 59	Холл Э. Т.	9, 24, 35, 37, 81–83, 141, 148
соревновательность	85, 2 12–214		
состыковка кодов	45, 58		

эвфемизм	305–306, 308–310	этническая принадлежность	167
экзостереотип	285–286, 288, 290	этнолингвистика	17
эколингвистика	16	языковая картина мира	111, 131, 137, 156–158, 191–192, 280
эксплицитность	219, 349, 364		
эмоциональность	37, 180, 202, 210–212, 275	языковая компетенция	50–53, 181
эндостереотип	285–286, 288, 290	языковая личность	69, 107–111, 114, 261, 265, 266, 268–269, 302
этикетные нормы	357–358, 360–361		
этническая идентичность	231–233	языковая экспансия	101–105, 185

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Часть 1. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОСОБЫЙ ТИП ОБЩЕНИЯ	5
Глава 1. История развития теории межкультурной коммуникации	5
Глава 2. Механизмы межкультурной коммуникации и ее составляющие	23
Глава 3. Способы кодирования информации. Межкультурная компетенция	43
Глава 4. Моделирование коммуникативного процесса. Межкультурное взаимопонимание	59
Глава 5. Взаимодействие лингвокультур как основа межкультурной коммуникации	81
Часть 2. РУССКАЯ И АМЕРИКАНСКАЯ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ ЛИЧНОСТИ	107
Глава 6. Личность как продукт и носитель лингвокультуры	107
Глава 7. Трансформация языковой картины мира в межкультурном общении	131
Глава 8. Понятие о национальной идентичности. Физиологическая идентичность	160
Глава 9. Психологическая идентичность: истоки формирования национального характера	175
Глава 10. Русская и американская психологическая идентичность: сопоставительный анализ	198
Глава 11. Социальная идентичность: гендер, возраст, расовая и этническая принадлежность	221
Глава 12. Социальная идентичность: географическая, классовая, имущественная принадлежность и статус	237
Глава 13. Межкультурная трансформация языковой личности	256
Часть 3. КОММУНИКАТИВНЫЕ ПОМЕХИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ	273
Глава 14. Помехи как причина коммуникативных сбоев	273

Глава 15. Вербальные помехи.....	294
Глава 16. Несовпадение внутренних форм. Интерференция британского и американского вариантов английского языка	319
Глава 17. Невербальная коммуникация. Коммуникативные стратегии. Этикетные нормы	338
Заключение. КРИТЕРИИ УСПЕШНОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ И ПУТИ ЕГО ОПТИМИЗАЦИИ	363
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	368
ГЛОССАРИЙ	382
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	392

Учебное издание

Ольга Аркадьевна Леонтович

РОССИЯ И США:
ВВЕДЕНИЕ В МЕЖКУЛЬТУРНУЮ КОММУНИКАЦИЮ

Учебное пособие

Зав. редакцией *О. И. Молоканова*

Подписано к печати 12.05.2003 г. Формат 60х84/16. Печать офс.
Бум. офс. Усл. печ. л. 23,3. Уч.-изд. л. 25,0. Тираж 500 экз. Заказ **346**

ВГПУ. Издательство «Перемена»
Типография издательства «Перемена»
400131, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27